

Джинсы мертвых торчков / Ирвин Уэлш (№156)

Уэлш неизменно доказывает, что литература – лучший наркотик.

Spin

Его мастерство, юмор и сочувствие в сумме равняются гениальности. Уэлш – лучшее, что произошло в британской литературе за последнее десятилетие.

Ник Хорнби

Ирвин Уэлш – натуральный уникум: только он может так чудесно смешать нигилизм и мелодраму, снайперски точный реализм (особенно в плане диалекта) и самые универсальные архетипы.

Дэвид Фостер Уоллес

Уэлш – редкой злокозненности тварь, одна из самых талантливых в мировом масштабе. Его тексты – хорошая, по всем правилам сделанная беллетристика, типичная британская социальная сатира. Только вот с читателем здесь не церемонятся – спички между глаз вставляют и заставляют смотреть, как автор выскребает души своих героев. Смотреть, сука, сидеть, я сказал! – такая вот ироническая беллетристика.

Лев Данилкин («Афиша»)

«Джинсы мертвых торчков» заявлены как заключительный роман о наших любимых героях – и Уэлш оторвался по полной.

The Times

Свершилось! Рентон, Бегби, Больной и Спад снова вместе. Высокооктановые злоключения на стыке наркоторговли, проституции, голливудской арт-сцены и контрабанды донорских органов, изложенные с поистине садистским апломбом.

Sunday Times

Но есть и вечные ценности: футбол; старое доброе ультранасилие; шотландский диалект во всей красе. Фанаты Уэлша не разочаруются.

Mail on Sunday

Оторваться совершенно невозможно. Никто лучше Уэлша не передаст оттенки любви и ненависти, что неизбежно сопутствуют дружбе длиною в жизнь.

Esquire

Пятитомную сагу, заключительный том которой мы держим в руках, Уэлш называл своей «гарри-поттеровской франшизой». Это своего рода исследование того, что значит быть мужчиной в современном мире, это сочувственная иллюстрация понятной мысли, что, делаясь старше, мы не обязательно делаемся мудрее.

Financial Times

Все хорошее когда-нибудь заканчивается – и финал вышел крайне достойным. наших четырех друзей не сломили ни наркомания, ни предательство...

National Public Radio

Представьте себе «Одиннадцать друзей Оушена», снятые в манере Чарли Чаплина или Макса Линдера. Любая книга Уэлша переполнена энергией, и «Джинсы мертвых торчков» не исключение.

Publishers Weekly

Очередная доза фирменного уэлшевского абсурдизма – удивительным образом жизнеутверждающего, при всей своей трагикомичности. И даже если мы и вправду прощаемся с полюбившимися за десятилетия персонажами, мы еще нескоро их забудем.

Booklist Review

Особенный талант Уэлша в том, как он умудряется найти комедию в историях о сексуальной одержимости и предательстве, наркомании и смерти. И даже самые кровавые, самые чернушные эпизоды можно отнести к категории уютного чтения.

Kirkus Reviews

Сбросив лишний жир, Уэлш вновь набрал отменную форму – любо-дорого поглядеть.

Esquire

Уэлш снова мастерски играет на нашей любви к запретным плодам, и чем запретнее, тем лучше.

The Times

Недавно Дэнни Бойл вернул наших любимых героев на большой экран, так что и новый роман придется как никогда вовремя. Бегби всегда был самой энергичной движущей силой этого ансамбля, теперь же он выходит на первый план. Да, по сюжету это триллер – но триллер в духе тарантиновских вестернов или военных приключений, когда жанровая оболочка скрывает нечто гораздо большее.

Skinny

Проза снайперски точная, отточенная до остроты бритвенного лезвия.

List

Адреналиновая волна подхватывает читателя на первой же странице и несет, не отпуская.

Independent on Sunday

Главной ценностью романов Ирвина Уэлша являются не лихо закрученные сюжетные линии (хотя они, несомненно, хороши), а язык самого автора и язык его персонажей. Язык уэлшевских романов сотрясает своей развязностью, но в то же время он искренен и точен. Он как бы схватывает те наши мысли, которые ушли в подполье, не желая находиться в одном помещении с нашими же обычными суждениями и умозаключениями.

Культура. Свежая газета

Ирвин Уэлш превращает язык своего детства в средство создания фантастического мира, выходящего далеко за пределы окрестностей Эдинбурга, и маркирует им территорию, не просто ограниченную рамками определенного региона, но лежащую вообще за пределами буржуазной нормы. Язык у Уэлша порой важнее содержания текста. Следует отметить, что сам Уэлш весьма далек от воспевания того, что описывает; даже при передаче речи своих персонажей он все время сохраняет ироническую дистанцию. Герои Уэлша (по крайней мере те, которых он любит) страстно ищут выхода за пределы своего универсума. А когда его находят, оказывается, что нужная дверь возвращает тебя в ту точку, откуда ты начинал.

Илья Кормильцев («Иностранная литература»)

С литературной точки зрения Уэлш достаточно прост. Его произведения обычно написаны от первого лица с обильным использованием сленга, жаргона и диалектизмов – характерный пример того, что русские формалисты называли словом «сказ». Это влечет за собой сложности и для переводчика, и для читателя, но должно – по мысли поклонников – гарантировать аутентичность и подлинность высказывания. Сказовая манера у Уэлша дополнена нехитрой монтажной техникой, позволяющей ему избегать простого линейного повествования (особенно это заметно в «Кошмарах аиста марабу»). Впрочем, в 1990-е годы и то, и другое давно уже не в новинку. Вероятно, наиболее близким Уэлшу классиком XX века будет Луи Фердинанд Селин, с его жаргонизмами, натурализмом и экспрессией, сочетающимися с мизантропией и презрением к человечеству. Достоинством выбранного стиля служит то, что он позволяет избежать нравоучения: Уэлш, так же, как и Селин, может позволить себе не оценивать своих героев, отказавшись от роли непогрешимого автора.

Критика называет его «постмодернистским Роальдом Далем», однако сам он решительно разрывает с традициями нарочитой интертекстуальности и интеллектуальной усложненности: «Для того чтобы делать то, что я делаю, мне не требуются отсылки к другим книгам – я подпитываюсь своей собственной культурой. Я стараюсь использовать современную культуру: такую, как видео/музыку/эйсид-хаус, различные переживания – все то, что происходит вокруг. Вероятно, поэтому мои книги рассчитаны скорее на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Если я захочу философии, то я обращусь к философам, а не к романистам».

Разумеется, приведенная цитата не значит, что Уэлш, как герой известного анекдота, «не читатель, а писатель», – он не оспаривает того, что Чарльз Буковски или Уильям Берроуз родственны ему. Речь идет только о том, что при создании своих произведений он отказывается ориентироваться на тексты, а ориентируется на жизнь. Конечно, в высказываниях Уэлша при желании нетрудно увидеть постмодернистский же вызов традиции литературоцентризма и ориентацию на современную аудиовизуальную культуру... Впрочем, легко заметить, что за его словами стоит типично модернистская уверенность в том, что эмоцию возможно передать литературными средствами. Самое удивительное, что в своих лучших произведениях Уэлшу это действительно удается.

Сергей Кузнецов («Иностранная литература»)

Ирвин Уэлш – ключевая фигура английской «антилитературы». Проза Уэлша – один из тех редких случаев в серьезной прозе, когда разговоры о жанре, направлении, идеологии и подтекстах почти никак не влияют на прочтение. Это пример чисто экзистенциального письма, прямая трансляция происходящего. Недаром сам Уэлш как-то сказал, что его книги рассчитаны на эмоциональное, а не на интеллектуальное восприятие. Место действия здесь – неуютное пространство между смертью от передозировки, этическим экстремизмом и измененными состояниями сознания. Персонажи говорят на аутентичном эдинбургском диалекте с обильной примесью мата и экзотического сленга. Естественная интонация не оставляет места никаким литературным условностям. В сумме все это производит впечатление стилистического открытия.

Ирвин Уэлш – неоспоримый лидер в новой волне современной британской словесности.

Observer

Читать Уэлша – все равно что смотреть Тарантино: адреналин зашкаливает.

The Spectator

Уэлш наводняет мировой эфир восхитительной какофонией голосов – печальных и смехотворных, агрессивных и раскаивающихся...

Scotland on Sunday

Самое прекрасное во вдохновении – то, что никто, кроме тебя, не знает его настоящего источника. Иногда не знаешь и сам. Бывает, пытаешься провести четкую линию между явлениями, которые легли в основу книги, и не можешь. Так что лично я оставляю эту работу подсознанию.

Ирвин Уэлш

* * *

Посвящается Саре

Пролог. Лето 2015 Летуны

По спине стекает беспокойный ручеек пота. Нервы на пределе, зубы, нахуй, лязгают. Сидишь, сука, в эконо-классе, зажатый между жирным пиздюком и дерганым ебалыгой. Не срослось с местом в бизнес-классе в последний момент, и щас так всю грудь сдавило, чё ни вздохнуть, закидуюсь еще одним амбиеном и отвожу взгляд, чёбы алкаш рядом не засек. Штаны пиздец как обтягуют. Никада не могу найти подходящий размер. На мне тридцать вторые, так они узкие, а тридцать четвертые висят мешком и хуево смотрятся. Мало где можно достать мой оптимальный тридцать третий.

Чтобы отвлечься, беру свой «Диджей-мэг» и трясущимися руками листаю страницы. Перебрал с бухлом и снежком вчера на сейшене в Дублине. В который раз. Потом прилетел на Хитроу, горячая перепалка с Эмили – единственной бабой с тройки диджеев, которыми управляю. Хотел, чёб она вернулась в студию сводить демку, от которой я тащуся, хоть у нее самой и ноль веры в нее. Начал прессовать, она завелась, закатила сцену, как она умеет. Кароч, оставил ее в аэропорту, а сам сел на транзитный до Лос-Анджелеса.

Заебался, спина ноет, и я на грани недетской панической атаки, а алконавт рядышком все триндит и триндит, транслируя свой страх всему самолету. Я сижу и просматриваю журнал, вздыхаю и молю Бога, чёбы колеса наконец вставили.

Потом чувак вдруг замолкает, и я чувствую, чё надо мной стоит кто-то. Опускаю журнал и подымаю голову.

Первая моя мысль: «Нет».

Вторая: «Блядь».

Он стоит в проходе, клешня небрежно свисает со спинки сиденья, над бóшкой перебздевшего алкаша. Эти буркалы. Так и прожарюют тебя насквозь. Слова, чё хочу сказать, испаряются в пересохшей горлянке, как вода в пустыне.

«Франко. Фрэнсис Джеймс Бегби. Какого хуя?»

Мысли сыпятся лихорадочным потоком: «Ну все, пора уступить, а не линять – линять же некуда. Но чё он тут может сделать? Грохнет миня? Разобьет самолет, совершит суицид и утащит всех за собой? Ясен пень, это конец, но как он поквитается?»

Он просто смотрит на меня со спокойной лыбой и говорит:

– Здоров, старина. Скока лет, скока зим.

Ну и ну, этот ебучий псих ведет себя так разумно, чё явно чё-нибудь отчубучит! Я вскакую, перелезаю через жирного мудака, и тот взвизгивает, када мой каблук съезжает ему по ноге. Вывалююсь в проход, хуйнув себе колено, но потом быстренько встаю на ноги.

– Сэр, – верещит приближающаяся стюардесса с жесткими от лака светлыми волосами, пока жирный гандон за спиной возмущенно воет.

Протискуюсь мимо нее, врываюсь в парашу, захлопываю и запираю за собой дверь. Прижимаюсь всем телом к этой хлипкой преграде между мною и Франко. Сердце хуярит как барабан, пока тру ноющую коленку.

Снаружи настырный стук.

– Сэр, у вас там все нормально? – стюардесса, голосом сестры милосердия.

Потом снова слышу эту подрывную нормальную интонацию, бесцветный заокеанский вариант того голоса, за который я до боли в курсах:

– Марк, это я... – он запинается, – Фрэнк. У тебя там все нормально, дружище?

Фрэнк Бегби – уже больше не абстрактное понятие или какой-то призрак, порожденный горестными воспоминаниями в уголке моего мозга и незримо витающий вокруг миня в воздухе. Он обрел плоть и кровь в самой будничной обстановке. Он щас с другой стороны этой всратой двери! Но я вспоминаю за его табло. Даже мельком взглянув на Франко, я почуял в нем чё-то совершенно другое. Дело не тока в том, как он постарел, – вполне нормально, я считаю, но када

я последний раз видел этого пиздюка, он валялся, весь в крови, на проезжей части в конце Лит-уок, сбитый на скорости тачилой, чисто после того, как сломя голову кинулся в погоню за мной. Такое ни в ком не раскрывает лучших качеств. И вот сейчас он поймал меня в эту ловушку на высоте шести миль.

– Сэр! – снова стучит стюардесса. – Вам плохо?

Амбиен меня успокаивает, на одно деление уменьшая панику.

«Он ни хрена не сможет тут сделать. Если этот пиздюк заведется, его ткнут электрошокером и повяжут, как террориста».

Дрожащей рукой отворяю со щелчком дверь. Он стоит напротив.

– Фрэнк...

– Этот мужчина с вами? – спрашивает стюардесса Франко.

– Да, – говорит он, напуская на себя авторитетность, – я о нем позабочусь, – и поворачивается ко мне, изображая участие: – Все нормально, корешок?

– Угу, просто запаниковал малехо... думал, ща рыгать начну, – говорю ему, быстро кивая стюардессе. – Я немного боюсь летать... Это, рад тебя видеть, – решаюсь сказать Фрэнсису Джеймсу Бегби.

Стюардесса настороженно сваливает, а я сам про себя: «Не уходи». Но Франко, загорелый и стройный, в белой футболке и с прикольным пятном красного вина, невероятно спокоен. Он стоит и просто улыбается мне. Но не как шизоид, чё держит порох сухим, хоть иво переполняет подавленная угроза, а так, кабута он даже *не злится*.

К своему полному, блядь, изумлению, я врубаюсь, чё не просто ждал этого дня, а чё теперь, када он наступил, даж охуенно этому рад. С моих дряхлых плечей спадает груз, и миня мутит от пугающей, головокружительной свободы. Может, амбиен.

– По-моему, я тебе денег должен, Фрэнк... – вот и все, чё я могу родить, пока какой-то парень протискивается мимо нас в сортир. Больше тут и сказать нехуй.

Франко продолжает смотреть на меня с улыбкой, поднимает брови.

Бля буду, есть тут и старый, сука, должок, а потом и кидалово буйного неадекват, чё большую часть жизни провел за решеткой. Ты слыхал по сарафанному радио, чё он давненько тибя ищет, а несколько лет назад почти тибя поймал, хотя и сам пострадал при этом нехило. «Денег должен» – это еще очень мягко, блядь, сказано. Я могу тока стоять тут с ним, в тесном пространстве у параши, – пока мы летим по небу в этой металлической трубе, а вокруг ревут двигатели.

– Слышь... Я знаю, чё должен вернуть тебе долг, – говорю, клацая зубами, и ясно как день врубаюсь не тока в *это*, но и в то, чё это вполне реально сделать и он миня нахуй не замочит.

Фрэнк Бегби все так же расслабленно усмехается и ведет себя непринужденно. Даже взгляд иво кажется благостным, а совсем не маньячным и не угрожающим. На лице больше морщин, и это миня удивляет: они на смешинки смахивают. Бегби редко веселился – ну разве над чужими бедами, результатом собственных действий. Руки у ниво такие ж сильные: тугие кабеля мышц вывалюются с футболки с этой странной меткой.

– Проценты могут быть довольно высокими. – Он снова поднимает брови.

Они будут, нахуй, астрономическими! Это не просто денежный долг. И даже не просто членовредительство, када он без оглядки бросился наперерез мчащейся тачке в маньячной погоне за мной. Это были узы очень и очень давней нездоровой дружбы. Я никогда не мог этого постичь, но пришел к убеждению, чё частично это меня и сформировало.

Пока я не кинул иво на те бабки.

Мы провернули одно левое дельце с наркотой. Я был молодым торчком, и мне просто надо было съебать нахуй с Лита, с того болота, куда меня засасывало. Эти деньги были билетом на волю.

Щас я даж не могу ответить на вопрос, какого хуя этот пиздюк делает на рейсе в Л.-А., – щас я сам должен оправдываться. Я прикидываю, чё он заслуживает хотя бы моей попытки объяснить всё, кароч, я скажу ему почему. Почему кинул его, Больного, Второго Призера и Спада. Хотя нет, Спад – с другой оперы. Я вернул деньги Спаду и, гораздо позже, Больному, а потом приложил руку к тому, чёбы нагреть этого пиздюка еще больше, в другой провальной афере.

– Я готов был вернуть тебе долг, – заявляю, сжимая челюсти, чёбы не стукали, – но я был в курсах, чё ты миня ищешь, и решил держаться от греха подальше. Потом произошла эта авария...

Морщусь, вспоминая, как эта «хонда-сивик» подкинула иво в воздух и он жмаканой грудой бухнул на асфальт. Как я его поддерживал, пока не приехала «скорая», и он потерял сознание. В тот момент я в натуре поверил, чё он откинулся.

Пока говорю, все тело непроизвольно еще больше напрягается, опасаясь резкого тычка, но Франко просто терпеливо слушает, глубоко втягуя стерильный воздух. Пару раз мне кажется, чё он подавляет сильное желание заговорить, пока об нас трутся бортпроводники и пассажиры. Када заканчиваю свою запыханную трепотню, он просто кивает:

– Да.

Я выпадаю в осадок. Я бы попятился в недоумении, если б было куда на этой тесной площадке, где мы оказались заперты.

– Да... в каком смысле «да»?

– В смысле, я догоняю, – он пожимает плечами, – я понимаю, чё тебе выбраться надо было. У тебя с наркотой пиздец. А у миня пиздец с беспределом и синькой. Ты догнал, чё надо валить с того места, где мы были, еще до того, как в это врубился я.

«Чё за хуйня?»

– Угу, – все, чё могу сказать. Я должен был перетрухать, но чё-то не чую подставы. С трудом верится, чё это Франко. У него ж никогда таких заморочек не наблюдалось, и он даж стеснялся раньше такие слова употреблять. – Но я выбрал не тот спасательный аппарат, Фрэнк, – признаюсь униженно и смущенно. – Я развел своих же друганов. Как ни крути, а ты, Больной, Спад и Второй... Саймон, Дэнни и Рэб, вы ж были моими друзьями.

– Ты подосрал Спаду, када хрустов иму дал. Он опять на герыча присел.

Лицо у Франко становится холодным и бесстрастным – раньше оно меня выбешивало, ведь обычно это предвещало беспредел. Но теперь все кажется другим. И мне нечего возразить по поводу Спада. Все так и есть. Те три тыщи двести фунтов нихера иму не помогли.

– Если б ты то ж самое для миня сделал, ты бы, наверно, мне с бухлом подосрал. – Он понижает голос, когда мимо проходит еще одна стюардесса. – Поступки редко приводят к желаемым результатам.

– Все так, – мямлю, – но для миня важно, чёбы ты знал...

– Давай за это все не будем. – Он поднимает ладонь, качая головой и слегка жмурясь. – Расскажи лучше, где тебя мотало? Чё мутил?

Мине остается тока подчиниться. Но я думаю за то, как он дошел до жизни такой, и распутываю свои мысли. После того как Франко попытался наброситься на меня в Эдинбурге, хоть его потом и закрыли, я стал очень мобильным директором диджеев, а не островным клубным промоутером, которым был раньше. Директор вечно на ногах. Он разъезжает со своими клиентами по всему свету: у танцевальной музыки уже нет границ, ля-ля-тополя. Но это была просто такая отмазка, чёбы путешествовать, оставаться в движении. Угу, это кидалово на пару вшивых тыщ предопределило не только его, но и мою жизнь. Может, даже больше мою, чем его.

Потом к нам подкатывает эта красивая девица со светлыми волосами до воротничка. У нее стройная, спортивная фигура, лебединая шея, а глаза излучают какое-то спокойствие.

– Так вот ты где, – говорит она, улыбаясь Франко, и, поворачуясь ко мне, вынуждает нас познакомиться.

«Чё за хуйня?»

– Это Марк, мой старый друг из Лита. – Пиздюк такой, и это смахует, как ебучий Большой изображал Коннери в роли Бонда. – Марк, это моя жена Мелани.

У меня аж голова кругом от удивления. Потной ладонью тянуса в карман за утешительным пузырьком амбиена. Никакой это не мой старой друган и смертельный враг Фрэнсис Джеймс Бегби. До меня вдруг доходит кошмарный варик: а может, я всю жизнь боялся чувака, которого больше не существует? Пожимаю мягкую, с маникюром руку. Мелани таращится на меня в непонятках. Видать, пиздюк даже ни разу за миня, блядь, не заикнулся! Не могу поверить, что Бегби настолько изменился: (бывший) лучший друган его кидает, сам Франко получает из-за него нехилые травмы и при этом не удосуживается хотя бы от нефиг делать упомянуть за него своей тёфанке!

Но Мелани это подтверждает, с американским акцентом:

– Он никогда не рассказывает о своих старых друзьях – да, милый?

– Просто они в основном на нарах чалятся, и потому ты их знаешь, – говорит он и наконец становится немного похожим на того Бегби, которого знал я. Это стремает и в то же время успокаивает. – Мы познакомились с Мел в тюрьме, – поясняет он. – Она арт-терапевт.

В голове что-то мелькает: размытый фейс, обрывок терки, подслушанной в шумном клубе под ешками, или словесного поноса под коксом: может, это был мой диджей-ветеран Карл или какой-то эдинбургский чел, приехавший на каникулы в Амстик. Насчет того, что Фрэнк Бегби типа стал преуспевающим художником. Я никогда не принимал это на веру, и мое сознание это отвергало. Просто я не реагировал на любые упоминания иво имени. А это была самая бредовая и неправдоподобная с множества баек, чё за ниво травили.

– Что-то вы на блатаря не похожи, – говорит Мелани.

– Я больше социальный работник с функциями тюремного надзирателя.

– И чем же вы на жизнь зарабатываете?

– Руковожу диджеями.

Мелани поднимает брови:

– Я кого-нибудь из них знаю?

– Самый мой известный – диджей Техноботан.

Фрэнк только лупает глазами, чего не скажешь о Мелани.

– Надо же! А я о нем слышала. – Она поворачивается к Франко: – Рут ходила на его концерт в Лас-Вегасе.

– Да, у нас контракт в отеле «Уинн», ночной клуб «Саррендер».

– «Входишь и выходишь из жизни моей, тырываешь мне сердце, ей-ей...» – Мелани вполголоса напевает последний хит диджея Техноботана, или Конрада Аппельдорна.

– Я за эту в курсах! – заявляет Франко с неподдельным интересом, и звучит это очень политски. Он смотрит на меня, как будто впечатлен. – Молоток.

– Есть еще одно имя, которое вы, возможно, знаете, – решаюсь вставить. – Помнишь Карла Юарта? ЭН-СИН? Звездил в девяностые или, точней, больше в нулевые? Тусил с Билли Бирреллом, боксером?..

– Угу... а это не тот типа альбиносик, корефан Джуса Терри? Тот пазик стенхаусский?

– Угу. Он самый.

– Так он еще диджеит? Ничё за ниво щас не слыхать.

– Угу, перекинулся на саундтреки для кин, но разбежался со своей тёфанкой, черная полоса у чела, и подставил Голливуд с музоном для крупной студийной киношки. Больше не может получить левака для кин, ну и я уговарю иво в диджеи вернуться.

– Ну и как оно ничё? – спрашивает Фрэнк, а Мелани поглядывает то на него, то на меня, как будто смотрит теннисный розыгрыш.

– Не айс, – признаюсь, хотя говно и то лучше.

У Карла пропала тяга к музыке. Я могу тока вытащить пиздюка с постели и поставить за пульта. Как тока сейшен кончается, водяра рекой и ебля с пляской, ну и меня частенько в водоворот затягует. Как вчера в Дублине. Када я был промоутером в Амстердаме, то держался в форме. Каратэ. Джиу-джитсу. Пахал как вол. Щас такого уже нет.

Как тока чувак освобождает туалет, Мелани туда заходит. Стараюсь даже не думать за то, какая она красавица, потому как уверен: Франко прочитает мои мысли.

– Слышь, корефан, – понижаю голос. – Не думал, чё все так обернется, но нам есть за чё малехо перетереть.

– Да ну?

– Угу, есть же этот вопрос, и иво надо решить в твою пользу.

Франко смотрит как-то смущенно, потом пожимает плечами и говорит:

– Махнемся номерами.

Пока обмениваемся контактами, появляется Мелани, и мы все возвращаемся на свои места. Снова сажусь, рассыпаясь в извинениях перед жирным мудаком, который отправляет меня в игнор, но сидит с возмущенно надутыми губами, точно приклеенными, пассивно-агрессивно потирая свою мясистую ляжку. Вздрагую от страха и волнения, которых уже сто лет не испытывал. Алкаш-аэрофоб смотрит на меня с ошоловелой панической эмпатией. Если я встретился с Фрэнком Бегби в таких обстоятельствах, это говорит о том, что у вселенной слетела кукушечка.

Закидуюсь еще одним амбиеном и начинаю кемарить: мой беспокойный мозг циклится на житейских раскладах. Думаю, как они тебя ожесточают и отупляют...

«...на чё-нибудь классное у тебя тупо нет больше времени, и ты постоянно увязаешь в какой-то лабуде, в общем, тебе становится поебать на чужую дрисню – если выделить ей место, она ж тебя просто переполнит – тада ты оттягуешься и зыришь „Поп-идола“ – самой собой, с иронией, с морем пафосного, въедливого презренья, – но иногда, только иногда, это не может полностью заглушить странную переполняющую тишину, и чё-то там негромко шипит на заднем плане – с этим звуком из тебя вытекает жизненная энергия...

– слыыыыышшшш...

– с этим звуком ты подыхаешь – ты пленник собственного самоутверждения, самоограничивающих алгоритмов, позволяешь гуглу, фейсбуку, твиттеру и амазону заковать тебя в психологические цепи и впаривать тебе сраную одномерную версию тебя самого, и ты принимаешь ее, потому как это единственное утверждение, которое есть в наличии, – вот твои друзья – вот твои коллеги – вот твои враги – вот твоя жизнь – тебе нужен хаос, нужна внешняя сила, чёбы встряхнуть и вывести тебя с этого самоупоения – тебе это надо, потому как у тебя самого уже не хватает на это воли и фантазии, – когда я был помоложе, Бегби, так резко соскочивший со своей литско-тюремной колеи, сделал это за меня – это кажется шизой, но какая-то часть миня всегда скучала за пиздюком – ты должен жить, пока не сдохнешь...

– ну и как же ты живешь?»

Позже в аэропорту еще немного болтаем, дожидаясь, пока нам багаж подгонят. Пытаюсь растянуть поясицу, а Фрэнк показывает мне на трубе своих детей – двух милых девочек. Все это совершенно вышибает. Почти похоже на здоровую, нормальную дружбу, чё должна была у нас быть, вместо моих постоянных попыток хоть как-то остановить иво беспредел. Он рассказывает мне за свою предстоящую выставку, зазывает туда и тащится от недоверия на моем щачле, а я даж не пытаюсь иво скрыть, пока ко мне медленно подъезжает мой клетчатый чемодан на колесиках.

– Угу, знаю, – снисходительно соглашается Бегби, – прикольные старые расклады, Рентс.

– Базара нет.

«Франко. Выставка, блядь! Такой хуйни нарочно не придумашь!»

Кароч, смотрю, как он выходит с зала прилета лос-анджелесского аэропорта со своей молодой женой. Она умная и клевая, и у них явно любовь. Это большой шаг вперед, если сравнивать с той, как ее, в былые времена. Схватив бутылку воды с автомата, заглатываю еще один амбиен и направляюсь в автопрокат с тревожным чувством, что вселенная съехала с катушек.

Если бы здесь и сейчас кто-то сказал мне, чё «Хибзы»^[1] выиграют в следующем сезоне Кубок Шотландии, я бы практически ему, нахуй, поверил. Стыдно признаться, но горькая правда в том, чё я завидую пиздюку – художнику и творцу с шикарной чикулей. Не могу не думать: «На его месте должен был быть я».

Часть первая. Декабрь 2015. Еще одно неолиберальное Рождество

Рентон – Командировочный

На лбу у Фрэнка Бегби выступает сыпь с капелек пота. Стараюсь не зырить. Он как раз вошел в здание с кондеем, и его организм адаптируется после жары снаружи. Напоминает мне, как мы познакомились. Тада тож тепло было. А может, и нет. С возрастом начинаешь разную хуйню идеализировать. Вообще-то, это было *не* в начальной школе, как я часто рассказывал. Эта история втиснулася в тот стремный, раздутый зазор между фактами и фольклором, где оказалась куча бак за Бегби. Нет, это было еще раньше: у фургона с мороженым за Фортом, видать, в воскресенье. И он нес большой пластиковый контейнер.

Я как раз недавно пошел в школу и знал за Бегби оттудова. Тада он был на один класс старше, но это потом поменяется. Я встал за ним в очередь, а в глаза нам лупило яркое солнце, чё пробивалось в просветы меж темными многоквартирками. «Походу, пай-мальчик», – подумал я, глядя, как он послушно передает мороженщику контейнер.

– Это на после ужина, – сказал он с широкой улыбкой, заметив, чё я за ним наблюдаю. Помню, тада меня это сильно поразило: никада не видел, чёбы ребенку разрешали целый контейнер набрать. Мамаля просто давала мне сливки с банки «Пламроуз» с кусочками персиков или груш.

Потом, када я получил свой рожок, Бегби затормозил и подождал меня. Мы пошли вместе по улице, болтая за «Хибзов» и за свои велики. Мы были быстроногие, особенно он, чесали спортивной ходьбой и резко припускали трусцой, чтобы морожено не растаяло. (Значит, денек *был*-таки жаркий.) Я направился к высокому муниципальному дому «Форт-хаус», а он повернул через дорогу к закопченной многоквартирке. Тада это был просто «Старый Вонючка», пока не почистили камень и промышленную сажу не убрали.

– Покеда, – помахал он мне.

Я помахал в ответ. Да, он и был на вид пай-мальчиком. Но позже я узнал о другом. Я всегда рассказывал историю, как миня посадили рядом с ним в средней школе, будто для меня это было наказанием. Но это не так. Мы сели вместе, потому как уже подружились.

Щас я насилу могу поверить, чё нахожусь тут, в Санта-Монике, Калифорния, и веду такую вот жизнь. Особенно когда напротив меня за столиком сидит Фрэнк Бегби с Мелани, в этом классном ресторане на 3-й улице. Мы оба в тысяче световых лет от того фургона с мороженым в Лите. Я вдвоем с Викки, она занимается продажами фильмов, но сама родом из английского Солсбери. Мы нашли друг друга на сайте знакомств. Это наш четвертый выход в свет, и мы еще покамест не потрахались. Наверно, после третьего было б самое то. Мы ж не бебики. Теперь я чувствую, что мы чересчур затянули и немного робеем друг перед другом, гадаем: это вообще хоть к чему-то приведет? Я считал, что я клевый, но фигня в том, что она красотка и мне ужасно хочется быть с ней.

Кароч, напряжно находиться рядом с Франко и Мелани – такой яркой, бронзовокожей и здоровой парой. Франко на двадцать лет старше, но он почти что подходит этой подтянутой и загорелой калифорнийской блондинке. Они свободно и вальяжно ведут себя друг с другом: то рукой ляжки коснутся, то украдкой в щеку чмокнут и постоянно обмениваются многозначительными взглядами и заговорщицкими улыбками.

Влюбленные – пиздюки. Сами того не желая, они тычут тебя носом. И Фрэнк Бегби делает это со мной с того блядского дня на борту самолета прошлым летом. Мы все-таки остались на связи и уже несколько раз виделись. Но мы никогда не оставались вдвоем – он всегда с Мелани, а иногда и я кого-нибудь приведу. Как ни странно, инициатором выступает Франко. Когда мы договариваемся о стрелке с глазу на глаз, чтобы я мог обсудить возвращение долга, он вечно находит повод отменить встречу. Сейчас мы тут в Санта-Монике, и скоро Рождество. Он пробудет здесь, на солнышке, все праздники, пока я буду в Лите со своим стариком. Парадокс в том, что я могу теперь расслабиться, когда сидящий напротив чувак, который, по моим представлениям, никогда не должен был свалить со старого порта (разве что в кутузку), больше не представляет угрозы.

Еда вкусная, а компашка приятная и оттяжная. В общем, мне надо бы успокоиться. Но не тут-то было. Мы с Викки и Мелани раздавили бутылку белого. Я мечтаю о второй, но молчу. Франко больше не бухает. Я повторяю про себя в недоумении: «Франко больше не бухает». И када уже пора уходить и отправляться на берег к Викки, которая живет поблизости в Венеise, я снова задумываюсь над скрытым смыслом его трансформации и над тем, что она означает для меня. Я далеко не жесткий трезвенник (хоть и было б неплохо), но уже много лет хожу на собрания «Анонимных наркоманов» и потому в курсах, чё не возвращать ему бабки – это для миня просто психологически недопустимый вариант. Когда верну ему долг – а я врубаюсь, что обязан это сделать не только ради него, но и ради себя, – этот невъебенный груз свалится с моих плеч. Эта необходимость убегать отпадет навсегда. Я смогу больше видеться с Алексом, может, даже как-нибудь восстановлю отношения с Кэтрин, своей бывшей. Возможно, у миня получится тут с Викки, посмотрим, куда это нас заведет. А всего-то и надо – ращитаться с этим пиздюком. Я точно знаю, сколько должен ему по теперешнему курсу. Пятнадцать тысяч четыреста двадцать фунтов – этому равняются сегодня три тыщи двести. А это детский лепет

по сравнению с тем, чё я должен Больному. Хотя я и откладываю для него и Второго Призера. Зато с Франко сроки поджимают.

На заднем сиденье убера Викки сжимает мою ладонь. Лапы у нее большеваты для женщины ростом примерно сто семьдесят – почти такого же размера, как мои.

– О чем задумался? О работе?

– Угадала, – хмуро вру я. – У меня эти сейшена на Рождество и Новый год в Европе. Но хотя б смотаюсь домой и проведу время со стариканом.

– Мне бы тоже хотелось домой съездить, – говорит она. – Тем более что сестра возвращается из Африки. Но это займет большую часть отпуска. Так что остается Рождество с какими-нибудь экспатами... в который раз, – раздраженно вздыхает она.

Сейчас самое то сказать: «Жаль, что не могу провести Рождество здесь с тобой». Это было б простым и честным признанием. Но встреча с Франко снова меня высадила, и момент упущен. Хотя есть и другие возможности. Когда подъезжаем к моему дому, спрашиваю Викки, не хочет ли она зайти ко мне и выпить на посошок. Она натянуто улыбается:

– О чем речь.

Поднимаемся в квартиру. Воздух душный, затхлый и горячий. Врубаю кондей, тот со скрипом и свистом включается. Наливаю два бокала красного и плюхаюсь на маленькую кушетку, внезапно устав после всех своих разъездов. Моя диджей Эмили говорит, что ничего не бывает просто так. Повторяет это как мантру. Я никогда не ведусь на всю эту хуйню про силы космоса. Но теперь думаю: «А может, она права?» Может, я должен был наткнуться на Франко, чтобы вернуть ему долг? Облегчить душу? Двигаться дальше? Как ни крути, он именно так и поступил, а это я, блядь, застрял.

Викки уже села на кушетку рядом со мной. Она потягивается, как кошечка, потом скидывает туфли и подбирает под себя загорелые ноги, расправляя юбку. Кровь приливает у меня от головы к мудям. Ей тридцать семь, и, насколько я могу судить, она ведет приличную жизнь. Вокруг нее крутилась пара штук мудозвонов, и она разбила сердца нескольким додикам. Сейчас у нее огонь в глазах, а сжатые челюсти как бы говорят: «Пора посерьезнеть. Гадь или слезай с горшка».

– Думаешь, нам пора... э... перейти на новый уровень? – спрашиваю.

Глаза у нее узкие и зоркие, и она касается выгоревших на солнце каштановых волос, отброшенных назад со лба.

– Думаю, да, – говорит она, стараясь быть сексуальной, и у нее получается.

После первого перепахивания нам обоим наконец-то полегчало. Все было выше всяких похвал и должно пойти дальше как по маслу. Я всегда фанател от того, как если на кого-то западаешь,

то без одежды человек выглядит даже лучше, чем ты себе нафантазировал. Но на следующий день она рано уходит на работу, а мне надо садиться на самолет до Барселоны. Сам по себе сейшен не такой уж и важный, но он проходит в ночном клубе, который продвигает чел, чё мутит там фестиваль «Сонар». Мы договорились об участии в фесте, подписавшись на это рождественское шоу. Кто знает, когда мы с Викторией затусим снова. Но улетаю я довольный: есть что вспомнить и, возможно, есть ради чего вернуться. А такого давно уже не было.

В общем, сижу и лечу на восток – пугающий восток. Для этого принципиально нужен бизнес-класс. Мне надо лежать пластом, но стюардесса предлагает классное французское вино из своего ассортимента, и не успеваю я опомниться, как уже снова в говно на высоте. Мысли только о том, чтоб кокса занюхать. Ограничиваюсь пока амбиеном.

Да, она стала до неприличия моднявой. Угу, ее сгубило бабло. По-любому ее колонизировали ебучие космополиты, которые тащатся от платежеспособности и забивают на индивидуальность: их безрадостный смех из баров и кафешек разносится эхом по узким улочкам. Но, несмотря на все эти оговорки, простой факт остается фактом: если ты не любишь Барселону, значит ты хуйло и полностью потерян для человечества.

Я знаю: во мне еще бьется какой-никакой пульс, потому что я ее люблю. Даже када силюсь не закрывать глаза, чтобы миня не зашвырнуло обратно в пекло потного ночного клуба, из которого я либо только что вышел, либо туда чешу. В голове постоянно лупит четырехтактный бит, хотя таксист крутит дребезжащий латиноамериканский музон. Вываливаюсь из таксо, чуть не падая с ног от усталости. Вытаскиваю свой чемодан на колесиках из багажника и насилу заползаю в отель. Регистрация проходит быстро, но мне кажется вечностью. С тяжелым вздохом выпускаю воздух из легких, чтобы поторопить администратора. Очкую того, чё прямо щас зарулит кто-то с моих диджеев или промоутер и захочет *поговорить*. Пластиковая карточка для входа в мой номер выдана. Кое-какие замечания насчет вай-фая и завтрака. Залезаю в лифт. Мигающая зеленая лампочка в замке заверяет, что ключ фурычит: «Слава яйцам». Я внутри. На кровати.

Не знаю, сколько я был в отключке. Но телефон в номере будит меня своей громкой отрывкой. Мысленно путешествую с каждым сигналом, и паузы такие долгие, что всякий раз появляется надежда: этот был последним. Потом... это Конрад. Прибыл мой самый выежистый клиент. Привожу кости в вертикальное положение.

Как бы мне хотелось вернуться в Л.-А. или Амстердам – по барабану – и зырить «Поп-идола» и чтобы ко мне прижималась Викки, но сейчас я в этом барселонском отеле, я трясущееся месиво из джетлага и снежка и почти доволен, что мой ай-кью постепенно снижается, а пульс растет. Я в баре с Карлом, Конрадом и Мигелем, промоутером из «Ницы» – клубешника, где мы играем. Слава богу, он умница. Входит Эмили. Она не хочет садиться с нами, демонстративно стоит возле стойки и играет с мобилой. Это такая заява: я должен встать и подойти к ней.

– Этих мудозвонов из своего мальчикового клуба пристроил, а про меня забыл?

В моей работе меня мало чего напрягает. Если надо подогнать диджею проституток, мой нравственный компас уже не испытывает никаких угрызений. Но если диджей – молодая баба, которая ищет себе другую молодую бабу, это уже выходит за рамки моей компетенции и зоны комфорта.

– Послушай, Эмили...

– Называй меня диджей Ночное Видение!

Как реагировать, когда молодая девица с волнистыми темными волосами, родинкой на подбородке и большими, как бассейны, глазами смотрит на тебя, точно и правда обладает ночным зрением? Она раз сказала, что мать у нее была цыганка. Я удивился, потому как знаком с ее папулей Микки, который с виду ну чисто из Лиги английской обороны ^[2]. Своему погонялу она придает дофига значения, поскольку слышала, как я называл Карла «ЭН-СИН», а Конрада – «Техноботан».

– Послушай, диджей Ночное Видение, ты красивая женщина. Любой чувак, – сразу поправляю себя, – в смысле, девушка или вообще *человек*, если только он в здравом уме, захотел бы с тобой переспать. Но если ты трахаешь каких-то шалав с намазанными губами и на шпильках, от этого пиздец как харит, когда я найтую в соседнем номере наедине с классной книжкой. А потом будет харить уже тибя, када придется врать Старр.

Старр, подружка Эмили, – отпадная высокая студентка-медичка с волосами цвета воронова крыла. Можно подумать, таким девицам не изменяют, но нет таких красоток, которых не постигла бы эта участь. Хелена, бывшая Карла, – просто огонь, что не мешает этому стремноватому альбиносищу со Стенхауса пердолить все, что ему лыбится. Эмили откидывает волосы с глаз и отшатывается назад на каблуках, поглядывая на парней. Карл бодрячком, жестикулирует и спорит с Мигелем: голос у него резкий, подогретый наркотой. Пиздец надеюсь, чё мудака не заперет этот сейшен. Конрад смотрит с таким отрешенным типа весельем, запихивая себе в пасть дармовые орешки. Эмили поворачивается ко мне, голос у нее грубый и низкий:

– Тебе на меня не пофиг, Марк?

– Ну конечно, зая, ты же мне как дочь, – дурковато говорю я.

– Ага, только я зарабатываю для тебя деньги, а не заставляю платить за колледж, да?

Вообще-то, Эмили Бейкер, или Ночное Видение, зарабатывает для меня не так уж много денег. За несколькими заметными исключениями, у женщин-диджеев дела идут неважнецки. Еще когда у меня был свой клуб, я ангажировал Лизу Громкую, Конни Плавную, Марину ван Рой, Маргаритку, Принцессу Джулию и Нэнси Шум, но на каждую из них были еще десятки других, кого стоило бы ангажировать, однако их не приглашали. У женщин-диджеев нередко классный вкус, и ставят они клевый, правильный хаус, который меня прикалывает. Но обычно они не такие обсессивно-компульсивные, как мужики. Короче, у них есть своя жизнь. А даже если

нет, их все равно трудно раскрутить, ведь индустрия безнадежно сексистская. Если они не красотки, промоутеры не принимают их всерьез и игнорят. А если они красотки, промоутеры не принимают их всерьез и клеят.

Впрочем, я не собираюсь поминать трек или студию, иначе Эмили заведется. Студия крутая, но Эмили ей не доверяет, и я ж не могу учить кого-то жизни. С диджеями у меня больше головняка, чем с собственным сыном, – разница тока в том, что он мне, по сути, без разницы. Когда я говорю людям, чем занимаюсь по жизни, ебанатам это кажется чем-то гламурным. Ну не пиздец ли? Меня зовут Марк Рентон, и я шотландец, который живет между Голландией и Америкой. Большую часть жизни провожу в отелях, аэропортах, на телефонах и в электронке. У меня примерно 24 000 долларов на счету «Ситибанка» в США, 157 000 евро в «АБН АМРО» в Нидерландах и 328 фунтов в банке «Клайдсдейл» в Шотландии. Если я не в отеле, моя голова лежит на подушке в квартире с видом на канал в Амстердаме или в кондоминиуме без балкона в Санта-Монике, в добром получасе ходьбы от океана. Это, конечно, лучше, чем сидеть на пособии, расставлять товар на полках в супермаркете, выгуливать цуцика какого-то богатого мудилы или мыть жопу какому-нибудь слюнявому пиздюку, но все равно не бог весть что. Только в последние года три я начал поднимать серьезные бабки, после того как Конрад раскрутился.

Мы слегонца нюхнули в отеле и добираемся до клуба на таксо. Конрад редко выступает по коксу или ешкам, но траву курит тоннами и жрет, как кобыла с пивными титьками. Еще у него нарколепсия, и он забылся привычным глубоким сном в прихожей рядом с гримеркой, а место там людное – полно директоров диджеев, журналюг и тусовщиков. Я чешу с Мигелем в бар, чтобы обсудить дела, а когда минут через сорок прихожу проверить своего суперзвездного диджея, с ним уже что-то не так.

Он еще в отрубке, лежит на боку, сложив руки, но... ко лбу что-то приклеено.

Это... да это ж ебанный дилдо!

Осторожно тяну, но самотык пристал намертво. Веки Конрада шевелятся, но остаются закрытыми, и он негромко ворчит. Отпускаю.

«Блядь! Какой еще пиздюк...»

Карл! Но он в аппаратной для диджеев. Чешу обратно в гримерку, где Мигель беседует с Эмили, которая готовится выступить.

– Кто, блядь... вон, у него на бóшке, – показываю, и Мигель идет проверить, а Эмили пофигистично пожимает плечами. – Карл... Вот пиздюк...

Влетаю в аппаратную, пока Карл заканчивает работать перед отморозенной публикой на танцполе, занятом всего на четверть. У моего плеча появляется Эмили, готовая его заменить.

– Суда иди, хуйло, – хватаю его за руку.

– Чё за нах...

Тащу его из аппаратной через гримерку в прихожую и тычу пальцем в дрыхнувшего голландца с самотыком на бóшке:

– Твоих рук дело?

Мигель стоит тут же, оторопело вылупившись на нас. Карл ржет и шлепает каталонского промоутера по спине. Мигель нервно фыркает и разводит руками:

– Я ничего не видел!

– Кажись, у тебя очередная сложная управленческая проблема, бро, – ухмыляется Карл. – Я почесал на танцпол. Там была одна знойная кисуля, я с ней все время переглядывался. Можно бы ей подсунуть. Короче, не жди меня. – Он пихает миня в руку, а потом трясет Конрада за плечо: – Подъем, залупоголовый голландский нарколыга!

Конрад не открывает глаз. Просто переворачивается на спину, и дилдо торчит вверх. Карл уходит, оставляя меня разгребать эту ебаную жесь. Поворачиваюсь к Мигелю:

– Каким хуем суперклея удаляют?

– Не знаю, – признается он.

Хреново. Всегда чувствовал: еще чуть-чуть, и Конрада я потеряю. Крупные компании давно подбивают клинья. Ему голову вскружит. Это уже случилось с Иваном, бельгийским диджеем, которого я раскрутил, а пиздюк переметнулся, как только потекли отчисления. Я не могу допустить, чтобы с Конрадом произошло то же самое, хоть и чую неизбежное.

Наблюдая, как он кемарит, достаю свой «мак» и разбираю пару мейлов. Он еще в отключке, когда я смотрю на часы, – Эмили скоро заканчивает свой сет, и я трясую его:

– Корешок, пора отжигать.

Он моргает и просыпается. Глаза у него закатываются: периферическим зрением он замечает вверху что-то расплывчатое. Трогает лоб. Дергает за хуй. Больно.

– Ай... что это?

– Какой-то пиздюк... наверно, Юарт, хуйней страдает, – говорю ему, делая вид, что не придаю этому значения.

Заходит Мигель. Звукореж орет, что Конрад на очереди.

– Скажи Ночному Видению, чтоб держала пока оборону, – говорю и тяну за самотык. Тот словно растет у Конрада из головы.

Мигель наблюдает с растущим беспокойством и говорит гробовым голосом:

– Придется отвезти его в больницу, чтобы это убрать!

Руки у меня не такие уж умелые, и Конрад взывает:

– Стой! Ты что, блядь, делаешь?

– Извини. После твоего сета, кор, рулим прямо в травмпункт.

Конрад садится, вскакивает, бросается к зеркалу на стене.

– Что... – Тянет пальцами за фаллос и визжит от боли. – КТО ЭТО СДЕЛАЛ? ГДЕ ЮАРТ?

– За пелотками охотится, братан, – робко предполагаю я.

Конрад с опаской ощупывает и тянет одутловатыми пальцами за член.

– Это не прикольно! Я не могу так идти! Надо мной будут смеяться!

– Ты должен играть, – напоминает Мигель, – у нас договоренность. «Сонар». Это указано в контракте.

– Конни, – умоляю, – выручай нас!

– Я не могу! Мне нужно это снять! – Он снова дергает и вопит, скорчив лицо от боли.

Становлюсь за ним, положив руки на его большие плечи.

– Не надо, с мясом оторвешь... Пожалуйста, кор, выйди, – упрашиваю. – Присвой это себе. Пусть это будет твоей хохмой.

Развернувшись, Конрад вырывается у меня из рук и, пытаясь, как скороварка, смотрит на меня с чистой, искренней ненавистью. Но он уходит со своим огромным хером во главе и бодро становится за пульта под аплодисменты и вспышки мобильных камер. Пухлик – молодец: он качает головой, и член болтается туда-сюда под взбудораженные крики с танцпола.

Эмили отступает и прыскает в руку:

– Прикол, Марк.

– Нихуя это не прикол, – заявляю, хотя сам тоже смеюсь. – Теперь попрекам не будет конца и краю. Он заставит меня заплатить моей кровью, потом и слезами. Я рассчитывал, что он поможет мне раскрутить тебя и Карла, но теперь он уже классно не сыграет!

– Ничего не бывает просто так.

Еще как, нахуй, бывает. Хотя надо отдать Конраду должное: он умело скрывает огорчуху. На припеве своего хита «На седьмом небе» с рефреном «Сексо-сексо-пилка» он как бы дробит болт под громкие чмаки и орет в микрофон:

– Обошаю хаус-муззик! Это полное мозгоебство!

Сейшен офигенный, но когда он заканчивается, Конрад, ясный перец, снова впадает в недетскую депру. Мы отвозим его в больницу, где его смазывают каким-то раствором и довольно легко отклеивают и снимают самотык. Медсестра вытирает губкой остатки клея со лба, но Конрад все равно смурной.

– Твой дружок Юарт пытается вернуться на сцену за счет моей репутации. Нифига не выйдет! Я стал посмешищем. Это уже во всех соцсетях!

Он показывает мне «Твиттер» на своем телефоне. Повсюду мелькает хэштег *#долбоеб*.

Следующее утро начинается с привычного расшатанного подъема перед новым полетом – на этот раз в Эдинбург. Благожелательная статья, которую я надыбал в сети, поднимает мне настроение. Ее написал влиятельный журналист по танцевальной музыке, который был на сейшене. Показываю Конраду, он читает, вылупив глаза, и откуда-то из глубины его груди доносится одышливое урчание.

Многие современные диджеи – мрачные зануды, скучные технари с нулевой индивидуальностью. Разумеется, Техноботана нельзя отнести к этой категории. Он не только отыграл мощнейший сет в барселонском клубе «Ница», блеснув по сравнению с отсталым ветераном N-SIGN, который выступал перед ним, но также проявил роскошное легкомыслие и попал в самое яблочко, щегольнув качающимся пенисом, торчавшим у него изо лба!

– Вот видишь? Ты присвоил эту хуйню, – говорю с лишь отчасти наигранным азартом, – и присвоил эту ебаную толпу. Это была безупречная демонстрация развлекательной сути танцевальной музыки: с мелодиями идеально сочетались юмор и остроумие...

– Да, присвоил. – Конрад бьет кулаками по своим толстым сиськам и поворачивается через проход к Карлу: – А еще я присвоил его уставшую старую бывшую задницу.

Карл, с дичайшего бодуна, высовывает голову в окно и тяжело вздыхает.

Конрад приваливается ко мне и искренне говорит:

– Ты сказал «безупречное выступление»... ты именно это слово употребил – «безупречное». Но оно же подразумевает, что это было просто дело техники. Это было наигранно, в этом не было души. Ты *это* имел в виду, да?

«Ебанный рот, ну за что ж мне такая жизнь?..»

– Нет, братан, душа там перла из всех щелей. И это не было наигранно, это была диаметрально, нахуй, противоположность. Как оно могло быть наигранным, – тычу пальцем в уже дрыхнувшего Юарта, – если с тобой такое сделал вот этот вот пиздюк? Это вынудило тебя копнуть глубже, – хлопаю Конрада по груди, – и ты придумал именно то, что, блядь, надо. Пиздец как горжусь тобой, кор, – говорю, выжидая реакции у него на лице.

Довольный кивок – признак того, что все путем.

– В Эдинбурге же хорошие шотландские пелотки?

– Город славится самыми сногшибательными красотками в мире, – заливаю я. – Там есть местечко под названием «Стандард-лайф» – даже не спрашивай, братан.

Он заинтригованно выгибает брови:

– «Стандард-лайф»? Это клуб такой?

– Скорее состояние души.

Когда приземляемся, внимательно изучаю мейлы, эсэмэски, наспех отвечаю на некоторые, собираю до кучи диджеев и, как зомби, регистрируюсь в очередном отеле. Отправляю диджеев спать и, прикорнув немного сам, выхожу побродить по Лит-уок, где стоит мрачный холод, обжигающий после калифорнийского, да и каталонского солнца. Но впервые за десятки лет я иду уверенным шагом, больше не парясь, что могу напороться на Бегби.

Как ни странно, некоторые отрезки бульвара разбитых надежд не слишком-то и отличаются от тех мест Барселоны, откуда я только что свалил: подмарафеченные старые пабы, кругом студенты, обшарпанные жилые дома, похожие на дешевые вставные зубы в просветах между многоквартирками, прикольные кафешки, едадьни всех вкусов и направлений. Все это комфортно уживается с кучей до боли привычного: смутно знакомый чмырь с бычком в зубах возле «Альгамбры» ехидно на меня пялится, но это почему-то успокаивает.

На батину хату у реки. Я прожил там пару лет, после того как мы переехали с Форта, но никогда не чувствовал себя там дома. Сами знаете, превращаешься в пиздюка без собственной жизни, твоей вонючей жопой владеет поздний капитализм, а такие вот моменты становятся в напярк, и ты без конца проверяешь на трубе мейлы и эсэмэски. Я вместе с батей, своей невесткой Шерон, своей племянницей Мариной и ее грудными близняшками Эрлом и Уайаттом, которые выглядят совершенно одинаково, хотя характеры у них и разные. Шерон раскабанела. Сейчас все в Шотландии кажутся жирнее. Теребя сережку, она извиняется, что они живут в комнатах для гостей, а я в гостинице. Я говорю, что меня не парит: для моей капризной спины необходим специальный матрас. Объясняю, что номер в отеле входит в деловые расходы: мои диджеи играют в городе сейшена. Работяги редко догоняют, что обычно богатые хорошо кушают, спят и путешествуют опять-таки за их счет – путем налоговых вычетов. Не сказать, что я богач, но все же втерся в этот мир – в третий класс той кормушки, что наживается на бедноте.

В Нидерландах я официально плачу больше налогов, чем платил бы в Штатах, но лучше отдавать бабки голландцам на строительство дамб, чем пиндосам – на производство бомб.

После обеда, приготовленного Шерон и Мариной, оттягиваемся в этой уютной тесной комнатке, и пьется очень хорошо. У старикана пока еще приличная осанка, плечи широкие, хотя слегка и сутулые, и незаметно, чтобы мышцы чересчур усохли. Он уже в том возрасте, когда вообще ничего не удивляет. Его политические взгляды сместились вправо – в таком ноющем старперско-ностальгическом, а не яро-принципиальном реакционном изводе, но все равно это плачевное состояние для бывшего члена профсоюза, которое указывает на глубокий экзистенциальный кризис. Это утеkanie надежды, мечтаний, стремления изменить мир и замена их пустой злобой – верный признак того, что ты медленно умираешь. Но он хотя бы пожил: нет ничего хуже, чем иметь такие политические убеждения еще в юности, как если бы эта важнейшая часть твоей личности была мертворожденной. Невеселый блеск у него в глазах говорит о том, что ему не дает покоя тоскливая мысль.

– Вспоминаю папку твоего, – говорит он Марине, имея в виду моего брата Билли, которого та никогда не видела.

– Ну началось, – смеется Марина, но ей нравится слышать про Билли.

Даже мне нравится. За все эти годы я научился представлять его преданным, надежным старшим братом, а не буйным чморящим солдафоном, хотя такой его образ долго у меня преобладал. Лишь позднее до меня дошло, что эти состояния друг друга дополняли. Но смерть нередко выводит хорошие качества на передний план.

– Помню, после того как он погиб, – говорит батя, и когда он поворачивается ко мне, голос у него дрожит, – твоя маманя с окна выглянула. Он как раз домой на побывку прибыл и в те ж выходные вернулся. Его одежды еще сушились – все, кроме джинс, «ливайсов» его. Какая-то сволочь паршивая, – он не то смеется, не то хмурится, все еще злясь спустя все эти годы, – с веревки их стыбила.

– Это были его любимые джинсы. – Мое лицо расплывается в натянутой улыбке, когда я смотрю на Шерон. – Он считал, что немного похож в них на того поца с рекламы, который снимает их в прачечной и кладет в стиралку-сушилку. Потом знаменитостью стал.

– Ник Кеймен! – радостно вскрикивает Шерон.

– А кто это? – спрашивает Марина.

– Ты не в курсах, тебя еще не было.

Батя смотрит на нас, слегка дуюсь на нашу легкомысленную вставку:

– Кэти так переживала, что даж его любимых джинс не осталось. Бегала наверх к нему в комнату и все его одежды на кровать вылаживала. Месяцами с рук их не выпускала. Я тада их

в секунд-хенд снес, а она так потом расстроилась, как узнала, что нету их. – Его душат слезы, и Марина хватает его за руку. – Так меня за это и не простила.

– Попустись ты, старой придурок с Глазго, – говорю ему. – Простила она тебя, простила!

Он вымучивает улыбку. Базар переходит на похороны Билли, и мы с Шерон виновато смотрим друг на друга. Стремно вспоминать, как я трахал ее в тубзике после этого смурного мероприятия, а внутри у нее уже была неродившаяся Марина, которая теперь сидит и успокаивает батяню вместе со своей собственной детворой. Теперь я бы это классифицировал как дурное поведение.

Батя поворачивается ко мне и говорит осуждающим тоном:

– Хорошо было б и с мальцом повидаться.

– Алекс, ну, это просто невозможно было, – размышляю вслух.

– *Как там Алекс, Марк?*

Она так толком и не узнала своего кузенчика. И снова я виноват.

– Он должен быть тут – он такая ж часть нашей семьи, как и любой с нас, – задиристо ворчит батя с таким лицом типа «ща как уебу». Но мне и без ниво хреново с этой темой.

– Па, – мягко упрекает Шерон.

Она называет его так чаще меня, хоть сама и невестка, – и с бóльшим на то основанием.

– Ну и как элитная жизнь, Марк? – Марина меняет тему. – Встречаешься с кем-то?

– Больно ты любопытная! – говорит Шерон.

– Я никогда о своих шурах-мурах не треплюсь, – говорю и восхитительно смущаюсь, как школота прям, когда вспоминаю за Викки. Теперь я уже сам переключаюсь на другую волну и киваю старику: – Я рассказывал, что мы опять с Фрэнком Бегби корешимся?

– Слыхал, у него все путем с этим художеством, – говорит батя. – Говорят, он щас там в Калифорнии. Прально, кстати, сделал. Тут у него никого, кроме врагов, не осталось.

Полицейский харассмент

«Довольно милый домишко», – признает он. Такой средиземноморский лощено-антикварный вид, как у многих домов в Санта-Барбаре, с архитектурой в испанском колониальном стиле, красной черепицей на крыше и беленым двором, заросшим ползучей бугенвиллеей. Становится все жарче, бриз с океана затих, а солнце над головой печет в затылок: верх на кабриолете откинут. Но еще больше Гарри мучает то, что он ведет слежку без полицейской бляхи. Густой

комочек извечной желудочной кислоты вот-вот поднимется и обожжет пищевод, хоть он и принял эту гадость, что отпускают в аптеке без рецепта. Временно отстранен, грядет разбирательство. «Что это, блядь, вообще значило? Эти мудилы из ОВР ^[3] вообще собираются расследование проводить?» Гарри околачивается у заброшенного дома Фрэнсисов в этом тихом тупике в Санта-Барбаре уже много месяцев, опасаясь, что убийца, с которым живет Мелани, сделал что-нибудь с ней и их детьми, как он наверняка поступил с теми бомжами Сантьяго и Кувером.

Неплохое местечко для наблюдения: сужающаяся улица на повороте с хайвея, недалеко от тесного перекрестка, а затем съезд на фривей. Выбрав это место, они, наверное, посчитали себя очень умными. Гарри беззвучно усмехается, а влажная рука оставляет мокрый след на кожаном руле, который он крепко сжимает, хотя машина уже давно стоит без движения. «Близко к центру, доступ к шоссе».

«Засранцы».

Долгое время в его поле зрения попадала лишь пара из соседнего дома. У них собака – такая большая японская помесь. Иногда мама Мелани – он помнит ее по школьной поре, такая же красotka, как ее стерва-дочь, – заезжает, чтобы забрать почту. Сейчас она уже бабуля, ее светлые волосы становятся пепельно-серыми, да вдобавок очки в серебристой оправе. Ей можно еще вдуть, если повезет? Черт, ну конечно, Гарри с радостью дал бы старушке на пробу свой хер. Но не она его мишень. Не она и не две маленькие внучки, которых оставили ей Мелани и убийца и за которыми она теперь присматривает.

Кажется, прошла целая вечность, хотя, наверное, всего пара дней, и внезапно, как-то ближе к вечеру, Мелани возвращается. Машина тормозит, а вот и они: ее маленькие дочурки – старшая немногим моложе, чем была сама Мелани, когда Гарри впервые ее встретил... а вот и он... выродок, за которого она вышла.

Гарри потирает щетину на лице, поворачивает зеркало заднего вида, чтобы не пропустить, если кто-то или что-то появится из-за угла у него за спиной, на этой тихой улице с деревьями по бокам. Подумать только: он когда-то равнялся на Мелани, считал ее сильной, умной и доброй. Но он ошибался: она слабая, сбита с толку собственной самодовольной либеральной херью – легкая добыча для этого зверюги. Гарри так и видит его перед собой, с этим его странноватым грубым голосом, как он по-блатному ее облапошивает, дурит на голубом глазу, – типичный выходец из низов. Но возможно, она просто ослеплена. И если так, Гарри обязан помочь ей прозреть.

Он наблюдает, как старый уебанский «Патрик» помогает обеим дочкам выйти из универсала и проводит их в дом. Как мерзко он озирается, обводя взглядом улицу. Мразь, мразь, мразь. «Ох, Мел, что ж ты, блядь, творишь-то?» Она работала с убийцей в ирландской тюрьме (или шотландской? Да какая, нахуй, разница!), где он впервые ее и развел. Она уже тогда знала, что он убийца! Она что, и впрямь рассчитывала, что он изменится? Как же она не видит его насквозь?

Те двое бродяг... От Кувера никаких следов, – вероятно, вода и рыбы упражняются сейчас над его трупом. Хрен с ним. Но второй, Сантьяго, зацепился за нефтяную платформу, и, несмотря на разможенное лицо и огнестрельное ранение, его еще легко было опознать. Пулю извлекли, подписали и спрятали в хранилище вещдоков. Она могла бы привести к так и не найденному оружию. Но сам Гарри больше не занимается этим делом (как и *любим другим*), а всем остальным глубоко насрать.

Затем Мелани появляется снова – в синей толстовке, кроссовках и шортах. Вышла на пробежку? Нет. Она садится в машину. Одна. Пользуясь случаем, Гарри ждет, пока она проедет мимо, а затем трогается и сидит у нее на хвосте до самого торгового центра. Это хорошо. Место общественное: о его мотивах она не догадается.

Он заходит вслед за ней внутрь, прошмыгивает мимо, а затем останавливается и поворачивает обратно, чтобы как бы случайно с ней столкнуться. Видя, как он подходит, расплываясь в улыбке узнавания, она демонстративно отворачивается. Это хреново. Даже после всего, что случилось, после того звонка по пьяни, он не ожидал такого вопиющего игнора. Он должен что-то сказать.

– Мелани, – умоляет он, шагая к ней и разводя руки. – Мне нужно извиниться. Я совершил страшную ошибку.

Она останавливается. С опаской смотрит на него, сложив руки на груди:

– Хорошо. И покончим с этим.

Гарри медленно кивает. Он знает, что с ней прокатит.

– Я лечился от алкогольной зависимости и регулярно посещаю собрания. Мне важно загладить вину. Можно угостить тебя кофе? Ну пожалуйста! Для меня это так много значит.

Тон у него умоляющий и взволнованный. «Либералам нравится слышать, что люди по природе хорошие и стараются стать лучше. Почему бы и мне не развести ее так же, как этот психованный сраный зэк, за которого она вышла?»

Мелани откидывает волосы назад, вздыхает и устало указывает в сторону фуд-корта. Они направляются туда и находят места в «Старбаксе», неподалеку от стойки. Пока Гарри становится в очередь и заказывает два латте с обезжиренным молоком, Мелани говорит по телефону. Он прислушивается. Она говорит о нем? Нет, похоже на безобидные банальности, которыми обмениваются с подругой. «Да, вернулись... Девочки нормально... Да, Джим тоже. По-моему, нам обоим полезно было вырваться. Весь прошлый год налаживали отношения с родней... Сицилия чудесная. Еда... мне пора в спортзал, причем срочно!»

Гарри ставит оба кофе на стол, пододвигает один ей и садится напротив. Мелани берет свою чашку, опасливо отпивает, бормочет какую-то благодарность. Телефон лежит перед ней на столе. Тут нужен осторожный подход. Наверное, у нее сохранилась запись сообщения,

оставленного прошлым летом, когда Гарри был пьяным, безмозглым и слабым. Хитрый выродок, за которого она вышла, об этом наверняка позаботился. Но Мелани должна знать, что зацепилась за убийцу-психопата. И Гарри это докажет. Он объяснит, что Джим Фрэнсис убил тех двоих.

Поначалу они любезно беседуют об учебе в колледже и школьных годах, вспоминают общих знакомых. Все идет гладко, кажется Гарри, прямо по методичке для копов о межличностных отношениях. «Акцентируйте нормальность. Войдите в доверие». И похоже, это работает. Черт, Гарри даже вытягивает из Мелани улыбку, пересказывая историю об одном их приятеле. Гарри это, как всегда, возбуждает. Позволяет на миг представить, как все могло бы быть. Поэтому он говорит немного о себе. О том, что мама недолго протянула после смерти отца, как бы просто сдалась. О том, что он унаследовал прекрасный старый дом в лесу. Слегка на отшибе, но для Гарри это не важно. Однако затем что-то идет не так. Внезапно всплывает та часть его натуры, что отчаянно хочет быть с Мелани, в этом доме, и Гарри слишком резко перескакивает на другую тему. Не может сдержаться. Не может скрыть в себе копа.

– У тебя крупные неприятности, Мелани. – Он серьезно и натянуто качает головой. – Ты не знаешь, что за человек Джим!

Мелани закатывает глаза, берет телефон и кладет обратно в сумочку. Смотрит на Гарри невозмутимо и говорит медленно, размеренным тоном:

– Отвали от нас нахер. От меня, моего мужа и наших детей. – Она повышает голос, призывая ближайших посетителей в свидетели этой сцены: – Тебя предупредили!

Гарри втягивает воздух, потрясенный глубиной ее отвращения.

– Меня отстранили от работы. Я потерял все, но я никогда ему не позволю тебе навредить!

– Мне вредит не Джим, а ты! Я сказала: подойдешь еще хоть раз – подам официальную жалобу, через адвоката, и отправлю в твой отдел копию записи. – Мелани встает, забрасывая сумочку на плечо. – Так что держись подальше от моей семьи!

Гарри надувает губы, нижняя непроизвольно дрожит, но затем он отворачивается и видит перед собой двух женщин, которые их подслушивали.

– Дамы, – язвительно приветствует он, замедленно закипая.

После чего отпивает латте и в отчаянии смотрит на след помады на краю другой чашки. Как будто оставлен призраком, за которым Гарри гонялся большую часть жизни. Разумеется, когда он оборачивается, Мелани уже нет – растворилась в толпе покупателей. Гарри даже не верится, что она вообще сидела так близко.

Вернувшись домой, Мелани застаёт Джима на кухне – тот готовит сэндвич. Это замысловатое многослойное блюдо, куда входят нежирная грудка индейки, ломтики авокадо, помидоры

и швейцарский сыр. Способность мужа целиком погружаться в самые земные и самые сложные дела никогда не переставала ее изумлять. Спокойная самоотдача, с которой он подходит ко всему на свете. В окно Мелани замечает, как девочки играют во дворе с новым щенком, – его не видно, но она слышит радостный лай. Джим поднимает на нее глаза и улыбается. Улыбка сползает, стоит ему почувствовать: что-то не так.

– Что такое, милая?

Мелани выпрямляет руки и, вцепившись в кухонную стойку, выгибает спину, чтобы снять напряжение.

– Гарри. Столкнулась с ним в торговом центре. Подозреваю, что он это подстроил. Поначалу деликатно извинялся, и я выпила с ним кофе в «Старбаксе». Но потом снова понес свою бредятину, мол, ты убил тех двух парней на пляже! Пригрозила ему записью, и он отвалил.

Джим делает глубокий вдох:

– Если это повторится, возможно, придется принять меры. Обратиться к адвокату и подать на него в суд за харассмент.

– Джим, ты иностранный гражданин, и у тебя есть судимости. – Мелани хмуро смотрит на него. – Власти ведь не знают об этой стороне твоей жизни.

– Эти двое... я взорвал их фургон...

– Если все это всплывет, тебя могут депортировать.

– В Шотландию? – Джим вдруг усмехается. – Я не переживу, если девочки будут говорить так же, как я!

– Джим...

Джим Фрэнсис шагает к Мелани, заполняя пустоту между ними, обнимает жену. Через ее плечо он видит, как их дочери играют с Созе, недавно купленным французским бульдогом.

– Тс-с, все нормально, – воркует Джим, успокаивая не только ее, но и себя. – Мы все разрулим. Давай просто отмечать Рождество.

«Рождество под лучами солнца»^[4], – думает он, затем вспоминает Эдинбург, и по спине пробегает призрачный холодок.

Тиндер-шминдер

Юэн Маккоркиндейл рассматривает себя в зеркале ванной. Ему больше нравится то, что он видит, снимая очки: черты становятся расплывчатыми, и это радует. Пятьдесят лет. Полстолетия. И куда все это ушло? Он снова надевает очки и рассматривает голову, все больше

напоминающую голый череп, со стриженной под машинку серебристой щетиной на макушке. Затем Юэн смотрит на свои босые ступни – розовые полосы на подогретом черном кафельном полу. В этом и состоит его работа – так другие изучают лица. Сколько стоп перевидал он за свою жизнь? Тысячи. Возможно, даже сотни тысяч. Плоские, вывернутые, поломанные, раздробленные, расплющенные, обожженные, рубцеватые, ямчатые, инфицированные. Но у него не такие: его ступни сохранились лучше, чем остальные части тела.

Выйдя из ванной в спальню, Юэн быстро одевается, слегка завидуя еще спящей жене. Карлотта почти на десять лет моложе и хорошо справляется со средним возрастом. Около тридцати пяти ее разнесло, и Юэн втайне мечтал, что от матери ей достанется немного обивочной мягкости: ему нравятся женщины, склонные к полноте. Но затем жесткий режим с диетой и спортзалом словно вернул Карлотту обратно во времени: она не только приблизилась к своему девичьему облику, но в некотором роде даже превзошла его. Когда они с Юэном только начали встречаться, у нее и близко не было таких мускулов, а йога наделила ее гибкостью и амплитудой движений, ранее для нее недоступными. Сейчас в Юэне резко пробуждается гнетущее чувство, которое, как он надеялся, с возрастом полностью угаснет, а именно: в этих отношениях он всячески пытается прыгнуть выше головы.

Впрочем, Юэн – преданный муж и отец, который ведет супружескую жизнь, с радостью потакая жене и сыну. В первую очередь это касается Рождества. Он обожает итальянскую светскую расточительность Карлотты и никому бы не пожелал собственного спартанского прошлого.

В «малой свободной»^[5] семье день рождения, пришедшийся на сочельник, был залогом нужды и беспризорности. Но для Юэна удовольствие от праздников обычно ограничивается Карлоттой и Россом. Его добродушие склонно рассеиваться, когда в эту смесь добавляются другие, а завтра он устраивает рождественский ужин для женой родни. Карлоттина мать Эвита, сестра Луиза, муж Лу Джерри и детишки – с ними все хорошо. Но вот в ее брате Саймоне, что руководит сомнительным эскортным агентством в Лондоне, Юэн уверен гораздо меньше.

Слава богу, Росс и сын Саймона Бен, кажется, ладят между собой. Тоже неплохо. В последние два дня Саймон появлялся редко. Приехав из Лондона вместе с Беном, Саймон беспардонно свалил бедного молодого человека на них, а сам куда-то смылся. Ну так, вообще-то, не делают. Недаром же Бен – такой смирный паренек.

Юэн находит Росса на кухне: еще в пижаме и халате, тот сидит за столом и играет в игру на своем айпаде.

– С добрым утром, сынок.

– С добрым утром, пап.

Росс поднимает голову, выпячивая нижнюю губу. «Никаких тебе сднемрождений. Ну да ладно». У сына явно на уме что-то другое.

– А Бен где?

– Спит еще.

– У вас все нормально, ребят?

Сын корчит гримасу, смысл которой Юэн не может понять, и захлопывает айпад.

– Угу... просто... – И тут Росс вдруг взрывается: – У миня никада не будет подружки! Я так и останусь до смерти девственником!

Юэн морщится. «Боже, он же спит в одной спальне с Беном. Бен – славный парень, но он старше, и он все-таки сын Саймона».

– Бен дразнит тебя из-за девочек?

– При чем тут Бен? В школе все кругом. У них у всех подружки есть.

– Сынок, тебе же пятнадцать. Все еще впереди.

Росс пристально разглядывает отца: глаза сына сначала расширяются в ужасе, а затем сужаются до щелочек. Юэну становится не по себе. Этот взгляд как бы говорит: «Ты можешь стать или богом, или посмешищем – все зависит от того, как ты ответишь на следующий вопрос».

– Сколько тебе было... – мальчик запинается, – когда ты первый раз сделал это с девчонкой?

«Блядь». Что-то твердое и тупое ударяет изнутри.

– Вообще-то, мне кажется, такие вопросы отцу не задают... – нервно произносит Юэн. – Послушай, Росс...

– Так сколько?! – командует сын в неподдельном отчаянии.

Юэн смотрит на Росса. Мальчик часто кажется ему все тем же прежним взъерошенным сорванцом. Однако некоторая поджарость и прыщеватость, ну и более угрюмое настроение указывают на продолжающуюся атаку полового созревания, а значит, и неизбежность этого разговора в той или иной форме. Но ведь Юэн мрачно предполагал, что нынешние мальчишки и девчонки смотрят экстремальную порнографию по интернету и знакомятся в социальных сетях, делают друг с другом что-то омерзительное, а затем снимают чудовищные, постыдные видео и выкладывают их в сеть. Он ожидал, что придется решать психологические проблемы, связанные с посткапиталистическим изобилием, и вот он сталкивается с классическим дефицитом. Он прокашливается.

– Понимаешь, сынок, тогда другие времена были...

Как рассказать мальчику, что школьный секс был в деревне под запретом, неизбежно подразумевая перепихон с кровным родственником? (Хотя некоторых это не останавливало!)

Как рассказать, что ему уже стукнуло двадцать два и он учился в универе, когда впервые в полном объеме наслаждался совокуплением с женщиной? Что мать Росса, Карлотта, – тогда восемнадцатилетняя, а он уже двадцатипятилетний, но она оказалась гораздо опытнее – была всего-навсего второй его любовницей?

– Мне было пятнадцать, сынок, – решает он приукрасить один случай, когда полапал за сиськи пришедшую в гости подругу своей двоюродной сестры, и превращает его в сцену крышесъемного, безудержного проникающего секса. Что не так трудно сделать, ведь он мастурбировал, фантазируя об этом, бесчисленное множество раз. – Помню как сейчас, это ведь было примерно в такую же пору, через пару дней после моего дня рождения, – говорит он, довольный тем, как ловко напомнил. – Так что не волнуйся, ты еще молодой паренек. – Он взлохмачивает мальчику волосы. – Время работает на тебя, боец.

– Спасибо, пап. – Росс шмыгает носом, слегка успокоившись. – И с днем рожденья, кстати.

После этого Росс бежит обратно вверх в свою комнату. Не успевает он уйти, Юэн слышит, как в замке входной двери поворачивается ключ. Выглянув в прихожую проверить, он видит, как в дом прокрадывается шурин. Взгляд у Саймона не мутный, а скорее шальной, копна седовато-черных волос, выбритых по бокам, всклочена, лицо все еще угловатое, с выпирающими скулами и заостренным подбородком. Значит, снова не ночевал дома, не воспользовался комнатой для гостей, которую ему выделили. Какая дичь: хуже подростка.

– Ты дома, Юэн, – говорит Саймон Дэвид Уильямсон с шаловливым задором и мгновенно обезоруживает Юэна, всучивая ему открытку и бутылку шампанского. – С полтинником, корешок! А сестручка где? До сих пор валяется в *Ясир Арафате*? ^[6]

– У нее на завтра куча дел, так что, наверное, отсыпается, – сообщает Юэн, возвращаясь в кухню, ставит шампанское на мраморную столешницу и смотрит в открытку.

Там картинка с юрким фасонистым мужиком, одетым как дирижер с палочкой, под ручку с грудастыми деваками по бокам, обе со скрипками. Подпись: «ЧЕМ СТАРШЕ СКРИПОЧКА, ТЕМ ПЕСНЯ ВЕСЕЛЕЙ, ТАК ЧТО ДАВАЙ СКРИПИ ЖИВЕЙ! С ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕМ!»

Саймон испепеляюще-пристально следит за тем, как Юэн рассматривает его подарок. Юэн поднимает глаза на шурина и своего гостя и неожиданно чувствует, что растроган.

– Спасибо, Саймон... Хорошо хоть кто-то вспомнил... О моем дне рождения во всей этой рождественской кутерьме обычно забывают.

– Ты родился за день до этого дибильного хиппана на кресте, – кивает Саймон. – Я помню.

– Ну, я признателен. И чем же ты занимался ночью?

Лицо Саймона кривится, когда он читает эсэмэску, выскочившую на экране.

– Кажется, проблема в том, чем я не занимался, – фыркает он. – Некоторые женщины, зрелые женщины, не принимают отказа. Жизнь – сумасшедшая череда потерь... Или, наоборот, старых знакомых. Нужно поддерживать связи – это просто правила вежливости, – подчеркивает Саймон, откупоривая шампанское, пробка со щелчком ударяется в потолок, и шурин разливает пузырящийся эликсир по узким бокалам, которые взял из горки со стеклянной посудой. – Если кто-нибудь подает тебе шампанское в пластиковом стаканчике... это не комильфо. Есть одна история, которая тебя заинтересует, в профессиональном плане, – резко заявляет он тоном, не терпящим возражений. – В прошлом месяце я был в Майами-Бич, в одном из этих отелей, где строго пользуются стеклом. Это же Флорида – там не разрешается делать ничего такого, что не представляет потенциальной опасности для окружающих: пушки за поясом, сигареты в барах, наркотики, после которых пожираешь незнакомых людей. Я, понятно, обожаю такое. Я строил глазки красоткам у бассейна, которые резвились в откровенных тонюсеньких бикини, и тут в процессе пьяных игривых разбилась стеклянный бокал. Одна из упомянутых красоток наступила на осколки. Когда ее кровь распустилась цветком в голубой воде у края бассейна, к ужасу тех, кто находился поблизости, я тут же подошел и, беря пример с тебя, проделал свой фокус «яжевращ». Потребовал, чтобы персонал принес бинты и пластырь. Их живо доставили, а я перевязал ногу девушки и помог отвести ее обратно в номер, успокаивая, что швы накладывать не нужно, но лучше немного полежать. – Он прерывает свой рассказ, чтобы протянуть Юэну бокал, и поднимает тост: – С днем рождения!

– Будем, Саймон. – Юэн отпивает, наслаждаясь шипением и алкогольным приходом. – Сильно кровь текла? А то...

– Угу, – продолжает Саймон, – бедная лапонька чутка запереживала, что кровь просочилась сквозь повязку, но я сказал, что скоро свернется.

– Ну, это не факт...

Однако Саймон не позволяет себя перебить:

– Конечно, она принялась расспрашивать по поводу акцента, как у Коннери, и где я учился на врача. Само собой, я задвинул ей старую телегу, вдохновляясь тобой, корешок. Даже рассказал, в чем разница между подиатром и ортопедом, ебать-колотить!

На самолюбие Юэна льется сладостный елей.

– Ну и, грубейше сокращая удивительно долгую историю, – большие глаза шурина вспыхивают, и он залпом допивает остатки в узком бокале, призывая Юэна сделать то же самое, после чего доликает обоим шампанское, – вскоре мы уже поскакали. Я сверху, дрючу ее до беспамятства. – Видя, что Юэн удивленно поднимает брови, Саймон любезно добавляет: – Молоденькая, стройная, что твоя газель, приехала на каникулы с Южной Каролины. Но когда мы кончили, я с тревогой замечаю, что постель вся в крови, бедная красотка с края бассейна это тоже замечает, и у нее шок. Сказал ей, надо бы вызвать «скорую» – лучше перебдеть, чем недобдеть.

– Боже... это же могла быть латеральная подошвенная или, может, одна из дорсальных плюсневых...

– По-любому, «скорая» прибыла в срочном порядке, ее забрали и оставили на ночь. Хорошо, что я утром уехал.

Саймон продолжает травить байки о своем недавнем отпуске во Флориде, и у Юэна впечатление, что в каждой не обходится без секса с различными женщинами. Он стоит и терпеливо слушает, потягивая шампанское из бокала. Когда они приговаривают бутылку, он уже приятно захмелел.

– Надо бы прошвырнуться по пивку, – предлагает Саймон. – Скоро нагрянет маман и нагрузит привычной херней, типа куда катится моя жизнь, а мы будем просто путаться под ногами у Карры, пока она готовит еду. Итальянки и кухня – сам понимаешь.

– А как же Бен? Ты, вообще-то, мало с ним виделся, с тех пор как вы здесь.

Саймон Уильямсон презрительно закатывает глаза:

– Парня пиздец разбаловала ее родня – богатые, консервативные, хуесосущие, дрочащие на гончих, молящиеся на монархию и палату лордов говнюки-педофилы с графства Суррей.

На Новый год поведу его на «Хибзов» против «Рейтов» ^[7]. Ну да, он скучает по Эмиратам, но пацан должен знать реальную жизнь, а мы в представительской ложе – в общем, не сказать, что я его прям кидаю как щенка на глубину... Забей... – Он щелкает по горлу. – По пивчеллу?

Юэна логика Саймона убеждает. За долгие годы он слышал множество историй о шурине, но Саймон живет в Лондоне, и они ни разу не занимались ничем на пару. Было бы неплохо выбраться куда-нибудь на часок. Возможно, если они немного сдружатся, Рождество пройдет веселее.

– Для постояльцев «Коллингтон Делл Инн» есть очень классный эль из...

– Да ебать этот «Коллингтон Делл Инн» с его элями для постояльцев в их мелкобуржуазные сфинктеры, – говорит Саймон, отрываясь от телефона. – Сюда уже едет таксо – мигом нас в город подкинет.

Через пару минут они выходят на улицу, где дует свежий порывистый ветер, и садятся в такси: за рулем крикливый хамоватый мужик с копной длинных кучеряшек. Они с Саймоном, которого таксист называет Больным, кажется, обсуждают достоинства двух сайтов знакомств.

– Слайдер – это топчик, – доказывает водила, к которому Саймон обращается по имени Терри. – Тут и спорить нехуй, ты хоть зайди туды!

– Отстой. Тиндер рулит. Нужен хоть какой-то романтический флер. Интрига обольщения – лучшая часть всего предприятия. Перепахон в конце – это просто как сумку разгрузить. Процесс

завлечения и соблазнения *всегда* составляет львиную долю волшебства. Сам я обычно не пользуюсь тиндером для секса, это больше инструмент подбора кадров в агентство. Если что, я собираюсь открыть филиал «Коллег» в Манчестере. Раз Би-би-си уже в Солфорде... – Саймон достает телефон и пролистывает, кажется Юэну, фотографии женщин, в основном молодых.

– Что это... телефонное приложение для знакомств?

– Какое ж хуевое название для эскорт-агентства, – упирается Терри, пока такси с грохотом мчится в центр города.

– Сам ты, блядь, хуевый, – возражает Саймон, не обращая внимания на Юэна. – Это не агентство *шалав*, Терри, оно рассчитано на профессиональных бизнесменов. Получить секс сейчас может кто угодно. Речь идет о лице, имидже: бизнесмены хотят произвести нужное впечатление. Ничто так не свидетельствует об успехе, как наличие понятливых, шикарных спутниц. Тридцать два процента наших девушек – МБА.

– Минет-бондаж-анал? Уж я надеюсь.

– Магистры бизнес-администрирования. У нас в «Коллегах» они должны уметь говорить о делах, а потом уже переходить к делу. Вся суть в утонченности.

– Угу, но их по-любасу пердолят. По мне, так это шалавой и называется, угу.

– Это уж девушкам самим договариваться, – нетерпеливо говорит Саймон, глядя в свою приبلуду. – Мы берем плату как агентство и получаем обратную связь от клиентов, чтобы убедиться, что девушки соответствуют требуемым стандартам. Но хватит об этом, – грубо обрывает он, – перейдем к делам праздничным. – Он пробегает глазами экран. – Три перспективных объекта в «Бухгалтерии»: две молоденькие и одна матерая профи, которая на вид стоит своей цены. – Саймон тычет фотку надутой брюнетки в лицо Юэну: – Ты б ее того? Если б, конечно, женат не был?

– Я не... ну наверное...

– Та ты б отдрючил ее за милую душу, братан, – нараспев говорит Терри с водительского сиденья. – Мы ж все на это запрограммированы. Зуб даю. Я ж просто Ричарда Аттенборо пересказую. Этот пиздюк всю планету нахуй облазил, перевидал все, чё движется, и изучил все повадки сношательные. – Он стучит себя по голове. – Верь Дикки.

Саймон смотрит на другую пришедшую эсэмэску.

– Гоняться за бабами, которых хочешь, и убегать от тех, которых не хочешь, – какая ж тягомотина... – Он вскидывает взгляд на затылок Терри, пока они переезжают через Северный мост на улице Принцев. – И не Ричард, а *Дэвид* Аттенборо, особо одаренный ты, блядь, мутант. Ричард – тот *пиздюк*, который уже умер. Актер. Задушил и отодрал Джуди Гисон в «Риллингтон-

плейс, дом десять». Хотя мы-то за тебя в курсах, ты, видать, Ричарда в виду имел, – прибавляет Саймон, и они с Терри начинают ржать и подначивать друг друга, а Юэну все это кажется похабным и плоским.

Они пробираются к стойке паба на Джордж-стрит, набитого празднующими гуляками. Гремят рождественские песни семидесятых и восьмидесятых. Когда Юэн приносит выпивку, Терри сразу же начинает клеить женщину, с которой, по словам Саймона, договорился о встрече по слайдеру. С воинственной самоуверенностью Саймон освобождает себе место для локтей у стойки, Юэн с вежливой аккуратностью пытается добиться того же, а Терри исчезает вместе со своей спутницей.

– Так просто? Он с ней ушел? – спрашивает Юэн.

– Да, дело в шляпе. Видать, отпердолит ее на заднем сиденье таксо. – Саймон поднимает свой бокал. – С днем рождения!

Терри действительно возвращается через пятнадцать минут с застывшей на лице улыбкой. Его собутыльники успели выпить только по полпива.

– Миссия выполнена, – подмигивает он. – Туда, сюда, обратно – и пена на ебле.

С трудом завоевав выгодную позицию у стойки, Юэн ожидает еще одного круга, но Саймон, проверив телефон, предлагает переместиться в заведение дальше по улице.

Мороз снаружи уже кусается. Юэн рад, что они лишь немного проходят по Ганновер-стрит, после чего Саймон ведет их в подвальный этаж. Когда шурин направляется к стойке, Юэн поворачивается к зевающему Терри:

– Вы с Саймоном старые друзья?

– В курсах за Больного дофига лет. Он литский, сам стенхаусский, но мы завсегда ладили. Обое ёбари, обое за «Хибзов», так почитай.

– Да, на Новый год он ведет Бена на «Истер-роуд».

– Следишь за футбиком, кор?

– Да, но, вообще-то, не болею ни за какую команду. У нас на острове не так сильно страсти кипят.

– Для сношания бережете, братан, так ж? Сельские чикули, видать, боевые шо пиздец. Почитай, там и делать-то больше нефиг, да ж, братан?

Юэн лишь неловко кивает, но не успевает покраснеть: Саймон возвращается от стойки с напитками неуместно летнего вида и уводит обоих в относительно спокойное местечко рядом с туалетами.

– Пора втихаря налакаться самого гадостного коктейля на свете. Если сможете опрокинуть это залпом, то вы *охуенные мужики*, – заявляет он, всучивая Терри и Юэну пойло, похожее на пинаколаду.

– Бля... щас же Рождество, да ж, – говорит Терри и, зажав нос, опрокидывает в себя бокал. Саймон следует его примеру.

Юэн делает маленький глоток. Несмотря на ананас, кокос и лимонад, вкус едкий и металлический: в основе что-то горькое и противное.

– А что это?

– Мой личный особый рецепт. Специально для твоей днюхи! Пей, пей, осуши свой бокал – подыми повыше бокал! [8] – нараспев командует он.

Юэн пожимает плечами, словно говоря «ладно, сегодня же мой день рождения и сочельник», и заглатывает коктейль. Какая отвратительная бурда туда ни намешана, лучше выпить одним махом.

Саймон переводит взгляд с экрана телефона на женщину в зеленой кофте, которая окидывает взглядом бар.

– Видать, эта ходит на блядки в одно и то же место, с тех пор как я приходнул ее на прошлое Рождество!

Терри живо оглядывается. Он копирует голос Дэвида Аттенборо:

– Коль зверь пришел на водопой, он не уйдет домой сухой... – Он откидывает назад свои длинные кучеряшки, подмигивает женщине и направляется к ней.

Юэн и Саймон наблюдают за ним в действии. Когда женщина начинает хихикать над каким-то его замечанием, запуская руку себе в волосы, они понимают, что баланс сошелся. Юэну кажется, что ненасытный взгляд Саймона пристально изучает не только новую спутницу Терри, но и его самого.

– У Терри феноменальные способности. С женщинами *определенного типа*, – злобно говорит он.

От его реакции Юэну становится не по себе и хочется сменить тему.

– Ты на прошлое Рождество приезжал маму провести?

– Да... Ха-ха, – говорит он, суетливым пальцем пролистывая каталог девичьих лиц – большинство на вид двадцатилетние. – Тиндер-призрак нынешнего Рождества!

– Ясно, почему это такой мощный сайт знакомств, – нервно говорит Юэн.

Вдруг начинает тошнить под ложечкой, затем пощипывает руки и грудь. Становится жарко, бросает в пот. Приступ паники недолго борется с возбуждением, и по телу разливается странное тепло, будто на плечи набросили золотистый плащ легкомыслия.

– Юэн, эту приблуду можно установить за пару сек, – уговаривает Саймон. – Seriously. Ну, или я с радостью приценюсь от твоего имени. – И он переводит взгляд на стайку женщин, вынуждая Юэна сделать то же самое.

– Мне же нельзя! Я женат... – с легкой грустью говорит Юэн, вспоминая о Карлотте, – причем на твоей же сестре!

– В бога душу мать, в каком столетии я очутился? – обрывает его Саймон. – Давай насладимся благами неолиберализма, пока он не накрылся пиздой, а эта задрипанная планетка не взорвалась наконец у нас под ногами. Прямо здесь на наших телефонах – идеальный синтез всего самого лучшего из свободного рынка и социализма! Решение величайшей проблемы всех времен – одиночества и горя, вызванных тем, что не можешь найти себе дырку на Рождество, и все это задаром!

– Но я же Карлотту люблю! – торжествующе кричит Юэн.

Его шурин в раздражении закатывает глаза.

– «При чем здесь любовь, при чем же здесь любовь» ^[9], – напевает он, а затем с наигранной терпеливостью объясняет: – На современном рынке секс – такой же товар, как и все прочие.

– Я не на современном рынке и не хочу туда, – говорит Юэн, и у него начинают скрежетать зубы. Во рту пересохло. Нужно выпить воды.

– Какой допотопный протестантизм. Джонни Нокс ^[10] мог бы гордиться. Мне-то повезло: паписты подарили мне исповедь, чтобы всегда начинать с чистого листа, и я охотно этим пользуюсь раз в пару лет.

Юэн прикладывает ко лбу носовой платок и вздыхает. Огоньки и блестящая мишура на новогодней елке кажутся необычайно яркими.

– Что-то мне в голову ударило от шампанского и этого мерзопакостного коктейля... Что это, кстати, было? Этот твой овечий свитер, – он трогает руку Саймона, – такой мягкий на ощупь.

– Само собой, я ж туда MDMA подсыпал.

– Чего... я же не принимаю наркотики, я никогда не принимал наркотики...

– Значит, уже принимаешь. Короче, забей, расслабься и получай удовольствие.

Юэн вздыхает и опускает свои размягченные кости на стул за внезапно освободившимся столиком, а Терри, болтавший с женщиной в зеленой кофте, подбегает к Саймону совершенно упоротый:

– Ты туда чё, ешек поклал? Сделал с миня нахуй лесбуху, диверсант ебаний! Я, короч, в сортир – снежком закинуся, чёбы вычленишь с этой бурды любовь и вернуть блядскую еблю обратно. Ебаний ты дристун! – Он встряхивает кучеряшками и направляется в туалет.

ВЖУХ!

Юэн вылетает из тела и стремительно взмывает вверх. Ему хорошо. Юэн вспоминает отца и тот экзальтированный кайф, что старик получал от молитв и песнопений по воскресеньям. Юэн думает о Карлотте и о том, как сильно ее любит. Он не так часто ей об этом говорит. Показывает, но слов не произносит. Совсем мало. Надо позвонить ей сейчас же.

Он обсуждает это с Саймоном.

– Хреновая мысль. Скажи ей трезвым или не говори вообще. Она просто решит, что это трындеж под наркотой. Так оно и есть.

– Нет, не так!

– Тогда скажи ей завтра за рождественским ужином. При всех при нас.

– И скажу, – решительно заявляет Юэн, а потом рассказывает Саймону о Россе и собственном сексуальном опыте. Точнее, его отсутствии.

– Экстази – наркотик правды, – говорит Саймон. – Я решил, что пора нам друг с другом познакомиться. Все эти годы мы были родственниками, но почти не разговаривали.

– Да, мы, конечно, никогда так не развлекались...

Саймон толкает зятя в грудь. Жест не кажется Юэну агрессивным или бесцеремонным – это больше похоже на мужскую дружбу.

– Тебе нужно с другими бабами попробовать, – голова Саймона отворачивается от стойки, и айфон наконец-то сползает ему в карман, – а то неудовлетворенность рано или поздно разрушит твой брак.

– Не разрушит.

– Разрушит. Сейчас мы все потребители – секса, наркотиков, войны, оружия, одежды, телепрограмм. – Он взмахивает рукой с напыщенной издевкой. – Взгляни на эту толпу несчастных кретинов, которые делают вид, будто развлекаются.

Юэн заценивает гуляк. Во всем чувствуется какая-то безысходность. Кучка молодых парней в рождественских свитерах пальцуются с неискренним дружелюбием, а на самом деле просто ждут той дозы, после которой можно будет оторваться на каких-нибудь незнакомцах или на крайняк друг на друге. Стайка офисных девушек успокаивает болезненно ожиревшую коллегу, ревушую навзрыд, а две другие, сидя слегка поодаль, ехидно, заговорщицки потешаются над ее горем. Бармен с опущенной нижней губой и тусклым от клинической депрессии взглядом приступает к безрадостному занятию – сбору пустых бокалов, что плодятся на столах, словно крольчата на весеннем лугу. И все это – под несмолкаемое поурри из рождественских поп-хитов семидесятых и восьмидесятых, которые стали настолько неотъемлемым атрибутом святок, что люди бормочут их слова себе под нос, точно демобилизованные участники боевых действий, страдающие от посттравматического синдрома.

В этой-то обстановке Саймон Дэвид Уильямсон усаживается на любимого конька:

– Мы не должны останавливаться, пока поезд не упрется в буфер: лишь тогда мы сдадим в архив помешательство и невроз и построим лучший мир. Но мы не сможем этого сделать, пока данная парадигма не подойдет к своему естественному завершению. А покамест мы просто смиряемся с неолиберализмом как социально-экономической системой и безбожно культивируем все эти зависимости. В данном вопросе у нас нет выбора. Маркс ошибался насчет того, что капитализм сменяет богатая и образованная рабочая демократия, – его сменяет нищобродская, шарящая в железе республика кобелей.

Очарованный и шокированный мрачной антиутопией Саймона, Юэн возбужденно качает головой.

– Но должен же быть выбор, – возражает он, пока Рой Вуд в очередной раз жалеет, что Рождество бывает не каждый день ^[11], – нужно же *поступать по совести*.

– Все меньше и меньше. – Саймон Уильямсон запрокидывает голову, запуская руку в серебристо-черные пряди. – Поступать по совести – это нынче только для лузеров, лохов и терпил. *Вот* как изменился мир.

Он достает из кармана ручку и маленький блокнот и рисует на чистой странице схему.

До 35 лет неолиберализма

МУДАК		ЧЕЛОВЕК		ЛОХ

После 35 лет неолиберализма

МУДАК		ЧЕЛОВЕК		ЛОХ

– На самом деле можно выбирать только между запрещенными, лишь слегка отличающимися вариантами того, как поступать не по совести, но по сути это альтернативные маршруты в один и тот же повальный ад. Боже, этот порошок совсем уж ламповая херня... – говорит Саймон, вытирая пот со лба. – Хотя, – он переводит свои глаза-плошки на Юэна, – все это не так уж хреново, – потом отворачивается и пялится на девушку, стоящую неподалеку с подругой.

Показывает свой телефон. Она пялится в ответ и смеется, после чего подходит, говорит, что ее зовут Джилл, и подставляет щеку, а Саймон встает и легко, чинно ее целует.

Пока она беседует с шурином, Юэн балдеет от того, как рассеиваются его опасения. Джилл совсем не похожа на конченных персонажей, знакомящихся по интернету, которых он себе нафантазировал. Она молодая, уверенная в себе, смазливая и явно не дура. Ее подруга, примерно ее ровесница, но слегка попышнее, смотрит на него:

– Я Кэти.

– Привет, Кэти, я Юэн. Ты, м-м, тоже с тиндера?

Кэти секунду его оценивает, прежде чем ответить. На музыкальном автомате включается «Мэднесс» с «Моей девушкой» ^[12]. Юэн вспоминает Карлотту.

– Я изредка им пользуюсь, но это угнетает. Большинство людей просто ищут секса. Оно и понятно. У всех у нас свои потребности. Но иногда уже перебор. А ты пользуешься приложением?

– Нет. Я женат.

Кэти поднимает брови. Она трогает его локоть, глядя с апатичным снисхождением.

– Хорошо тебе, – говорит она нараспев, но уже отрешенно.

Потом она замечает кого-то и перепархивает через весь бар. Юэн потрясен тем, что после ее ухода наступает глубокое чувство утраты, смягчаемое лишь мыслью о том, что все нормально.

В бар входит стройная блондинка, вероятно, за тридцать, предполагает Юэн, и пристально смотрит на Саймона. Она очень эффектная, с почти прозрачной кожей и незабываемыми светящимися голубыми глазами. Встретившись с ней взглядом, шурин громко вздыхает. Тиндер-призрак ушедшего Рождества. Он извиняется перед Джилл и идет поздороваться. Джилл и Юэн молча наблюдают, как Саймон с блондинкой перекидываются парой фраз, по ощущениям Юэна эмоциональных, после чего Саймон возвращается к ним. Он подталкивает Джилл и Юэна к свободному столу.

К удивлению Юэна, блондинка присаживается к ним с бокалом белого вина в руке, не сводя глаз с Саймона. Он занят: тискается с Джилл. До Юэна доходит, что женщина, возможно, старше, чем он сначала подумал: кожа безупречная, но взгляд отягощен опытом.

Она поворачивается к Юэну, по-прежнему глядя на Саймона:

– Ну, он-то уж явно не будет нас знакомить. Я Марианна.

Юэн протягивает руку, поглядывая на шурина, чьи пальцы теперь гладят ляжку Джилл в черном чулке, а девушка засовывает ему в ухо язык.

Юэн смотрит на Марианну, наблюдающую за этой сценой в полном отвращении. Да, рассуждает он, может, она даже почти мне ровесница, но есть в ней что-то величавое. Все признаки старения – морщины, мешки, гусиные лапки – как будто заретушированы. Неужели все дело в наркотике? Юэн видит лишь квинтэссенцию невероятно красивой женщины.

– Юэн, – представляется он. – А вы давно Саймона знаете?

– Много лет. Еще подростком познакомилась. Я бы сказала, это на двадцать процентов счастье, а на восемьдесят – проклятие, – сообщает она монотонно – так говорят на раёнах и в пригородах.

– Ну и ну. В каком смысле? – спрашивает он, придвигаясь ближе и глядя на Саймона.

– Он угроза для девиц, – буднично говорит Марианна. – Девицы на него западают, а он их потом использует.

– Но... вы же все равно здесь, с ним.

– Значит, я по-прежнему в его власти, – невесело смеется она, а затем срывается и злобно пинает Саймона в голень: – Козел.

– Чё? – Саймон отпускает Джилл и зыркает на Марианну. – Ты ебанулася? Попустись!

– Козлина блядская. – Марианна снова лягается, а затем, глядя на молодуху, язвительно замечает: – А ты несчастная малая, блядь, коза. Он же старпер уже. Меня-то хотя б охмурил молодой интересный чел. – Она встает и выплескивает на Саймона остатки вина из бокала.

Саймон Уильямсон сидит неподвижно, вино капает с лица, а вокруг охают и ахают выпивающие соседи. Юэн выуживает свой носовой платок и передает шурину.

– Пойди за ней, – уговаривает его Саймон, кивая на уходящую Марианну. – Поговори с ней. Неделями меня преследует, с тех пор как узнала, что я прикачу из Лондона на Рождество. Она страдает, что уже не молодая, но это ж со всеми нами случается. В смысле, спустись уже, блядь, на землю, – произносит он нараспев, с возрастающей мольбой обращаясь ко всему бару, а затем поворачивается к Джилл: – Повторяй за мной: я никогда не превращусь в свою мать!

– Я *никогда* не превращусь в свою мать, – с нажимом говорит Джилл.

– Умничка. – Саймон с благодарностью хватает ее за колено. – Все это у нас в голове сидит. У тебя явно темперамент для больших матчей.

– Щекотно, – фыркает она и отпихивает его руку, а затем спрашивает: – Как по-твоему, я смогу работать в «Коллегах»? МБА у меня нету, но зато есть диплом по менеджменту с Нейпира ^[13], и просто надо сдать еще четыре зачета, чёбы бакалавра получить.

– Если бакалавра дают за красивую задницу – а я думаю, в твоем случае это так, – мне кажется, все необходимые атрибуты у тебя есть! Впрочем, потенциальные партнерши, как мы их называем, обязаны пройти самую строгую и доскональную процедуру собеседования, – вкрадчиво говорит он.

Юэна общество Саймона уже достало. Как ни странно, шурин, наверное, хотел как лучше, в своем извращенном понимании, но при этом накачал его наркотой и попытался заставить изменить жене – родной сестре Саймона! Юэн секунду медлит, а затем встает и идет за Марианной. Оказалось, она дошла лишь до стойки и зависла там с сумочкой в руках, будто кого-то ждет.

– Вы нормально?

– Я *хорошо*, – говорит Марианна, прошипев последнее слово.

– Вы...

– Такси жду. – Она взмахивает телефоном, и этот жест как бы вызывает звонок. – Поехала.

– М-м, если можно спросить, вам в какую сторону? Я тоже собираюсь откланяться.

– Либертон, – рассеянно отвечает Марианна, заправляя волосы за ухо. – Устроит?

– Да. Здорово.

На заднем сиденье такси довольно жарко, и Юэн ловит еще одну серию приходов от ешек. Они едут по Мостам к бассейну «Королевское содружество». Это не *так* уж далеко от его дома. Но он не может прийти туда в таком состоянии.

Она замечает его беспокойство.

– Ты нормально?

– Не совсем. Саймон подсыпал мне в коктейль экстази. Видимо, так он себе представлял хороший праздничный розыгрыш. Я не принимаю наркотики... в последнее время, – вынужден добавить он, опасаясь, что она посчитает его цивилем и занудой. Вдруг он бросает взгляд на ее стопы – маленькие, изящные под ремешками туфель. – У вас очень красивые стопы.

– Выступаешь по этим делам?

– Нет, но, возможно, слегка одержимый. Я подиатр – врач по ногам, – объясняет он, а они как раз проезжают его работу – Королевскую больницу.

Джилл ушла в туалет с Кэти нюхнуть порошка, и у Саймона появилась возможность вернуться на тиндер. Но тут к нему подкатывает Терри.

– Ты где был?

– Завез на таксо ту в зеленой кофте на Тисл-стрит-лейн. Пасибки твоим дибильным калачикам – просто обслюнявил ей всю манду, пока она не протащилась. Даж не вдул. Так щас она хотит увидеться еще раз, от это от всё. Думает, я завсегда такой. Послал ее с моего таксо нахуй!

– Ну ты и джентльмен, Тез.

– И еще видал зятка твоиво, Юэна, слинял с этой чикулей Марьяной, – заявляет Терри, и глаза у него бегают. – С чево это я не подсунул ей в свое времечко? Огонь же!

– Много лет порол ее во все дыры. Сперва ее батяня мне угрожал, потом ее блядский муженек. Ясен перец, я продолжал ее пердолить, когда она замуж вышла, причем по ее ж инициативе. Но я был рыцарем. Сказал ей, что нахожу заведомо нелюбезным долбить пелотку, предназначенную другому парню, так чё потом завсегда ей тока в очко вдувал. Научил, как оргазм от анала получать, все дела.

– Пробел в резюме Ладного Лоусона, а их там не так и дофига, – обиженно говорит Терри. – Слы, пиздюк, если она так тибя напрягала, мог бы ее номерок мне скинуть, я б у нее с бошки тибя выбил. Или, мож, этого ты и ссал, да ж?

– Залупу. Тебе. На. Воротник.

– Шухер, – Терри поглядывает на двух девушек, возвращающихся из туалета, – от и мандятинка вертается. Пора чары нах включать!

На Рождество в доме Маккоркиндейлов первым встает Саймон Уильямсон. Он так и не смог уснуть, как всегда бывает, когда он принял на душу море спиртного и наркотиков. Он считает это бесшабашное употребление слабостью, но сейчас Рождество, и в последнее время такое случается с ним редко, поэтому он особо не убивается. Вскоре к нему на кухню приходит Юэн, все еще слегка обдолбанный после вчерашней ночи.

– Вот это дурь была, – тихо выдыхает он. – Этот порошок. Всю ночь не мог уснуть.

– Ха! Знакомая ситуация. Попробуй снежком полирнуть и крэком, как я...

– Это уже без меня! Мне же надо было к Карлотте вернуться. Хорошо хоть она крепко спит. Прележал всю ночь рядом, не смыкая глаз, потный, напряженный, будто наркоман какой-то!

– Кстати, а как там Марианна? Ты к ней ездил?

Юэн собирается соврать, но потом понимает всю бесполезность лжи.

– Да, мне реально надо было собраться с мыслями, прежде чем идти домой. Интересно с ней поболтали. Очень многогранная женщина.

Саймон Уильямсон поднимает одинокую бровь:

– Со стороны это, разумеется, именно так и выглядит.

– То есть?

– Никакая она не многогранная. Многогранная – значит классная. Многогранная – значит интересная. А она ни то ни другое.

– Ну, мне она другой показалась.

– Ущербная дура может показаться *многогранной*, если ведет себя эксцентрично и не контролирует свои порывы. Но ничего хорошего в этом нет. Ущербные дуры просто раздражают и утомляют. Я сказал ей еще, блядь, *сто* лет назад, что она на мне помешалась и что я не хочу иметь с ней ничего общего. Так нет же, постоянно просила о встрече, снова и снова. Эта избалованная папина дочка привыкла получать все, что захочет. – Саймон Уильямсон свирепо пялится на зятя. – Ее батяня сперва собирался убить миня за то, чё я ее дрючил, а потом за то, чё не дрючил! – Он передергивает плечами, словно пытаюсь скинуть холодящий плащ несправедливости. – Ихняя малохольная семейка пытается всеми управлять.

– Потихе, – шикает на него Юэн, услышав, как кто-то смыл воду в туалете наверху.

Саймон кивает и понижает голос:

– В общем, местные лошки продолжали усердно ее шпилить, спешу добавить, все с меньшей и меньшей охотой. В ее защиту надо сказать, что она обалденно трахается, хотя я должен поставить это в заслугу самому себе: расцвела она под моей самоотверженной опекой. Потом, когда лет через десять она скрылась с радаров, я подумал: «Баба с возу». Но я искренне надеялся, что она *отъебаллас*. – Последнее слово он произносит твердо, как «фаллос». – Но тот ебанько, что взял ее под крылышко, наконец-то прозрел. И вуаля, она опять мозолит мне глаза, достает эсэмэсками и жучит за то, что я гоняюсь за минжой, которая а) моложе и б) не ее. – Он пожимает плечами. – Ну а ты как, донес до нее суть?

– Не смей меня, – лопочет Юэн; тот, кто сходил в туалет наверху, кажется, лег обратно в постель. – Я зашел к ней, чтобы успокоиться и подождать, пока отпустит экстази, которое ты мне подсыпал. Слава богу, когда я пришел, Карлотта крепко спала. Она была не в восторге, когда ненадолго проснулась утром, но, по ее словам, она «довольна, что мы стали родичаться».

Внезапно начинается движ. По лестнице спускается Росс, за ним Бен.

– А вот и пацанчики! – объявляет Саймон. – С Рождеством вас, симпотные юные кобельки! Парочка сердцеедов – а, Юэн? Ох, берегитесь, девчата, этой винтажной итальянско-шотландской культурно-генетической смеси. Она оставит вас бездыханными, посеет смерть и разрушения.

Сын и племянник смотрят на него, оба глубоко смущены этим воззванием и не на шутку сомневаются.

– Забейте, я собираюсь повтыкать с утраца в телик, – заявляет Саймон. – Вообще-то, я не слезу вон с того дивана, пока мне не подадут мой рождественский ужин. А вот это завтрак. – Он разворачивает золотую фольгу и откусывает ухо у шоколадного медвежонка «Линдт», показывающего на сердце у себя на груди. – Накося, сраный джамбо ^[14]. – И он перебирается в гостиную.

Спускается Карлотта и начинает готовить еду. Юэн хочет помочь, но жена твердит, что она все распланировала, а он пусть посидит с Саймоном и мальчиками и посмотрит телевизор. Росса и Бена эта перспектива не так уж сильно прельщает, и они удаляются на второй этаж, а Юэн уступает и обнаруживает, что Саймон попивает лагер «Иннис энд Ганн», закусывает шоколадным мишкой и пересматривает «Светлое Рождество» ^[15].

– Рановато ты, – говорит Юэн, глядя на банку пива.

– Так сегодня ж Рождество, ебанный в рот. А этот лагер просто волшебный. Кто б мог подумать, что шотландцы способны производить лучший лагер на свете? Именно так я представляю себе вкус сладкой отмытой манды Спящей красавицы!

«Эта утрированная сексуализация всего подряд, – размышляет Юэн, – он вообще когда-нибудь останавливается?» А затем думает, что, пожалуй, и неплохо было бы выпить пару пива. Он еще не отошел от МДМА, так что, возможно, пиво послужит прикрытием и объяснением его вялости. К счастью, Карлотта, кажется, слишком поглощена приготовлениями к рождественскому ужину и ничего не замечает. Юэн слышит, как жена мелодично и нежно напевает песню «Юритмикс» «Бельмо на глазу» ^[16]. Сердце у него в груди тает от эмоций.

Приходят теща и свояченица Луиза с мужем и тремя детьми в возрасте от семнадцати до двадцати четырех. В доме шумно, все обмениваются подарками, шуршат оберточной бумагой. Росс и Бен получают одинаковые «плейстейшен-4» и тут же бегут наверх скачивать из интернета любимую игру.

«Иннис энд Ганн» мягко вливается в Юэна, вызывая удовлетворенное, благодушное веселье. Ему смутно мерещится, что с сыном что-то не так, когда Росс вдруг снова появляется в коридоре, припирает к стенке Карлотту, едва та входит в кухню, и убеждает занятую мать пойти с ним наверх.

Юэн вытягивает шею над спинкой дивана, наблюдает за ними и собирается что-то сказать, но Саймон трясет его за плечо, и мать с сыном поднимаются по лестнице у них за спиной.

– Обожаю это место, когда Кросби обращается с речью к Розмари Клуни про то, как рыцарь падает со своего серебристого скакуна... – говорит Саймон, и в глазах у него стоят слезы. – Это история моих отношений с женщинами. – И он захлебывается, будто что-то ломается в груди.

Беспокойство Юэна растёт. Похоже, Саймон совершенно искренен в своих чувствах. Юэна осеняет, что шурин так опасен для женщин из-за своей способности полностью вживаться в придуманные им самим фантастические роли и верить в них.

В конце концов из дальнего угла их через всю столовую зовут к столу. Все церемонно фотографируются. Саймон Уильямсон щелкает всю семью, а потом, по отдельности, свою безучастную мать Эвиту, Карлотту, Луизу, Джерри и ребят – Бена, угрюмого Росса и даже Юэна. Все это время и Саймон, и Юэн ощущают странное напряжение в воздухе, но оба уже проголодались и в мягком тумане опьянения занимают места. Карлотта взволнованно шепчется с матерью и сестрой. Памятуя о сытном рождественском ужине, она приготовила легкую закуску: на столе стоят коктейли из мелких креветок с минимальной лимонной заправкой.

Юэн признательно откидывается на спинку стула и собирается заговорить, как вдруг замечает, что по щекам жены льются слезы. Схватив мать за руку, она уклоняется от его встревоженного взгляда. А Эвита смотрит на него волком. Юэн с Саймоном инстинктивно переглядываются в замешательстве.

Не успевает Юэн хоть что-то сказать, как его сын встает и отвешивает ему затрещину.

– Блядский ты старый развратный пердун! – Росс тычет в Карлотту. – Это же моя мама!

Юэн не в силах ответить или хотя бы открыть рот и переводит глаза на жену. Карлотта уже рыдает в глубоком отчаянии, плечи у нее трясутся.

– Как тебе не стыдно! – визжит на него Луиза, а Эвита ругается по-итальянски.

Гнетущее чувство, будто весь мир рассыпается в прах, без остатка высасывает из Юэна все силы, да и разум.

А затем Росс включает свой айпад и подносит его к лицу ошарашенного отца. На экране – Юэн вчера с этой Марианной: оба голые на ее кровати, и он запихивает член в ее смазанную задницу, поглаживая ей клитор. Она обучает его сквозь стоны, подсказывая, что нужно делать. Травмированный Юэн смотрит на шурина, и до него доходит, что слова, которые он произносит, на самом деле принадлежат Саймону Дэвиду Уильямсону.

Пока все таращатся на него в шоке и отвращении, в голове молнией проносится: Марианна прислала ему по электронке запись, которую они вместе сделали, и, наверное, та попала в семейное «облако». Росс случайно получил к ней доступ, когда пытался скачать видеоигру для своей «плейстейшен-4». И теперь они всей семьей, в буквальном смысле за рождественским ужином наблюдают первую в жизни супружескую измену Юэна под воздействием наркотиков. Свояченица и ее муж брезгливо вылупились. Теща крестится. Саймон, искренне потрясенный, смотрит на него с неувлимым восхищением. Но на убитых горем измученных лицах жены и сына Юэн читает лишь глубокое недоуменное разочарование.

Юэн Маккоркиндейл не в силах подобрать слова. В то же время он произносит их, похабные и смачные, на экране, который Росс крепко, непреклонно держит перед ним в вытянутых руках.

Зато дар речи обретает Карлотта:

– Выметайся отсюда нахер. Вали отсюда нахер щас же, – и она показывает на дверь.

Юэн встает, понунив голову. Он сгорает со стыда, почти в буквальном смысле окаменел от шока, а не простого смущения. Руки и ноги отяжелели, в ушах звенит, желудок и грудную клетку заполняет глыба размером с черную дыру. Глядя на дверь, которая кажется такой далекой, он чувствует, что движется к ней. Он не знает, куда идет, и лишь инстинкт заставляет его снять с крючка в прихожей куртку, чтобы уйти из собственного дома – вполне возможно, навсегда.

Закрыв за собой дверь и выйдя на холодную хмурую улицу, он думает лишь о том, что Рождество больше никогда не будет прежним. Но его рука тянется в карман и выдергивает оттуда айфон. Юэн Маккоркиндейл гуглит вовсе не гостиничные номера. Он щелкает по иконке тиндера – приложения, которое скачал, когда ушел от Марианны с убийственными, но радостными угрызениями на зорьке рассветной рождественским утром. Замерзшие пальцы уже быстро пролистывают его новое будущее.

Спад – За вас, мистер Форрестер!

Малой пацанчик скулит тихонько – звук, как с пластикового пузыря, прям аж сердце на разрыв. Иво б постричь надо, типа того: скрозь весь этот мех зенки блескучие еле видать.

– Старое хозяйство туточки морозишь, Тотоха. Извиняй, конеш, дружище, но ты ж вест-хайленд-терьер, типа того, у тебя ж меховая шубка, блин, – базарю с пареньком, а он возле ног у миня свернулся.

Мацаю сопатку иво, а она холоднющая, как ледышка, но это ж считается признаком собачачьего здоровья. Инада мне чисто хреново, блин, чуйствую себя одним с тех пациков, чё заводят цуцика вместо аксессуара, чёбы проще аскачь было, на жалость давить, типа того. Видят Тотоху и такие:

– Спад, а я думал, ты по котикам выступаешь, блин.

А я такой:

– По всем животинкам, типа того.

И говорю тебе, от Тотохи мне чисто никакого гемора нету. Для аска и все такое, да ж. Народ не любит, када животинки мучатся.

– Тока ж я не за тем завел тебя, Тотоха, это ж больше ради общения, да ж, дружище, – базлаю с им.

Я в курсах, животинки не могут разобрать, чё ты им говоришь, но зато они энергетику чуют, блин, мелочевку всякую, негативный язык тела, када ты голосом выдаешь или даже хреновые мысли думаешь. Просто ж весь мир ненормальный, блин: корпорации заправляют медиа, а те распространяют вирус хреновой энергетики. Этот чел Руперт Мёрдок с газеты «Сан». Как тока увижу там заголовок, сразу такой: ну всё, блин. Мне не по приколу Тотоху всей этой фигне подвергать. Все так, но нужен же по жизни мелкий четырехногий корефан, раз уж все двухногие в темпе вальса в закат уехали, в курсах?

Аскается не так уж и хреново, но на праздники оно завсегда прилично. Челы все такие веселые и подбухнувшие, и в такой от колотун у них душа как бы оттаивает, в курсах?

Кароч, наваром своим я доволен – двенадцать фунтов шиссят два пенса. Четыре часа на морозе, по-любасу меньше минимальной зарплаты, хоть тебе и платят просто за то, чё на месте стовбычишь. Прикол, но када под *Жана-Клода* ^[17] косишь, то у тебя такая заточка становится – такое нещасное, злобное щачло, и оно орет на весь свет: «Помогите мне!» Под конец стрельня, када дубак уже все косточки проберет, закашивать уже больше и не надо. Кароч, собираю манатки, как вдруг догоняю, чё надо мной стоит кто-то. Типа того завис, но даже не пытается монету отстегнуть и в старую стакашку покласть. Чисто не хочу смареть вверх, ить инада шизоид какой или фраерок борзый достает тебя. Но слышу дружелюбный голос:

– Здоров, Спад.

Подымаю бошку.

Блин, на миня сверху Майки Форрестер зырит.

– Майки! Как оно? – спрашую.

Ить надо сказать, этот Майки тож по-нищесбродски прикинутый: в потрепанной флиске, джинах и кроссах. Я как бы удивлен, блин. Последний раз, как видел иво, этот пацик Форрестер, походу, нехило был упакованный: весь такой в костюмчике и длинном пальте, как на центровом бандюгане.

– Норм, Спад, – Форрестер такой, но как бы видно, чё чувак старается с себя побольше позитива выдавить, в курсах? – У миня тут есть чутка мулева, если интересуется. С классным хавчиком и разъездами. Мож, по пивку?

Я тут такой ушки на макушке, блин:

– Ну тада тебе, Майки, придется котаном угощающим быть типа. Я тут малехо на голяках, пацанчик, – слегонца прибреживаю. Не могу ж я эти двенадцать фунтов на пивас потратить, блин: этого улова должно хватить на фасоль с гренками для миня и на собачачью хавку для Тотохи.

– Это я догнал уже.

– Он в той наливайке через дорогу с цуциками пускают, – тычу в сторону паба.

Майки кивает, и по брущатке в тот офигеть кайфовый гендель чешем. В курсах, када в тибя тепло врывается? Это ни с чем не сравнить, блин, хотя сперва чутка времени хреновато, пока тело чисто привыкает. Это типа того кинчика, чё я раз смарел, када они в космосе были и надо было такой типа фольгой обмотаться и перескочить с одного корабля на другой, без никаких скафандеров и без нифига. Всего пару секунд дубаря этого. Период декомпрессии. Приходится отогревать себе руки и пальцы на ногах. Помогает, чё Тотоха свернулся у миня на ногах калачиком, пока Майки орет, чёбы принесли две пинты «Сан-Мигель» светлого.

Када их на стол ставит, он такой:

– Я тут малехо в партнерах с Виктором Саймом, – а потом добавляет негромко: – Вик вернулся типа.

Щас я уже чисто не тащуся с этой мазы, блин, ить за Сайма все в курсах как за хренового котана, и не думаю, чё командывать парадом тут будет Майки. Кароч, у миня в бошке малехо сигнализация врубается: ой-ой-ой...

– Там нехилые баблосики, и как два пальца обоссать!

Хотя ладно, пусть котан дельце обрисует, блин. Миня не убудет, ежли послухать, чё там парень имеет сказать, да ж?

– А есть шанс получить малехо маков авансом за это мулево, блин? Дела туговато ж идут, типа того.

– Уверен, чё можно придумать чё-то. Но не хочешь сперва мое предложение выслушать?

– Э, угу, – я такой и еще пиваса отхлебую.

А сам уже забегаю наперед, думаю, а жизнь-то налажуется, и пора уж пареньку Мёрфи передыхнуть малехо. Все остальные, даж самые изгои с нашей корзины с кошатами, оставили миня назади. Один удар за другим по старой низкой самооценке, блин. Кроме шуток. Но када ты зачем-то опять нужен, мазовое чуйство.

Кароч, кентяра Форрестер рассказывает, чё мине надо забрать малой груз и потом иво передать. Ежли вытрясу с Майки аванс налом, то на эти бабки, можт, новые штаны себе справлю и кроссы с протектором. Тока от я не в курсах за Майки: можно доверять чуваку или не, типа того? Придется разведку вести на ходу, блин.

– Знач, доставка? Тока ж никакого ганджубаса, блин, да? – спрашую иво. – Ить я ж контрабандой наркоты не занимаюся, такой номер не пройдет.

Майки качает бритым кумполом, потом проводит по нему рукой. Типа как бы пытается подражать всем этим бандюкам, типа там Жирного Тайрона и все такое.

– Бля буду, кор, и близко ничё такого, – объясняет Форрест Гамп. – Тибе надо просто в Стамбул слетать, парень в эропорту тя встретит и даст коропку, чёбы отвезти на поезде в Берлин. Отвозишь туда груз и другому парню отдаешь. Тока ни при каких условиях, – и котан сморит офигеть, офигеть как серьезно, – не пытайся коропку открыть.

– Как бы типа в кинчике «Перевозчик»? [18]

– От именно.

– Ну а, э, чё ж там такое-то, типа того?

Майки мрачно на миня лыбится. Оглядуется, голос понижает и наклоняется ко мне:

– Почка, Спад. Человеческая почка. Для срочной операции.

Опаньки. От за это я не уверен, блин.

– Чё? А это разве легально – части тела контрабандой провозить, типа вторжения похитителей тел и все такое?

Майки опять бошкой качает:

– Все кошерно, корефанчик. У нас на это сертификат, все дела. Тебе нельзя коропку открывать, она ж вся запечатанная и стерильная, а почка упакована в лед, ну или какую-то замороженную холоднющую химию: не лед, но типа льда действует.

– Не лед?

– Не, но типа льда действует. Типа ее вместо льда изобрели.

– Вместо льда... – Опа, блин, от за это я не совсем уверен. Лед – это ж чисто натурально типа, ну, обычно иво искусственно в морозилках делают типа, но в натуральном виде в Заполярье...

Майки рукой махает и качает бошкой:

– Не, Спад. Не такой типа, как в напитках и все такое. – Он ржет, подымая бокал. – Но лучше органы заморазует.

– Сохраняет их чики-поки до этой самой трансплантации, типа того?

– В масть! Откроешь коропку, и эта поебень портиться начнет, и она уже нахуй никому не упала, да ж?

– Но транспортировать это, блин, чутка ж мутновато?

– Ну, в самолет, ясно, не пронесешь, зато вполне легко на поезде провезти. Парень тибя в стамбульском аэропорту с ней встретит, а ты просто заскочишь на поезд до Берлина. Там ты другой встречает, ты чешешь на таксо в аэропорт и летишь на хауз, подняв пятихатку чистыми. А еще я забашляю тебе другую пятихатку чистыми прямо щас. Честней не придумаешь.

«Пятихатка чистыми... Прямо щас...»

– А чья почка хоть?

– Донора.

– Типа какого-то пацанчика крякнувшего?

– Угу... хоть и необязательно, можно ж вполне и с одной жить, – говорит Майки и задумается. – Может, кто-то это из-за родственника делает. Я ж не в курсах. Я не собираюсь спрашивать Вика Сайма... – Он сморит на меня и понижает голос: – Не собираюсь спрашивать парня, чё рулит саунами, откуда оно приехало и куда едет. Мой девиз – никаких вопросов, и никакой брехни в ответ. Все документы туточки, – grit он и мне сертификат передает.

На вид такой, как можно с этого скачать, с интернета, типа того, загрузить, кароч, почитай, это как бы вполне официально.

– Все равно стремно как-то... Вик Сайм, типа того... – я такой. – Сам-то за ниво не в курсах, тока ж у этого котана камышового репутация саблезубого киллера.

– Ну, братан, риск завсегда остается, и ясен пень, товар с черного рынка, операшку забацают в какой-то клинике частной, да ж? Но если хошь эту работу, она твоя, – Майки grit. – Можу тока сказать, чё они уже провернули кучу всякой такой лабуды и покаместь никакого гемора не было. – И он ложит на стол конверт, набитый тугриками.

Размышляю за эту малую аферку, и если смареть *эль-фактос* в глаза, то мне нифига больше не остается.

– Не хочу ничё ни за кого говорить, Майки, но этому народу типа Вика Сайма, ему доверять вообще можно, в курсах? Не хочу подписываться, ежели доверять нельзя.

– Спад, ты ж за меня в курсах, – Майки плечами дергает.

То-то и оно, ить я ж за ниво много лет в курсах. И ему никада доверять было нельзя, как и мне. Можт, он тож изменился. Надо давать народу кредит доверия. Он дает мне второй шанс, а значит, я должен дать шанс ему. Терять мне все равно нефиг.

– Угу, ништяк. – Тяну руку и беру конверт, как тот парень в «Миссии невыполнимой», малой пацанчик с Голливуда, чё играл в «Лучшем стрелке» вместе с мазовой чикулей с классными хайрами, за которую щас не слышать нифига. Запись или чё там внутри не самоликвидируется,

кароч, все в порядке! – Я не пытался борзеть или там поклеп возводить, Майки, просто юридическую проверку проводил, в курсах?

– Без обид, кор. Бошка варить должна. Я б намного больше дергался, если бы это мулево на какого-то дибилу спихнул, который не задавал бы таких вопросов. Вселяет уверенность, чё я выбрал для миссии парня что надо!

Он словом «миссия» чисто как эсэмэсками миня закидал, и с этого мне мазово. Чокаемся бокалами.

– Угу, блин, в лучшем виде сделаю.

– Класс, в курсах был, чё могу положиться на тибя, шабол мой старой, – Майки такой. – И, Спад, постарайся прибраться малехо – да ж, братан?

Я в курсах, чё Майки не борзеет, а просто хочет, чёбы я типа не выделялся в толпе, када буду проходить через КПП «Чарли» или где там еще.

– С такими лавэ я на этот вопрос вообще-то отвечу «угу», котан.

Рентон – Конфиденциальность клиентской информации

«Я тащусь от танцевальной музыки, но завязываю с диджеями: када ты их директор, то ты в ссаном положении. Никада такого не было: некоторые диджеи были объебосами, угу, но большинство – нет, просто люди, чё тащились от клубов и танцевальной музыки. Все изменилось, када пришли эти понтовитые цивильные пиздюки-миллениалы, – нельзя грести всех под одну гребенку, и исключений навалом, угу, но есть один момент: чем больше денег получает диджей, тем большее он хуйло. Кароч, када я нарубил капусты, то стал работать с пафосными самовлюбленными мудаками, потом один с этих ебанатов миня кинул – Иван, длинноволосый молчаливый пиздюк-бельгиец, после того как я сделал ему карьеру. Всяко бывает – я не собираюсь тут на жизнь жаловаться, у миня все нормуль: просто как иллюстрация того, что в этой игре нужно иметь охуенно толстую шкуру. Я обязан подымать этих пиздюков-диджеев с их, блядь, постелей после обеда, доставать им наркоту у гандонов-промоутеров, инада вытаскивать их с ебаной тюрьмы, ну и – еще большее унижение – бодаться из-за авторских гонораров с корпоративными лакеями. Но чё хуже всего: я должен искать говнюкам баб, а это не всегда так легко, как кажжжжется...»

Лежу на своей кровати в поистине сибаритском пентхаусе этого вегасского отеля. Он состоит из двух спален, причем каждая – с мраморной ванной, плюс большая гостиная с роскошной кухней и нарядным камином. Разумеется, все это авансом и со списанием налогов, но у меня такой десинхроноз после дорожного марафона Эдинбург – Лондон – Амстердам – Барселона – Лос-Анджелес – Лас-Вегас, что с трудом понимаю, где я, блядь, нахожусь и что должен делать, в натуре не могу ни за одну мысль зацепиться. Хотя я принял на грудь *всего одно-единственное колесико* амбиена (и еще одно валли), из-за этого ебучего веселящего газа, чё нагнетают в помещение, чёбы вы круглосуточно сидели внизу за столиками, нормальный сон

мине тока снится. Могу щас разве что откинуться на подушку и навестывать «Игру престолов». Потом стук в дверь, поднимаю свою тушу с кровати и впускаю Конрада. Техноботан сразу хватает быка за рога:

– Я не могу уснуть сейчас и не засну позже утром в Лос-Анджелесе. Мне нужна женщина!

– Прекрасно.

Останавливаю картинку на экране и сажусь в постели, перед глазами все плывет. Не в курсах, поверил ли я, что Джон Сноу восстал с мертвых, но задачка эта по сравнению с моей немудрящая. Всего два года назад Конрад был юным худошавым голландским парнем. Потом он начал отстегивать нехилый шмат со своего новоиспеченного богатства на жрачку, а пиздюк он не особо разборчивый. Что может быть безрадостнее, чем молодой миллионер, чё заказывает лимузин, чёбы затормозить у ебаного «Макдоналдса»? А ты тот самый припездол, чё должен войти и купить говна, от которого у твоей дойной коровы разовьется диабет второго типа. Он буквально не в силах перестать жрать. Фигня в том, чё на ниво свиняк нападает, ведь он же ж тонны травы выкурюет. Сейчас, в двадцать два, пиздюк уже превратился в пытящую бочку с салом. У миня самого артерии бляшками покрываются, када просто рядом с ним стою.

– Но женщина должна быть брюнеткой, – подчеркивает круглое, понтовитое кукольное личико Конрада, а иво голландский присвист усиливает легкая одышка из-за начинающегося заболевания дыхательной системы. – И грудь должна быть среднего размера: не маленькая, но и не слишком тяжелая и обвисшая. Никаких имплантов. И губы полные, но натуральные...

Обрываю его:

– Конни, ты ж явно драчишь на порнуху. Так не тяни кота за яйца и покажь мине работницу секс-индустрии, которой пощастливилось стать объектом желания этого суперзвездного диджея.

Он косится на меня, будто *почти* догоняет иронию, и достает свою трубу. К счастью, у порнозвезды есть свой сайт, и *вдобавок* она оказывает эскорт-услуги, *да еще и* проживает в Л.-А. Если я смогу ее доставить, то сэкономлю несколько, блядь, лет, потраченных на бесплодные поиски девицы, *похожей* на нее. Када делаешь это *от лица* кого-то другого, это самое харящее занятие, какое можно себе представить. Я влечу в крупную сумму, но именно это унылое мелкое уябище приносит мине бабло, и потому я примерно самый несчастный пиздюк во всем христианском мире.

– Если хочешь именно эту, придется подождать до зорьки рассветной, када вернемся в Л.-А. Но если срочная нужда, могу звякнуть в агентство прямо тут в Vegase...

– Нахуй этих пошлых вегасских шлюх, у них одни деньги на уме, – обрывает он.

– Ну, походу, это профессиональная деформация. Типа проституция, в курсах?

Конни – голландец и хотя б догоняет, када я говорю «в курсах». У них в голландском тож есть похожее слово.

– Только плохо, когда они неспособны работать со вкусом.

Он, конечно, прав: самые успешные шалавы – те, чё ведут себя не по-блядски. Вот почему у элитных спутниц самые высокие цены: они преуспевают в эмоциональном труде. Конрад полагает, чё Вегас ломится от залетных понаехавших, но нету постоянной клиентуры. Он дуется на меня, как мыша на крупу, раскрывая пачку чипсов с моей упакованной кухонной зоны. Его люкс рядышком, и он, видать, уже обчистил там все запасы и разорил обслуживание в номерах.

– Подгони мне эту Бренди, – говорит он, цапнув перед уходом «Пауэрбар».

У миня двадцать минут уходит на то, чёбы связаться и заключить сделку, я даж прогоняю обычную телегу за «конфиденциальность клиентской информации». Баба очень спокойная и деловая и обходится без кукольных придыханий, как тока грю ей, чё обращаюсь от лица другого пиздюка. Потом звоню Конраду:

– Она будет ждать в «Стандарде» около четырех утра, когда вернемся в Л.-А.

Отправляюсь на боковую и думаю, чё вот-вот и впрямь вырублюсь, как вдруг этот пиздюк снова молотит в дверь.

– Все равно не могу уснуть.

– Вот... – Подхожу к ящику стола и достаю пару амбиенов. – Возьми две штуки, – опускаю малые коричнево-оранжевые колесики в обращенную вверх ладонь, похожую на пуховое одеяло. От этого мне хреновенько. Сам-то я пытаюсь с этой поеботы слезть, ну и гниловато подсаживать на нее других.

– Ладно... а почему я останавливаюсь в «Стандарде»? Мне нравится «Шато Мармон», – ноет он.

«А вот и хуюшки тибе: у меня в „Стандарде“ скидка».

– Нет мест, кор, – вру, зная, что проверять ему лениво, – и кроме того, сейчас все в «Стандарде» тусят: лапули, Гленны Ходдлы ^[19] и голливудские старлетки. Там снова жара.

– В Западном Голливуде или в центре?

– В Западном.

Конрад одутловатыми пальцами разрывает пачку жвачки. Предлагает мне пластинку. Я отказываюсь.

– Говорят, «Стандард» в центре круче. – Он вскрывает две пластинки и запихивает в рот.

– С этим я бы поспорил. В центральный прет всякая пафосная богема, но с точки зрения *Майклов Овиту* ^[20], конечно, лучше западногอลลивудский, – высматриваю у ниво на фейсе признаки понимания. Он лыбится, начиная догонять рифмованный сленг. – Ну и там большая часть нашего бизнеса. Ты ж не хочешь застревать между легковушками на забитых фривеях. В курсах же, как кататься на машине, если тебя укачивает.

Он согласно скисает, а я себя чувствую, как батя на семейных вылазках: Норт-Берик, Кингхорн и Колдингем. Пикники на галечных пляжах под тоскливым пасмурным небом на морозном ветру. «Не ежь так много этого морожена, а то стошнит». Не зря ж мы выросли, сука, наркоманами. Какая там нафиг деиндустриализация – тут главную роль сыграли сахар и обжигающий ветрюган.

Конрад опять сваливает, – видать, амбиен его расслабил, – и миня никто больше не достает. Провалююсь нахуй в стремный сон, где все непонятки моей жизни вихрятся у меня в голове ремиксом в стиле Сальвадора Дали. Када просыпаюсь, вообще как выжатый лимон. Валяюсь в постели весь день, рассылая мейлы с ноута и стараясь не звонить по трубе.

На вечер забронировал столик для нашей компаши в «Вин-Лэй» – прекрасной китайской едальне высокой кухни в отеле «Уинн». Одно с моих любимых местечек. Там теплая и пышная, но какая-то сдержанная золоченая мебелировка и буйная растительность, и, как во всех лучших заведениях Вегаса, там забываешь, чё ты в Вегасе. Это еще и первый китайский ресторан в Америке, награжденный мишленовской звездой. Вдобавок до Конрада и Эмили (я хочу, чёбы она в перспективе у ниво на разогреве играла, хоть и не сёдня) с нами еще Йенсен – прихлебатель моего суперзвездного диджея. Это доставучий малой пиздюк с торчащим зубом и нависающей на глаза черной челкой, но, как ни крути, он полезен тем, чё отвлекает Конрада и тот миня не грузит. Тут же Митч – промоутер. Карл, который открывает сейшен, как обычно, пока не явился. Мне стоило превеликих трудов убедить Конрада, чёбы не убирал иво с афиши после ЧП с самотыком.

И вот приходят двое других моих гостей. Фрэнсис Джеймс Бегби и его жена Мелани приехали в Вегас, взяв напрокат тачку. Они совершили большую вылазку в пустыню и для разнообразия переночевали в Палм-Спрингс. Ну прям твои влюбленные голубки. Обратно они могут полететь с нами на арендованном джете, что займет меньше часа. Кой-какие пиздюки говорят «частный джет», хотя джет *арендованный* и налогами не облагается. Опять пропаганда для запугивания масс и внушения благоговейного страха. Не знаю ни одного звездного музыканта, которому хватило б дурости завести частный джет. Если надо, просто возьми напрокат.

Мелани заколола волосы и надела стильное сиреневое вечернее платье. Франко щеголяет в белой рубашке и черных джинсах. Волосы подстрижены почти под ноль. Када-то мы зависали на пару в каких-то задрипанных литских кафешках, догоняясь с жуткого бодуна. А теперь наш общий порок – классная еда, и наши стрелки всегда проходят в четких ресторанах. Познакомив их со всеми, обращаюсь к нему с деловым предложением:

– Слышь, эта выставка в Эдинбурге, чё у тебя в мае, – как тебе, если мы вечерину замутим? Я могу договориться, чёбы мои диджеи там сыграли. Карл Юарт с радостью подпишется. –

Предлагаю, а сам думаю, где ж этого Карла, блядь, носит, и снова проверяю, нет ли эсэмэсок на трубе, пока официант подает на двух больших блюдах шипящие ребрышки. Када кушанье ставят по центру стола, подальше от липких ручонок Конрада, он отчаянно обстреливает всех пулями пота. – Ну так как, Фрэнк?

Франко медлит, и тогда встречается Мелани:

– Было б здорово!

– Та не, никакого кипежа не хочу, угу. – Фрэнк Бегби качает головой. – Тока туда и обратно: одна нога там, другая туточки, – говорит он, и я замечаю, как Конрад устремляется к райскому блаженству, буквально отпихивая Йенсена, чёбы добраться до поживы.

– Та мне не ломы, Франко. Минимум, чё могу, – говорю и, бросив взгляд на стол, угораю с моего суперзвездного диджея.

Тот наполнил свою тарелку доверху и упакивается над грудой ребрышек в соусе барбекю, рассеянно болтая с Эмили. Ё-мое, я уверен, чё расслышал слова «трек» и «студия».

– Да брось, Джим! – уговаривает Мелани.

– Ладно, – улыбается Франко, – но это противоречит голосу моего разума.

– Да, и еще одно, – понижаю голос, наклоняясь к нему поближе. – У меня есть для тебя те бабки.

Франко замолкает на несколько долгих секунд.

– Это клево, братан. У нас с тобой все ништяк, – налегает он. – Просто рад тя снова видеть, тут в Америке, и рад, чё у тибя все пучком. – Он окидывает взглядом стилизованную роскошь ресторана. – Шизовая штука жизнь, угу?

Могу тока согласиться с этим аргументом, но када собираюсь вернуться к теме бабла, приходит Карл – с суровой заточкой, в ковбойской шляпе и темных очках. С ним эта баба под тридцатник, блондинка с малиновыми прядями и ушлым взглядом. Представляет ее: Шанель Хеммингуорт, журналистка с сайта по танцевальной музыке.

– Пишет за миня статью.

Он кратко перетирает с Франко за Джуса Терри, Билли Биррелла и некоторых других старых знакомых, после чего чешет на другой конец стола к Шанель. Конрад смотрит на него с наигранным презрением. Карл демонстрирует классическую накокаиненность, очень мало ест и трындит, а Конрад греет уши напропалую. Стараюсь не вникать в пиздобольство Карла, но в перерыве разговора улавливаю убогое кобелиное:

– У меня зависимость от женщин, но в то же время аллергия на них, а это гремучая смесь.

Шанель Хеммингуорт остается невозмутимой: она явно попадала в подобные расклады и раньше.

Посмотрев на часы, громко требую счет, рассчитываюсь и гоню этих разболтанных котанов в клуб. Забудьте за обеспечение секс-услуг: *вот* где самая тяжелая часть работы. В вегасских клубах хуева туча охраны, потому нам надо пройти сквозь лабиринт подвальных коридоров, даже дать крюка через душную, забитую персоналом кухню (с одной стороны, Конрада харит, что суперзвездного диджея подвергают таким унижениям, а с другой – терзает шипение готовящейся еды), после чего попадаем в элитный ВИП-зал, расположенный за диджейской аппаратурой с пультами и микшером. Карл притарабанил с собой бортовую сумку с пластинами, употев, как министр провещения в тэтчеровском кабинете с вакантным портфелем, и весь такой красный, чё аж страшно. Как тока приходим, он чешет прямиком к гигантскому пузырю ледяной водовки, это засекает сексапильная хостес и предупредительно ему наливает. Када Карл, подкрепившись, прошмыгивает в диджейскую, а Конрад обводит глазами толпу, предлагаю всем беруши. Мелани берет, Эмили и Франко – нет.

– Будет громко, – предупреждаю, легко вставляя свои. – Я не собираюсь из-за какого-то блядского диджея оглохнуть. Лучше не рискуй.

– Давай, Джим, – уговаривает Мелани.

Франко с неохотой берет затычки:

– Никада по танцевальной музыке не выступал.

– До сих пор фанатеешь от Рода Стюарта?

– Угу, до сих пор не прочь Рода чутка послушать, а ты слышал «Китайскую демократию» «Ганз н' Роузиз»?

– Чё-т не особо зашло. Это ж не тру альбом «Ганз н' Роузиз», нету Слэша на гитаре.

– Угу, но парень, чё на гитаре лабает, еще пизже Слэша, – отвечает он, вдруг снова заговорив как Бегби, после чего вставляет затычки, чтобы пресечь любые мои возражения.

Карл слегка замудоханный, и его часовой разогревающий сет, када он крутит старый винил на вертушках, которыми никто не пользовался лет десять или больше, принимают хреново. Я всегда звоню заранее и говорю, чёбы откопали ламповые вертаки «Текникс», потому как этот пиздюк упорно хочет крутить винил. Сперва думают, это приколы такой, а потом обычно облаживают меня хуями. Некоторые тупо отказывают: из-за бескомпромиссности этого альбиноса-луддита мы теряем ангажементы. Ну и, походу, на его дип-хаус тут всем поебать. Выходная вегасская ебливая толпа жаждет тока видных деятелей ЭТМ. Все сидят за своими столиками и нажираются, а потом скопом выходят на танцпол, када в аппаратурную заваливает Конрад, чёбы сменить Карла. Звезда выступает очень даже нехило, если, конечно, вас прикалывает такое вот тошнотное псевдопроституирование пультов, а вот миня – нет. Как

по мне, этот бренд дерганой нарезочной ЭТМ-хуйни, чё присвоил себе Конрад (это прибыльно, и я не могу иво осуждать), – просто ебаная подмена понятий. Под это совершенно нельзя танцевать, но толпа бростепных студиозусов и охотящихся за мужьями пригородных профур хавают на раз.

Шанель, журналисточка, походу, слиняла, а Карл сидит и набухивается, неуклюже заигрывая с хостес. Он вполне заебанный. Выступал без души. Чёбы девица, просто выполняющая свою работу, немного передохнула от иво плотоядного внимания, отзываю иво в сторонку и пытаюсь сказать чё-то успокаивающее:

– Вегас никогда не станет кислотным.

– Тогда какого хуя я тут делаю? – орет он, а Конрад между тем нарезает новых поп-хитов для тяжело обдолбанного и загашенного танцпола.

– Капусту рубишь. Имя себе возвращаешь.

Карл тяжело переживал разрыв со своей чувихой Хеленой. Я выбил для него этот сейшен на подхвате у Техноботана, и оба они недовольны. Но это ж «Саррендер» в «Уинне» – один с лучших ночных клубов в Штатах. Кароч, в голове у меня чутка звучит фраза «неблагодарный мудак».

«Саррендер» – это воплощенный жир, и мы озолотимся, но этого, как обычно, мало. Вечно мало. И для Карла, и для Конрада, который после сейшена заводит старую волынку, када мы выпиваем, перед тем как выдвинуться в аэропорт:

– Почему я не могу получить контракт в «Экс-Эс»? У Гетта ведь есть контракт «Экс-Эс»!

«Экс-Эс» – другой клуб в «Уинне», даже больше и жирнее «Саррендера». Он больше и жирнее *всего на свете* – древнеримский дворец порока и декаданса.

– Потому что Гетта – это Гетта, а ты – Конрад Техноботан, – огрызаюсь в капризном изнеможении, отступая перед его недовольной рожей. – В следующем году будешь стоять рядом с ним, братан. Давай просто наслаждаться этой экспресс-поездкой на лифте к звездности.

– Значит, в следующем году мы играем в «Экс-Эс»?

«В бога ж душу мать. Загребущий толстый пиздюк».

– Посмотрим, корешок. Но прогноз благоприятный.

– Тут одна девушка... Я пообещал, что отвезу ее с подругой обратно в Л.-А. – Он кивает на ураган секса в образе двух девиц: загар, волосы, зубы, глаза, груди, ноги – и все это умудрилось прошмыгнуть мимо охраны в наш зал.

«Ебанный хуй». Это означает, чё мне придется договариваться за пропуска, документы и страховку для этих озабоченных-но-ебательных молодух, которые избрали мишенью жирного голландского парня. *Вдобавок* я уже подогнал этому ненасытному пиздюку дорогушую шалаву в «Стандарде». Надеюсь, их всех прикалывает вкус «тюльпанной» затычки. Мы садимся в мини-автобус. Карл бухой, завалился на самое последнее сиденье и требует кокса. Ну хоть Эмили спокойная: она разговаривает с Мелани.

– Наверно, херово сознавать, что как диджей ты уже кончился, – орет Конрад назад Карлу, Йенсен фыркает, а обе девчонки разевают рты в показном восхищении.

– Отъебись, хуйло. Музон играй. – Он достает свой телефон и показывает фотки Конрада с приклеенным самотыком.

Разражается буря мелкой грызни, и я закатываю глаза. Франко поворачивается ко мне и кивает за наши спины:

– Ты отработываешь все те бабки, что поднимаешь: так с ними нянчиться!

«Я наблатыкался, пока нянчился с учителем: уходя в загул, старался, чёбы ты какому-то пиздюку бошку не отрезал».

– Постоянно себе это повторяю, – говорю.

Частный аэродром примыкает к «Маккаррану» ^[21], так что от Стрипа рукой подать. Остаток пути я на телефоне, пытаюсь договориться за разрешение для двух девиц, одну с которых Конрад потно лапает, пока Йенсен ловит каждое слово Эмили, вещающей о своих влияниях, и не врубается, чё шансов у него ноль. Карл заткнулся. Не нравится мне, када он в таком настроении. Мы садимся в джет и без лишнего кипиша летим в Л.-А. Мелани под впечатлением, Франко тоже. Поглядывает на меня в недоумении, типа «хули ты выябываешься».

– Со списанием налогов и покрытием расходов, – подчеркиваю. – Дядюшка Сэм платит нам за засирание экологии, чёбы мы могли лечь к себе в койку, а не провели еще одну бессонную ночь, убитые вусмерть, в оксигенированном номере вегасского отеля.

– Угу, точняк, – с сомнением говорит Франко.

Хотя полет и недолгий, без амбиена мне стремновато, и моя потная клешня ощупывает желтый контейнер в кармане. Приземляемся в частном аэропорту в Санта-Монике, где я прощаюсь с Франко и Мелани, которых встречают явно преданные, учитывая время суток, друзья. Эмили забила стрелу со своими тусовщиками, а Карла забирает парочка зачуханных нариков, и он растворяется в темном лос-анджелесском утре. Собираюсь посадить Конрада, Йенсена и девчонок в такси, а сам сесть на убер, но Конрад криком кричит.

– Ты должен поехать со мной в «Стандард» и проследить, чтобы пришла эта блядская шлюха, которую ты нанял, – командует он, запихивая в свое липкое хайло батончик «Херши»,

купленный в автомате.

Моя берлога в Санта-Монике всего в десяти, блядь, минутах езды. Я весь измочален, и челюсти клацают, как тока подумаю за эту кровать. Не такой уж классной конструкции, зато может похвастаться дорожным матрасом. До Западного Голливуда минут тридцать пилить, даже по свободным дорогам в это время суток, и стока ж обратно. Но талант из нас – он. Этот жирный, понтующийся, избалованный мелкий сексистский хуй, чё называет баб «блядьми» и «шлюхами», потому как он тупой богатый белый сопляк, пытающийся подражать какому-то безмозглому черному рэперскому уебищу, с которым когда-то познакомился на конференции по хип-хопу, – *вот кто* из нас, блядь, талант!

– Ладно, – говорю, чувствуя, чё скисаю еще больше.

Вырубаюсь на переднем сиденье рядом с водилой, пытаюсь отгородиться от галимого триндежа Конрада и лажового, подхалимского смеха Йенсена и девчонок. Жду не дождусь, када уже вернуся на Новый год в Эдинбург. Я даж готов кемарить на стремном матрасе у своего старикана в комнате для гостей. Но потом вспоминаю за Викторию и врубаюсь, чё в Л.-А. тож есть свои прелести.

Слава богу, када добираемся до «Стандарда», «спутница» Бренди уже нас ждет, и она очень клевая. Конрад исчезает вместе с ней и обеими девчонками, дав несчастному Йенсену от ворот поворот. Но у него есть номер, оплаченный «Цитадель продакшнз», сумма потом запишется на счет их клиента Конрада Аппельдорна под видом административных расходов. Вызываю убер обратно до Санта-Моники и до своей кроватки. Пытаюсь заснуть, мечтая о беспокойной коме, вызванной двумя амбиенами и половиной пузыря «Ночной сиделки». Сопровствляюсь, хотя глаза периодически распахиваются и я с ползучим страхом пожираю ими потолок. Когда погружаюсь в сон, оказываюсь на театральной сцене, где участвую в нозл-кауардовской постановке вместе с Франко в монокле и смокинге и с помесью Викки/Мелани в бальном платье.

Моя квартира в Санта-Монике расположена в смурном жилом комплексе на углу квартала. Оранжевую краску, покрывающую наружные стены, в целях экономии разбавили, так что из дерзкой и эффектной она превратилась в блеклое и невзрачное покрытие, пожухшее на повороте в переулок. Из плюсов – общая терраса на крыше, с бассейном, которым редко кто пользуется, не считая двух французских пидоров, курящих одну за другой. По утрам, как я называю послеобеденное время (обычно я функциклирую в диджейские часы), я люблю сидеть тут с ноутом, набивать мейлы и разбираться со звонками. Как раз звонит тот, кого я избегал: промоутер с Амстердама. Несчастный пиздюк такой настойчивый, чё приходится ответить. Блядские часовые пояса.

– Дес! Никак не можем друг друга поймать!

– Нам на ADE нужен Карл, Марк. Он сейчас актуален. Эйсид-хаус – это Карл Юарт. Конечно, тот нескончаемый праздник, что мы знаем и любим, сейчас переживает черную полосу. Но он *обязательно* вернется. В следующем году – тридцатая годовщина Ибицы восемьдесят седьмого. Нам в аппаратной нужен ЭН-СИН, причем в наилучшей форме.

Молча слушаю иво трепотню. Сердце надрывается, када кто-то вылаживается по полной, а ты в курсах, чё все равно его расстроишь.

– Марк?

Щурю глаза, глядя на слепящее солнце. Надо было кремом намазаться. Думаю – отбой дать или сказать Десу, чё иво не слышно?

– Мы не сможем быть на ADE, братан. Подписались на другой сейшен в Барсе.

– Говнюк же ты. Ты ведь обещал мне в «Фэбрике», что вы будете на ADE.

Я был на коксе. Никада ничиво не обещаю под наркотой.

– Я сказал, мы постараемся. Сейшен в Барсе – хорошая площадка для Карла, Дес, мы не могли отказаться. В этом году нам дали места в «Сонаре». Нельзя их расстраивать.

– А нас расстраивать можно, да?

– Дес, прости, братан. Ты же шаришь, что к чему.

– Марк...

– Да, Дес.

– Ты пиздюк.

– Даже не собираюсь спорить с тобой на эту тему, Дес.

Встаю, подхожу к парапету и смотрю на машины, медленно движущиеся по фривею в сторону пляжа. Прямо по курсу – грохот нового поезда метро на станции в центре Санта-Моники, пляжные городки наконец-то соединились с Л.-А. и Голливудом. Были времена, када я бы с этого проперся, но щас врубаюсь, чё даж ни разу на нем не ездил, и, к своему ужасу, не могу представить, када мне это понадобится. Вместо этого беру напрокат тачки, таскаюсь по забитым фривеям и ищу свободные места на подземных парковках отелей и офисов. Еб твою мать.

– И правильно делаешь, Марк. Пошел ты нахуй, кидала уебищный! Если б ты знал, какой кипиш мне пришлось поднять, чтобы тиснуть твоего никому не нужного сторчавшегося друга на афишу!

– Да брось, Дес, давай сбавим обороты.

Он вздыхает:

– И то верно, но все равно пошел нахуй.

– Люблю тебя, Дес.

– Ага, не сомневаюсь, – говорит он и заканчивает разговор.

И правда чувствую себя полным пиздюком, но как тока это признаю, все сходит на нет. Раньше я не был таким толстокожим, хоть и прикидывался. Потом это вдруг произошло, и все. Кабута я стал Тони, блядь, Старком, который изобрел психический костюм Железного Человека. Ясно, какая у этой брони позитивная сторона: тибя никуя особо не ебет. Недостаток? Ну, это типа антидепрессантов. На смуры не выпадаешь, но никакой эйфории и кайфов тоже нахуй не ловишь.

Последние пару дней сильно сбивали с толку. Разъезды, часовые пояса, недосып. Походу, я постоянно сидел на телефоне, но никаких подвижек не добился. Мухтельд звонила с офиса в Амстердаме на разных стадиях тревожности. Вся эта ссанина с интернет-банкингом: када живешь между странами, он не так уж гладко пашет. После обеда почти полдня говорил со своим банком в Голландии, «АБН АМРО», чёбы они перевели деньги на мой счет в «Ситибанке» тут, в Штатах. Понятное дело, снять наличку – тот еще, блядь, головняк, потому как... ну просто ебучие банки.

Пытаюсь прыгнуть с амбиена. В глаза кабута песка насыпали, и там бешено пульсирует кровь. Слава богу, Викки помогает, приходит и затягивает миня в постель. Говорит: больше никаких колес – тока секс. Потрававшись, погружаюсь в самый глубокий сон за долгие месяцы. Наутро с радостью обнаруживаю, чё она осталась на ночь. Так классно просыпаться с ней вдвоем. Хотя для миня это еще преступно рано, тыщу лет себя таким отдохнувшим не чувствовал. Она даже уламывает меня сходить на пробежку по береговой линии. Она-то сама не спешит, а вот я напрягаюсь, чёбы не отставать: пот градом, и аж легкие обжигает. Выкладываюсь, гордый, чё миня не считают ебаным старпером, которого надо подгонять. После этого у нас небольшой второй завтрак, а потом вертаемся на квартиру и в постель. Хоть я и умаялся, но, когда Викки потягивается и широко зеваает, а ее выгоревшие на солнце локоны рассыпаются по моей подушке, миня посещает вруб, чё я уже давным-давно не был таким щасливым, как в этот самый момент.

Вечером чешем на выставку Франко, или «Джима Фрэнсиса», как он сибя теперь величает в профсреде. Предлагаю поехать на метро. Поначалу у нее сомнения, но потом она соглашается, и мы на игривом расслабоне плавно скользим в центр Л.-А. На Викки отпадное гламурное черное платье и лодочки на высоком каблуке, волосы заколоты. Ощущаю себя восторженным, везучим говнюком.

Галерея – в бывшем одноэтажном товарном складе, примерно в пятнадцати минутах ходьбы от Першинг-сквер, в районе куча клевого стрит-арта. Болтаем с Мелани, у них с Викки уже полное взаимопонимание. Хотя Викки англичанка и ниже ростом, они так похоже говорят и двигаются, что это аж раздражает. Чума: у нас с Франко даже бабы похожего типа. Он стоит в чиносах и футболке с треугольным вырезом чутка в стороне от всех. Все равно что-то такое от него исходит, и незнакомцы не решаются к нему приближаться, но теперь это скорее усталое

равнодушие, а не голая агрессия. Обаянием заведует Мелани, которая, извиняясь, уходит здороваться с новыми гостями – видать, потенциальными покупателями.

Подходим к Франко, который встречает нас с Викки радушно. Я ей не рассказывал его (и свою) предысторию: просто упомянул, что в хреновые старые времена он заводился с пол-оборота, сидел в тюрьме, а потом открыл для себя искусство. Пока он болтает с ней о картине с распятием Кэмерона, Милибенда и Клегга ^[22], разглядываю ухмыляющегося харизматичного темноволосого малого чела, вокруг которого носится свита.

– Это Чак Поц?

Франко кивает, а Викки отмечает:

– Я работаю над заокеанскими продажами его последнего фильма для «Парамаунта». Хотя с ним самим и не знакома!

Воодушевленная, слегка аутичная кинозвезда приветливо улыбается Джиму Фрэнсису – художнику, ранее известному как Бегби, – и бросается к нам. Мы с Викки удостоиваемся кивка и слащавой улыбки, после чего актер концентрируется на Франко:

– Джимбо! Родной! Сколько лет, сколько зим!

– Это да, – соглашается Франко с неподвижным лицом.

– Мне нужна голова! Я должен напихать в твою голову, бро, – смеется Поц.

Франко держится стоически.

– Шармейн, моя бывшая...

Актер понижает голос, Викки извиняется и чешет в туалет, а я прикидываюсь, будто рассматриваю произведения искусства, развешанные на стенах и расставленные на постаментах. Смекаю, чё Поц явно пытается уговорить Франко сделать голову Шармейн Гэррити, своей бывшей жены и тож голливудской звезды. Хапаю бокал красного с подноса официанта и, подбираясь поближе, слышу, как он уламывает:

– Выручай братишку, чувак.

– Я ведь уже выручал. «Охотник наносит удар» – помнишь?

– Ага, блин, обидно за этот фильм. У меня были реальные проблемы с акцентом. Но у тебя произведения классные, и мне нужен оригинал Джима Фрэнсиса!

– Не ори, – слышу голос Франко, пока смотрю на картину с распятием. – Не люблю такие заказы светить.

– Согласен, бро. Как с тобой связаться?

– Дай мне свои цифирки, и я сам с тобой свяжусь, – Франко такой.

Смотрю на рюмящую мудохарю Кэмерона. Он ничё так получился, как и Милибенд, бедолажный задрот, а вот Клеэг нихуя на себя не похожий.

– Не вопрос, дружище. – Поц сияет и диктует свой номер, который Франко вбивает себе в телефон. – Ты же на меня больше не злишься, чувак?

– Не-а. Ни капли, – отвечает Франко.

Поц в шутку толкает его в плечо:

– Клево. Набери, бро! Назови свою цену. Я должен успеть, пока еще могу себе это позволить.

Ухмыляющийся Чак уходит к своей компашке, Франко всю дорогу смотрит ему вслед, а я подкатую обратно к художнику:

– Так ты у нас корешишься с голливудскими идолами и рок-звездами?

– Не-а, – говорит он, спокойно глядя на меня, – они тебе не друзья.

Викки возвращается из уборной – ненавижу себя, когда называю так дабл, – но ее перехватывает Мелани, и они заговаривают с двумя другими бабцами. Пользуясь случаем, роюсь у себя в сумке и тычу Франко конверт:

– Не... не... все норм, братан, – он отталкивает его от себя, кабута я пытаюсь ему собачье говно всучить.

– Они твои, кор. По нынешнему курсу. Пятнадцать тыщ четыреста двадцать фунтиков стерлингов набежало. Способ подсчета обсуждается...

– Мине они не надо. – Он качает головой. – Прошное нужно отпускать.

– Именно *это* я сейчас и делаю, Франко, – протягиваю конверт. – Возьми, прошу.

Вдруг к нам бросается чел в очках с черной оправой, полагаю, агент художника. Он явно взбудоражен и говорит Франко:

– Сэм Делита только что купил одну вещь за двести тысяч долларов! Голову Оливера Харбисона!

– Четко, – абсолютно невозмутимо говорит Бегби, обводя взглядом толпу. – Эксла Роуза нету?

– Не уверен, – говорит чел, озадаченный сокрушительным обломом. – Я проверю. Полно слухов. – И он смотрит на меня.

Франко с неохотой нас знакомит:

– Это мой агент, Мартин. Это Марк – дружок с родины.

– Очень приятно, Марк. – Мартин крепко жмет мне руку. – Вернусь к вам позже, ребята. Нужно работать в зале!

Когда Мартин уходит, Франко говорит:

– Видал? У миня есть все, что я захочу, братан. Ты ничё не можешь для миня сделать. Кароч, оставь свои бабки себе.

– Но ты миня выручишь, если их возьмешь. *Ты* можешь чё-то сделать для *миня*.

Франко медленно качает головой. Смотрит через всю комнату, кому-то кивает и улыбается.

– Послушай, ты меня кинул, и я тебя прощаю, – говорит он негромко, машет шикарно разодетой паре, и чел с ним в ответ здоровается. Еще один ебанный актер, снимавшийся в фильме, чё я недавно смарел в самолете, но не могу вспомнить ни имя парня, ни название картины. – Я по-любому бы сделал этот хреновый выбор – просто находился на таком этапе своей жизни. – Он малехо мине улыбается. – Но прошлое я отпустил.

– Угу, и я тож хочу, – говорю ему, сдерживая раздражение.

– Рад за тебя, – говорит он почти без сарказма, – но ты должен найти собственный путь, старичок. Последний раз, када ты пытался это сделать, я был для тибя, блядь, орудием. – Он делает паузу, и иво глаза наполняет прежний холод.

У меня аж все нутро обжигает.

– Франко, прости, блин, я...

– Обратно я туда не вернуся. В этот раз сейшен будет сольный. – И вдруг он улыбается и *мягко* толкает меня в плечо, почти пародией на прежнего Бегби. Миня врубает: «Этот пиздюк прикалывается».

– Ебанный рот... шиза какая-то! Я ж тут тебе бабки предлагаю, Фрэнк! Эти бабки твои!

– Не мои они, это с наркоты навар, – говорит он с каменным лицом.

Потом его рука опускается на мой локоть, и он подводит миня к картине с Джимми Сэвиллом ^[23], за которого в Америке никто не знает: тот валяется кровавым месивом у бара «Альгамбра».

Буркалы у Сэвила вырваны, а кровь с его хозяйства растекается по белым треникам пятном темно-красной мочи в паху. Внизу подпись:

«ТАК МЫ В ЛИТЕ ПОСТУПАЕМ С ДЕТОТРАХАМИ» (2014, холст, масло).

Он тыкает в красную точку на картине: знач, картина продана.

– От *это* от мое. Я народу ёбла крошил, и миня на кичу сажали. А щас я то ж самое делаю, и мине плотют.

Смарю вокруг, обводя взглядом портреты и литые бошки иво производства. Признаюсь, я не особо шарю в искусстве, но должен сказать: это самая огромная куча гамна, чё я видал за свою, сука, жизнь. Он капитально разводит этих тупых зажавшихся богатых уебанов, которые, видать, щитают, чё коллекционировать творения бешеного зэка – это клево. Он, конеш, молодец, но еб же твою мать: отливать чью-то репу, а потом ее корезить – никакое это, блядь, не искусство. Приглядываюся к посетителям галереи, чё таскаются с одной выставки на другую, как они щурятся, пальцами тыкают, обсуждают. Загорелые мужики и бабы, с отшлифованными в спортзалах фигурами, в классных шмотках, безупречно причесанные, испуанные в самых топовых одеколонах, духах и бабках.

– А ты знаешь, откудава бабки у *них*

? С наркотрафика? С торговли людьми, еб твою мать! – Пара человек с ближайшей группки оборачуется на мой громкий голос. Краем глазом замечаю, как охранник вытягивает шею. – Наверно, у тебя есть любимый благотворительный фонд, куда я могу их передать?

– Ша, кор, – походу, Франко это теперь в натуре по приколу. – Не позорься.

Мое лицо недоверчиво перекашивается.

– Теперь *ты* уже говоришь мине, чёбы я уёбищем сибя на публике не выставлял: гейм, сет и матч! Щас же скажи мине название своей любимой благотворилки, Франко, еб твою мать!

– Не верю я в благотворительность, Марк. И прошу, зови миня Джимом.

– А во что ты вообще *веришь*

? Чё, мине придется отдать эти пятнадцать с гаком тыщ «Хибзам»?

– Я верю в то, чё надо заботиться за своих, братан. – Он кивает своей открыточной калифорнийской блондинке-жене, внезапно гремят динамики, и этот чел, агент Мартин, выходит на середину зала.

Викки возвращається ко мне.

– Все нормально? – спрашивает она. – Что это? – показывает на конверт у меня в руке.

Кладу его обратно в сумку и застегиваю молнию.

– Попробовал отдать Фрэнку долг, но он не захотел брать.

– Должна сказать, все это выглядит очень увлекательно и таинственно. Наркотиками промышляли?

Франко оборачивается, и я не могу смареть пиздюку в глаза: подозреваю, чё нам обоим не удастся сохранить невозмутимый вид.

– Мы в Лите промышляем только магазинными чеками «Прови», – говорю ей.

Када оглядываюсь на Франко, слышу, как стучат пальцы по микрофону, вызывая статический треск, и толпа притихает. Агент Мартин прокашливается:

– Спасибо, что пришли. А теперь мне хотелось бы представить директора этой галереи и великого покровителя искусств города Лос-Анджелеса – Себастьяна Вилльерса.

Какой-то пиздюк с загородного клуба, с седой бошкой и красным таблом, похожий сразу на всех американских политиков, каких я видел, встает и начинает нести полную хуйню за Бегби. За то, чё лучше его «творчества» ничё пока еще не придумано. Не могу эту ссанину слушать! Мечтаю тока за то, чёбы отвести Викки домой. Я думал, чё за эти полдня уже насытился сексом до отвала. Хуй там. Смотрю на нее и по ее похотливой улыбке понимаю, чё она думает то же самое. Мы сруливаем, а диджей врубает фанк, и Франко с Мелани плавно танцуют под этот трек Питера Брауна, «Хочешь пофанковать со мной» ^[24].

«Ё-мое. Этот пиздюк... танцует. Уебан еще и двигаться умеет». Это чё, правда, блядь, Фрэнсис Бегби? Может, все дело во мне. Может, эти представления за Бегби въелись мне в мозг в другую эпоху. Может, мне надо просто отпустить всю эту хуйню, как, очевидно, отпустил ее *Джим Фрэнсис*.

Больной – В поисках Юэна Маккоркиндейла

Бухло и наркотики – это для школоты: мало что хуже бодуна или отходняка после ешек, когда тебе уже стукнул полтинник. Если смотреть фактам в лицо, даже с учетом рождественской вседозволенности, ты просто чувствуешь себя слабым и безголовым: скудные, слабеющие остатки веселья, которые получается выжать, никак не оправдывают последующего затяжного аттракциона ужасов.

Короче, я утопаю в этом удобном диване, перед большим плоским экраном и пылающими углями в доме Маккоркиндейлов, а рядом – чайник. Щелкаю каналы, пытаюсь сохранять позитивный настрой. Вижу во дворе Бена: он говорит по мобильному, расплываясь в улыбке. Решаю зависнуть здесь еще на пару деньков, как только сбегрю его на юг, после матча «Хибзов» с «Рейтами». Я был против независимости Шотландии, полагая, что мы полностью ее проебем. Теперь же мое мнение изменилось: судя по энергетике и уверенности жителей города,

мы бы не устроили такого бардака, как на юге. Собираюсь позвонить Джилл и подумываю насчет эдинбургских «Коллег», возможно, вычислю еще каких-нибудь новеньких и приведу их в божеский вид!

Меня отвлекает Карлотта: она прессует своего дорогого братца, буквально *нависая надо мной*. Понятно, что у нее на уме: пропавший муженек, опозорившийся отец этого в прошлом уважаемого семейства. Карлотта не шевелится и молчит, и я не знаю, сколько еще смогу притворяться, что не замечаю, как она таращится на мою макушку. Это ее манера еще с детства. Всида умела повысить атмосферное давление мрачным немим гневом. Решаю расшифроваться:

– Привет, сестренка. Просто пытаюсь понять, что смотреть. Тут вот есть, – беру дистанционку, нажимаю кнопку «справка» и читаю на экране: – «пленительная романтическая комедия с Одри Тоту в главной роли», но это не «Амели»...

– Ты найдешь Юэна! Ты найдешь моего мужа!

Поднимаю голову, а она смотрит на меня волком. Голос у нее сдержанный и четкий.

Поворачиваюсь к ней и развожу руками:

– Я в натуре не могу слышать сейчас крик. – Зря я это сказал, потому как ее глаза загораются смертоубийственной латинской страстью. – Он объявится, как только нагу...

– НАЙДИ ЕГО!

Что может быть хуже, чем бродить по этим холодным улицам в мертвой зоне между Рождеством и Новым годом? Остаться здесь, пока она орет как скаженная. С неохотой соглашаюсь, и она уходит, стуча ногами по деревянной лестнице. Накидываю в прихожей куртку, шарф и шапку, как вдруг входит Росс и, молча уставившись, требует отчета. Пожалуй, парнишка – маменькин сынок.

– Как наш фон-барон? И чё там Бенито на улице химичит? Шуры-муры небось крутит.

Тут только до меня доходит, что этот мелкий мудака сжимает кулаки, будто хочет устроить разборку!

– Мама сказала, это ты подставил папу с этой женщиной, – блеет он тонким голосом.

Вот же кобыла наглая! Да и пиздюк малый нахальный! Значит, этот больно умный мудака уже готов сойтись один на один со взрослым дядькой. Спокойно смотрю на него и понижаю голос:

– А может, ты сам в этом виноват, корешок, – и слежу, как у него от недоумения отвисает челюсть. – Может, Юэну захотелось показать себя, после того как ты распинался, что сам еще такая целочка, чё не можешь себе дырку найти.

– Что... Как ты... Кто сказал...

– Может, тебе учесть это в своих расчетах? – перебрасываю конец шарфа через плечо и начинаю застегивать куртку.

Глаза его быстро моргают, а губы дрожат.

– Тебе бы... Тебе не... – Он пытается убежать, но я хватаю его за руку. – Не трогай меня!

– Давай, беги к маме, – стебусь. Опешив, он останавливается. – Это поможет, если твоя цель в жизни – навсегда остаться девственником. Тогда ты сто проциков ее достигнешь.

Росс низко свешивает голову, будто смотрит на выдуманный мир «Майнкрафта», который расставил на полу.

– Выше нос, – говорю ему. – Будь мужчиной, ёбта.

Он изо всех сил пытается.

– Но... но... но...

Помогаю ему, дергая его подбородок кверху. Заставляю посмотреть мне в глаза:

– Дырку не можешь себе найти. Ничего. Я найду. Уж я-то понимаю, насколько это важно, – отпускаю его лицо. Замечаю, как он слегка свешивает подбородок, но взгляд устремлен на меня. – Твоя мать не поможет тебе с кем-то переспать, Росс. Твой отец... я тебя умоляю, – говорю, чувствуя себя немного предателем. Но никто ведь не просил Юэна трахать Марианну, и никто не просил их заниматься непотребством на камеру. «Озабоченная шалава... меня вдруг возбуждает авантюризм этой блядины. Я сам должен был ей вдуть, а не этот хуй с горы». – Но я помогу, – говорю Россу, и он вдруг выпучивает глаза. – Если хочешь.

Даже несмотря на его отчаяние, в этих лампочках что-то загорается!

– Ты... так ты выручишь меня?

– Ну конечно, – толкаю его в плечо. – Ты ж моя кровинушка. Я хочу, чтобы у тебя была полноценная сексуальная жизнь, чёбы ты мог разговаривать с бабами и наслаждаться плотским общением с ними. – Затягиваю его в нишу у входной двери и понижаю голос: – Я не хочу видеть, как ты переводишь свои юные годы на позорное древо и тушуешься, когда в комнату входит девчонка, по которой ты сохнешь, – объясняю, наслаждаясь темно-бордовым оттенком формы «джамбо», заливающим его табло. – У меня был классный друг, Дэнни Мёрфи его звали. У него никогда не было секса, – рассказываю с грустью. – В общем, паренек рос неправильно. Я не хочу, чтобы у тебя та ж фигня была, милый дружок.

Чувствую, мои уговоры на него действуют, но он все равно насторожен.

– А зачем это тебе? Почему хочешь помочь?

– Ну, у меня есть одно важное преимущество перед твоими мамкой с папкой.

– Какое?

– Я не считаю тебя дибильной малявкой. Для меня ты нормальный молодой чувак, который просто пытается пробить себе дорогу в жизни, и я врубаюсь, что щас это для тебя самое важное на свете.

– Да! – с благодарностью взвизгивает Росс. – Хоть кто-то понимает!

Киваю на лестницу и понижаю голос, заставляя его тоже говорить на полтона ниже:

– Ну естественно, понимаю. Ты хоть представляешь, чем я на жизнь зарабатываю?

Росс вращает головой, проверяя, все ли чисто. Потом поворачивается ко мне, втягивая нижнюю губу:

– Я слышал, как мама с папой об этом говорили. Что-то типа эскортного агентства.

– Именно. Я занимаюсь тем, что свожу одиноких и разочарованных людей с соблазнительными представителями противоположного пола. Это *моя работа*.

– Ты можешь...

Еще на децл понижаю голос и киваю на деревянную лестницу.

– Тсс... Да, могу, – шепчу.

Слышно, как Карлотта рвет и мечет в бешенстве, со всей силы хлопая дверьми и топая ногами по зашкуренным полам. Выглядываю во двор, где Бен заканчивает звонок, – скорее всего, он сейчас войдет и будет раскручивать меня на бабки. Этот малец – машина, пожирающая деньги. Во всем виноваты суррейцы с их беспечным потаканием или, что, наверное, больше соответствует действительности, с их умышленным унижением некоего Саймона Дэвида Уильямсона: они вынуждают меня состязаться в игре, в которой я никогда не смогу выиграть.

– Тебе нужна опытная женщина, которая поможет сломать целку.

Росс смотрит на меня в ужасе:

– Но мне нравится...

Обрываю его:

– Да знаю я, кто тебе нравится: какая-то боевая крутая телочка с мальчишечьим лицом, которая расхаживает с важным видом по школе, понимая, что она – топ-модель спортплощадки. Но для охоты на такую дичь необходимо снаряжение, и я говорю щас не только о пушке у тебя в штанах – надеюсь, там «уильямсон» девять и пять, а не «маккоркиндейл» пять и пять, если догоняешь мой намек.

Судя по страдальческому лицу парнишки, к правде ближе второе.

– Нет, кореш, тебе нужна уверенность, которую приносит опыт: как социальный, так и сексуальный. Вот что предлагает проф дядька Сай с Кобелиного универа. А теперь хорошенько это обдумай. И не говори ни хера матери. Это чисто пацанские дела. Обещаешь?

– Хорошо... Спасибо, дядя Саймон, – с благодарностью пищит он и бьет по протянутому кулаку.

В этот самый момент за его плечом появляется Бен. Он слегка задается, но все же зыркает на нас, типа «какого хуя?».

– Бенито-бандито! Пытаюсь уговорить твоего *пикколо куджино* ^[25], местного фон-барона, – и обымаю прыщавого парня за плечи, – сходить с нами на ИР-прием.

– В приемное отделение больницы? – говорит Бен со своим вальяжным великосветским пригородным акцентом подлондонских графств... «Господи, он один из них. Мой сын – один из них». – Это как-то связано с дядей Юэном?

– Нет, ИР – это стадион «Истер-роуд», а *принимает принимающая сторона*. Матч сезона против могучих «Рейт Роверсов»!

– Ага, клево, – говорит Бен без малейшего интереса, но немного оживляется, заметив, что я в куртке и шарфе. – Ты куда?

– Передам приветик от твоей тетушки.

– Ты идешь искать папу? – блеет Росс. – Я тож хочу!

– Исключено, дружище мой, – заявляю, слыша глухие шаги на лестнице.

– Росс! – гаркает Карлотта, стоя в дверях. – Ты останешься здесь со своим двоюродным братом!

У Росса виновато-озадаченный вид типа «что я, блядь, такого сделал?».

Я малехо ему подмигиваю, и, походу, это его слегка утешает. Самый подходящий момент, чтобы под благовидным предлогом сделать ноги. Хватит с меня семейной хуерги! Этот праздничный геморрой в календаре – просто какое-то мозгоебство, и слава Христу (в прямом смысле), что бывает он только раз в году.

Короче, выдвигаюсь на мучительные поиски. Зимний мороз щиплет лицо, а уличные фонари мигают тусклым светом. Дневные часы здесь такие мимолетные, что вставлять в крошечную темноту эти скудные мутно-серые вкрапления дерьма – практически издевательство. Прикольно, но по молодости мне всегда хотелось свалить с этого города. Лондон предлагал поле деятельности пошире. Но теперь я вдруг ни с того ни с сего испытываю извращенную преданность к Эдинбургу. Даже подумываю прошвырнуться по Лит-уок, но это лишь повлечет за собой удручающее отчаяние. Что может быть хуже, чем услышать, как кто-то на максимальной громкости выкрикнет через занюханный паб: «ЭЙ, БОЛЬНОЙ, ГДЕ ТЫ, ПИЗДЮК, ХОВАЛСЯ?» Хуже только, если не услышишь этого вообще. Ложусь на курс прочь из города – к Королевской больнице, где работает Юэн. Когда добираюсь до регистратуры, там по моему запросу звонят в отдел кадров, после чего сообщают:

– Доктор Маккоркиндейл до шестого января в отпуске.

В общем, возвращаюсь на автобусе в город. Ну и колотун, сука: табло от холода горит, а губы трескаются. Заруливаю в «Бутс», чёбы купить губной мази и гондонов.

Он же не какой-нибудь там бомжара, и нет смысла прочесывать авто- или ж/д вокзалы, так что я решаю потеряться по гостиничным холлам. Там хоть тепло. Лавэ у Юэна есть, но он такой прижимистый кальвинистский мудозвон, что не станет раскошелиться на «Балморал» или «Каледониан». Это должна быть практичная, чистенькая бюджетная сеть, так что я захожу в парочку и шарюсь: там дофига вафлеров по продажам и маркетингу, но никаких зашваренных колинтонских подиатров нет в помине.

Следуя той же логике, я сомневаюсь, что Юэн пошел бы в первоклассное эскортное агентство. Готов поспорить, он кантуется по саунам, получая кайф от самого факта: какая-то его часть возбуждается от потенциального унижения, если его застукает коллега по работе. Да, я считаю, он подсознательно стремится к скандалу. Захожу на парочку хат в стиле Мэри Тайлер Мур: одна в северной части Лита, другая в Новом городе, и показываю рождественскую фотку Юэна у себя на телефоне, но никаких признаков узнавания не замечаю.

Эти вульгарные заведения с их задрипанной публичкой меня угнетают. Местечко в Восточном Новом городе напоминает обшарпанное госучреждение восьмидесятых. В никаком вестибюле чувствуешь себя так, будто пришел поставить штамп в паспорте, а не кинуть кому-то на клык. Выхожу на улицу, собираясь на сегодня закончить и вернуться с пустыми руками к разъяренной Карлотте, как вдруг слышу: за спиной кто-то появляется. Потом чей-то голос окликает:

– Эй, браток, погодь минутку.

Оборачиваюсь и вижу то, что можно назвать лишь полнейшим уебищем. Глаза-щелочки сосредоточенно меня сверлят, предвещая крупные неприятности. Дорогой на вид костюм выглядит поношенным и как бы отсыревшим, словно этот тип *не снимал его в сауне*. Я его знаю: отмороженный пиздюк, руководит несколькими такими заведениями, на него когда-то работал Терри. Это хреново. Когда незнакомец обращается к тебе «браток» таким тоном, это всегда хреново.

– Сауны прочесуешь и за какого-то парня спрашуешь?

– Угу. – Перехватываю инициативу и показываю фотку на телефоне.

– Ну, ежели сыщика с сибя корчишь и к легашам не идешь, то чё-то тут некошерно, – говорит этот говнюк.

Боженька сварганил ему ебало, когда сидел с запором на толчке и придумывал слово «ехидный». Не лучшая работа Творца, чего уж.

– Парень чутка замешан в секс-скандале, – объясняю. – Хозяйка иво – моя сеструха, и она застукала, как он налево ходил. С дома иво вытурила. А щас хочет, чёбы он вернулся. Подумал, может, он блядует где, от и все.

Этот пиздюк все время переводит раскосые недобрые кумушкины глазки с экрана на мое табло. Потом вдруг говорит:

– Я в курсах за тибя! Больной они тибя звали!

Видимо, *они* – это такие же, как он, отсталые идиоты, родившиеся в результате совокупления двух хрюкающих даунов – сестры и брата.

– Ха... Давно уже за эту кликуху не слыхал.

– Угууу... Ты щас там в Лондоне кантуешься. С Лео и с этим греческим пиздюком, как иво...

Сердце у меня малехо екает. У этого слабоумного плода кровосмешения длинные руки, а его друзья-убаны с мозгами инфузорий не запрограммированы на то, чтобы отказываться от своих инстинктивных целей. Если он с ними кучкуется, то спрятаться негде, и значит, мне поневоле придется сотрудничать.

– Андреас... Да, Лео, классные парни. Но это все в прошлом. Сейчас у меня уважаемая служба знакомств. У нас есть приложение...

– Ты ж литский парень, – укоряет он, – с Франко Бегби ходил.

– Угу, – соглашаюсь.

Ненавижу, когда эти кретины употребляют слово «ходил», меня бесит их убогая гангстерская ссанина, и я не могу поверить, что слышу сейчас фамилию Бегби: этот буйный психопат умудрился выбраться из тюрьмы, вытянув билет сраного хуйдожника. Кошмар все мрачнее с каждой секундой. Темно и холодно, у меня бодун, и я мечтаю о диване. Даже словесные нападки и холодность Карлотты, наверное, меркнут в неудобной близости этого убана. Теперь уже ветер хлещет мне в лицо ледяным блядским дождем.

– Ну, меня не колышет, кто ты там, просто не заходи на мою территорию и не суй свою сопатку. Всосал?

– Ну, я и не совал, в натуре. Как я уже объяснил, я искал своего зятя. Он хирург и...

Не успеваю глазом моргнуть, как он вышибает с меня воздух острым, как нож, ударом под дых... Не могу вздохнуть, цепляюсь рукой за перила. Мимо под дождем проходят люди, кто-то стоит на автобусной остановке, другие курят возле паба. Никто из пиздюков даже не заметил, как этот хер на меня напал!

Смотрю в его безжалостные глаза.

– А трубу я забираю, – показывает на мобилу у меня в руках.

– Мой телефон... Нахуя?..

– Не заставляй меня повторять.

Отдаю телефон, ненавижу себя и пытаюсь отдышаться. Убежать или дать сдачи – для меня не вариант в данный момент времени, да, видать, и в любой другой. Этот пиздюк – убийца.

Он небрежно вбивает свой номер в мой телефон, звонит самому себе и слушает сигнал на своем. Отдает мой мобильник мне:

– Щас у нас контакты друг друга есть. Кароч, введу тебя в курса, если этот парень объявится. Ну а пока держись, нахуй, подальше от моей территории, если тока муа не приглашу. Так?

– Так, – снова могу дышать. – Спасибо... ценю, – а про себя думаю: «Если у этого пиздюка есть нормальные шалавы, я всех переманю к себе в эдинбургские „Коллеги“, а его будут каждый день опускать на петушином крыле Сохтона, в пресловутом бордовом свитере» [26].

– Лады, я, кстати, Виктор – Виктор Сайм, – говорит пиздюк, и мне еще стремнее от его склочной хабалистской интонации и руки, положенной мне на плечо. – Я введу тебя в курса, если услышу за этого, – он обыгрывает слово, – *херурга*. И прости, чё тыкнул малехо, а то кругом борзых пиздюков дофига, и надо малехо позицию обозначить, – лыбится он. – Но если ты в курсах за таких, как Лео и, само собой, Фрэнк Бегби, то тада я не против.

С радостью расстаюсь с этим пиздюком, но, как только сворачиваю за угол, от него приходит эсэмэска: «Я не забуду. Вик С.».

А в придачу – смайлик, который еще никогда не казался мне таким зловещим.

Нахожу галимую кафешку и сажусь, пытаюсь успокоиться за чашкой чая. Этот ебанный город! Надо отсюда выбираться. И нахуй независимость Шотландии: мы в два счета превратимся в бандитское государство, управляемое таким вот быдлом, как этот пиздюк Сайм! Все так:

от старых стереотипов не избавиться, какими бы шаткими они ни казались. На этой ноте прямоком перехожу к Джусу Терри.

– Тецца. Что там за история с этим пиздюком Виктором Саймом? Слышал, ты на него работал.

– Не могу щас гарить, корешок. Ты сам где?

– На Броутон-стрит, – говорю. Видать, у него сзади в таксо какой-то пиздюк.

– Буду минут через пяток. Где примерно-та?

– Встречаемся в баре «Подвал».

Перебазируюсь в «Подвал» и занимаю уютные места в глубине бара с двумя бутылками светлого.

Терри держит слово и заваливает в бар. К сожалению, я так долго жду, пока он болтает с барменшей, что приходится ему позвонить. Он закатывает глаза и направляется ко мне:

– Сраный ты кайфолом, Уильямсон. Seriously.

– Это важно, кор. Виктор Сайм, – напирая я.

– Угу... он в Испанию свалил. – Терри глотает пива. – Иво легаши зажопили, но прошлый год вернулся, мистер Ебанный Неприкасаемый. Не стукачок, думаешь? А как по мне, то да.

Не хочу вникать в жалкую местную бандюганскую политику.

– Откуда ты за него в курсах?

– Со школы. Тада нолем был, нахуй, без палочки. Мы все иво Пидором обзывали – такое у ниво погоняло было. Тада любой говнюк этого малого обсоса пиздил: он же не сразу поднялся. А щас сибя паханом щитают, после тово как Тайрон коньки отбросил...

– Тайрон? Скапутился? – Это для меня новость. Тайрон появился, когда я еще пацаном был. – А чё с жирдяем стряслось?

– Живьем у сибя на хате сгорел. У ниво с молодой бригадой война была. Одного с них на литских доках завалили. Куча народу щитают, чё Пидор воспользовался случаем и на их обоих наехал – на Тайрона и молодого отморозка. По слухам, стучит в Полицию Шотландии на восточных европейцев – все эти пиздюки в Лондоне и Манчестере дофига ему должны, ну такая тема, да ж. Может, пиздеж, а может, и не. Но я за одну фигню в курсах: пиздюк сделал ноги в Испанию, када полисыя иво разыскивала после исчезновения чикули, чё на саунах работала. Сам ее тож сношал, но чисто по-братски – никогда за это дело не башлял.

Терри смотрит на меня с суровой настойчивостью.

– Не сомневаюсь, что ты способен так очаровать проститутку, что она переспит с тобой без всяких операций с наличными, Терри. Но ты сказал, что Сайм был в бегах?

– Просто нахуй съебал. Вышел с игры с саунами и в Испании ховался. А потом такой в темпе вальса вертается, кабута ни в одном глазу. – Терри озирается. Понижает голос: – Думает, чё я у ниво в шестерках хожу. «Не в службу, а в дружбу, Терри, братан...» – Он неплохо передразнивает ехидную интонацию Сайма. – Но он свое огребет, – говорит Терри с бессильной агрессией. – Он на всю бошку, десятой дорогой обходь, – предупреждает он. – По-любасу как Рождество отметил? Обычная мурыжная байда семейная?

– Ну, ты в курсах, как оно, – говорю ему, вспоминая идиота-зятка и его придурковатого сына, напряги из-за их переполненных кровью членов и обескровленных мозгов, и рассеянно беру со стула журнал; на фотографии – актриса Кира Найтли, полуголая и в сладострастной позе, рекламирует духи.

– Я б вдул нах, – заявляет Терри.

– Найтли, – говорю задумчиво.

– Будь она шмарой, сто пудов отымел бы.

Мы еще немного болтаем, и Терри подбрасывает меня на таксо к Карлотте. Темень непроглядная: даже не верится, что всего-то начало девятого, – кажется, будто часа два ночи. Вижу Бена, он снова во дворе, на телефоне, с галюновой подсветкой. Видать, говорит с какой-то чикулей: никуя не колетса, и я его всецело за это уважаю. Я без Юэна, чего, конечно, хватает, чёбы Карлотта опять взбесилась. Говорю ей, что проверил больницу и гостиницы, умалчиваю о саунах. Похоже, она слегка успокаивается, но потом ее вдруг обжигает очередная молния ярости:

– Что ты сказал Россу?

– Ничего, – отпираюсь, поглаживая живот, который еще не прошел, и опускаюсь на диван, размышляя над тем, что Сайм, может, мне еще пригодится.

Отморозков иногда нужно ассимилировать – стратегия борга из «Звездного пути», – а не бороться с ними или игнорить. Боль вызывает воспоминания о том, как в школе меня чморил Бегби, пока я не подружился с Рентоном, который был его лучшим другом. Всё чисто для того, чтобы этот ебанат от меня отстал. Голова кружится. Взгляд у Карлотты прибабаханный.

– Просто убеждал мальчика поучиться у Юэна, – говорю. – А где он, кстати? Я видел Бена на улице...

– У Луизы, – выпаливает она, а потом сощуривает лампочки. – У Юэна поучиться? В каком, блядь, смысле?

Уж не знаю, что там растрондел этот бесхребетный мелкий ушлепок, но от меня он люлей обратно огребет – через свою любимую маммульку.

– Послушай, то, что увидел Росс, его, конечно, травмировало, – соглашаюсь, – но, возможно, не так, как должно было.

Карлотта смотрит на меня большими макаронниковскими буркалами, которые нам обоим достались от мамы, и расходится на всю катушку. Бедная Луиза унаследовала порочные, вороватые шимпанзиные щелочки старикана.

– Чё ты хочешь сказать?

– Он мой племяш, и я его люблю, а потому не хочу закладывать, но у меня есть основания полагать, что Росс смотрит экстремальную порнографию.

– Что?! Росс? Порнографию? По интернету?

Эх, сеструха! Спустя столько лет до сих пор школьные ошибки лепишь – допускаешь возможность. Когда защитник на поле дает задний ход, продолжай наступать, извиваясь и выворачиваясь, точно коренастый аргентинец. Вспомни Лайонела. Вспомни Диего.

– Более того, я полагаю, когда Юэн это обнаружил, его это немного вышибло из колеи. Для деревенского паренька, у которого не было сексуального опыта, пока он не стусовался с тобой...

– Стой! Юэн тебе рассказал?

– Ну, обиняками, по-мужичьи, но я это скорее логически вывел. Никаких имен или подробностей, но я типа вычислил, что у вас, ребята, были ухаживания в духе «Тейлор Свифт – Майкл Гоув», – улыбаюсь. – По схеме «роковуха и ботан».

Этим вытягиваю из нее горьковато-сладкую улыбку.

– По-моему, он просто был уязвим – полтос стукнул и все такое, а эта чокнутая хрычовка Марианна воспользовалась ситуацией, чтобы достать *меня*, разбив единственное, чем я дорожу, – смотрю на нее, собирая всю свою проникновенность, – семью.

Карра качает головой. За много лет она слышала кучу вариантов этой речуги.

– Я тебе не верю, – говорит она, повышая голос. – Так, значит, во всем этом дурдоме виноват мой сын?

– Нет. Виновато общество. Темп технологического прогресса, – наступаю я, хотя уже догадываюсь, что она без всякого ущерба выводит мяч из игры, чтобы ударить от ворот. Если б я только мог до него добраться... – Но Росс стал тем посредником, через которого общество

причинило боль моей семье. Наши нравы просто не поспевают за интернетом, цифровой революцией, айпадом и «облаком» – отсюда и наш когнитивный диссонанс.

Карлотта отступает на шаг. Смотрит на меня, как на опасный экземпляр по ту сторону решетки вольера.

– Ты законченное убище, – выдыхает она. – Разрушаешь жизни людей, чёбы пощекотать себе нервишки.

«А младшенькую девицу Уильямсон еще рано со счетов списывать...»

– Слышь, сеструха, давай пальцами не тыкать. Никому от этого ничё хорошего.

Она шагает вперед, и мне кажется, она сейчас мне врежет. Но она просто трясет кулаками, как маракасами.

– Вечно не надо пальцами тыкать, када виноват во всем ты!

Тут нужно сделать какой-нибудь финт ушами. Обычно лучший способ защиты – нападение.

– Я постоянно оглядываюсь на свою жизнь, особенно в эту пору года, склоняющую к размышлениям. Меня что, не в чем упрекнуть? Отнюдь. – Складываю руки на груди. Карлотта никогда раньше не прибегала к насилию, но сейчас мы в неисследованных водах эмоций. Решаю ее накрутить. – Но тока прошу, не надо строить, блядь, вид, чё это я во всем виноват, – говорю, переключаясь в режим негодования. – Не надо миня этой ссаниной кормить – этим старым подходом типа «давайте оправдаем всех, кроме Саймона». Наверно, как тактика это на первый взгляд привлекательно, но очень непорядочно и чересчуур удобно. Это ж полнейшая бредятина!

Глаза у Карры как яйца у ротвейлера.

– О чем ты пиздишь?! В каком, блядь, мире ты вообще живешь?! – Дышит она еле слышно, и сердце у нее колотится.

Я подхожу ее обнять:

– Карра... *ля миа сореллина*... [27]

Она отпихивает меня, обеими ладонями жахая в грудь:

– МОЙ МУЖ ПРОПАЛ, А У МОИВО СЫНА ПОТЕК ЧЕРДАК. – Теперь она уже молотит меня кулаками. Один раз попадает в то место под ребрами, куда Сайм нанес свой прицельный гопарский удар, и я оступаюсь. – ИЗ-ЗА ТИБЯ! ТЫ НАЙДЕШЬ ИВО! ТЫ ВЕРНЕШЬ ЕГО НАЗАД!

– Спокуха, сестренка, у меня все под контролем. – Беру свой телефон, смотрю на список звонков и на эсэмэску от Вика со смайликом.

Тут Карлотта, машинально проверив мейлы у себя в телефоне, внезапно взвизгивает:

– ГЛАЗАМ СВОИМ НЕ ВЕРЮ! – Она смотрит на меня в шоке. – Это от Юэна...

– Вот и хорошо, я знал, что он рано или поздно одумается и выйдет на связь.

– Но он... пишет, что он в ЕБАНОМ ТАИЛАНДЕ!

Как раз в этот момент выскакивает эсэмэска от Сайма:

«От херурга ничего не слышать?»

Громко вздыхаю, и мы говорим с ней в один голос:

– Что ж нам, блядь, делать?

Тут через заднюю дверь входит Бен с довольной ухмылкой на лице. Не знаю, что он успел подслушать из нашей небольшой перепалки, но он очень немногословен.

– Узнаю влюбленный взгляд, – подкалываю его, а Карлотта в ярости уходит из комнаты. – Кто эта счастливица?

– Я о своих шурах-мурах не треплюсь.

Парень застенчиво мне улыбается. Внезапно хочется защитить его и отвезти обратно в Суррей, подальше от творящейся вокруг меня хуйни.

Рентон – Расчет с Больным

Сегодня ясный морозный денек, и я смотрю в окно на Роял-Майл. Моя чашка дергается и гремит, када опускаю ее на блюдце, кабута я нервнобольной. Не могу больше скакать по дальним рейсам: десинхроноз разрушает. Я завязал с амбиеном, ксанаксом и валли, но все равно насилу могу насыпать сахара себе в чай. Дальше плыть уже некуда.

Жесть было расставаться с Викки. Мы настока завели друг друга, чё оба стали голодными, возбужденными и тупыми, как бывает, када встретишь кого-то и реально западешь. Походу, в какой-то момент я влюбился: наверно, када сказал, чё никада не прощу мусульманских экстремистов за 11 сентября, ведь теперь стало гораздо труднее перевозить наркоту и моя жизнь как директора диджеев усложнилася. Она грустно посмотрела на меня и сказала, что ее двоюродный брат работал во Всемирном торговом центре и погиб во время теракта. Я в ужасе открыл рот и выдавил из себя извинения, а она рассмеялась и сказала, что просто надо мной простебалась. Ну как не любить такую вот девицу?

Сейчас она в Л.-А., а я в кафешке в дубачном и морозном Эдинбурге. Мимо чешет заторможенный люд. Глобальная коммерциализация заставила шотландцев делать вид, кабута им нравится Рождество, но мы ж генетически запрограммированы против ниво бунтовать. Миня

б всего обсыпало, если б я завис на хате с родней больше чем на два дня. К нашему естественному темпу ближе Новый год. Хотя не сказать, чё я дофига выглядую с окна, ведь и внутри видок нехилый. Марианна всегда была очень смазливой девчонкой: губастая, надменная, стройная блондинка, худенькая, как спортсменка, с булками как у супергероя бицухи. Весь мир был у ее ног, но ее сгубил роковой изъян: она зациклилась на Больном. Пиздюк, само собой, исковеркал ей жизнь. Но она, наверно, в курсах, где он, или сможет иво найти. Я нарыл ее номер через Эми Темперли, общую подругу с Лита, и мы забили стрелу в этой кафешке на Роял-Майл.

Первая мысль: ё-мое, Марианна феерически хорошо постарела! Эти скандинавско-шотландские гены не пухнут, и кожа у нее осталась бесподобная. Сперва она начеку. Хули уж тут. Я и сам, блядь, начеку. Я ж кинул Больного намного больше, чем на три штуки двести, которые вернул ему в порнушную эру. Эта выплата была просто подставой, чёбы обусть его на шиссят штук, тада в 98-м, а щас это примерно девяносто одна. Но я это сделал тока потому, чё он пытался натравить на меня Бегби – в отместку за то, чё сначала я кинул иво самого. Ну и я потырил оригинал порнофильма, который мы сняли. Все сложно.

– Так ты хочешь вернуть ему деньги? – скептически говорит Марианна. – Спустия столько лет?

Кажися, она собирается миня нахуй послать, и я добавляю:

– Просто хочу отпустить прошлое и двигаться дальше.

В глазах у нее вспыхивает огонек:

– «Фейсбук» не пробовал?

– Миня-то в социалках нету, но я глянул. Так и не смог иво надыбать.

Она прокручивает телефон и протягивает мне:

– Он там не под своим именем. Это его эскортное агентство.

Фейсбук-страница привязана к вебсайту. *Colleagues.com*, такая смесь намеков на перепих – тыры-пыры, хихи-хаха – с корпоративным жаргоном восьмисятых, нашпигованным мотивационными рекламными слоганами: у миня абсолютно хуй сомнений, чё всю эту байдю сочинил он сам.

– Больн... Саймон руководит этим эскортным агентством?

– Угу, – говорит Марианна, забирает телефон обратно и проверяет.

Неожиданно чувствую, как в груди растекается тепло, вслед за ним – прилив возбуждения. Отношения у нас с Больным вечно перерастали в дестрой, но скучать никада не приходилось. Мине почему-то не терпится узнать подробности. Тада Марианна немного раздраженно говорит:

– Не хочешь как следует забухать?

Хочу ли я как следует забухать? Вспоминаю за Викки. Но что у нас с ней? Разве эта связь не просто у меня в голове? Даже не знаю, если б я переспал с кем-то другим, она бы обиделась или рассмеялась мне в лицо над моей дуростью. С моих губ слетают вероломные слова:

– Можно пойти ко мне в отель, если хошь.

Марианна ничё не говорит, но встает. Мы вырुливаем и чешем рядышком по Виктория-террас, каблуки Марианны гремят канонадой по булыжникам Грассмаркета. Проходим мимо паба, который, наверно, мильон раз менял название, но я вспоминаю, чё во времена моей молодости там разные группешники лабали.

Када я кинул Больного, это было второй причиной (не считая, что из-за меня покалечился Бегби), по которой я перестал руководить клубом и стал директором диджеев. Я полностью вложился в своего первого клиента – Ивана. Потом, как тока он раскрутился, его переманил еще более беззастенчивый директор с еще бóльшим ролодексом. Это был важный урок, и я показал, что его усвоил, когда увидел в одном роттердамском клубе игру Конрада. За ним как бы присматривал старший брательник его друга. Я быстро врубился, что этот пиздюк – гений. Он мог играть танцевальную музыку любых жанров. Я перетер с ним и выяснил, чё он не считал зазорным даже пробовать поп-хиты. Они должны были принести мне такие бабки, что я шутя мог бы погасить нехилые долги. И вот они погашены.

Само собой, неохота отдавать эти кровно заработанные бабки Больному! Но раз уж следовать моему плану реабилитации и искупления личной вины, то с ним тоже повидаться надо. Ну и со Вторым Призером, который от денег отказался еще тогда. Он ударился в религию, и о нем ничего не слыхать. Я должен ему пятнадцать кусков, как и Франко. Но ебучий Больной своим нехилым шматком меня полностью разорит. Кароч, я заслуживаю какой-нить компенсации.

Када добираемся до отеля, я с понтом показую на бар, но Марианна резко говорит:

– Пошли к тебе в номер.

Я не могу этого, нахуй, сделать, но должен. Это ж *Марианна*. Помню ее малолеткой: боевая и надменная со мной, нереально красивая и сексуальная, када висела на локте у похотливого Больного. Тада у меня с ней было ноль шансов, а щас она подает себя мне на тарелочке с голубой каемочкой. Может, все это часть процесса: надо изгнать демонов прошлого, чёбы можно было двигаться дальше.

Садимся в лифт и поднимаемся в номер. Мне не по себе: постель еще не застелена и воздух спертый. Не могу вспомнить, спустил я вчера ночью или не. В последнее время я никада не дрочу: мне и днем хватает ярких поллюций. А как погоняешь лысого в гостиничном номере, такая смурь и одиночество нападает: с годами это тока усиливается. Врубаю кандеи, хоть и в курсах, чё он за пять минут тут все заморозит.

– Бухнуть хошь?

– Красного вина. – Марианна показывает на бутылку на столе – одну с тех, чё ты завсегда открываешь, подсознательно думая, чё они включены в стоимость, хоть они никада не включены.

Откупориваю ее, а Марианна разваливается на кровати и скидывает туфли.

– Тада приступим? – говорит она, откровенно глядя на меня.

В таких ситуациях лучше помалкивать, и я начинаю раздеваться. Она садится в кровати и делает то ж самое. Думаю, что, если не считать моей бывшей, Кэтрин, у Марианны самая бледная кожа из всех девиц, кого я видел. Само собой, волшебная архитектура женского тела завсига возбуждает, и эта жопись точно такая же бесподобная, какой я ее наблюдал-воображал себе с самой юности. Когда-нибудь эта шикарная фигура исчезнет – так же как зрение, слух, континенция, но надеюсь, она сдастся самой последней. Потом я вдруг врубаюсь, что есть один затык.

– У меня гондонов нету...

– У меня тоже, – говорит Марианна, королевна малохольная, прикрывая рукой свои лилейные груди, – я ж не трахаюсь направо и налево. Несколько месяцев ни с кем не еблась. А ты?

– Так же само, – уступаю.

Я перестал дрючить молодых чувих из клубов много лет назад. На самом деле они охотятся только за диджеями, а сам я, как правило, утешительный приз. Все начинается как психопомощь, а заканчивается растоптанной самооценкой.

– Так погнажи, – говорит она, словно вызывая меня на махач.

Мы трахаемся, и я стараюсь показать высший класс, чтоб она поняла, как много теряла.

Потом, когда лежим рядышком, дистанция из океана и континента, которая, казалось мне, разделяет нас с Викторией, вдруг резко сокращается. Совесть и паранойя колбасят миня до такой степени, чё она кабута в соседнем номере. Потом Марианна говорит с грубым смехом:

– А ты лучше, чем я ожидала...

Это могло бы стать комплиментом, кабы ее ожидания не были ниже плинтуса. Если я сам до сих пор считаю ее школьной выпендрежницей, вполне логично, что она всегда будет считать меня зашуганным рыжеволосым утырком. Мы обречены жить с теми ж представлениями, чё были у нас в четырнадцать лет. Чувствую, как щас прозвучит слово «но»; мало того, я еще и сто проциков в курсах, за кого пойдет речь.

– ...Но не так хорош, как один наш общий знакомый, – говорит она с отсутствующим видом; мой выдохшийся хуй чутка съезживается. – После него мне всегда хотелось еще и казалось, я сама могла бы дать ему больше. Он дразнил меня. – И она смотрит на меня с горькой улыбкой, которая ее старит. – Мне всегда нравился хороший секс. – Она вертится кошкой на кровати. – Он ебал меня лучше всех.

Мой умотанный хер втягивается еще на полдюйма. Када нарушаю свое гиблое молчание, мой голос звучит как минимум на октаву выше:

– Ты позволила ему исковеркать тебе жизнь, Марианна. Зачем? – Силой понижаю тон. – Ты же умная баба.

– Нет. – Она качает головой, и ее наэлектризованные светлые локоны, похожие на нейлоновый парик, снова ложатся на место – точь-в-точь как лежали, пока мы поролись на всех парах. – Я, блядь, ребенок. Это он меня такой сделал, – заявляет она, а потом сморит на миня. – И он сейчас здесь. Не в Лондоне, а в Эдинбурге. Приехал на Рождество, пиздюк.

Это для меня открытие. Он, само собой, должен быть тут: его мать, сестры, большая итальянская родня.

– Знаешь где?

– У сестры, на Рождество. Карлотта, младшая. Но его зять... – Походу, ей неловко. – Я встретила с ними на Джордж-стрит. Саймон сказал, что поведет сына в представительскую ложу на «Истер-роуд», на новогоднюю игру.

– Так... может, там его и увижу.

Но я ж и сам, блядь, ребенок. В общем, када Марианна сваливает, узнаю на сайте ФК «Хиберниан», чё на Новый год они играют против «Рейт Роверсов» на своем поле. Вот что мы теперь имеем вместо матча между командами одного города. Рад, что последние двадцать лет обходился без «Хибзов» и даж без футбика, став диванным болельщиком. «Аякс» съехал вниз, как только я начал за ним следить. От Кубка Европы и последнего сезона на «Де Мер» до чумовой «Арены» – такой вот ебанный стыд. Даж не могу вспомнить своей последней игры «Хибзов». Кажися, на «Айброксе» со стариканом.

Кароч, возвращаюся к батяне в Лит. Ему семьсят пять, и он молодцевато выглядит. Не так молодцевато, как Мик Джаггер, но шустрый и крепкий. До сих пор каждый день скучает за матерью и за двумя покойными сыновьями. Ну и, подозреваю, за ныне здравствующим. Кароч, когда я вхожу в его жизнь, а не просто звоню в неделю раз, то веду его в «Рыбаков на Набережной» – заценить морепродукты. Ему там по кайфу. За грандиозным рыбным супом рассказываю, как так вышло, что снова корешусь с Франко.

– Читал за него, – кивает батя. – Рад, чё у ниво хорошо дела идут, – махает на меня ложкой. – Странно, а я щитал, художество – больше твой конек. В школе ты ж хорошо малевал.

– А, ну да... – улыбаюсь слегка инфантильно.

Люблю старого хрыча. Смотрю на его седые волосы, жидкими прядями зализанные назад, будто белый медведь опустил лапу на розовый скальп, и думаю: сколько ж их побелело из-за меня?

– Молодец, чё оставил все это в прошлом, – ворчит он. – Жизнь такая короткая: зачем из-за денег ругаться?

– Усохни, коммуняка старой, – не могу упустить случая проехаться по его политическим убеждениям. – Деньги – единственное, за чё стоит ругаться!

– В том-то и беда с современным миром.

Моя задача выполнена! Приговариваем пузырь «шардоне»: старикан до сих пор еще чутка прибуханный, после того как мы с ним перебрали на Рождество вискаря. Када иво слегонца развозит, вызываю таксо и подкидываю до дома, а сам чешу дальше в отель.

Качусь в тачке по темным улицам и вдруг не могу поверить: кто это там на тротуаре под фонарем аскает? Радость смешивается с мандражом, када вижу, чё это Спад Мёрфи, сидит всего в паре метров от моего отеля. Прошу водилу тормознуть, выезаю и платю парню. Потом тихонько подхожу к Спаду: он в бейсболке «Куик-фит» и дешманском бомбере, джинах и нелепо смотрящихся новых кроссах, в шарфе и варежках. Сгорбился в три погибели. Рядом с ним – один с тех малых терьеров, хазэ, йорк или вест, но на вид так и просится, чёбы его помыли и шерсть подстригли.

– Спад!

Он подымает голову и пару раз моргает, а потом по его фейсу расплзается лыба:

– Марк, не могу поверить, как раз собирался манатки паковать.

Он встает, и мы обнимаемся. От ниво шибает вонючим запахом несвежего пота, и я даж подавляю рвотный позыв. Решаем прибухнуть и чешем в гостиничный бар. Спад – практически бомжара, и на поводке у него шелудивый цуцик, но я клиент этого клоповника, и хотя барменша, судя по взгляду, совсем не в восторге, она спускает все на тормозах. Это, вообще-то, дофига любезно с ее стороны: не хочется быть пиздюком, но от ниво ж типа нахуй смердит, как с самой юности не смердело. Ну, может, тока када мы по-черному выступали, но, наверно, мой собственный запашок перебивал. Располагаемся в темном закутке, подальше от всех остальных в полупустом баре. Цуцик по кличке Тотоба молча сидит у его ног. Думаю, странно, чё Спад собачником стал, – он же завсида на котанах был помешан. Неизбежно начинаем перетирать за феномен Франко, и я рассказываю, чё хочу рассчитаться с Большим, Вторым Призером и с самим хуйдожником. Мол, мне надо найти одного, другой куда-то пропал, а третий не хочет бабок, чё ему причитаются.

– Немудрено, чё Франко башли не интересуют, котан.

Спад захлебывает добрую четверть пинты светлого, а Тотоха принимает мои ласки под столом. Он вонючка с тусклым мехом, но симпатяга и няша, шлепает своим наждачным языком по моим костяшкам.

– Ты в каком смысле?

– Чисто клятвое лавэ, типа того. Бабки, чё ты мне дал, самое хреновое, чё со мной в жизни случилось. Немеренное марафонище с наркотой, капец у нас с Али. Хотя я и не могу перекладывать вину на тибя, котан, – вежливо добавляет он.

– Думаю, все мы сами делаем выбор в жизни, братан.

– Ты в натуре в это веришь?

В общем, сижу тут и перетираю за свободу воли и детерминизм с бомжом: у меня «Гиннесс», у него – «Стелла». И полемика продолжается в моем в номере.

– А у тибя есть другие варики, чёбы в это не верить? – спрашиваю, открывая дверь, и в нос мне шибает запах дневного секса, но Спад, походу, не замечает. – Да, у нас мощные импульсы, но мы понимаем, что это такое и к чему ведет, а потому сопротивляемся и отвергаем их, – говорю и вдруг догоняю, чё своей визиткой из нержавеющей «Цитадель продакшнз» нарубаю в туалете дорожки кокса.

– Ты хоть видишь, чё щас делаешь?

– Я щас не в режиме «сопротивляйся и отвергай», – говорю ему, – а в режиме «продирайся любой ценой». Ты не обязан присоединяться. Тибе решать, – говорю ему, махая свернутой двадцаткой. – Сделай свой выбор – вот это вот мой.

– Угу... мож, просто для общения, типа того, – говорит Спад с растущей паникой в голосе, которая спадает, как тока я протягую пиздюку купюру, хоть и в курсах, чё больше никогда ее не увижу. – Давненько я не нюхал.

После чего выходим обратно на улицу и заглядываем в парочку баров – единственный способ от ниво сдыхаться, наскока я в курсах. Потом глаза у миня начинают слипаться, а нижняя челюсть чуть ли не отрывается от репы в питбульской зевоте. Чешу в отель и пытаюсь урывками поспать.

Зубодробительный будильник будит миня, походу, минут через десять. И это моя жизнь во всей ее злоебучей усратости. Теперь я должен лететь обратно в Л.-А., к Конраду на сейшен, а потом возвращаться сюда на Хогманай, чёбы вписаться наутро в канун Нового года на большую вечерину с бубенцами. Потом охота просто забуриться на зиму в Амстердаме и переделать кой-какую работу, но надо опять вертаться в Л.-А. и уделить время нашим с Викки отношениям, если я в натуре хочу, чёбы дело пошло на лад. В груди, как раковая опухоль, комом разрастается ненависть к себе, и я размышляю, чё хватит уже *нахуй трахаться направо и налево*.

В общем, вылетаю ночным рейсом в эту ебаную язву на теле человечества – аэропорт Хитроу, а потом первым классом – аж до самого Л.-А. Пиздюки-охранники обнюхивают мой чемодан до последнего дюйма, пытаюсь найти следы снежка. Но мои банковские карты нихуя не показывают, а визитка с нержавейки чистенькая на загляденье.

Блядство, какой же это долгий и нудный полет вместе с Конрадом, чё прибыл транзитом с Амстика и сидит рядом со мной. Он скучный, смурной и абсолютно неприятный попутчик, и я благодарю боженьку за относительную изолированность индивидуальных отсеков. Конрад, вообще-то, слегка аутичный, избалованный жирный пиздюк, но я верю, что по сути он годный пацанчик. А что мне остается? Эмили диджеит в лондонском «Фэбрике», она просто молодая и бестолковая, но сердце у нее доброе. Есть еще Карл. Самый большой бек с них со всех. Ну и троица, нахуй. А теперь в мою жизнь вернулся ЕБАНЫЙ ФРЭНК БЕГБИ, и я разыскиваю БОЛЬНОГО.

В аэропорту Л.-А. крысотрах с миграционной службы долго и испытующе зырит то на меня, то на ксиву, то на меня, то на ксиву. Это херово. Значит, щас чё-то скажет.

– Ну и как долго вы живете в Амстердаме?

– Периодически, лет двадцать пять.

– Вы директор в индустрии развлечений?

– Директор артистов, – признаюсь и приунываю из-за отсутствия иронии в голосе. Смотрю, как Конрад быстро проходит контроль через пару кабинок от меня и как его одутловатые пальцы потеют на дактилоскопическом сканере, будто сосиски на электроплитке.

– Музыкальных групп?

– Диджеев.

Он немного добрее:

– Это как быть директором группы?

– Проще. Сольные исполнители. Никакой аппаратуры, – заливаю, а потом вспоминаю исключение из всякого, блядь, правила – этого ебучего неандертальца Юарта. – Билеты на самолеты, трансфер и проживание. Общение с прессой. Выбивание отчислений за публикации, бодание с промоутерами из-за концертов и оплаты, – распинаюсь и едва сдерживаюсь, чтобы не добавить: «наркотиков».

– Вы здесь часто бываете. Планируете переезд в США?

– Нет. Хотя у меня есть квартира в Санта-Монике. Помогает сэкономить на отелях. Часто приезжаю в Л.-А. и Вегас по делам. Один из моих артистов, – тычу пальцем в Конрада, который уже прошел контроль и чешет за багажом, – у него контракт в «Уинне». Я всегда путешествую

по Электронной системе авторизации въезда. Подал на грин-карту, – и вдруг вспоминаю Викки, смеющуюся в лучах солнца на пляже, – но даже когда получу, не буду жить здесь все время.

Он смотрит на меня, как будто не верит, что мое заявление на грин-карту для иностранного гражданина будет принято.

– Один из моих спонсоров – Дэвид Гетта, – выкладываю я.

– Ага, – говорит он, словно ставит крест, а затем, походу, совсем расстраивается: – Почему вы не хотите жить здесь постоянно?

– Возможно, по той же причине, почему вы не хотите жить в Амстердаме? Мне нравится Америка, но, на мой личный вкус, она чересчур уж американская. Подозреваю, Голландия вам тоже показалась бы чересчур уж голландсковатой.

Он выпячивает нижнюю губу, хмуро меня оценивая, и в кататонической скуке откидывается на стуле. Загорается люминесцентный зеленый свет, я в тысячный раз отпечатываю свои пальцы, и меня в очередной раз фоткают. Штамп в паспорте и в таможенном формуляре – и я снова в стране свободы.

Когда я где-нибудь приземляюсь, первым делом – в буквальном смысле – начинаю раскручивать промоутера на наркоту. Тот, у кого нет контакта, выходит из игры нахуй. Я говорю, что это для диджеев, но большинство этих занудных пиздюков в наши дни не прикасаются ни к чему, кроме гидропонной травы: исключение составляет мой ровесник Карл Юарт N-SIGN – в очередной раз. Обычно я беру кокоса, чисто по инерции, только бы ничего не напоминало, что я самый старый из всех в клубе, если я, конечно, не с N-SIGN. Мне жаль старых диджеев, они заслуживают больших денег за то, что выходят каждую ночь для этого ритуального унижения: чуваки, которые больше не танцуют, играют музыку для танцующих. Поэтому я стараюсь быть снисходительным с Карлом. Я пишу в своем заказе для неофициального райдера: каннабис, МДМА в порошке и кокаин. Конрад так наездился мне по ушам гиковской херней про разные шишки, что я сходу связываю его с нужным человеком.

Договорившись обо всем, он спрашивает:

– А где этот нищеврод на коксе ЭН-СИН? Почему ты за него так держишься?

– Это личное, братан, – пожимаю плечами.

Надо бы сказать Конраду, что это не его собачье дело, но я страшно боюсь, что он пойдет по стопам Ивана. Ну и это таки его дело, ведь я ангажирую Карла на сейшена у него на разогреве.

Пока ждем багажа, приходит эсэмэска от пиздюка собственной персоной – только не Карла, а *Бегби*

:

«Когда в след раз в Эднбрге?»

Никогда не знаешь, это ирония или дислексия.

«Хогманай. N-SIGN играет».

«Не хотите ты, Спад, Больной и Второй Призер подписаться на арт-проект? Хочу сделать слепки ваших голов».

«Не могу сказать за остальных, но меня включай. Видел Спада, надеюсь увидеть Больного на Хогманай».

«Ништяк. З янв сможешь?»

«Угу».

Конрад вызывает убер до отеля и едет сам, после того как я объясняю, что встречаюсь с подругой.

— Чувак, — улыбается он.

Когда добираюсь до квартиры, чтобы зависнуть с Викки, она очень рада меня видеть, и я тоже. Вспоминаю Марианну и думаю: «Какого хуя я там делал?» Может, это просто должно было случиться. Нужно было вывести это из организма, чтобы я мог теперь продолжать с Викки.

Сходив в ресторан с ее друзьями Уиллоу и Мэттом, чешем домой и отрываемся по полной. Слышу резкий звук, и Викки тоже, но мы останавливаемся всего на секунду, а потом кончаем. Оказывается, презик лопнул. Сполз вниз по члену, забрызганный смесью из спермы и густой менструальной крови: у Викки как раз месячные начались. Я успокаиваюсь, но она все равно принимает контрацептив.

— Мне нужно быть уверенной на все сто — я же не мать от слова *совсем*, — весело улыбается Викки.

Валимся обратно в постель, и на короткую секунду слышу ноющий голос Марианны: «Я же не трахаюсь направо и налево. Несколько месяцев ни с кем не еблась». Учитывая, что она в курсе передвижений Больного, уверенности в этом нет. Но все заглушают благодарные излияния Викки.

— С тобой так классно. Я встречалась с мальчиками, славными мальчиками, но все-таки мальчиками. Как хорошо быть с женщиной.

Меня мучает совесть. Я всегда тащился от мальчишества, к зрелости никогда не стремился. Возмужалость — тяжеловатая для меня ноша, как будто одежда с чужого плеча. Но моя эйфория выходит из берегов: ведь есть много типов мужчин.

– Ты лучшее, что случилось со мной за долгое-долгое время, – признаюсь ей.

Мы смотрим друг на друга и офигеваем – подтверждение того, что у нас кое-что наклеивается и это хорошо и правильно.

Потом, конечно, приходится с ней расстаться. Когда возвращаюсь без успокоительных колес в Эдинбург, резко становлюсь разбитым и ершистым. Слава богу, у Карла не такой уж хреновый кокс, и на Хогманай местные фаны вдохновляют его на годный сет. Помимо Марины и ее парня Троя, в главной гостевой ложе вместе со мной дерганый Спад и бодренький Гэвин Темперли. Один тощий как скелет, а другой сейчас раскабанел. В соседней ложе – мой старой дружок Рэб Биррелл со своим братом Билли, который раньше был боксером. У обоих цветущий вид. Рад встрече с ними.

После этого вечеринка, но я не особо компанейский и не хочу перед Мариной нажираться в говно. В общем, извиняюсь и пораньше отмазываюсь. Ночую в отеле и пиздец отсыпаюсь, аж до самого следующего вечера. Потом чешу в Лит, и принимаем малехо на душу со стариканом за Новый год, а он готовит долгожданную кастрюлину «стовиз».

Затем еще кемарю в отеле и выдвигаюсь на следующий день смареть «Хибзов». Как ни странно для клуба, опустившегося в низшую лигу, организация матча, походу, матёрей и профессиональней, чем я за нее помню. Фойе похоже на ресепшен корпоративных отелей, и уже есть не одна, а даже несколько представительских трибун.

– Просто дайте мне самый дорогой билет, – говорю тетке, чё сморит на миня, как на клоуна.

– Только для вас одного, да?

Врубаюсь, как жалобно это звучит – типа не с кем даж на футбик сходить.

– Я встречаюсь тут с одним мистером Уильямсоном, в последнюю минуту решил.

– Так... Это Саймон Уильямсон? Там шестеро человек. Не хотите сесть к ним за столик?

– Ништяк.

Расплачиваюсь «визой» и чешу к лестнице. Добравшись до в меру шикарной обеденной зоны, сразу же замечаю Больного, который совсем не изменился, не считая сидящих прядей, и сидит, кажися, с Джусом Терри Лоусоном, таким же кучерявым, и четырьмя молодыми пацанчиками. Пару минут таращусь на Саймона Дэвида Уильямсона, галантного кобеля с Банановых квартир. Ну да, пасмы, может, чутка и поредели и проседь появилась, но вид цветущий. Пока я пялюсь, он вдруг вытягивает шею. В недоумении на меня таращится, а потом, встав, орет:

– Ты

-то какого хуя здесь забыл?

– Тесен мирок, корефан, – говорю, кивая Терри. – Тез. Почти не изменился!

«Годков пятнарик, как с куста», – думаю, вспоминая последний раз, как видел Терри, када мы снимали ту мутную порнушку. У него еще была жуткая травма – перелом члена.

– Угу, – лыбится он, и точняк в курсах, за чё я думаю. – Восстановился на сто десять проциков!

Пару минут обмениваемся любезностями, но Большой закипает, цапает миня за руку и ведет к стойке. Как тока туда добираемся, плюхаю перед им конверт. Ни секунды не раздумывая, Большой иво хватает. С ехидством заглядывает внутрь, незаметно перещитывает и крепко прижимает к груди, переводя глаза с бабок на миня, а с миня на окружающий народ в почти диккенсовской пародии на вороватую жадность.

Наконец эти сверкающие лампочки останавливаются на мне. Я уже успел забыть о том, как они всегда выражали ущемленность, сомнения, обвинения. Обиженно надув губы, Большой заявляет:

– Ты кинул меня не один, а целых два раза. С баблом я еще могу смириться, но ты же фильм украл! В это кино я вложил всю свою душу! Ты и эта ебаная сука Никки, ну и та самодовольная шалава Диана...

– Они и миня обули. Я в Амстик как побитая собака вернулся.

– Я ездил тибя там искать!

– Я так и подумал, ну и свалил ненадолго с города. В Гаагу. Мухи дохли.

– Крайне умно, нахуй, уж поверь! – цедит он и снова заглядывает в пакет. Он под впечатлением и даж не может этого скрыть. – Никогда не думал, что ты вернешь долг.

– Там всё. Большую часть ты должен был спросить с Никки и Дианы, но я решил ращитаться с тобой и за них.

– Что-то на тебя не похоже! Наверно, ты охуеть как поднялся. Вся эта херня с АН подходит богатым говнюкам, которые думают, чё можут откупиться от нищеты, которую сами же и создают!

Этот пиздюк нифига не растерял своего врожденного пафоса.

– Ну, кароч, вот они. Я с радостью заберу их назад...

– Хуй ты чё заберешь.

– И правильно, они ж твои. Теперь сможешь «Коллег» расширить.

Глаза у него округляются, и он переходит на негромкое бурчание:

– Что тебе известно о «Коллегах»?

Решаю, чё за Марианну лучше не упоминать:

– Тока то, чё говорится на твоём внушительном сайте. Там же сказано: «Амбициозные планы по расширению».

– Ну да, понятно. «Мы планируем топтаться на месте» в натуре не впечатляет, – стебется он, презрительно поглядывая на соседей по представительскому буфету.

Наблюдаю, как Терри за столиком проявляет живой интерес. Большой тоже это замечает, сердито зыркает и спецом поворачивается к нему спиной. Он смотрит мне в лицо, и я объясняю:

– Лучшие онлайн-пересчёты шестидесяти кусков в тысяча девятьсот девяносто восьмом году колеблются от восьмидесяти трёх тысяч семисот семидесяти фунтов до ста тысяч девятисот. Я подсчитал среднюю сумму – девяносто одна тысяча восемьсот фунтов – на приблуде с календарем.

– Я мог бы заработать гораздо больше, если бы имел возможность инвестировать *свои* деньги *по-своему*!

– Это нельзя сто процентов предсказать. Инвестиции могут вырасти, а могут и упасть.

Он засовывает конверт в куртку.

– А где оригинал «Семи перепахов для семерых братьев»?

– Хуй знает. Но обнаженка пятнадцатилетней давности стоит недорого.

– Гммф, – фыркает он и поглядывает на свой столик. – Ладно, спасибо за деньги и что уделил, блядь, время. Но у нас тут тусовка, – тыкает на дверь. – А теперь вали.

– Ну, я ещё ростбиф съем и игру посморою, хотя бы первый тайм, если тебе непринципиально, – улыбаюсь. – Я же купил билет на представительскую трибуну, ну и давненько «Хибзов» в деле не видел. А тебе даже малехо не любопытно, почему я делаю это именно *зас*

?

Большой снисходительно закатывает глаза и кивает на компашку Терри с пареньками:

– Хорошо. Лады. Только не надейся, чё я стану слушать какую-то анонимно-алкогольно-наркоманскую жалостливую хуергу за пошаговую работу с возвращением долгов, – говорит он, когда мы подходим ближе и садимся к остальным.

Его упреждающая речуга как раз в тему, ведь *именно с этого* я и планировал начать. Меня знакомят с сыном и племяншом Больного и двумя пареньками Терри. Все они кажутся милыми, нормальными молодыми ребятами. Но небось и мы сами так выглядели в их возрасте. Еда хорошая, комик отмачивает хохмы, потом главный тренер Алан Стаббс делится своими мыслями за игру, и мы переходим на трибуну, чёбы наблюдать за ней с удобных поролоновых сидений. Спина слегка ноет, но не сильно. Сажуся рядом с Больным.

– Ну, – говорит он, понижая голос и стуча по внутреннему карману. – Что там за история? Зачем все это? Почему сейчас?

Мне нравится, как выглядит полузащитник «Хибзов» Макгинн. Необычный стиль бега, но мяч держит хорошо.

– Бегби, встретил его на рейсе в Л.-А. Потом виделись там пару раз. Мы типа опять дружбаны. Приходил в наш ночной клуб в Вегасе. В ответ пригласил меня на свою выставку.

Может, дело в имени Бегби, хотя, скорее всего, в словах «ночной клуб», «Вегас» и «выставка», но я прочно завладеваю его вниманием.

– Ты тусишь с этим ебаным психом? После того, чё он пытался сделать... – Больной делает паузу, пока «Хибзы» атакуют ворота «Рейтов» с подачи Макгинна.

– Нет, в том-то все и дело. Он в натуре, блядь, изменился.

Больной лыбится на сотню ватт. Тыкает пальцем на фол к игроку «Хибзов» и толкает сына локтем:

– Костоломы из Керколди, – фыркает он, а потом опять поворачивается ко мне: – Это сраное художество, на которое он подсел? Неужели ты хоть на секунду поверил, чё этот грохнутый на всю бошку по-настоящему реабилитировался? Да он же тебя разводит. Выжидает подходящий момент для удара!

– У миня другое чувство.

– Тогда очень рад за него.

– Бабки ему предложил. Он отказался. Этот говнюк женатый на калифорнийской красотке. У ниво двое чудесных малых дочурок, они от ниво без ума, и он их воспитует. А я своего пацана вообще редко вижу.

Больной пожимает плечами, но сморит на меня с пониманием. Понижает голос до шепота:

– А то я не знаю. Мы же с тобой оба на заботливых папаш не тянем, – он украдкой поглядывает на сына, – ну и хули? Так как же, блядь, Бегби добился таких успехов?

Больной скалится с тем надменным презрением, которого так и не смог скопировать ни один человек, с кем я сталкивался по жизни:

– Наверно, у тебя есть бабки! Ты не вручил бы мне этот конверт, если б сам не был упакован по полной. – Он стучит изнутри по карману. – Клубы? Вегас? Раз уж проболтался за всю эту хуйню, поздняк приbedняться!

В общем, рассказываю ему за свою работу и раскрутку диджея Техноботана.

– Так ты, значит, греешь руки на этой ебаной срани – диджеях-электронщиках? На этих мудозвонах с драм-машиной и стилофоном?

– Вообще-то, нет. Тока один с них приносит мне серьезное лавэ. Другой – чистая благотворительность: считай это сентиментальностью, но миня всегда прикалывала его хуйня. Третья – гипотетическая лошадка, вряд ли окупится. На эту парочку я трачу практически все, чё зарабатываю на главном клиенте, ну и я такой слабачок, чё не могу их выгнать. Ищу четвертого и пятого. Я так рассудил: если не диджеить самому, а руководить пятерьмя за двадцать процентов с носа, как раз то на то и выйдет. Покамест у меня их трое.

Больной никак не реагирует на мои откровения. Явно думает, чё я жалуюсь на безденежье, просто чёбы избежать нового головняка и гемора.

– Читал за этого голландского мудака – Техноботана. У него ж денег как грязи. Если ты на двадцати процентах с иво заработков...

– Ну ладно, у меня хата в Амстердаме и квартира в Санта-Монике. С голоду не пухну. Держу немного хрустов в банке – с тех, чё не отстегнул на обратку тебе, а еще на лечение и уход за пацаном.

– А чё с пареньком?

– Аутизм.

– Малой Дейви... дурбецельские гены? – думает он вслух, намекая на моего покойного младшего брата.

Его сын и племяш резко оборачиваются.

У миня подымается злость, но я ее сдерживаю и смарю на ниво пренебрежительно.

– Я уже начинаю за это жалеть, – киваю на конверт, от которого раздулся иво карман.

– Извини, – говорит он, и это звучит почти вежливо, – непруха еще та. Ну так чё это ты решил со мной щас ращитаться?

– Я хочу жить. От слова *жить*, – подчеркиваю, и в памяти всплывает лицо Викки, смеющееся, аппетитное, голубоглазое, как она откидывает назад пряди выгоревших на солнце светлых волос, которые вырвались из своего загончика. – Не просто существовать, – настаиваю, когда звучит свисток в конце тайма. – Рацистить все это дерьмо с прошлого.

– Значит, все-таки искупление в стиле наркоклиники.

– В каком-то смысле – да. Тяжко таскать на себе бремя мудаковатости.

– Совет: католичество. Исповедь, – говорит он. – Лучше пара фунтов на блюде для жертвований, чем девяносто штук вот тут. – И он подмигивает, хлопая себя по карману.

Чешем обратно внутрь, чтобы в перерыве между таймами выпить по чашке чая, пропустить пивка и закусить годными пирожками с мясом. Мы с Больным снова подходим к стойке, чёбы заговорщицки потрепаться.

– У тебя, походу, все пучком. Лучше, чем у меня, – вздыхает он. – По свету, блядь, разъезжаешь. А я никада с Лондона не выбираюсь – разве что в отпуск.

– Если на тебя работает куча девчонок...

– Так это они деньжищи зашибают, а не я. Я просто свожу их на приبلуде. Не вешай мне лапшу, Рентон. Это ты у нас при лавэ.

– Ошиваюсь по самолетам, аэропортам и гостиницам, где нехрен делать, кроме как страдать, чё жизнь проходит мимо. Я трачу самый ограниченный ресурс – время, гоняясь за химерой, пока *ебанный Бегби* живет! – прорывает вдруг меня. – Он откажется брать свои деньги – чё это ваще за хуйня?

– Он не изменился, – выпаливает Больной. – Просто пытается тебя наебать. Бегби не способен к переменам. Он ублюдочный экземпляр человеческой расы.

– Та мне по барабану, кто он такой. Я просто хочу выполнить свой моральный долг.

– Ты никогда не исполнишь свой моральный долг передо мной, Рентон. – Он опять похлопывает по карману. – Эта хуйня еще даже не начинает иво покрывать.

– Фильм был никуда не годный.

– Я говорю за Никки. Ты похерил мои шансы сойтись с девчонкой, от которой меня перло.

Никки была аферисткой, которая прикалывалась с нас обоих. И я ни на секунду не поверю, чё она иво еще колышет. Все это просто давление для манипулирования в будущем.

– Окстись, братан. Она ж нас обоих наебала.

Больной кабута какой-то гадости отхлебнул, хотя, может, и не такой протухшей, как он ожидал. Вертаемся обратно на наши места ко второму тайму.

– Слышь, у меня для тебя дельце. Мне нужен эскорт, – говорю ему, и глаза у него расширяются. – Не для меня, – спешу добавить. – Сам я стараюсь не быть чуханом.

– Уверен, тебе это помогает.

– Это для моего голландского паренька. Диджея.

Он смотрит в сторону племяша:

– Эти ушлепки чё, не могут сами себе дырку, блядь, найти?

– А то я не знаю, я ж их директор, – и конкретизирую проблему: – У таких чуваков, как Конрад, нет навыков общения. Они курят траву и мастурбируют на порнуху. Не могут заговорить с девушкой или заняться сексом с реальным человеком.

– Мерзкие киберзадроты. Эти мудаки – поехавшие, – шепчет Больной, снова поглядывая на племяша, который теперь играет в видеоигру на телефоне. – Такими их сделал мир, в котором мы живем.

Его слова вполне уместны. Матч ведь неплохой, и что-то в корне не так, если ребятня пялится в экраны, а не следит за тем, что происходит в реале.

– Хотя мы и дофига изгваздались, занырнув в этот мир, – он тычет меня локтем под ребра, – нас-то на товарном складе поднатаскали!

Не могу даже вспомнить ее имя, тока морщусь, када вспоминаю, как сломал себе целку в манде этой свиньи-копилки. Я не мог посмареть ей в лицо, пока елозил там на сухую под негромкое подбадривание Больного. У меня слезились глаза, када я направлял взгляд на битое стекло и гравий вокруг. Синий рукав ее ветровки, на которой мы лежали, задувало мне ветром в лицо. Вдалеке гавкал цуцик, а проходивший мимо бомж недовольно буркнул: «Пизденыши гадские»...

– Угу... товарный склад.

– Ты бы до сих пор в целках ходил, не возьми я тебя под крыло, – смеется он, замечая мою неловкость.

Я уже с удовольствием вспоминаю, как отпердолил Марианну, как вдруг племяш поворачивает голову. Он встречается со мной глазами и отворачивается. Я наклоняюсь к Больному:

– Ой, я уверен, чё и сам бы нашел выход с этой ситуевины, но спасибо за то, чё не в кассу сексуализировал меня еще в юном возрасте.

Это его почему-то задевает:

– А тада ты не жаловался!

– Но я же впечатлительный был. Шестнадцать или семнадцать для миня было бы идеально. Четырнадцать – слишком рановато.

– Впечатлительный... впечатлительный вороватый пиздюк, который кинул своих корешей? Ты про *такую* впечатлительность?

На это я мало чё могу возразить. Звучит финальный свисток, и «Хибзы» выигрывают 1:0 – значит, есть шансы на повышение. Большой загоняет пареньков к Терри в таксо на заднее сиденье:

– Вы, ребят, продолжайте без меня, типа передовой отряд. Скажите Карлотте, чёбы на ужин миня не ждала: я тут кину что-нибудь на зуб со старым кентярой.

Парни, особенно Бен, походу, расстроены, но не удивлены, а Большой захлопывает дверцу таксо и протягивает Терри десятку.

– Вали нахуй, припездол, мне ж по пути, – говорит Терри, а потом высовывается с окна, чёбы пацанчики не слышали, и шепчет: – По-любасу клёвчик проведать твою сестрицу, кор. Сто лет не видалися. Такая ж красава, зуб даю, и щас, када она в строй вернулася... – Он подмигивает, откидывается на сиденье и заводит движок.

У Большого глаза на лоб лезут:

– Никуда она не верну...

Терри трогается с места, победно сигналив.

– Пиздюк, – говорит Большой, а потом смеется, – хотя удачи ему. Может, хоть лоусонский шланг ей мозги вправит. Она мужа с хаты вытурила. Застукали на Рождество, прикинь, как он Марианну пердолит, на видео. Помнишь Милку Марианну, еще с тех времен?

«Несколько месяцев ни с кем не еблась. Ебанный пиздеж».

– Угу... – послушно киваю, пока идем в толпе народа через парковку.

– Она и так всегда была того, а сейчас совсем кукухой поехала. Готова трахнуть любого вонючего цуцика на дороге. Надо сказать зятю, чёбы сходил проверился, особенно если удастся с сеструхой помириться, – говорит он нараспев, пока мы переходим через мост Судьбы. – Помнишь засады тут, еще с тех времен? – говорит он, а у меня причиндалы свербят от фантомного зуда. Паранойя колбасит. «Викки...»

Он продолжает гнать пургу, пока мы идем дальше к Истер-роуд. Все кругом полно ярких воспоминаний. Чешем по Альберт-стрит. Вспоминаю флэт Сталкера, где мы черным ставились, а напротив – бар «Клан», щас уже закрытый. Чешем к Бьюкенен-стрит, где возродили паб «Диззи Лиззи», сделав его слегка более навороченным. Там даже пиво щас сносное есть. Барменша знакомая, встречает нас широкой улыбкой.

– Лиза, зайнька, – говорит Больной, – пожалуйста, две пинты этого чудесного «Иннис энд Ганн» светлого!

– Сделаем, Саймон. Привет, Марк, скока лет, скока зим.

– Привет, – говорю и вдруг вспоминаю, откуда за нее в курсах.

Находим уголок, и я его спрашиваю:

– Это ж та самая, как ее?

– Ужасающие Последствия, ага, она. – И мы ребячливо пересмеиваемся.

Это погоняло приросло к ней после телерекламы средства для мытья посуды. Понтовитая хозяйка стоит с бодуна перед раковиной с кучей грязных тарелок и восклицает: «Обожаю вечеринки, но терпеть не могу ужасающие последствия». Ужасающие Последствия всегда продолжала тусить в конце вечеринки. То валялась на полу или на диване, то сидела и смотрела телик, попивая чаек, после того как все остальные пиздюки уже давно съебали. Вряд ли она тусила, чёбы трахнуть каких-то недобитков, и она не добухивала остатки синьки и не ждала, пока придет новая партия наркоты. Мы так и не выяснили, какие у нее были мотивы.

– Жила на хате с маманей и засиживалась, чёбы подольше не возвращаться, – решает Больной. – Присовывал ей?

– Нет, – говорю. Я раз сосался с Ужасающими Последствиями, но этим дело и кончилось. – А ты?

Он закатывает глаза и цокает языком, типа «не задавай глупых вопросов». Я упираю на то, чё не собираюсь долго зависать и набухиваться, так как у меня пиздец десинхроноз. Я чувствую себя ретроушлепком, но, када ты тут в Лите с Больным, это, как ни странно, обнадеживает.

– Часто задний ход даешь?

– Свадьбы, похороны, Рождество – в общем, да, дофига.

– Не слыхал, чё там с Никки? Или с Дианой?

Он таращит глаза:

– Так, значит, они в натуре тебя тож обули?

– Угу, – признаюсь. – Прости за фильм. Хуй знает, чё они с оригиналом сделали.

– Выкинули в костер, без балды, – говорит он, а потом заходится висельным хохотом. – Вот так нас, двух мутных литских пациков с раёна, обставили, как припездолов, эти хладнокровные буржуйские профуры. Никада мы не были такими ушлыми, как себе воображали, – с горечью размышляет он. – Слышь... Бегби за меня хоть когда-нибудь вспоминает?

– Впроброс тока, – говорю.

– Никому этого не рассказывал, но я ходил проведывать пиздюка на больничку, после того как его тачка раздавила, када он за тобой погнался. – Больной прокашливается. – Он был в отключке, в какой-то, блядь, коме дурбецельской, ну и я высказал пару горьких истин этому овощу прямо в щачло. Никада не догадаешься, чё случилось потом.

– Он вышел с комы, вцепился тебе в глотку и разорвал?

– Вообще-то, недалеко, блядь, от истины. Этот говнюк открыл глаза и схватил меня за запястье. Я даж очканул. Эти его ебанные лампочки – кабута адским огнем обдало...

– Ебать...

– Потом он снова откинулся на кровать, закрыл глаза. На больничке сказали, это просто было рефлекторное движение. По-настоящему он очнулся через пару дней.

– Если он был в коме, то не разобрал ни слова, чё ты сказал, – улыбаюсь. – А если бы разобрал и ему было не пофиг, то ты б уже трупакom был.

– Не уверен, Марк. Он же маньячина. Будь начеку. Рад, чё больше с ним не связываюсь. Долбанные маньки этой пышущей лютью амебы причинили мне немало личных страданий.

– У меня для тибя еще одна новость. Он хочет отлить наши головы. В бронзе.

– Хуя с два.

Делаю большой глоток пива и медленно ставлю бокал на стол:

– Не убивай гонца.

Больной медленно вертит головой, прикрывая глаза:

– Я не собираюсь к этому ебаному психопату и близко подходить!

Литские головы

Пока из приемничка горланит «Мот зэ Хупл» с песней «Хоналучи-буги» ^[28], ни один из трех присутствующих мужчин не может до конца поверить, что они стоят вместе в одной комнате.

Друг-художник разрешил Фрэнсису Бегби воспользоваться своей чердачной студией на складских задворках близ Броутон-стрит. Несмотря на обилие света, льющегося сквозь стеклянный потолок с клочка голубого неба, две пары ненаметанных глаз, принадлежащих Рентону и Больному, оценивают мастерскую как маленькое и обшарпанное заводское помещение. Здесь есть печь для обжига, разнообразное промышленное оборудование, два больших верстака, ацетиленовые горелки и канистры с бензином. На полках хранятся материалы – некоторые помечены как ядовитые и горючие.

Затяжной зев Фрэнсиса Бегби свидетельствует о том, что он, как и Рентон, борется с десинхронозом после дальнего перелета. Больной явно раздражен и периодически поглядывает то на дверь, то на часы у себя на телефоне. Он решил прийти из расчета, что встреча с Бегби может стать рычагом воздействия на Сайма. Это уже кажется ошибкой.

– А Спад где? Видать, тока с блядской лавочки в Пилриг-парке встал, ну и, само собой, единственный, кто опаздывает!

Рентон замечает, что в присутствии Бегби Больной нервничает – даже особо с ним не общается: лишь пожал для порядка руку и кивнул.

– За Второго Призера ничё не слыхать? – спрашивает Рентон.

Больной поводит плечами, типа «без понятия».

– Я ожидал, чё он загнется от пьянки или даже хуже – встретит клевую девицу, перебесится и заблудится в Гамлиленде, – улыбается Рентон. – Последний раз, как его видел, он ханжил слегонца.

– Засада, – говорит Бегби. – Я ж собирался эту вещь «Пятеро парней» назвать. Хотел показать, чё за путь мы все прошли.

От слова «путь», такого нехарактерного для Франко, Больной и Рентон тут же подозрительно переглядываются. Фрэнк Бегби это улавливает и, кажется, собирается что-то сказать, но тут входит Спад. Просто взглянув на эту задроченную исхудалую фигуру, Рентон чувствует, как с него самого спадает усталость. Одежда на Спаде оборванная, но, хотя лицо и морщинистое, глаза горят. Движения сперва размеренные, а потом он начинает резко, произвольно дергаться, как дурбецел.

– Опаньки, – говорит Больной.

– Больн... Саймон... сока лет. Привет, Марк. Франко...

– Привет, Спад, – говорит Рентон.

– Извиняйте, чё опоздал, ребзя. Франко, рад тибя видеть. Последний раз – на похоронах твоего паренька, да ж? Офигеть смурная маза была, да ж?

Рентон и Большой опять переглядываются: для обоих это явно новость. Но Франко остается невозмутим:

– Угу, Спад, тож рад тибя видеть. Спасибо.

Спад продолжает бредить, а Рентон и Большой пытаются определить, какие наркотики он принял.

– Угу, извиняй, чё опоздал, блин, я чисто замутил, ить наткнулся на этого пацана, Дейви Инниза, ты за ниво в курсах, Франко, он джамбо, но паренек классный, типа того...

– Не парься, братан, – обрывает его Бегби. – Я же говорю, спасибо тебе, чё пришел. – И он поворачивается к Больному и Рентону: – Это и вас двух касаемо.

Всем не по себе оттого, что Франко выражает багодарность, и наступает неприятная пауза.

– Я как бы польщен, Франко... или, э, Джим, – отваживается сказать Рентон.

– Франко – норм. Можешь звать миня, как хошь.

– Мож, тибя Беглым называть, Франко? – смеется Спад, а Рентон и Большой застывают в ужасе. – Мы никогда не звали тибя так в лицо, да ж, ребзя, помните, как мы всида трухали сказать «это ж Беглый!» Франко в лицо? В курсах?

– Вы чё, все миня так звали? – говорит Фрэнк Бегби, поворачиваясь к Рентону и Больному, которые одну томительную минуту таращатся в пол. Потом он громко смеется – ржет и хорохорится, шокируя их своим ядреным жизнелюбием. – Угу, тада я малехо дерганный бывал!

Они смотрят друг на друга и раздражаются совместным катарсическим смехом.

Когда смех утихает, Рентон спрашивает:

– Тока нафиг тибе отливать наши уродские хари?

Франко откидывается на один из верстаков и становится задумчивым:

– Мы со Вторым Призером – мы ж все кагалом росли. С Мэтти, Кизбо и Томми, но они, ясен пень, вне игры уже.

При упоминании этих имен у Рентона комок к горлу подкатывает. Блеск в глазах Больного и Спада говорит о том, что Рентон не одинок.

– Мое художество как раз щас спросом пользуется, – поясняет Фрэнк Бегби, – ну я и захотел как бы автобиографическую вещь за молодость сделать. Угу, собирался ее «Пятеро парней» назвать, но думаю, «Литские головы» тож подойдет.

– Ништяк, – кивает Рентон. – Помнишь, када-то давным-давно был такой шоколад – «Пятеро парней»?

– Этого шоколада «Пятеро парней» днем с огнем уже не найти. Сто лет иво не видал, – говорит Спад, разевая рот. И рукавом стирает с подбородка слюну.

Больной впервые обращается прямо к Франко:

– А сколько это займет?

– В общем и целом около часа вашего времени, – отвечает Франко. – Знаю, у всех у вас забот полно, а ты с Марком тут тока на кратком отдыхе, и, походу, вам надо семейные дела решать – в общем, не буду долго вас задерживать.

Больной кивает в знак согласия и снова проверяет телефон.

– А не больно будет, типа того? – спрашивает Спад.

– Нет, абсолютно, – заявляет Фрэнк Бегби, протягивая им комбинезоны, которые они надевают, а затем усаживает их на маленькие вращающиеся табуреты. Он вставляет Спаду в ноздри две укороченные соломинки. – Просто расслабься и дыши спокойно. Холодно будет, – объясняет он, начиная раскрашивать лицо Спада латексом.

– Точно. И щекотно как бы, – смеется Спад.

– Старайся не горить, Дэнни, хочу, чёбы все прально легло, – убалтывает Фрэнк, после чего проделывает ту же процедуру над Рентоном и Больным.

Затем надевает на голову каждому пятистороннюю коробку из плексигласа, стараясь, чтобы края находились примерно в дюйме от лица, и просовывает соломинки в небольшие отверстия спереди. Через пазы на дне вдвигает две пластинки с выпуклой насечкой. Они соединяются, образуя основание с отверстием, которое плотно облегает шею.

– Этот момент народ чутка страшает, на гильотину смахивает, – гогочет Франко, встречаясь с тремя натянутыми улыбками.

Проверив, чтобы каждый свободно дышал, он заделывает просветы шпаклевкой, открывает верхние стороны коробок и начинает заливать туда заранее подготовленную смесь.

– Может чутка дубак быть. Внутри веса малехо, – в общем, старайтесь сидеть ровно и держать спину прямо, чёбы шею не напрягать. Это займет всего минут пятнадцать, но если возникнут какие-то проблемы с дыхалкой или дискомфорт какой, просто подымите руку, и я все открою.

Коробки наполняются, и состав начинает затвердевать, все звуки снаружи – машины на улице, приемник, шум самого Франко – постепенно гложут в сознании Рентона, Больного и Спада.

Вскоре каждый чувствует только, как в легкие через ноздри поступает воздух – по соломинкам, торчащим из заполненных гипсом коробок.

Смесь застывает быстро, Франко снимает ящики из плексигласа и рассматривает старых друзей – три в буквальном смысле чурбана сидят рядышком на табуретах. Вдруг почувствовав в мочевом пузыре позыв, он чешет в туалет. На обратном пути определитель номера на его телефоне высвечивает имя МАРТИН, и Франко отвечает на звонок.

– Джим, возможно, нам придется изменить место лондонской выставки. Я знаю, тебе оно понравилось, но галерея сейчас испытывает строительные трудности, и совету нужно поработать над тем, чтобы она удовлетворяла требованиям безопасности.

Мягкий американский голос Мартина гипнотизирует после скрипучего шотландского, еще звучащего в ушах, и Франко вспоминает Мелани. Он околачивается в коридоре и смотрит через грязное окно на узкие мощеные улочки внизу и случайных пешеходов, срезающих путь между Лит-уок и Броутон-стрит.

Больной

У меня стояк, и я опускаю руку, чтобы поправить член. Не хочу, чтобы Бегби неправильно понял: то, что этот самый натуральный латентный гомик занялся художеством, шокирует меня гораздо меньше, чем остальных! Я мысленно возвращаюсь к Марианне, клянусь в любви до гроба, располагаю ее к себе и подстраиваю все так, чтобы ее выебла straponами толпа школоты из ее же альма-матер – «Мэри Эрскин» ^[29]. Ах, эти сладостные порнографические истории, как я по ним скучаю! Вот что такое творчество, Бегби...

Рентон

Это так расслабляет... на самом деле я уже дохуя лет так не расслаблялся! Просто нифига не делать, а твои мысли медленно разворачиваются и блуждают.

Викки... почему она так затихла в последние несколько дней... не отвечала на мейлы и эсэмэски... как будто я в чем-то перед ей провинился. Чё я, блядь, такого сделал? Не могла ж она залететь, после того как презик лопнул, у нее ж были месячные, и по-любому она сразу ж закинулась противозачаточным.

Она знает за Марианну? Могла она просечь?

Марианна набрехала, чё ни с кем не еблась, – она сто проциков оттрахала зятя Больного. Ну и, ясный перец, самого Больного. А кого еще?

Блядь, через эти соломинки тока тонкие струйки воздуха... Ничё не слышно и не видно...

БЕГБИ!

Я у него в руках! Он может прямо щас просто перекрыть мне нахуй доступ воздуха!

Чё за нах... остынь...

Как в кинчиках говорят: если б пиздюк хотел меня угондошить, я был бы уже трупакон...

Сохраняй, блядь, спокойствие.

Ебаная шишка зудит, но не могу почухать: я ж, сука, не в курсах, а вдруг кто-то, блядь, смотрит...

Спад

Прикол, но сперва все начиналось как бы мазово, хотя щас как бы жесть наступает: у меня ж одну ноздрю чисто заклинило, типа, а потом чисто забило, типа от всего этого марафету и соплей... ой, блин... вторая... подымаю вверх руку... не могу дышать!

Спасай миня, Франко!

Не могу дышаааать...

Фрэнк Бегби все еще говорит по телефону с Мартином, но переводит беседу с подходящих мест для лондонской выставки на свою сферу интересов:

— Ежли бы Эксл Роуз увидал этот блядский каталог, то сходу бы со Слэшом подписался. Просто впарь ево евойным людям.

— Хорошо, я отошлю каталог его руководству, а также записывающей компании.

— Набери компашке Лиама Галлахера и компашке Ноэла Галлахера тож. И парням с «Кинкс», братьям Дэвис. В музыкальном бизнесе есть же огромный рынок, куда мы даж не начали выходить.

— У меня это под контролем. Но, Джим, я волнуюсь насчет времени, да и заказы сыплются.

— У миня вагон времени.

В мастерской ослепший, оглохший и потерявший обоняние Дэнни Мёрфи в ужасе встает с табурета, дергая за глыбу застывшей мокрой смеси из гипса и бетона, в которую заключено его лицо. Он натывается на Марка Рентона. Испуганный навалившимся весом и ощущением, будто грохнулся с табурета и шлепнулся на пол, Рентон рефлекторно хватается за воздух и по чему-то лупит. Ощувив увесистый удар в бок, охваченный паникой Саймон Уильямсон поднимает руки, пытаясь снять тяжелый предмет с лица.

Фрэнк Бегби слышит глухие удары, звуки потасовки и резко заканчивает звонок. Он возвращается в мастерскую, погруженную в хаос. Раскинув руки и ноги, Спад лежит сверху на Рентоне, тот отбивается, а Большой рухнул на тележку. Франко хватает огромные кусачки

из нержавеющей стали, вырывает кусок гипсобетона сбоку от шеи Больного, разламывает глыбу, освобождая его благодарное лицо, и Больной набирает в легкие воздуха.

– Еб... ебанный в рот... что стряслось?

– Какой-то пиздюк решил херней пострадать, – говорит Фрэнк, и его голос наводит на Больного ужас.

Это почти знаменует возвращение того, кого они страшно боялись, чье грозное присутствие ощущалось, но пока еще не было подтверждено. Больной читает это в глазах, которые изучают латексную маску, затем Франко переводит взгляд на отпечаток в откинутой глыбе и убеждается, что форма затвердела.

– Хорошо... – урчит Фрэнк Бегби, втягивая в себя воздух и, похоже, плавно переключаясь обратно в режим «художник Джим Фрэнсис».

Франко стягивает с Марка Рентона почти невесомое тело Спада. Падает на колени и производит над Рентоном ту же операцию, что и над Больным.

– Снять это с него? – спрашивает Больной, протягивая руку к глыбе, покрывающей лицо Спада Мёрфи.

– Оставь! – рявкает сперва Франко, а затем добавляет помягче: – Я сам разберуся... – разрезает и срывает оболочку с головы Рентона.

Задыхающийся, дергающийся Рентон вдруг начинает дышать, чувствуя свежий воздух и видя яркий свет. Тогда Фрэнк Бегби бросается на него с промышленными кусачками.

– НЕ НАДО, ФРЭНК!

– Усохни, я ж с тебя это сымаю!

– Угу, ладно... пасиба, Фрэнк... – с благодарностью хрипит Рентон. – Какой-то пиздюк на меня упал.

Фрэнк Бегби тем временем скидывает с него форму. Затем подходит к Спаду Мёрфи – тощему, неподвижному телу, торчащему из бетонной глыбы.

– Меня какой-то говнюк хряснул, – говорит Больной, стягивая с лица латексную маску.

– Это не я... Спад упал, блядь, на меня сверху! Чё он придушивается? – Рентон встает, уставившись на безжизненное тело на полу. – Блядь... с ним все нормально?

Не обращая на них внимания, Фрэнк Бегби разрезает глыбу, а затем срывает ее с головы Спада. Отдирает латексную маску. Спад не реагирует на увесистый шлепок по щам, поэтому

Бегби зажимает ему нос и приступает к искусственному дыханию рот в рот. Больной и Рентон тревожно переглядываются.

Фрэнк отшатывается, едва легкие Спада оживают, и пол заливают блевотина, которая стекает из уголка рта, когда Франко переворачивает Мёрфи на бок.

– Он в порядке, – объявляет Фрэнк, после чего помогает Спаду сесть и прислоняет к стенке.

Спад жадно глотает воздух:

– Чё было?..

– Прости, кор, это я виноватый. Блядская труба. – Франко качает головой. – Щёт время потерял.

Рентон вдруг прыскает со смеху. Сначала на него смотрит Больной, а потом и Спад с Франко, и ему приходится спросить:

– Какую самую херовую работу вы выполняли?

Они громко хохочут, и напряжение спадает, будто дикие жеребцы вырвались из загона. Даже Спад норовит поддержать компанию, несмотря на судорожный кашель. Когда наступает затишье, Больной смотрит на свой телефон и поворачивается к Бегби:

– Я больше не нужен?

– Угу, спасибо за помощь. Если надо валить, ради бога, – кивает Франко, а потом поворачивается к остальным: – Марк, Дэнни, малехо подсобите мне.

– А чё мы должны делать? – вслух удивляется Рентон.

– Поможете мне собственную бошку отлить.

После этой новости Больному охота остаться, и они помогают Франко надеть латексную маску на себя. Затем, так же как он проделал с ними, они надевают ему на голову коробку из плексигласа и заливают туда смесь из бетона и гипса. Устанавливают таймер на часах. Когда глыба затвердевает, Больной изображает с ней в воздухе фрикции, а Спад и Рентон слегка посмеиваются. Они знают по опыту, что Франко сейчас ничего не услышит, но решают помалкивать.

В положенное время они срывают форму. Освобожденный художник спокойно изучает отпечаток своего лица в бетонной глыбе.

– Хорошая работа, парни, идеально.

Он тут же начинает делать слепки всех голов с оттисков, заполняя их глиной. Когда те застывают, он поясняет, что глаза сделает вручную – по фотографиям, и всех троих снимает.

Позднее он отнесет слепки в специальную кузницу, чтобы отлить их в бронзе.

Больной теперь заинтригован и не спешит уходить. Они болтают уже непринужденнее, и когда головы наконец выходят из печи для обжига, все трое шокированы, но не собственными подобиями, а изваянием Фрэнка Бегби. В нем есть что-то отталкивающее и напряженное, несмотря на впадины вместо глаз, которые он добавит позже. Это не тот мужчина, что сейчас в их компании. Голова такая, каким он выглядел раньше: пышет психованной злостью и жаждой убийства, а он ведь даже еще не заполнил эти зияющие пустоты. Все дело в губах: они искривлены в знакомой до боли холодной ухмылке, которой они пока еще не видели в варианте Джима Фрэнсиса. У всех мороз пробегаёт по коже.

Художник улавливает настроение своих моделей и изменение атмосферы в мастерской, но не может определить причину.

– В чем дело, парни?

– Круто выглядят, братан, – смущенно говорит Рентон. – Очень правдоподобно. Я просто ошарашен, какими реалистичными они кажутся, даже без моргалок.

– Молоток, – улыбается Фрэнк Бегби. – Ну а теперь, в знак благодарности, я зарезервировал для нас столик в «Кафе рояль». Супер-пупер хавчик за мой счет. – Он смотрит на Больного: – Еще спешишь свалить?

– Может, оно и неплохо как следует за все перетереть, – соглашается Саймон Уильямсон. – При условии, что Рентон хотя бы на десять минут спрячет свой телефон. Я думал, это у меня проблемы, но в цифровой век надо же сохранять хоть *какие-то*, блядь, навыки общения.

– Бизнес, – оправдывается Рентон. – Никада на месте не стоит.

– С Викки у тебя там бизнес, бля буду, – подначивает Фрэнк Бегби.

С хитровой усмешкой Больной скользит взглядом по Франко и Рентону – проворно, как пальцы карманника:

– Значит, у него есть настоящая подружка, а он об этом молчок! В подобных случаях он *до сих пор* впадает в свое семнадцатилетнее состояние!

– Угу, точно, – говорит Рентон, взопревшей рукой ощупывая девайс в кармане.

– Ну и на тему бизнеса: если вы, джентльмены, когда-нибудь будете в Лондоне и вам понадобятся эскорт-услуги... – И Больной раздает всем тисненые визитки «Коллег».

– А теперь, – улыбается он Франко, – давайте уже отмечать!

Больной – Расширение / сжатие

Карлотта постоянно звонит, хоть я уже вернулся в Лондон, где мне вряд ли светит отыскать ее муженька, пропавшего в Тае на блядках. Она пиздец упорная, потому отвечаю на звонок, пока плетусь в офис от вокзала Кингз-Кросс. «Коллег» нельзя оставлять чересчур надолго. Мало что можно сделать онлайн, не спускаясь в забой. Девушки связываются с клиентами сами, а потом сговариваются и обувают тебя, заключая собственные сделки. Хрен что можно с этим сделать. Потом они кидают клиентов или рассираются с ними, а те возвращаются как ни в чем не бывало, чтобы снова пользоваться моим сервисом. Короче, постоянно увольняешь и набираешь новых. Получая при этом гроши. Реальные бабки поднимают они.

Но Карлотте поебать на мои коммерческие дела, и в трубке слышны ее всхлипы:

– Это убивает миня, Сай-мин... убивает миня нахер.

Я прошмыгиваю мимо обалделых плебеев с раскрытыми варежками, ждущих переключения светофора, и перебегаю Йорк-уэй в сторону Каледониан-роуд. В этот раз сеструха в натуре ополоумела и несет полный бред. Озираюсь на распидарашенной улице, с трудом понимая, что случилось с букмекерскими конторами и пабом «Скоттиш Сторз» – этими некогда грозными центрами блядства и наркоторговли, что составляли мой личный оплот власти. Тяжелые времена. Карра насилу может говорить: слава богу, ей приходит на помощь Луиза:

– У ней чердак течет. Так и не получила *ни единой весточки* от Юэна, как он на Тайланд укатил.

«Сранный извращенец. Толстомудый пресвитерианский блядун, припезденный сракотрах...»

– Кому-нибудь удалось выяснить, сколько он собирается пробыть в отъезде?

Луиза старается изображать возмущение, но в ее интонации все равно сквозит похабное злорадство. Если у тебя такие родные сестры, как у меня, ты никогда не будешь представлять себе сестринство праздником, который всегда с тобой.

– Известно только, что он купил кругосветный билет, взяв у работодателя отпуск за свой счет. Ну и, само собой, первый его порт захода – Бангкок!

– Я хуюю, – шепчу, минуя бывший бильярдный зал, а теперь говенный клубешник и набирая полные легкие выхлопных газов.

Одинокий бомж протягивает стакашку и с надеждой турлыкает. Его фейс искривляется в горькой усмешке, когда он видит, что я положил только медяки и пять пенсов.

– Наверно, он сказал, когда планирует вернуться?

– Он сообщил все это в одном мейле, – захлебывается Лу, – а потом удалил свой аккаунт и заблокировал страницу на «Фейсбуке». Он даж свою мобилу вырубил, Саймон. Ей никак с им не связаться!

Офис расположен в переулке за Пентонвилл-роуд, на той стороне, что избежала благоустройства. Это ободранное старое здание над частной конторой такси и кебабной: его дни сочтены, учитывая широкомасштабную пост-«евростаровскую» джентрификацию района. Отпираю дверь и вхожу – ноги прилипают к ковру, пока поднимаюсь по очень узкой лестнице, которая вполне могла бы располагаться где-нибудь в излюбленных Рентоном местах Амстердама.

Тем временем Луизе удастся подзвать Карлотту обратно к трубке. Разумеется, они с Россом, не говоря уж о старенькой маманьке Юэна, оставшейся в «малой свободной» стране скотоёбов, все уже вконец извелись. А потом эти наглые, самовлюбленные ошалелые буржуйские истерички с климактерическими расстройствами еще говорят, что это я не умею обращаться с бабами!

Когда открываю дверь офиса, меня обдаёт волной жара. Я забыл выключить обогреватель, блядь, и счет за электроэнергию будет космическим. На какой-нибудь роскошной яхте маленькая девочка из третьего мира будет не глядя драть какому-то нацистскому мудаку из привилегированной частной школы, владеющему акциями приватизированной энергетической компании. Слава небесам, Рентон вернул мне деньги. Говорю Карлотте, чтобы успокоилась, и обещаю приехать на следующей неделе. Спрашиваю, не мог ли Юэн связаться с кем-нибудь еще, но она перебрала всех его сослуживцев, и с ними он тоже перестал общаться. Пиздюк в натуре освоился. Никогда не думал, что у него есть яйца.

Закончив разговор, морально испытываю такое же облегчение, как если проссышься, после того как долго терпел. Открываю окно, впускаю холодный воздух, потом перехожу к своей приподнятой конторке, чтобы проверить почту и сайт. Несколько девиц оставили сообщения и снимки. Кайфую от их портфолио и звоню, чтобы договориться о встрече, как вдруг определитель номера высвечивает: ВИКТОР САЙМ. Не то чтобы внутри все обрывается, но я испытываю приступ горькой, злобной тошноты, убеждающей, что миру настал пиздык.

Эротоман с ехидным щачлом сообщает о настоящем желании встретиться с «тем херургом». Я, конечно, сливаю тревожную инфу. Он, как и следовало ожидать, далеко не в восторге.

– Набери мне, как тока вернется! Не люблю сюрпризов, – скулит он.

Этим избитым выражением все козлища пользуются: «Не люблю сюрпризов». Ебанные бездушные фанаты контроля. Бандюки – всего-навсего политиканы у себя на раёне. Теперь эта психованная хабалка Сайм считает, что я типа личный помощник этого исчезающего подиатра! Ё-мое, стопы у пиздюка, видно, в плачевном состоянии!

– Он сбежал со страны, Вик, на блядки свалил, зуб даю.

– Ну, так ты лучше верни ево нахуй взад!

Если ты такой вот пиздюк, как Сайм, тебе не нужно следовать логике, а тем более голосу разума.

– Ну, Вик, если б я знал, где этот мудака, то уже был бы там и волок его обратно домой. Но он пропал с радаров.

– Как тока услышишь за ниво, я хочу быть сразу за это в курсах!

– Ты будешь вторым – после моей сеструхи, его жены.

– Я тебе не второй, – говорит Сайм, и я чувствую в трубке злобную враждебность. Ебаный в рот, какой же мерзкий имбецил!

– Я что, сказал «второй»? Я имел в виду, что это моя сестра будет второй, – говорю, разглядывая профиль Кэнди из Бекслихита, 20 лет, студентка Мидлсекского универа, и сжимаю шишку сквозь черные джинсы с начесом и боксеры. – Ты, понятно, будешь номером один.

– Я на это надеюсь, – обрывает он. – И не думай, чё я не доберусь до тебя туда в Лондон, – говорит он таким нудотным, самоуверенным голосом, что аж мурашки по коже. – Свидимся.

Закашлявшись, прощаюсь, но он уже дал отбой.

Рентон – Национальная галерея

[30]

Больше не могу этого игнорить – чесотка и водянистые белесые выделения с члена каждый раз, када рыбку ужу. Чувствительность вокруг хозяйства, к которой теперь прибавились острые боли в животе. Подарочек с Эдинбурга. Видать, Марианна получила иво от блядского Больного!

Амбулаторная венерологическая клиника на Весперплейн. Сообщаю Мухтельд, которая сидит напротив и заглядует поверх очков в свой ноут, чё мне надо на пару часиков отойти. Никакой реакции: в этом же нет ничё подозрительного. Она меня уже давно знает. Когда мы работали вместе над моим ночным клубом «Лакшери», я вечно линял, чтобы расплатиться с народом наличкой, или даже встречался с партнерами, чёбы наебениться.

Как и следовало ожидать, мы расположены в самом центре квартала красных фонарей, который весь день сохраняет причудливый дух разврата. Бреду сквозь приятную бодрящую прохладу к Ньивмаркту, планируя запрыгнуть на «Метро-54». Прошмыгиваю мимо двух молодых отпускных синяков из севера Англии, чё строят глазки ражей черномазой девице в окне, а их друганы уговаривают их идти дальше.

– Тут начинал свой путь Джимми Сэвилл, – говорю одному.

Слышится недовольная ответка в мой адрес, но я пропускаю мимо ушей: трясущийся нарик аскает бабла, и я сую ему монету в два евро. Он на кумарах и сваливает, даже не поблагодарив.

Я не обижаюсь – сам таким был, и хотя собственное состояние вынуждает иво чё-то мутить, он все равно внакладе не останется. Лавируя под звуки шарманки, спускаюсь под землю. В метро спокойно и стерильно, если сравнивать с бардаком наверху. Как только сажусь в приземистый поезд, чёбы проехать две станции, вспоминаю про Викки, и в груди зловеще екает.

Когда выбираюсь с метро, выхожу на яркое солнце. Всегда любил эту часть города, хоть и не врубался, что тут находится гонорейная клиника. Ныве Ахтерграхт – один с моих любимых каналов для прогулок. Там дофига всего чумового поглазеть и целая община плавучих домов: это же за пределами четырех подков в центре города, и туристы редко суда забредают. Клиника расположена в уродском блочном строении 70-х годов на углу. Оно соединяется с многоквартиркой с фиолетового кирпича в стиле 80-х, которая хотя бы пытается кивать на мореплавательное наследие Амстердама парой окон-иллюминаторов, чё выходят на людную улицу. По иронии судьбы изогнутый темный навес стыда смахивает на влагалище с раздвинутыми половыми губами и как бы зазывает: «Заходи, красавчик!», пока прошмыгиваешь через двери внизу. Думаю за все те покрытые струпьями хуи и вонючие пёзды наивных и многоопытных кобелей и давалок, которые проходили под этим навесом, чёбы обрести спасение – нередко тока лишь на время.

Мине западло, чё врачаха – молодая баба, но анализы нифига не такие, как в старой Палате 45 с эдинбургского фольклёра, где в дырку в залупе загоняют проволочный ершик, пропитанный деттолом. Берут тока кровь и ссанину, ну и мазок с выделениями. Но она уже сразу в курсах, чё это такое.

– Похоже на хламидию, и анализы, скорее всего, это через пару дней подтвердят. Вы пользуетесь презервативами при половых контактах?

«Еб твою мать...»

Второй раз в жизни подцепил ебаную *Национальную галерею*. В моем, блядь, возрасте это не просто западло, а полнейший угар.

– Обычно да, – говорю. – Хотя недавно было одно исключение, – и вспоминаю за Марианну.

– Риск заразиться хламидией, как и другими инфекциями, передающимися половым путем, значительно снижается при использовании презервативов, хотя и не устраняется. По многим причинам презервативы не гарантируют полной безопасности, и, несмотря на них, инфекции, передающиеся половым путем, подхватить все равно можно. Иногда презервативы рвутся, – говорит она.

«Та кому ты, блядь, рассказуешь...» Теперь вспоминаю за то, как был с Викки и как хуй прорвал кончик презика, а она кинулась в панике искать противозачаточное. Еб же ж твою мать.

«Иногда презервативы рвутся».

Эта фраза стоит у меня в ушах, пока врачаха распинается о том, что заражение хламидией может распространиться, если заниматься вагинальным, анальным или оральным сексом или делиться секс-игрушками... Хотя девушка говорит отстраненно и профессионально, чувствую себя наказанным малолеткой, который должен был головой, блядь, думать.

Сажусь потом в «Кафе Нуар» на углу Весперплейн и Валкенирстрат. Решаю не брать пива, а заказываю *koffie verkeerd* ^[31] и размышляю над обломками жизни, чё балансирует между социальной дерзостью и трусостью, которые никогда не проявляются в стратегически оптимальные моменты.

Мне даж не надо ждать результаты анализов, потому как на следующий день приходит мейл.

От кого: VickyH23@googlemail.com

Кому: Mark@citadelproductions.nl

(Без темы)

Марк,

у меня плохие новости, о которых очень неловко писать. Полагаю, ты знаешь, о чем речь, поскольку это напрямую затрагивает и тебя. В этой ситуации, думаю, лучше нам больше не встречаться, ведь теперь из этого явно ничего не выйдет. Мне очень жаль.

Всего хорошего,

Викки

«Ну вот и все. Ты снова, нахуй, облажался. Эта прекрасная женщина так от тебя тащилась, а ты заразил ее сраной венерической болячкой: не смог удержать член в штанах и подсунул без гондона какой-то лярве тока потому, что ебанный Большой пялил ее годами, а ты ревновал. Ты тупой, убогий, беспонтовый и безнадежно слабый мешок говна».

Снова смарю на мейл и чувствую, как чё-то внутри складывается вдвое. Все тело, походу, испытывает шок, и в глазах слезы. Плюхаюсь перед теликом у себя на квартире: пусть мейлы и звонки сваливаются до кучи, потом их все удалю. Если чё-то важное, перезвонят.

Через пару дней беспощадное письмо Викки подтверждают результаты анализов. Возвращаюсь в клинику, и мне прописываю антибиотики на семь дней, никаких сексуальных контактов на этот период. Я должен снова притти через три месяца, чёбы проверить, чё у миня все чисто. Врачиха спрашивает за сексуальных партнеров, от кого я мог это подцепить и кого мог заразить. Говорю, чё много путешествую.

Отсиживаюсь у себя на флэту, курю шмаль и жалею себя. Еще смурней оттого, чё прекрасно понимаю, как справлюсь с этой непрухой: нажрись в хлам, потом протрезвею и накинусь на работу. Повторять, пока не сдохнешь. Это ловушка. Никакого «потом» нету. Никакого

блядского места под солнцем. Никакого мудацкого будущего. Есть тока *настоящее*. А оно сраное и становится еще более сраным.

На следующий вечер приходит Мухтельд со своим партнером Гертом. Он тож был со мной с самых первых дней в «Лакшери», и они приносят большие пакеты с покупками. Мухтельд приступает к уборке квартиры, а Герт забивает косячок и начинает готовить еду.

– У меня билеты в «Арену» на завтра.

– Не хочу смотреть футбол. От этого только хандра нападает.

Складывая картонки из-под еды навывнос в черный мусорный мешок, Мухтельд поднимает голову и говорит:

– Пошел ты в жопу, Марк, от футбола тебе хуже не станет. Сходим на «Аякс», а потом поедим и поболтаем.

– Ладно, – уступаю, и тут же высказывает эсэмэска от Конрада заглавными буквами:

«ПОЧЕМУ НЕ ОТВЕЧАЕШЬ НА МОИ ЗВОНКИ И СМС? В СТУДИИ ПРОБЛЕМА С КЕННЕТОМ. ОН КОЗЕЛ! ХОЧУ, ЧТОБЫ ЕГО УВОЛИЛИ, И МНЕ НУЖЕН НОРМАЛЬНЫЙ ЗВУКОИНЖЕНЕР ТИПА ГЭБРИЭЛА!»

– Вы, ребят, – улыбаюсь им, подымая трубу, – и этот избалованный жирный пиздюк, который каждую секунду думает тока за себя, наверно, вы только что мне жизнь спасли.

– В очередной раз, *klootzak!* ^[32] – смеется Мухтельд. – Ты должен поговорить с ним, Марк, он донимает офис звонками. Думает, тебя не колышет этот трек, который он записывает.

– Ага, лады... – говорю без фанатизма.

Герт берет меня в шейный захват, агрессивно трет мне голову. Не могу вырваться – не мужик, а медведь.

– Эй, милый, полегче с моим пареньком! Кто там у нас директор директора, Марк?

Обожаю этих пиздюков.

Часть вторая. Апрель 2016. Неотложка

Спад – Берлинские мясники

Народ офигеть прикольный бывает, блин. В смысле, у миня гемор возник из-за Майки, у миня ж никада паспорта не было. Кароч, котан заставил миня получить ксиву, а я такой думаю: так чисто не должно быть, мы ж все Европа, типа того. Тож было куча гемора, блин, пришлось аж в Глазго пилить и стопицот бланков заполнять. И им было надо, чёбы фоты пральные были.

А потом, када ксива наконец на мази и я уже на низком старте, Майки ищи ветра в поле! Прорва времени ушла, чёбы иво вычислить, но я насилу надыбал дикого пацика в бильярдной «У Дианы», зависал там с какими-то котанами камышовыми.

– Прям щас нифига не срастается, братан, – грит.

– Ты в смысле... сейшен отменил или как? Я чисто как бы вклад потратил, блин, – я такой и в кроссы свои новые тыкаю.

– Я б не скал «отменил», Спад, я б скал больше «отложил». От как бы я выразился. Отложил на данный момент времени – от как бы я скал. – Потом он такой повышает голос чутка, чёбы остальные пацики слышали: – Нам с Виком Саймом надо кой-какие детали разрулить, от и всё. Я в курсах, где тибя найти.

Кароч, чешу опять на хату и в паспорт втыкаю. Ну и так целыми неделями тянется. Места себе не нахожу, потом Майки грит: никаких подвижек пока.

На постоянке вытаскую с ящика стола ксиву. Она мазовая – у миня ж никада ее раньше не было. Там написано: Великобритания, Северная Ирландия и Евросоюз. Но Британия можт с Европы скипнуть, а Шотландия можт с Британии скипнуть, и тада небось скоро придется новую получать! А чё, шотландский паспорт мазовый был бы, можт, с чёртополохом напереди, заместо этой всей байды за ее британское величество, которое чё-то там просит, это ж офигеть старомодным выглядит, еще и со «Стоунзов» слизано ^[33], типа того. Как тот котан Брайан Джонс, чё скапутился.

Но все равно белым человеком себя чуйствуешь: ДЭНИЭЛ РОБЕРТ МЁРФИ. Подданный ее величества королевы. Хоть я типа и папист с ирландской семьи, я такой же подданный, как и любой джамбо с запада Эдинбурга или «карамельная булочка» с западного берега. Угу, эти котаны другие будут, да ж!

Фигня в том, чё неделя за неделей проходит и я уже почти все забыл за этот сверхсекретный втихаря заначенный берлинский левак, ить я ж разбираюся с халтурой на неполный день – гоняю на оптовом складе автопогрузчик. Башляют кисловато, зато классно снова пахать и зарплату получать, да ж. И еще остается время на Грассмаркете под *Жана-Клода* закосить. Весна – нехилое времечко для халявы, все ж котаны на бодрячке, и я могу себе нафантазировать, как все клевые девицы офисные, проходя мимо, будут в отпаде, если узнают, чё я занимаюся сверхсекретной доставкой груза аж на таинственный Восток в Стамбул и за бывший «железный занавес». И можт, у миня была б чисто экзотическая любовь в чужих краях, как у того котана Шона Коннери в роли Бонда. В старых киношках за Бонда, типа того.

Потом раз после обеда Майки заходит к мине на огонек.

– Пора, – такой, и, блин, я чисто как бы очкую, он же невеселый на вид, такая серьезная заточка у ниво.

– Я готовый, кор, – я такой и встаю. Хотя в натуре я был неготовый – я ж как бы уже повеселел, в курсах? Дела чутка в гору пошли. Но я чисто пятихатку наперед же взял. – Неси свою почку, Квочка, – грю, а сам на нервяках.

Но Майки не в восторге нифига.

– Усохни, – оглядывается и махает, чёбы я за ним в паб чесал. – Это все серьезно, блядь. Чёбы я больше от тибя этого слова не слыхал. Допер?

– Угу, извиняй, блин, – грю, надеваю на Тотоху поводок, и на улицу выходим.

– Я сам подписался, чёбы ты получил эту работу, Спад. Не проеби ее. Зделай дело, и тибя на постоянноку возьмут.

Кароч, в наливайке он мне лопатник с авиабилетами подсовует. Через пару дней я уже в эропорте, и Тотоха со мной! Я попросил свою сеструху Ройсин, чёбы зашла в этот интернет и проверила: можно такого малого на коленях держать? Оказалось, я могу чисто взять иво в такой фигне, переноска «Шерпа» называется, и мне не надо иво в багаж сдавать. Стараюсь, чёбы он не больше восемнадцать фунтов весил, но даю ему поправиться чутка, и слежу, чёбы он чересчур дофига не пил, а то по весу не пройдет. Када думаю за переноску, вспоминаю, как еще шпендиком «Доктор Оуэн» по телику смарел, за сельского паренька-лепилу с Уэльса, и там иво цуцика тож Шерпа звали. Но переноску не могли ж назвать в честь этой собачатинки: то ж огромный цуцик был, чё никада б в такую штуку не влез. Мне чисто надо компания, блин, я ж никада раньше не летал, и миня распирает, но я на нервяках диких: а вдруг какой-то тихарящий террорюга на борту решит новое 11 сентября замутить! От это б везуха была: тока начал на ноги вставать, а тут миня подзорвал нахуй какой-то парень, который так запарился по этим Молли-Малоунам, чё свою ж кровинушку угондошил. Ну и с цуциком я никому другому нянчиться не доверю.

Но в самолете дают чё-то пожрать и бухнуть малехо, кароч, откидуюсь на спинку и грю Тотохе, чё сидит в переноске у миня под ногами:

– От это жизнь, дружище.

Но он нифига не отвечает и тока малехо скулит, а девица рядом замечает и старается успокоить пацанчика:

– Какой славный! Как его зовут?

– Тотоха, – я такой. Думаю, мазово на самике побазарить, в курсах?

– Какая прелесть, в честь «Волшебника страны Оз»!

– Не-а, это чисто в честь группы «Тото», они ж ту песню за Африку пели. Я мазовый ремикс услышал и сразу подумал: цуцика так назову. А потом мой голубой дружбан, Педик Пол, рассказал за связь с «Волшебником Оза», в курсах?

– Ну, я надеюсь вы оба идете по дороге из желтого кирпича!

– Тока это ж Элтон Джончик пел, а не «Тото», – я такой.

Девушка тока улыбается с этого. Тут-то я и подловил ее, огорошил культурными познаниями чувичку, блин.

– Такой от он у меня, – сгибаю в запястье руку. – Никого пальцем не тронет, а чё, сам живи и другим не мешай, любовь – это прекрасно, но от тока я правдоруб, если намек мой улавливаете.

Передержал телку, блин. И так со всеми у меня. Одни пацки в курсах, как с краями разговаривать, а я не, да ж? Она улыбается, кабута грит: «Ты придурок, но вполне безобидный» – самая хреновая улыбка от девушки.

– Он милашка, спору нет, – она такая и снова мокрую сопатку цуцки гладит через сетку переноски.

Кароч, приземляемся в Турции, и мы с цуцком с *Ридли Скотта* ^[34] слезаем и запрыгиваем в рябузу до Стамбула, и это шиза какая-то! Блин, от это там движуха, народ суетится весь. Я ж светлокожий пацк с цуцком и типа выделяюсь тут чутка, но заскакиваю в такси, и по улицам катим. Походу, чуваков тут прорва, а девиц почти нету. Рентс сто лет назад студентом ездил и, помню, грил, на Лит похоже, но все поменялось. Щас в Лите прорва девиц шляется. Я как бы думал, тут все бабцы в чадрах и сморят на тибя соблазнительно большими глазами, как в той старой рекламе рахат-лукума, полные восточными обещаниями, но все не совсем так, типа того. Облом, да ж? А так бы мазово было!

Но это класс, лучший способ заработка – типа посредником быть. Врубись, я уже не робашу больше. С годами у тибя моральный компас появляется, и он показывает: «Не кидай котанов». Не могу больше этим заниматься, блин. Просто не могу зайти к чуваку на хату и иво бебехи взять, и не суть, скока их там у ниво. Можт, это для ниво дофига значит, типа мульти покойного родственника. Не мог бы взять грех на душу, блин. Не-а. *Маркиз-Карабасить* ^[35] для меня просто больше не катит уже.

Кароч, я на вокзале, чё-то похавать купил и жду на платформе 3, как и сказали, и к мне подходит этот парниша, в кожане и шлеме, и на цуцки сморит. Протягует мне картонную коробку с ручкой пласмассовой. Размером с Тотоху почти. Парниша ничё не грит, просто протягует мне коробку и билет на поезд, а потом свалюет. Коробка тяжелей, чем кажется: внутри ж картонки другая коробка.

Поезд в девять отходит, но я выпускаю Тотоху и выгуливаю иво, чёбы он свои дела поделал, кароч, время быстро летит. Када обратно чешу, уже темнеет, и приходится цуцки в переноску занывать, чёбы сесть с ним на чух-чух, но меня раздражает: мы ж в этом клевом малом вагончике одни, и я Тотоху выпускаю. Устраиваемся там поудобней и на Берлин отчаливаем. Тотоха – на сиденье напротив, и бошечка у ниво качается, как у игрушечного цуцки назади в окне

тачили, пока мы на скорости мимо всей фигни катим. Открываю картонную коробку и вижу, чё другая коробка внутри белая и похожа на мини-холодильник или микроволновку. На ней регуляторы и штуки всякие. Та почка небось внутри там. Я чутка прикемарил и просыпаюсь, када слышу, чё контролерша пришла. Мы в Бухаресте, и я Тотоху обратно в переноску «Шерпа» засовую. Стоим там дофига времени. Хоть поезд и не особо забитый.

Када до Праги добираемся, я с голоду чисто подыхаю: я ж всю хавку захомячил, чё на вокзале купил. Выпускаю Тотоху с переноски и грю ему, чёбы погулял чутка, пока я схожу в дабл отлить, потом изучаю буфет – взять чё-нибудь себе и цуцику. Вижу эти хот-доги – походу каннибальство для Тотохи нещасного, хоть, ясен пень, и не так это. Девушка чисто по-английски грит, и это мазово: никогда ж не встретишь на британских ж/д девушки, чёбы по-немецки шпрехала. Если тока не немка. Но вряд ли двухъязычная дойчландская телка будет свои таланты тратить на то, чёбы впахивать куколкой с тележкой на британских ж/д. Хотя в наше время кошечкам надо ж чё-то делать, чёбы на хлеб заработать, даж головастым и сверхопытным приходится за говняное мулево браться. Ну а такие типа, как я, и вообще беспонтовые, блин. Но тока не щас. Щас мне наконец фартануло малехо: оптовый склад на неполный день тама и парниша с международных сливок общества на задании тут!

Када возвращаюсь в вагон, не могу поверить...

Тотоха коробку опрокинул. Спихнул на пол с сиденья. Она открылася. Вся химия по полу разлилася. «Ой не, блин... Как же она открылася?..» А он достал почку и жрет ее. «Ой, не...»

– Ой, Тото, блин...

Он на миня зенки подымает. Почка у ниво с пасти торчит и извивается, как живая. Трогаю, а она вся холодная и химией воняет.

«Спета песенка моя, блин, обосрался по-крупному».

– Кинь ее, парень! – я такой, и он кидает.

На ней следы от иво зубов... Улика... Подымаю ее, и она холодная в руках у миня, хоть и не замороженная... Она как бы обжигает мне руку... Грю ему сидеть, а сам выхожу, бросаю ее в вагонный дабл и смываю воду.

Не в курсах, чё, блять, терь делать! Остаток пути до Берлина, блин, у миня чисто очко играет. В кишках каменюка с астероид размером, и бросает в пот холодный. Думаю за то, чё Сайм мне сделает. Типа утопит миня. Или живьем сожжет. Или зажмет соски пассатижами. Думаю: тока не глаза и не мудя. И я не могу даж на нещасного Тотоху спихнуть, он же ж не виноватый: не надо было оставлять цуцика без присмотра. Не надо было ее смывать, но на ней же следы цуциковых зубов были. Када сходим с поезда, я еще в шоке, чисто в трансе, и Тотоха в курсах, не так чё-то: просто идет рядышком и вверх сморит.

Кароч, я в натуре не собираю и иду в местную мясную лавку и покупаю почку на замену той. Потом иду в дабл на вокзале и делаю чейндж. Она нифига не похожа на ту, до которой Тотоха добрался. Форма другая и цвет, больше такой бардовый, как форма у джамбо. Но я все равно ложу ее в коропку со льдом, и я в курсах, чё они все равно вычислят, но я просто выгадываю чутка времени, чёбы подумать.

Но времени подумать нету: када вертаюся на перрон, там уже парниша ждет, другой байкер, который, от же прикол, чутка похожий на того первого пацика, но не он. Этот базарит и походу больше на расслабоне.

– Все нормально?

– Угу, ништяк, – я такой и передаю чуваку коропку, и он уходит, даже не проверив и не сказав нифига.

Так, думаю, они не будут в курсах, пока не откроют. Но если миня зажопят, придется самому руку поднять: не по чесноку ж тому парнише-байкеру подлянку подкидывать. Пока они не попытались эту почку бебику пришить или чё-нить такое. Это б самое хреновое было... Но не, спокуха, этого они не сделают. Они ж сперва проверят, чё это не она.

Качу на таксо в эропорт, чёбы обратно лететь. Думаю за то, чёбы остаться тут с Тотохой, но я бы сроду не выжил, я ж не такой котан, как Рентон или Больной, они-то могут от так с места сорваться, и все чики-пуки. А мне надо кашу расхлебовать. Но я вернуся к Майки... и в натуре дело не в Майки, а в парнях, чё за ним стоят, типа того котана Сайма, и я не в курсах, кто там еще. Смарю на Тотоху, а он и не догоняет, чё наделал, цуцик не виноватый, но не могу удержаться и грю ему:

– Эх, Тотоха, чё ж ты со мной изделал, блин?

Рентон – Диджей Кобель

Сходу врубается эта тошнотная смесь унылого стыда и крышесъемного самодовольства, када чувствуешь, чё с тобой в койке *кто-то еще*. Причем тот, кого там быть не должно. А мы вообще типа где? Амстердам – Берлин – Ибица – Лондон... Тока, блядь, не Эдинбург, прошу, тока, блядь, не Эдинбург, ну и твою ж мать... вот и она – такая молодая, а мои морщины, брылы и лопнувшие кровеносные сосуды щас во всей красе высветит вредительское солнце, лупящее между полузакрытыми жалюзи. Она сморит прямо на миня, подложив локоть под голову, и улыбается, глаза голодные и ненасытно-стебущиеся, черные с отливом кудри рассыпались, еще и на подбородке родинка.

– С добрым ут-ром! Ты храпел!

Ну хули тут сказать? С какого перепугу Эдинбург? У Юарта шабаш по случаю днюхи в «Кабаре Вольтер». Конрад, который, походу, доволен новым треком, хоть и не дает мне послушать, к моему изумлению, *сам изъявил желание* приехать и поиграть. Понятно, я слишком поздно

врубился, чё его целью было сыграть этот охуительный дип-хаусный сет и снести всем башню, тем самым унизив Карла перед его ж земляками. И это сработало. Все рукоплескания достались юному голландскому маэстро, а накачанный кокосом смурной Карл слинял со своим дружкой Топси и их бригадой в тоскливую ночь на вечерину в каком-то бомжатнике в западном Эдинбурге. Рэб Биррелл завис. Джус Терри тож. Там еще Эмили была и тоже отыграла классный сет... Потом помню, как она качает бедрами в лодочках на пробковой платформе и говорит чё-то такое роковое типа: «Кажется, я соблазнила всех шотландских парней...» Я чё-то банальное ей в ответ, наши губы соединяются, а потом... еб же твою мать.

Снежок. Водовка. Ешки. Ненавижу вас, блядей. Она в разы моложе меня. Она была такая развратная, и я поплыл. Ебать-колотить, я ж такого лет с тридцати не вытворял!

Пару недель назад я получил заключение, чё уже три месяца у меня все чисто. После того случая от Викки никаких вестей, хоть и подмывало позвонить и извиниться. Она этого заслужила, хоть, наверно, уже давно оставила все в прошлом. Но поднять трубку было непросто: я ж не могу допустить, чёбы моими последними словами с ней было: «Прости, что заразил тебя трипаком».

Кароч, щас я сделал то, в чем мне нет, нахуй, равных: усугубил хреновый расклад еще одним тупым решением. Эмили ж моя, блядь, *клиентка*. Выскальзываю с постели и натягиваю на себя гостиничный халат, который, слава богу, под рукой.

– Ты куда? – спрашивает она. – Давай закажем завтрак в номер. От всего этого траханья у меня аппетит разгулялся!

– Я очень польщен, что я твой сын проповедника, Эмили, но нам надо с этим подвязывать...

– Ты что за хуйню несешь?

– Дасте Спрингфилд, «Сын проповедника» ^[36]. Про единственного паренька, чё смог добиться девицы, которая выступала по другим делам.

Эмили смахивает с лица темные локоны. Взгляд у нее скептический:

– Ты правда считаешь, что песня об этом?

– Да, про лесбиянку, у которой был тайный гетеросексуальный роман с «единственным парнем, сумевшим ее научить...».

Громкий иронический смех вырывается откуда-то с глубины ее груди.

– Ага, только *ты меня* ноль чему научил! Твою ж мать, Марк, у меня и до тебя парни были!

Не воображай себя каким-то Генри Хиггинсом по хуям ^[37], – злорадно хихикает она. – Старр – всего лишь вторая девушка, с которой я встречалась. – И у нее дрожит нижняя губа, едва просыпается совесть.

Так и есть, нахуй. Я снова забежал впереди паровоза. До сих пор верю – несмотря на все доказательства обратного, – чё любая женщина на свете способна в меня влюбиться. И что, возможно, ей приходится упорно с этим бороться. Такая заморочка – можете назвать ее бредовой иллюзией – одна с моих наикрутейших способностей. Само собой, обратная сторона медали в том, чё я склонен перегибать палку.

– Значит, это такой этап?

– Отъебись, Марк. Сколько тебе? Шестнадцать? Это называется «жизнь». Это называется «две тысячи шестнадцатый год». Я не считаю выбор сексуальных партнеров бинарным. Если я нахожу кого-то привлекательным, я с ним сплю. Ты интересный мужик, Марк, не надо себя недооценивать, ты многого добился. «Лакшери» – один из лучших клубов в Европе. Ты всегда ангажировал диджеек. Ты принес шумный успех Ивану.

– Да, но он съебал, как только раскрутился, – напоминаю ей.

– Тебе нужно снова больше говорить о музыке, Марк. Ты же от нее так фанател. А сейчас просто слушаешь миксы, которые присылает какой-нибудь козел с тремя калекками-поклонниками. Ты ищешь новую бомбу, а нужно просто позволить музыке вести тебя за собой.

Она попала в самое яблочко, и это пиздец пугает.

– Я знаю. Но я старый пердун и глупо выгляжу, когда прячусь в темноте ночного клуба, набитого детьми.

– Ты считаешь меня ребенком?

– Нет, конечно. Но все равно я в отцы тебе гожусь, и я твой директор, а ты в отношениях, – говорю, вдруг вспоминая не Старр, а Викки, а потом стараюсь о ней не думать.

– Ой, только не неси эту херню про раскаяние покупателя.

– А что ты ожидала от меня услышать? Я рад, что осколки наших жизней пересеклись на диаграмме Венна между сминающимися плитами забвения по обе стороны, но...

Эмили прижимает палец к моим губам, чтобы я замолчал:

– Прошу тебя, Марк, не надо старперских речей о бренности: вечно этот унылый и тошный переход от секса к смерти...

– У тебя много папиков было? – И тут же жалею, что спросил.

– В любом случае гораздо меньше, чем молодых клубных девчонок, с которыми ты скипал у меня на глазах.

– Давно уже такого не бывало. И никогда с клиенткой: это просто неправильно, – доказываю, опрометчиво добавляя: – Да и Микки меня убьет.

– При чем здесь, блядь, мой отец? Мне уже двадцать два, мать твою! Ты такой же стремный, как он!

В бога душу мать, я ж больше чем в два раза старше за нее.

– Да уж будет при чем, если узнает, представляю себе. – Иду в ванную и беру электробритву.

– Так не рассказывай ему тогда! – выкрикивает она. – А я не расскажу твоему отцу. У тебя же есть отец – в смысле, он еще жив? Наверно, он уже такой – древний!

Вожу бритвой по таблу. Таращусь на себя в зеркале: дурень набитый, так нихуя и не дотумкал.

– Да, мой отец слегка постарел и не такой бодрый, как раньше: с болтом у него не ахти, но он держится.

– Что бы он сказал, если б узнал, что ты спишь с девушкой, которой в отцы годишься?

– Тока раз *переспал*, по пьяной лавочке, – подчеркиваю я. – Ну, он бы особо не одобрил, но его давно уже не колышет, чем я там занимаюсь.

– Моего отца тоже не должно волновать. Это нездорово.

– Он просто желает тебе добра, потому что ему не пофиг, – говорю.

Аж не верится, чё эти позорные, неубедительные слова слетают у меня с языка и чё я защищаю Микки, который, походу, от души меня недолюбливает. Я тока-тока отдрючил девицу во все дыры, а щас чуть ли не говорю ей, чё надо прилежно учиться, не то она под домашним арестом.

Выхожу с ванной, а тут, слава богу, опять телефон звонит, и мне надо ответить: это ж Донован Ройс, промоутер «Электрик Дейзи Карнивала» в Вегасе, который *никогда* не перезванивает.

– Марк! Твою мать, бро!

– Здорово, Дон. Чё там со слотом для моего парня?

В зеркале прихожей вижу, как Эмили бычится. Но мне ж надо и за своих чуваков поработать.

– Скажу прямо, «ЭДК», эта ультра-этээмовская толпа... они просто не для ЭН-СИНА. Чересчур молодые, чересчур музыкально необразованные для его заморочек.

– Брось, Дон. Он же дофига вкладывается в этот свой камбэк.

– Марк, это же ЭН-СИН, блядь, Юарт! В школе я трахал телок под его плакатом! Для меня этот человек – легенда хауса! Это не *ты* должен мне ЭН-СИНА продавать. Это я должен продавать его ребятне с концентрацией внимания как у золотой рыбки. Они даже танцевать не хотят – просто выбрасывать вверх кулаки и орать «супер», ну и тереться друг о дружку, пока не зазвучит очередной сэмпл поп-хита. Они не хотят совершить путешествие со старым маэстро. Это как небо и земля.

– Ну так давай их просвещать, Дон. Ты ж когда-то был энтузиастом. – Поглядываю на Эмили, а та вытянулася на кровати, и ее длинное, худое тело почти приняло позу из йоги.

Из трубки вырывается громкий хохот.

– Замахнешься этот отживший номер вытягивать. Это же бизнес, бро, ну знаешь, как там: «К сожалению, в данном случае мы не можем это принять и совершить какие-либо...»

От разговора пиздец выпадаю на смуры. Но суть такова: Карл никогда не попадет на афишу «ЭДК» или «Ультра», если у него не появится еще одного поп-хита. Как ни парадоксально, на это пиздюк как раз таки способен. Но сначала я должен вернуть его в то место, которое он сейчас ненавидит, – в студию. Оглядываюсь на Эмили.

– Как насчет моей девушки, Эмили, диджей Ночное Видение?

– Мне нравится ее музон, но она не очень сексапильная.

– Не соглашусь, – говорю, искренне задетый. «Мои опустошенные мудя так бы не сказали».

– Ладно, только ради тебя: «Дом вверх дном», послеобеденный слот. Только скажи ей, чтобы немного оголилась. Может, чуть-чуть декольте. Сиськи ж у нее есть, так?

«Ебанный в рот. Кто ты вообще такой? Еще и „Дом вверх дном“: самая махонькая сцена».

– Ранний вечер. «Пустошь». Как раз по ее части.

– «Пустошь» зарезервирована под завязку. Могу устроить ей слот в «Квантовой долине», при условии что она умеет ставить транс.

– Да она сама, нахуй, транс, братан, – подмигиваю Эмили, которая кивает, как болванчик заведенный.

– С четырех до пяти.

– Вечерний слот, братан, выручай кореша.

В трубке слышится громкий вздох:

– Могу устроить с семи пятнадцати до восьми тридцати вечера.

– По рукам. Ты ебанный кобелина, и тебя будут долбить, пока штифты с орбит на ножках не повываливаются и не свесятся вдоль всего туловища всевидящей мошонкой, – говорю ему. «Этот мудака мгновенно объективирован и сексуализирован».

– Вау... спасибо, походу, – говорит он.

Када отрубаясь, Эмили мгновенно оживает:

– Что это за хуйня была?

– Выбил тебе слот на «ЭДК», – говорю без лишнего пафоса, натягивая шмотье.

Я заметил, чё с диджеями, по крайней мере с моими, если сразу пальцеваться по поводу сейшена и всячески переться, эти пиздюки начинают гундеть, чё это не так уж и классно. Но если действовать без лишнего пафоса, они от эмоций аж верещат.

– «ЭДК»! Но это же не хухры-мухры!

– Правда, только в «Квантовой долине», ранним вечером, и тебе придется подпустить трансового драйва, – говорю с напускной хмуростью.

– Да это ж пиздатое! «Квантовая долина» – лучшее пространство на «ЭДК»! Ты просто красавчик, Марк Рентон!

Все дело в управлении ожиданиями.

– Спасибо, – улыбаюсь, и телефон снова звонит.

– Да выруби ты его и иди уже ко мне!

– Не могу, зая, это нежелательно для нас обоих. Если я трахну одного с своих диджеев, придется трахать всех. Это называется «демократия». А я всегда беспонтово выступал по голубым делам. Давай на этом остановимся и обсудим позже, – предлагаю я, как тока телефон перестает звонить.

– Ты же не будешь говорить, что я тебя выебла, только чтобы выбить себе этот сейшен?

– Не мели чепухи: я ж твой директор. Это *моя* работа – ебут меня, в переносном смысле, а я выбиваю вам сейшена. Если хочешь ебаться с кем-то ради карьеры, ебись с промоутерами, а не с тем, кто и так уже имеет с тебя двадцать процентов.

Эмили плюхается назад, задумавшись над этим, а потом резко вскакивает:

– У меня есть насчет тебя теория, Марк Рентон, – говорит она, с издевкой выгибая бровь. Ну, понеслась: видать, все двадцатилетние телки покупают сумочки с зашитым в подкладку пингвиновским Фрейдом. – В молодости ты стеснялся своих рыжих волос на голове и лобке

и тусовался с дружкой, который был слегка симпатичнее, может, член у него был побольше, и с девушками он вел себя увереннее... Ну что, права я?

– Очень и оочень сильно ошибаешься, это явно не про Рентона, зая, – говорю ей, обувая шузы, и тут на телефоне выскакивает имя Больного. – Сай... так. Иду.

– Ты куда? – спрашивает Эмили.

– Вкалывать ради тебя круглые сутки без продыху, – говорю ей, стучая по телефону, и чешу к двери.

Я пригласил Больного на наш концерт. Он приехал и помогает мне шас разрулить управленческую проблему. Системную: надо найти Конраду бабу. С тех пор как я рассчитался с Саймоном Дэвидом Уильямсоном, мы закорешились по интернету. Делимся ссылками на видосы старых групп, новые песни, ржачные новости за сексуальные попадалова и увечья – обычной шибанутой хуйней, которой народ шас обменивается.

Больной ждет в гостиничном холле с эскорт-девицей, которая внимательно изучает чё-то на своей мобиле. Довольно смазливая брюнетка, но с профессиональной каменной твердостью во взгляде. Больной говорит по телефону, пытаюсь написать эсэмэску на другом:

– Да, я знаю, что говорил, Вик, но я не ожидал, чё этот пиздюк съебет в Тайланд... Никаких намеков, када он должен вернуться, не отвечает на мейлы и эсэмэски, вышел в офлайн... Да, он хирург, Вик... Да, я еще в Эдинбурге. Я не могу тут задерживаться, у меня бизнес в Лондоне! Да, отлично! Хорошо. – Он завершает звонок, явно расстроенный. – Ебучие дауны! Со всех сторон! – Девица выразительно смотрит на него, и он берет себя в руки. – Это не про тебя, милая, ты единственный свет в окошке посреди этого неизменно мрачного сценария. Марк, познакомься с Жасмин.

– Привет, Жасмин. – Вручаю ей ключ от номера Конрада. – Будь с ним поласковой!

Она молча берет ключ и скрывается в лифте.

– Не будь таким мразотным плейбоем, – выговаривает Больной. – Эта женщина оказывает услугу, так что относись к ней с уважением. Планирую нанять ее для возможного эдинбургского проекта. Большинство наших девушек – МБА.

Если эта девица получила диплом секретаря в Колледже Стивенсона, тогда Спад – профессор международных финансов при Гарвардской школе бизнеса.

– То есть ты поучаешь меня за сексизм. На следующей неделе – Фред Уэст за строительство патио ^[38]. Или Франко за искусство.

– Не надо, – говорит Больной, прижимая указательный к пульсирующему виску. – Просто не надо.

– Походу, у тебя напряги.

– Походу, у тебя тож. – Он язвительно огрызается, обороняясь.

– Ну, если не считать того, чё у миня до сих пор пиздец десинхроноз, чё последние пять месяцев я мотаюсь по кругу Амстик – Л.-А. – Вегас – Ибица, чё у Юарта был этот сейшен на днюху, а потом я лечу в Берлин на большой концерт во Флюгхафене завтра, с диджеем, которого не могу найти и который уже заблудился где-то в дебрях Джамболенда, – (так и хочется добавить: «А плюс ко всему меня бортанула моя подружка, причем из-за тибя, пиздюка»), – в остальном у меня все просто зашибись. А у тебя?

– Проблемы первого мира, – пафосно говорит он. – Мой зять, которого один псих хочет нагрузить работой, съебал на Тайланд, бросив Карлотту и сына. Догадайся с трех раз, кого месяцами достают этот конченный и собственная сестрица? – Он по-старинному шлепает себя по голове. – Когда я успел превратиться в придурка, обязанного разруливать чужие проблемы?

– Разгребать чужое дерьмо – самое хуевое и неблагодарное, что может на тебя свалиться, – сочувствую.

– А пока мы тут носимся, как припезденные, Бегби валяется под калифорнийским солнышком, – злобно цедит Больной. – Но знаешь что? Думаю, может, ты насчет него и прав. Из психопатов-мокрушников – в эстеты-соплежуи!

Бегби – Страсти по Гарри

Пиздюк был, нахуй, в шоке, када зашел к себе на хату и свет врубил. Я такой на стуле за иво столом сижу и целюся в ниво собственной иво ж воыной, блядь. Держал ствола в правом верхнем ящике, пездолочь ебанутая! Полисыя? Этот пиздюк? Та я в *Эдинбурге* таких мудаков видел, чё этому мудозвону нос утерли бы.

– Какого хуя... Как ты сюда попал?

– Тебе точно нужны скучные подробности? – спрашу иво и малехо пушкой махаю. Пиздюк наконец-то ее замечает, и иво это не прикалывает. – А теперь приведи мне хоть одну, блядь, вескую причину, почему после того, как ты домогался моей жены, я не должен тебя сейчас пристрелить?

– Ты подонок и убийца, и она должна об этом знать! – и пальцем в миня тыкает.

Ума у пиздюка кот наплакал.

– Это еще одна причина, *почему я должен* тебя пристрелить. А я просил назвать причину, почему не должен.

После этого хуйло замолкает: иво это совсем нахуй не прикалывает.

– Думал, мы просто малехо перетрем. За то, как ты мою половину кошмаришь.

С этими черными глазками-щелочками он больше сердитым кажется, чем пересравшим. Надо отдать ему, нахуй, должное.

– Слыхал, ты бухать любишь, – тычу на пузырь вискаря, чё меж нами на стол поставил. – Хлебни малехо.

Сморит на меня, потом на пузырь. Без балды выпить хочет. Пару секунд думает, потом наливает чарку. Опрокидывает медленно, но уверенно.

– Давай еще одну! Садися, – на стул показую. – Я б поддержал компанию, но завязал. Никада до добра не доводит.

Тут пиздюк врубается. Он зырит на пустую чарку. Он свою жизнь проебал, сраную коповскую жизнь, из-за старого *Андреа Пирло* ^[39]. Этому парню пофиг, полисыя ты или злодей: он просто жаждет к чертям собачьим тибя отправить. Сам через эту хуйню прошел. Этот пиздюк Гарри, походу, прикинул, чё выхода у него нету, потому он по-любасу наливает и садится, после второй моей подсказки, када я волюной тыкаю. Сморит на миня, с осуждением щурясь.

– Ты убил тех бродяг, – и пиздюк пытается взглядом миня пересмареть.

Зырю на пиздюка в ответ, губы плотно сжаты. Заглядую в коповскую душонку. Все они одинаковые, хоть в сериалах по телику их великими героями выставляют. А я тока вижу брехливую, заполошную кумушкину суть мудозвона этого, запрограммированного служить другим.

Гарри моргает первым. Прокашляется.

– Они были кусками дерьма, но ты хладнокровно их убил. Тех двоих, что угрожали Мелани и детям, – настаивает, пытаюсь пересмареть миня, нахуй, опять.

«Пизда пронырливая. Дыши. Раз... два... три...»

Эти черные глазки-бусинки. На хомяка, блядь, похоже, чё с клетки выглядит. На того, чё у нас в школе был. Тянули жребий, кто иво к себе на хату на каникулы заберет. Все эти ой-ой-ой и тревога на лице учителя, када увидели, кто, нахуй, выиграл. «Бедный Хомми, он отправится на лето к Бегби! Больше мы его не увидим!» И как в воду глядели. Нещасный малой золотистый засранец так и не вернулся. От естественных причин – эти ж мудаки один год живут, – но ни одна пизда за пределами нашей хаты не поверила. Все решили, чё какой-то пиздюк иво меж двумя краюхами засунул.

– Не смог махнуть рукой? Не смог предоставить нам... полиции... разобраться, – продолжает этот пиздюк Хомми, пардон, *Гарри*. – Просто такой уж ты человек... этим ты занимаешься. Ты сделал... сде... ты... – Речь пиздюка замедляется, превращается в кашу, а зенки слипаются.

– ГГБ, братан. Гамма-гидроксibuтират натрия – синтетический наркотик с анестезирующими свойствами. Насильники используют. Но ты не парься, – смешок подавляю. – Пялить тебя никто не будет. И даже больно делать. Просто я вывожу тебя из игры.

– Что?.. – Глаза у него закрываются, шея тяжелеет, и голова падает наперед. Он хватается за подлокотники.

Пиздюк сморит на шланг, чё я подымаю за насадку и перебрасываю через потолочину. На конце удавку завязую. Усталым взглядом он прослеживает, как шланг проходит из двора через окно. Шуба-дуба, сучара полисэйская. Паренек упоротый уже: сквозь непонятку в стеклянных глазах тока слабый страх проглядуёт.

– Самовыпил зашкваренного копа-алкаша, – объясняю пиздюку. – Никада не любил ебаную полисыю, братан. Думал, это было тока там дома, в Шотландии, а американские копы другие будут. Не-а. Всю полисыю скопом ненавижу. Где угодно.

Он пробует встать, но выпадает со стула и на ковер валится. Наклоняюсь над ним и по щам шлепаю. Нихрена. Пиздюк в отрубе. Начисто протираю пушку и ложу обратно в ящик стола. Надеваю удавку пиздюку на шею и усаживаю обратно на стул: слава богу, он не такой и тяжелый, где-то пять футов восемь дюймов, сто писсят фунтов, полусредний, так прикидую. Самопальная петля перекинута через балку и проходит в окно, прикреплена к катушке, чё прикручена к стенке гаража. Еще раньше ее заметил. Лебедка должна получиться нехилая.

Открываю окно и ступаю наружу. Подхожу к катушке и крутить начинаю. Загляду внутрь и вижу, как пиздюк оживает, распахует хайло и, как малахольный, глазами дергает под тяжелыми веками, которые старается не смыкать. Рывком подымаю мудака на ноги, а он тянет усталые руки вверх и веревку мацает, пытаюсь развязать. Припездол идеально попадает в мою ловушку, када забирается на стул, чёбы попытаться немного ослабить петлю, которая иво душит, но этого мне как раз и надо! Мудак получает всего одну попытку, чёбы скинуть удавку, после чего я бешено ее накручу, обоими руками вцепившись в рукоятку, чёбы устранить слабинку и натянуть ее опять, вынуждая обдолбанную сучару полисэйскую на цыпочки стать.

– Не трогай, нахуй, миня и все, чё мне принадлежит, братан, – говорю, залезая обратно в дом, и вышибаю с-под иво пальцев стул.

Пиздюк качается, буркалы с орбит повылазили, язык с пасти свисает, а я радуюся хрипам: я ж выше крыши разговоров с ехидного коповского хлебала наслушался. Потом слышится скрежет, кабута чё-то порвалось, тока уже *снаружи*, и я оглядуюсь на катушку, чё под весом, нахуй, сгинаться начинает.

Отступаю к окну и туго эту пизду натягую, чёбы с катушки напряжение снять. Потом вертаюсь к Хомми, этому ебаному хомякопиздюку, и смарю, как он выпучует свои дурбещельские буркалы, мацая и захлебываясь, качается и брыкается, хотя пиздюк – молодчага, отбиваться продолжает.

«Та здыхай уже скорей, ебаная ты сучара полисэйская».

Вижу, как снаружи катушка сгибается, и пытаюсь еще сильнее веревку краем оконной рамы придавить, чтобы давление ослабить. Но потом, когда концентрируюсь на том, чтобы окно запахнуть, сзади слышатся треск и лязг. Оборачуюсь на опизденительный грохот сверху: весь потолок нахуй обрушился! Блядская балка разломалась напополам, а этот пиздюк-коп на четвереньках, весь в пыли и щикатурке, ползет по полу к своему столу, пытаюсь с шеи удавку стянуть. На четырех точках – ну вылитый хомяк, блядь! Мне никак до ниво не добраться, потому хватаю шланга и тяну за ниво обоими руками, пытаюсь вытащить этого пиздюка, как рыбу удочкой, но шланг этот блядский дохуя ослаб. Пиздюк встает на ноги и тянется через весь стол, хватаясь одной рукой за иво край, а другая ползет к ящику, куда я обратно пушку поклат... Я натянул шланга и пытаюсь потянуть копа взад... ах ты ж пизда такая, он уже ящик, нахуй, открыл...

Отпускаю шланга, и пиздюк валится через стол наперед, но рука-то иво в ящике! Я не успею туда быстро добраться, и нету времени окно открыть, потому ныряю прямо в эту хуйню, стекло разбиваю и приземляюсь на травку: я на ногах и уже рву, нахуй, когти, матеря свою калечную ногу, которой Рентону обязан, пока по ебаному двору пулей мчуся.

Слышу скрипучий крик, раздаётся залп и звук рикошета от ебаного гаража или еще какой хозпостройки. Сворачую за угол, и раздаётся второй выстрел: слава богу, хуйня прогремела уже дальше, хоть я и не торможу для выяснения. Это место на отшибе в лесистых холмах, то бишь оно подходит для того, что я планировал, но пофиг, когда все пиздой накрывается и на тибя охотится чмошник с блядской волыной!

Тачила припаркована на грунтовке, петляющей вдоль берега, под развесистым кустом. Погони, походу, нету, но я запрыгую и уябываю, давлю на газ, пока не выруливаю по съезду на фривей. Сперва переживаю, что этот мудака на меня сразу ж настучит, но тогда всплывет запись Мел, и полюбасу его показания – против моих.

Катаюсь по фривею, дышу ровно и спокойно, а сам матерю свою непруху. Ебанный древоточец! Думаешь, все распланировал, с самого, нахуй, Рождества место застолбил! А сейчас я тока добился, что еще больше опасного вражину мотивировал на то, чтобы меня завалить.

Но, если с другой стороны посмареть, я просто еще больше стимулировал себя, чтобы как следует этого пиздюка взъебать. Теперь уже или он, или я. И никуда ему тут, сука, не светит, бля буду.

Делаю вдох. Ровно и медленно. Дыши...

Так, нахуй, и надо. Миня вдруг начинает трясти от ржачки. Вспоминаю щачло этого пиздюка, когда иво удавкой душило: от это был, нахуй, угар! Надо кайфовать с того, что ты делаешь: если не кайфуешь, нахуй тогда вообще это делать?

В зеркале заднего вида солнце садится за гряду холмов на заднем плане. Это был не такой и херовый день, на крайняк касаемо погоды. В этом климате в натуре нельзя подолгу говняно себя чувствовать.

Больной – Все в Тай!

Выхожу со стройплощадки на Тоттенем-Корт-роуд и, устремив взгляд ввысь, замечаю скопление темнеющих туч. Воздух колкий и зябкий, выкапываю свои телефоны с внутреннего кармана кожаной куртки «Хуго Босс». Все сообщения можно проигнорировать, за исключением эсэмэски от Бена:

«Только что приехал, закажу пока».

Я целенаправленно избегаю Эдинбурга, но Эдинбург не избегает меня! Проклинаю тот праздничный день, когда подсыпал порошок МДМА в бокал этого самовлюбленного, сексуально озабоченного заморыша. Не мог же я предположить, что моя шутовская алхимия выльется, нахуй, в многомесячную боевую переписку с убитой горем Карлоттой и скользким бардачом Саймом.

Я никуды не могу сделать, чтобы вернуть их парня из Таиланда. Пафосный пресвитерианский говнюк с его блядским кругосветным авиабилетом и отпуском за свой счет. «Я должен кое-что сделать», – написал этот хуй в своем последнем бредовом мейле, после чего полностью ушел в офлайн. Бросив свою половину и сынишку, обезумевших от горя, наказав их за собственные безнравственные поступки! Вот же пиздюк! Пробираюсь по перекрытым улицам в Сохо. ИРА или ИГИЛ никогда не создавали такого хаоса и деморализации в Лондоне, как неолиберальные насильники планеты со своими амбициозными строительными проектами. Как и следовало ожидать, падают первые холодные капли обложного дождя.

Бен предложил встретиться и выпить в безликом пабе с нулевой репутацией, любимом заведении офисного планктона и туристов. До меня доходит, что я уже давно практически не уделял сыну времени. Меня мучит совесть, когда я захожу в забитый бар. Бен уже занял место в углу, где на деревянном столе пенятся два бокала «Стеллы». Рядом искусственный камин с низкой решеткой. В воздухе висит приятный запах мастики.

Обмениваемся приветствиями, Бен какой-то встревоженный, вдруг вперяет в меня взгляд:

– Пап, мне нужно кое-что тебе сказать...

– Знаю, знаю, я был зацикленным на себе мудозвоном. Просто у меня было очень много хлопот, этот дурдом в Шотлашке, с твоим взбесившимся дядькой и твоей теткой, у которой чердак потек, в смысле, мне пришлось...

– Речь не о *тебе*! И не о них! – обрывает он, как будто уже дошел до ручки. Шея у него красная, а глаза блестят.

Это меня поражает. Бен всегда был спокойным, молчаливым парнишкой, скорее благодушным англичанином или даже стойким шотландцем, чем неистовым итальянцем.

– Я говорил тебе, что с кем-то встречаюсь.

– Угу, та малая чикуля, с которой ты мутишь, хитрован...

– Это не *чикуля*

... – Он делает паузу. – Это чел. Я гей. У меня есть бойфренд. – Он выпаливает это слово, указывая, как решает проблему, с которой, как я теперь понимаю, ему приходится регулярно сталкиваться. Он смотрит на меня, воинственно задрав подбородок, готовый к агрессии, как будто ждет, чё я щас распахуюсь и съем иво с говном, как, видать, те пёзды в Суррее.

Но я чувствую лишь теплоту и взволнованное облегчение. Такого я никогда раньше не испытывал и потому абсолютно счастлив – я всегда втайне надеялся, что мой сын будет геем. Я ни за что не хотел бы гетеротрахательной конкуренции, чё была у нас с отцом.

– Прекрасно! – говорю я нараспев. – Это здорово! Мой сын – гей! Молодчина, кор! – И толкаю его в плечо.

Он смотрит на меня в шоке, подняв брови:

– Ты... ты не расстроен?

Я тычу в него пальцем:

– В смысле же, гей – полный гей, а не би, да?

– Ага, я только на ребят западаю. На девушек совсем нет.

– Супер! Это же, нахуй, лучшая новость на свете! Будем! – поднимаю тост.

Он ошарашен, но чокается со мной.

– Я думал, ты будешь, ну...

Делаю большой глоток «Стеллы», причмокивая губами.

– Наверно, я бы чутка ревновал, будь ты би, ведь тогда у тебя больше трахательных вариантов, чем у меня, – объясняю я. – Понимаешь, я всегда хотел быть бисексуалом. Но никогда не мог поладить с мужиками. Хотя мне и нравится, когда девица надевает strapon и засовывает мне в...

Бен начинает стесняться и перебивает меня:

– Пап, пап, я очень рад, что ты так хорошо это принял, но я не хочу все это слышать!

– И то верно. Но меня ж это ни с какого боку не касается: мы с тобой как «Халл» против «Уоспов»^[40], разные коды, союз против лиги. Ты вряд ли приведешь какую-нибудь аппетитную

малую стерву с торпедами вместо сисек, чтобы я ревновал, как я с отцом поступал. А чё там суррейский народ?

– Мама очень расстроена, а бабушка просто безутешна. Насилу может взгляд на меня поднять, – говорит он с искренней грустью.

Медленно качаю головой в отвращении, а в животе воскресает и бродит старая желчь. «Ебаная старая перечница. Не постеснялась взять свое у обезьян-макаронников тогда на тосканских каникулах, но готова отказать в этом же удовольствии своему первому внуку».

– Нахуй этих мракобесов: двадцать первый век на дворе. Меня не колышет, кого ты там трахаешь, если только трахаешь со страшной силой!

Его лицо при этом загорается.

– А как же. Всеми мыслимыми способами. Я переезжаю к нему на квартиру в Тафнелл-парке, и соседи уже жалуются на шум!

– Весь в меня. – Любя снова толкаю его в плечо. – Ладно, невъебенный ты наш жопошник, сгоняй-ка к стойке и сообрази мне двойной «Макаллан».

Он слушается, и мы оба чутка доводим себя до кондиции. Мой сын – гей! Какое, нахуй, счастье!

Пока еду домой на такси, заглядываю в телефон, а там эсэмэска от Виктора Сайма:

«Тащи свою жопу сюда. Нашел твоего парня».

Какого хуя? Либо я срочно понадобился Сайму, либо Юэн в натуре вернулся в Эдинбург. Целый год в разлуке, мохнатое мое очко: его не было всего пару месяцев! Набиваю ответ:

«Юэн Маккоркиндейл в Эдинбурге?!»

«Угу. Тащи сюда свою жопу».

«С утра пораньше запрыгиваю в автобус. Пока».

Если б эта гнида ответила, это было бы слишком уж вежливо.

Трахать шалав не принесет тебе покоя

До него вдруг доходит, что он с самого детства не перешагивал просветы между булыжниками. А сейчас это делает, наслаждаясь ритмичной поступью по холодной брусчатке. Броги: всегда хорошая прочная обувь для такой погоды. Кроссовки – рассадники болезней стоп – подходят гораздо меньше. Он сбился со счета, сколько раз говорил Россу, чтобы не носил их постоянно. Он странно дезориентирован, словно полностью соединился с *другим*, одним из множества альтернативных персонажей, которых мы подавляем, чтобы продолжать избранную нами

повседневную жизнь: тошнит и кружится голова от страха и веселья. Идти по этому хорошо знакомому городу как бездомный – все равно что шагать по новым улицам нового мира.

Вернувшись в Эдинбург, он завел новый телефон и электронный адрес. Хотел позвонить Карлотте, но не мог вынести очередного унижения: он ведь продержался в Таиланде меньше четырех месяцев, хотя заявил, что уезжает на целый год. Поначалу там было сказочно. Он вырвался на волю. Отпуск, новое место и Наияна – девушка, с которой он закрутил. Однако новизна быстро выветрилась и сменилась эмоциональным спадом. Он заскучал по Карлотте и Россу, затосковал по укладу прежней своей жизни. И вот он дома.

На этом этапе Юэн Маккоркиндейл пока не знает, вернется ли к обязанностям подиатра в Королевской больнице после отпуска за свой счет. Пока что возможны все варианты. Поселившись в дешевеньком, но чистом бюджетном сетевом отеле на Грассмаркете, следующим шагом он должен снова установить на своем новом телефоне тиндер.

Затем он выходит на улицу, забредает в кафе и садится напротив Холли: тридцать четыре года, недавно развелась, двое детей. Она говорит, что в данный момент времени не хочет ничего «слишком серьезного». Во время подобных встреч Юэн набивает себе цену: вовсе не обязательно врать – профессия подиатра обычно представляется женщинам довольно интересной и эксцентричной, – но он присочиняет и расширяет свой диапазон. Однажды, готовясь к отпуску, они с Карлоттой взяли несколько уроков испанского. Потом ему очень хотелось продолжить, но она не видела смысла. Обучение будет возобновлено, и отныне он станет указывать в самоописании: «Владею испанским». Еще он величает себя «игроком в сквош», хотя всего пару раз играл с коллегой по работе. В жизни главное – восприятие, как себя самого, так и других. Ты можешь либо недооценивать себя, либо утверждать что-то, присваивать и привыкать к этому.

Холли – перспективная кандидатка, но Юэн уходит через час двадцать минут, всего лишь чмокнув ее в щеку. «Никогда не сдавайся сразу: если имеет смысл трахнуть их больше раза, пускай подождут. А потом выеби так, чтоб дым из ушей и им захотелось еще». К его полному огорчению, в ушах звучат странно сдержанные слова Саймона Уильямсона. «Этот психованный свинтус по-прежнему мною руководит! Марианна была права!»

У Юэна еще сильнее падает настроение, хотя он снова на посветлевшей, потеплевшей улице. Уже воцаряется весна – самая долгожданная гостья Шотландии, которая обычно приходит поздно, а уходит, как правило, первой. Юэн не знает точно, куда направляется, но понимает тут же, едва туда добравшись. Он был здесь вчера – здание в проулке с оранжевой вывеской «УТИ-ПУТИ, САУНА И МАССАЖ».

Слава богу, Жасмин, к которой он приходил накануне вечером, снова отрабатывает смену. На этот раз она ведет его в комнату под названием «специальный люкс для привилегированных клиентов». Люкс, конечно, впечатляет. Кровати нет – только груды гигантских красных подушек всех форм и размеров разбросаны по полу со врезанным освещением. На одной стенке – большой телевизор, а другая занавешена красной бархатной портьерой, прямо как в театре. Подушки, хоть и отделаны золотыми кружевами, предназначены для того, чтобы облегчать

различные сексуальные позы: одни подушки заостренные, другие прямоугольные, и Жасмин поднаторела в облегчаемых ими конфигурациях. Юэн возбужден, но чувствует: она как-то странно себя ведет. Жасмин напряжена и насторожена, в рассеянном взгляде сквозит беспокойство – никакого сравнения с той очень активной, энергичной и безотказной женщиной, что обслуживала его вчера в не столь благоприятных для здоровья условиях. А вдруг это нарушение этикета – приходить к одной и той же девушке два дня подряд? Вдруг в ее глазах он выглядит безнадежным, ущербным или озабоченным? Затем Юэн замечает, что в комнате есть кто-то еще. Оборачивается и видит, что над ним стоит мужчина в костюме, с жестким и скользким лицом, состоящим из одних острых углов. Мужчина взопреп и вытирает шею носовым платком, хоть здесь и не жарко. До Юэна доходит, что незнакомец находился за красной портьерой, которая теперь отдернута и открывает небольшую утопленную сцену.

– Что... что такое? – Юэн больше не двигается. Переводит взгляд с Жасмин на грозного непрошеного гостя.

– Простите, что прервал, но для специальной ВИП-записи нам достаточно. – Мужчина показывает на камеру наблюдения над дверью, мигающую красным индикатором; Юэн ее даже не заметил.

– Что происходит? – Юэн смотрит на Жасмин, которая отводит глаза. Как только он с нее слезает, девушка откатывается в сторону и проворно улепетывает из комнаты.

– Доктор Кто? Добро пожаловать в ТАРДИС, – говорит мужчина со зловещей улыбкой насильника. – Я владеец этого заведения. Меня зовут Сайм. Виктор Сайм.

– Что вам нужно? Так вот чем вы тут занимаетесь...

– Я хочу, чёбы ты пошел и встретился со своим шурином. В «Сити-кафе» на Блэр-стрит. Через полчаса. Он расскажет тебе все, чё надо знать.

Глумливая уверенность этого мужчины задевает Юэна за живое. Сайм неподвижен, будто мертвец: говорят за него лишь пронизательные зеленые глаза. Пытаясь хоть как-то взять ситуацию под контроль, Юэн вещает своим профессиональным голосом:

– Но зачем вы меня снимаете? При чем тут Саймон?

– Не люблю повторять, док. Если будешь меня заставлять, тогда воспользуйся своей инсайдерской информацией и точно скажи, в какую реанимацию хочешь попасть, – говорит Сайм холодно и бездушно. – Еще раз: «Сити-кафе» на Блэр-стрит. А теперь иди.

Зажатый в тисках своего молчания, голый подиатр натягивает одежду. Все это время он чувствует на себе взгляд сутенера и с облегчением выбирается наружу.

По дороге в «Сити-кафе» мозг Юэна закипает от растерянности. Надрывный узел в животе подсказывает, что эта новая катастрофа сделала и так ужасное положение бесконечно более

рискованным. Он уверен, что последует шантаж. Мысль о прощении Карлотты – словно ускользающая радиочастота: ум то настраивается на нее, то ее теряет. Она затихает полностью, а через минуту прекрасно звучит на всю мощь, предлагая безграничные возможности. За неразберихой зарубежных поездок последовала двойственность последних нескольких дней, на тиндере и в саунах, непрерывные метания между воодушевлением и отчаянием. А сейчас, видимо, просто идет подготовка к новому кошмару, который полностью еще проявится.

«Надо было остаться до конца годичного отпуска, попутешествовать по свету, наблядоваться от души. Зачем я вернулся?» Но когда он потакал своим низменным инстинктам, положение становилось только хуже. «Или, может, вернуться на работу, – размышляет он, – снять квартиру, быть для Росса ответственным воскресным папой и жить себе одиноким кобелем». Но где-то за порогом сознания он отчетливо чувствовал, что такая жизнь ему почему-то заказана. Даже учитывая вмешательство Сайма и эту кошмарную запись, в конце концов он все же повел себя наиболее разумно.

Но есть ведь еще Карлотта, его прекрасная Карра... хоть он, конечно, и сжег за собой все мосты. Совершил роковую ошибку. Ни жена, ни сын не смогут развидеть эти жуткие развратные кадры. От них его и самого тошнило: дряблая кожа у него на руках, обвисшая нижняя часть живота, глаза-бусинки, как у волнистого попугайчика. Потом он на несколько месяцев исчез с лица земли. А теперь они могут увидеть кое-что похлеще: образцовый муж и отец развлекается с проституткой!

И еще этот блядский Саймон!

Юэн заходит в «Сити-кафе» и сатанеет, увидев, что за столиком в углу сидит человек, ставший причиной всех этих мук и нездорового раскрепощения. Саймон Дэвид Уильямсон с грустной улыбкой поднимает на него взгляд. Он пьет американо, вращая в руках большую чашку и не спуская с Юэна глаз.

– Что за хуйня творится, Саймон? Почему ты здесь?

– Карлотта попросила тебя найти, – говорит Саймон Уильямсон. – Я возвращался сюда каждые, блядь, выходные, – преувеличивает он, – хотя должен был руководить своим, нахуй, бизнесом. Лондонские и, не исключено, манчестерские, а не эдинбургские «Коллеги». А знаешь почему? Потому что эдинбургских «Коллег» я, блядь, не открывал... – Он обрывает сам себя на полуслове, будто впервые по-настоящему разглядев Юэна. – Оченно кисло выглядишь, – говорит он, удивляясь собственной уютной шотландской наигранности.

– Много странствовал, – говорит Юэн, не в силах подавить унылый вздох. – Как там Карлотта и Росс?

– Ты съезжаешь в Таиланд и не звонишь им. Исчезаешь нахуй с лица земного шара. Как они, по-твоему, блядь?

Юэн свешивает голову с горьким стыдом.

– Блядовал, нахуй, там и, готов поспорить, занимаешься тем же и здесь.

Юэн вскидывает взгляд на Саймона. Он видит себя глазами шурина – старым и вымотанным, жалким и никчемным.

– А теперь твой дружок Сайм снял меня, блядь, с проституткой!

Саймон Уильямсон озирается, окидывая угрюмым взглядом заведение и его посетителей. «Сити-кафе» не изменилось, но теперь выглядит так, будто давно пережило свой обалденный расцвет, а клиентура постарела вместе с ним. Саймон машет телефоном.

– Во-первых, никакой он мне *не* дружок, – с нажимом заявляет он. – Хотя да, он с огромным удовольствием мне сообщил. Я попросил его присмотреть за тобой, но я же не думал, что ты такой дибил. Или что он так низко падет. Я переоценил вас обоих. Надо было тебе оставаться, нахуй, в Таиланде.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что ты пиздец как облажался. Джентльмен всегда должен быть начеку. А эта жизнь, Юэн... это не твое...

– Очевидно, мое, раз я ее веду.

Уильямсон поднимает брови:

– Да, я уже слышал от Сайма, как говорится, из первых уст. Перефразируя Джеймса Макэвоя в роли Чарльза Ксавье из «Людей Икс: Первый класс»: «Трахать шалав не принесет тебе покоя, мой друг».

Юэн встречает взгляд шурина холодно и непоколебимо:

– Перефразируя ответ Майкла Фассбендера в роли Магнето: «Не трахать шалав никогда не было альтернативой».

Больной громко ржет и отшатывается на стуле назад.

– Ё-мое, да я создал чудовище Франкенштейна, – говорит он, а затем снова подается вперед, ставит локти на стол, опускает голову на кулаки и придает голосу вескости: – Никогда в жизни не думал, что произнесу эти слова, но, ей-богу, подумай о жене и ребенке.

– А я что делаю? Потому-то и не смог остаться в Таиланде. Мне нужно с ними увидеться...

– Но?

– Но я примиряюсь с тем, кто я есть на самом деле, и считаю, что без меня им гораздо лучше. Я испытывал эти желания уже много лет. Разница в том, что сейчас я ими руководствуюсь.

– Это большая разница. *Принципиальная*. Ну и брось всю эту протестантскую херотень.

– Мне кажется, я больше не смогу не встречаться с другими женщинами. – Юэн печально качает головой. – Я сорвался с цепи.

Уильямсон снова окидывает взглядом заведение. Диджей, который в прежние времена ставил кучу клевого музона, сидит вдрабадан ужратый в баре, такой себе полубомж, и втирает скучающему бармену помоложе за пафос «Пьюр», «Сатива», «Ситрус-клуб» и «Колтон-студиос» [41].

– Делай, как мы, католики.

– Что именно?

– Ври. Будь лицемером, нах. – Уильямсон пожимает плечами. – Я никогда в жизни не пялил столько баб, как в то время, пока был женат на матери Бена. Отдрючил тещу, малую сестру, оприходовал блядскую подружку невесты в ночь перед свадьбой – полный фарш, еб твою мать! Да я б и старикана чпокнул, кабы у него манда водилась. Будь моя воля, накачал бы этого пиздюка наркотой, сделал ему операцию по смене пола, пришел бы шахну, а потом заделал своим петухом и жестоко над ним измывался, – заявляет он, от этой мысли заметно оживляясь.

Юэн вдруг замечает, что тоже цинично смеется – явный показатель того, как низко он пал, – после чего с печальным смирением отмечает:

– Моя жизнь – полный дурдом...

– Слушай, братан, тебе нужно вернуться и постараться загладить вину.

– Это невозможно. Ты же смотрел видео. Помнишь за ее реакцию. Она же до белого каления дошла. Полностью разбитая и разочарованная, – ноет Юэн, не желая понижать голос, хотя за соседний столик сели две пары. Из разорванных кожаных сидений между ними торчит поролон.

– Она была в шоке, придурок, – заявляет Саймон. – Люди приспосабливаются. Я не говорю, что ты ее мужской идеал и она на сто процентов оправится, но ей нужно тебя увидеть. Прошло несколько месяцев. У нее было время обмозговать.

Это наблюдение чуточку утешает Юэна.

– Да, – соглашается он, – понимаю.

– Ну и?

– Что «ну и»?

– Ты хочешь вернуться к нормальной семейной жизни?

– Ну да.

– Но при этом ходить налево.

Юэн пытается заглянуть себе в душу. Он с дрожью смотрит на Саймона. Хмуро кивает.

– Но благодаря твоему другу Сайму первой альтернативы больше не существует.

– Нельзя, конечно, чтобы это видео посмотрела Карлотта, – говорит Саймон, – иначе все кончено, – и он передает свой телефон Юэну, который оторопело смотрит запись, где он занимается сексом с Жасмин в сауне всего полчаса назад.

– Откуда у тебя...

– Технологии нас всех и погубят. – Уильямсон кривится, будто от неприятного воспоминания. – Я могу попросить Сайма стереть это видео. Но тебе нужно со мной поработать. Это означает: оказать ему малую услугу. Иначе он выложит эту хуйню в интернет, и тогда это увидят не только Карлотта с Россом, ее подруги и его одноклассники, но и все твои коллеги и пациенты. Они составят себе мнение, что ты за фрукт. Одна-единственная ошибка – это одно, а серийный потаскун-извращенец и блядун-эксгибиционист – уже совсем другая история.

Юэна охватывает отчаяние. Кадры с Марианной разрушили его семью. Но эту срань увидит весь мир. Репутация, которую он создавал годами, пойдет прахом, и он будет опозорен в своей профессиональной среде, станет посмешищем и изгоем... Он безуспешно ищет объяснение этому кошмару.

– Как? Зачем? Почему я? Чего Сайму нужно от *меня*

?

Его шурин обводит глазами бар и вздыхает:

– Это я виноват. Я искал тебя по просьбе Карлотты и носил твою рождественскую фотку по саунам. Сайм пронюхал, пришел за мной и поинтересовался, зачем ты мне нужен. Он явно подумал сперва, что я из полисии, а потом, наверно, что я какой-то стукач. Я объяснил ситуацию и проболтался насчет твоих медицинских навыков, после чего он вдруг заинтересовался. Потом ты на несколько месяцев пропал с радаров, а меня тут постоянно доставал этот клоун-убийца, который, блядь-сука, думает, что мы с тобой заодно. Потом ты возвращаешься, и ему доносят, что ты натягиваешь в сауне на шишку одну из его *Кортни Лав* ^[42]. Взял с поличным.

– Он... этот твой Сайм, он хочет, чтобы я *посмотрел его стопы*

?

– У него для тебя работа есть. – Саймон Уильямсон замечает, как в бар заходит ватага распальцованных парняг, и начинает говорить с ковбойским акцентом: – Какай-та работенка па врачебной части, так кумекаю. – На Юэна это явно не оказывает действия, и тогда Больной резко добавляет: – Это все, что мне известно.

– Но я не в силах понять, как... *ты* можешь так поступать со мной? Это же шантаж! Мы родня!

Черты лица Саймона Уильямсона становятся холодными как камень. Он говорит четко и отрывисто:

– Позволь мне прояснить одну вещь: я тебя *не* шантажирую. Ради нас обоих я бы хотел, чтобы так и было. Но нас *обоих* наебал и впрямь очень опасный пиздюк. Не надо было тебе по саунам шляться, Юэн. Я подогнал бы тебе аппетитную малую...

– Своими подгонами ты и так уже угробил мою блядскую жизнь!

– Послушай, мы оба облажались. – Саймон вдруг шлепает себя по лбу. – Мы можем валить друг на друга до второго пришествия или можем попытаться все уладить. Лично я предлагаю второй вариант. Если ты не согласен, можешь смело, нахуй, спорить с самим собой. Я пошел.

Холодная логика Саймона Уильямсона затыкает Юэну рот.

– Дело швах, но все можно поправить.

– Чего ты от меня хочешь?

– *Я* не хочу от тебя ничего. Но этот пиздюк, и я употребляю это слово намеренно, вероятно, нуждается в твоих медицинских навыках. Для чего? Даже не представляю.

Юэн рассматривает своего шурина:

– Куда ты вляпался? Что ты вообще за тип?

Саймон Уильямсон смотрит на него с обидой и презрением:

– Я в такой же жопе, как и ты, и ты втянул меня в это, когда начал трахаться направо и налево!

– Ты подсыпал мне экстази, блядь, в коктейль! С твоих наркотиков начались...

– Пошел ты нахуй со своими проблемами первого мира! Если б каждый пиздюк, который принял свои первые ешки, изменял супруге и пердолил в очко первую же ебнутую давалку, которая ему улыбнулась, в Британии больше бы не было путных любовных отношений. Либо ты собираешь, нахуй, волю в кулак и мы разгребаем это дерьмо, либо ты смываешь все – семью, работу, репутацию – в ебучий унитаз!

Юэн сидит на стуле и трясется. Крепко обхватывает бокал водки с тоником. Осушает его залпом. Спрашивает Уильямсона:

– Что я должен сделать?

Из тени

Некоторое время Дэнни Мёрфи преследовали безымянные фигуры и тени, чьи личности были почти что, но не до конца различимы. Они на понтах выходили покурить из лит-уокских пабов, переползали по двое или компаниями на следующую нычку или тарасились грозными размытыми пятнами из-за грязных автобусных окон. У него сердце екает в предвкушении, когда на лестнице громче эхо шагов, которые потом затихают где-то на нижнем этаже или шлепают мимо его двери по пути в квартиру на верхнем. Но дни катятся чередой, и он все меньше на это реагирует. В голове начинают преобладать неправдоподобные успокоительные сценарии, которые он для себя сформулировал и гиперболизировал. Возможно, байкер разбился, а коробка почему-то раскрылась, и они предположили, что почка испортилась из-за этого. Возможно, он вне подозрений.

Но однажды вечером все меняется. Он сидит дома с собакой и смотрит телевизор, как вдруг слышит хорошо знакомые шаги на лестнице. В этот раз что-то в них – возможно, тяжесть или ритм – указывает на пугающую целенаправленность. Это ощущение разделяет и Тотоха, который трогательно поднимает глаза на хозяина и грустно, еле слышно скулит. Дэнни Мёрфи чуть ли не с облегчением вздыхает от стука в дверь и распахивает ее перед неотвратимым появлением Майки Форрестера.

– Майки, – говорит он.

Лицо Форрестера вытянулось на пару сантиметров книзу. Руки он стискивает перед собой.

– Ты облажался по-крупному. Мой партнер, Виктор Сайм, кучу денег из-за тебя потерял и...

Словно по команде, из-за спины Майки выходит мужчина, которому тот с робким почтением уступает дорогу. Майки просто играет роль, но Виктор Сайм гнетуще пышет рептилоидной угрозой и говорит с уверенностью человека, наперед знающего весь предстоящий разговор.

– Ты, – тычет он в Спада, – ты попытался миня объебать!

– Извиняй, блин, – в отчаянии выпаливает Спад, отступая, а Форрестер осторожно входит и запирает за собой дверь, – это нещасный случай был, типа того. Цуцик перевернул коропку со льдом и почку захавал! Я просто чисто запаниковал, да ж, но я заглажу все...

– Не сомневаюсь, нахуй, – говорит Виктор Сайм, после чего поворачивается к Форрестеру: – Так это парень, за которого ты подписался? – Он вышагивает по прихожей, в отвращении окидывая взглядом ее нищету. – Бомжара ебанный.

– Если по чесноку, я не в курсах был, чё у ниво такая черная полоса, Вик, я думал...

– Ебало завали, Майки. – Сайм отмахивается от Форрестера, поднимая руку и закрывая глаза, словно ему даже смотреть противно на своего якобы бизнес-партнера.

Когда Майки резко умолкает, у Спада муторно на душе, и он уже уверен, что добром это не кончится. Виктор Сайм подходит к нему, будто скользя на роликах, и подводит его к окну:

– Красивый вид.

Он смотрит в окно на уличную суету, едва различимую сквозь сажу на стеклах.

– Э, угу... – говорит Спад, покачивая и дергая головой. Из уголка рта у него течет кровь. Он видит, что Сайм это замечает. – Это все от спидов, мне надо, чёбы с синьки прыгнуть.

– Угу, а тут вид уже не такой красивый, – улыбается бардач, глядя на невообразимую грудку старых контейнеров из-под лапши «Пот нудл».

– Я в курсах, чё «Пот нудлы» для здоровья бесполезные и не надо мне их жрать...

– Бред, в них есть всё, чё тебе необходимо. Китайцы вон до ста лет живут. – Виктор Сайм поворачивается к Майки: – Вспомни за Мастера с «Кунг-фу».

– Небось так и есть, – несмело говорит Спад.

– Чё ты вон там видишь, братан? – спрашивает Сайм, пытаясь заглянуть в голову вот такого Дэнни Мёрфи, стараясь понять, каково смотреть на мир его запавшими, бегающими юркими глазами. Это упражнение наполняет его жгучей неприязнью и ощущением, что, стерев с лица земли это чепушило, он окажет человечеству услугу. Он обнимает Спада за худое дрожащее плечо, свободной рукой плавно доставая из кармана короткую дубинку.

– Хазэ... ну типа там здания, магазины и все такое...

Резким движением хищника отскочив назад, Виктор Сайм жахает Дэнни Мёрфи по голове. Майки Форрестер, вынужденный свидетель, ежится от стыда и омерзения, пока нападающий цедит сквозь сжатые зубы:

– А щас чё видишь?!

Спад заходится в первобытном крике, охваченный приступом тошноты и ужаснейшей болью, словно череп треснул и в середину мозга забили гвоздь. Слава богу, длится это всего пару секунд, и он чувствует, как изо рта вытекает блевотина, а навстречу поднимается пол.

Тотоха начинает таякать и затем лижет Спаду голову. Майки становится красным как рак, нижняя губа у него дрожит. Глаза Спада глубоко закатились, он слабо, но различимо отдувается. Сайм поднимает собаку, та горестно скулит.

– Никада особо цуциков не любил, – говорит он Майки, чье лицо становится теперь похоронно-серым.

В самом просторном люксе того подвального помещения, что Виктор Сайм использует для своей коммерческой деятельности, окон нет, а главное место занимает красная бархатная портьера. Все остальное освещено снизу вмонтированными в пол светильниками и украшено рассыпями алых подушек с золотой кружевной каймой. Они усеивают отшлифованный и покрытый лаком деревянный пол. Еще одна изюминка этого номера – большой телевизор с плоским экраном, закрепленный на стене.

Виктор Сайм держит в руках пульт управления: изображение на экране выключается. Владелец только что воспроизвел перед Юэном Маккоркиндейлом видео, на котором тот совершает половой акт с Жасмин, и медику пришлось смотреть с немой мукой.

– Зачем мне это показывать? – вздыхает подиатр.

– Чёбы до тебя донести, дражайший доктор, – Юэна аж передергивает от елейного пародийного акцента морнингсайдовского чайного зала, – чё ты по уши, нахуй, в говнище. В общем, док, ты сможешь с ниво выбратся, если правильно разыграешь карты.

Юэн снова неудержимо скатывается в глубокое, бессильное молчание.

Больной, который, сидя в углу, изредка перемежал просмотр видео презрительными вздохами, сыпля Юэну соль на рану, внезапно встает:

– Класс. Ну я тогда пошел, а вы, ребятушки, сами обсудите условия вашей сделки, раз мои услуги теперь излишни.

Из глотки Юэна доносится неуверенная мольба:

– Не уходи...

– Не-а, ты тут подождешь, – солидарно обрывает Сайм. – Я все за тебя слышал, братан. Ты в ответе за эту проблему, – предъявляет он Больному. – Я нашел твоего зятя тут.

– Угу, но сейчас ты его шантажируешь. Так что, по-моему, мы квиты.

– Так дело не пойдет. – Сайм практически берет на себя роль смотрящего, который неохотно навязывает деспотичные правила, придуманные кем-то другим. – Вам надо утрясти это с твоей сеструхой, – он смотрит на Больного, – и с твоей женой. – Сайм гадко, нездорово подмигивает Юэну. – И вы не сможете, пока этот видос в свободном обращении.

– Пожалуйста... сколько вы за него хотите? – умоляет Юэн.

– Ш-ша, – перебивает Виктор Сайм. – Твой зятек врубается в наши расклады, док. А ты тут турист ебучий.

– Пошел ты нахуй, – с вызовом говорит Больной. – Я на тебя не работаю.

– Как же, как же, – напевает Сайм, в стиле рождественского представления отдергивая бархатную портьеру у них за спиной. Позади нее вверх ногами висит связанный Спад Мёрфи с кляпом во рту.

Больной охает и пятится.

– Теперь все от вас двоих зависит. – Сайм облизывает тонкие бескровные губы. – Можете уйти отсюда. Но если уйдете, этому парню амба.

Юэн дергает головой:

– Я без понятия, кто это.

Тогда Виктор Сайм машет тисненой визитной карточкой «Коллег», которую нашел в кармане у Спада, и Саймон Уильямсон вынужден упавшим голосом сказать:

– Я его знаю.

– Ну а ты с ним познакомишься, док, – высокомерно обещает Юэну Виктор Сайм, и от его мерзкой фальшивой ухмылки в жилах свойственников стынет кровь. – Угу, познакомишься с ним близехонько. Ведь тебе прямо щас за работу пора приниматься.

Спад – Безнадзорное мясо

«Чешу такой по кладбищу, а там все в тумане. Надгробия вижу, но нифига не разберу на них. Тотуха лежит у одной могилы, поклат свои малые лапки на глаза, кабута рюмит. Подхожу и пробую заговорить с ним, но он не шевелит лапами. Читаю надпись на камне: ДЭНИЭЛ МЁРФИ...

Ох, блин...

Потом лапы Тотухины опускаются, и вижу, чё это не он, а черт с бошкой рептилоида и сморит на миня прямо...

Оборачуюсь бежать, а эти дебилы с большими лобастыми фейсами хватают миня, и один – жах! – пером в живот мне...

НЕЕЕЕЕ!!!!!»

Када очухиваюся, кошмар чисто типа продолжается, я ж тут никада раньше не был, но все равно как бы в курсах, хотя насили дышать могу. В носу дерет от резкого запаха ссанины. Пытаюсь пересилить боль и тошноту в животе, чёбы чердак основным командам подчинялся. «Не закрывай эти бельма мутные. Убери язык с нёба, чёбы не задохнуться...»

Ох, блин... я в кровати и дрожу, как котеныш. В глазах туман, кабута туда молофьи налили, и я моргаю постоянно, ну и наконец зрение фокусируется. На железной стойке пакет с плазмой крови, и оттудова трубка выходит...

«Чё за нахуй, блин...»

Не могу поверить, чё эта трубка к моему телу ведет, хотя мой мозг говорит мне, чё сто проциков это так и есть! Приподымаю тонкие одеяла и выясняю, чё эта трубка подходит к повязке сбоку моего брюха. В шоке вскакую. Мне совсем хреново, и я подымаю бошку, чёбы сорентироваться лучше. Засаленные лимонно-зеленые стенки, покрашенные сверху старых обоев с узорами, чё сквозь краску просвечуют. Заляпанный бордовый ковер. Комната – чисто семьсятые, дыра во времени, с этими съемными комнатами и облезлыми флэтами, где все жизненные драмы паренька Мёрфи разворачивались...

Это муторное чуйство в моем дрожащем теле: ох блин, офигеть как знакомо. Воздух смердючий и затхлый.

Слышу кашель и вдруг врубаюсь, чё в комнате еще котаны есть! Тут же Майки Форрестер и этот парень Виктор Сайм. Думаю, он миня чпокнул. Это злобное щачло, блин, на всю комнату чисто.

– Ты испортил мое имущество. Уничтожил иво. Привел в негодность, нах.

– Это нещасный случай был... – подаю голос и так сильно хриплю, кабута толченого стекла наглотался. – Чё вы сделали?

Сайм сморит на Майки, а потом на двоих других пациков, чё с тени выступают. Один – Больной! Другой – тот парень, чё я видел, када висел вверх тормухами, связанный по рукам и ногам.

– Сай! Чё случилось? – я скрипучим голосом. – Чё случилось, Сай?!

Больной со стакашом воды наперед выходит:

– Вот, Дэнни, выпей, дружище.

Он помогает мне привстать и подносит стакаш к моей цедилке. Тепловатая вода, походу, перекатуется по запекшейся слизи и шкваре у миня в пасти и в горлянке. Он морщит клюв, и я в курсах, чё это от моего запаха со рта.

– Медленно, – говорит он.

– Оставляю вас, чёбы вы посвятили иво в детали, – грит Сайм Больному и чешет к двери. Поворачует ручку и открывает ее, но останавливается и сморит на Форри. – И все остальное разрулите! Это на тебе лежит, Майки. Не разочаруй миня опять.

Майки собирается чё-то скать, но слова застряют у котана в зобу, ну прям как у миня, а Сайм на понтах с комнаты вырывается.

Я сам очкую нах и отодвигаю от себя мензуру. Чё-то тут не так. Ни разу. «А цуцик гиде?»

– Сай... Майки... чё стряслось? – я такой.

Больной с Майки переглядуются. Больной отступает, а Майки передергивает плечами и такой:

– Сайм захотел обратки за почку, чё ты испортил, ну и пощитал, чё имеет право одну с твоих взять.

Мацаю повязку на ране. Смарю на трубку.

– Не...

– Тут было два варианта: либо так, либо, – Больной рукой себе по горлянке проводит, – финито. Мы применили все наши совместные способности убеждения, уж поверь. – Он переводит взгляд на Майки. – Вот он не даст мне соврать!

– Угу. – Майки кивает. – Тибе еще повезло крупно, чё Сайм нашел получателя, который тибе подошел. Надо ж, чёбы подходило, понял?

– Чёооо...

Не могу в это поверить! Пробую нормально сесть, но вся туша болит, а в руках так вообще силы нету...

– Тссс, не загоняйся, братан. – Больной типа воркует, аккуратно миня обратно на кровать укладывает и заставляет еще воды отхлебнуть. – Ее Юэн вот удалил, – он на другого пацика кивает, – он мой зять, муж Карлотты и дипломированный врач. Ты в самых лучших руках, корешок!

Зыркаю на этого парня, но он не может мне в глаза смареть. Переминается тока и взгляд с пола на стенки переводит. Подымаю руку и тычу в ниво:

– Это ты – ты у миня почку вырезал? От тут? – Оглядую все это чисто нищевродство. – Та ты мясник!

– Меня скомпрометировали, – парень grit и бошкой качает, но кабута разговарюет сам с собой. – Я просто вышел, блядь, выпить на Рождество, на свой *день рождения*

...

– ЭТО ВЫ ВИНОВАТЫ! – ору и тыкаю в Майки, а потом в Больного. – Вы обое! А еще дружбаны называется! А еще называется дружбаны-ы-ы... – и чуйствую, как по таблю слезы течут...

«Это ж типа... пиздец».

Майки со стыдом отворачивается, а Больной нет. Ох блин, он не.

– Все правильно, вали на меня! Этот пиздюк Сайм собирался всех нас грохнуть! Я впрягся в это тока потому, чё он жаждал мести и обратки, после того как влетел из-за *тебя* с этой почкой на тридцать штукерей! Я ТУТ, НАХУЙ, НИ ПРИ ЧЕМ! – Он молотит себя в грудак в возмущении, глаза выпучует, и кадычара туда-суда ходит. – ВАЩЕ НЕ ПРИ ДЕЛАХ!

– Я не в курсах был... – я такой, – это цуцик, в смысле, я не виноватый тут, просто животинка... не врубилась...

– Чем ты думал, када брал этого ебаного цуцика с собой?! Оставил мясо – без присмотра – с *цуциком*!

– Такого ж не должно было быть, Спад, – Форрестер Больного поддерживает. – Ты ничё не грил за то, чё возьмешь в дорогу своего малого цуцика дибильного.

– За ним просто некому присматреть было, – я визгливо. Потом миня чисто измена накрывает, и я в панике озираюся. – Где он? Гиде Тотоха?

– С ним все нормально, – Больной такой.

– ГИДЕ?!

– Сайм иво в одной с своих саун держит. Девицы за цуциком следят. Будут иво баловать, гулять выводить.

– Нельзя оставлять нещасного малого цуцика с этой жестокой падлой! Пусть тока Тотоху тронет!

– Тотоха – это залог, – Майки такой.

– За чё? За чё?! Ты чё гонишь, Майки?!

Майки ничё не grit, а сморит на Больного, а тот ладони подымает.

– Это я, в общем, мы с Майки тут уломали его на эту тему – око за око. Пришлось чем-то жертвовать: этот пиздюк же просто нахуй животное. – Он качает бошкой со стороны в сторону, а потом в лыбе расплывается. – Но во всем этом блядском бардаке есть на крайняк одна классная новость!

Не могу в это поверить.

– Чё? Чё в этом классного?!

– Почка, которую Шфинктор Шсайм вырезал для клиента... – Больной такой своим доставучим бондовским голосом, кабута это такая кора. – Оказалось, что она все-таки несовместима

с получателем.

– Чё... в смысле, ее вообще не надо вырезать было?! – слышу, как ною. – Вы ее зазря достали!

– Угу, но еще можно вернуть ее на место.

– Где... где она?

– Осталась в Берлине. – Больной лезет в куртяк, достает какие-то авиабилеты и мне в рожу тыкает. – В общем, нам надо лететь туда в срочном порядке, ну и отриховать тебя взад.

Будешь как новенький, не считая *Таниты Тикарама* ^[43].

– Как новенький, – горестно бубню про себя, пока Больной с Майки Форрестером брови вскидывают, а этот парень-лепила Юэн отворачивается и говорит чё-то шепотом, мне не слышать.

– Чё он грит? – тыкаю в ниво. – Чё ваш парень-лепила грит там?!

Парняга Юэн оборачивается и такой:

– Важно действовать быстро.

Я тока вздыхаю, миня знобит всиво, и хреново. Горю тут, как в аду, блин. Как же мне погано, я на этом самике до Берлина точняк не долечу.

Больной – Все на Лоуренса Уэлку

[44]

Отвожу наморщившего лоб Юэна обратно в отель и даю ему напутствие:

– Сёдня никаких блядок, кор, баиньки, и чтоб был как огуречик: завтра тяжелый день.

Страшный, как упырь, и дерганный, он молча отчаливает к лифту и поднимается в свой одинокий номер. Чешу обратно на просторную, благоустроенную колинтонскую виллу Маккоркиндейлов, оставшуюся без хозяина дома. Крякнутая Карра выносит мне мозг, выпучивает глаза-плошки, будто с них веки посдирали, и свирепо скрипит зубами, а ее щачло напоминает мне тот случай, когда я напоролся на нее и ее дружбанов в «Резерекшне». Ё-мое, сколько лет прошло?

– Но откуда ты в курсах, чё он вернулся? Ты иво видел?

– Нет, – гоню, решая, что, если ей сказать, это еще больше поставит под угрозу и так отчаянную затею. – Но его сто проциков засекли, известно из надежных источников.

– Кто? Скажи мне, кто его видел?

– Пара человек. Он сел в таксо к моему дружбану Терри. – Придумываю еще одну *безобидную малую* брехню. – С «Фильмхауса» вышел. Слушай, за этим я сюда и приехал – найти его.

Судя по матовому блеску ее выпученных лампочек, Карлотта чем-то обдолбанная. Черные волосы жирные, и видны седые корни – раньше она никогда себе такого не позволяла.

– Это нас отдаляет, – молит она, будто со скрипом открывается крышка гроба.

– Слушай, ты в стрессе, иди приляг.

Уголки ее рта опускаются, и она рыдает. Обнимаю ее, и она валится, как марионетка, у которой обрезали нитки. Приходится практически отнести ее вверх по лестнице и уложить в кровать. Целую ее потный лоб.

– У меня все под контролем, сеструха, – говорю ей.

Хотя Карлотта забалдела от наркоты, лицо у нее все равно похоже на хорошо отлупленную пятую точку, и она смотрит на меня из-под одеяла маленьким, загнанным в угол зверьком, будто собираясь быкануть. Я рад, что сваливаю. Зачем драматизировать? Ё-мое, она же еще симпатичная баба и легко найдет себе пару. У нее останется домина, ну и алименты на парня, пока он не уйдет из дома с хорошим дипломом, который обеспечит заманчивую работу в сфере розничных продаж. Потом она может разменяться на уютную квартирку с молодым любовником, наверное, с ежегодными мусипусичными секс-турами на Ямайку в придачу, просто чёбы держать жеребчика в тонусе.

Когда спускаюсь, меня уже караулит Росс, и его умоляющие глаза горят сквозь целый лес угрей. Всякий раз, как вижу его, этот малой говнюк спрашивает, когда уже получит свою дырку. Если бы законы естественного отбора работали как следует, он бы остался целкой на всю жизнь. Как и Рентон должен был остаться. «И вот что я получаю за попытки объебать природу».

– Ты грил, в следующий раз, как приедешь.

Вовремя звонок прозвенел! Хватаюсь за телефон, машу Россу, чтобы помолчал, и выхожу во двор. Что вовремя, то вовремя! Сайм наконец-то удосужился предложить мне помощь по этому вопросу.

– Твоя малая проблемка скоро разрулится, – заявляет он, когда я захожу за сарай, подальше от назойливого взгляда горемычного малого шибздика, который пялится на меня в окно.

– Спасибо, Вик, – говорю этому мордовороту, ежась от холода, – но давай я тебе перезвоню. Может, улажу это дело своими силами. Я немного отвык от эдинбургских раскладов, но у меня еще есть рабочая адресная книжка, – заявляю я, как вдруг шалава с мясистыми буферами из соседнего дома распахивает окно дальней спальни и оттуда вырывается песня Тиффани «Теперь мы, походу, одни» ^[45]. Это типа такой заманухи?

От хибары несет креозотом, а Сайм буркает что-то нечленораздельное. Это может быть как насмешка, так и похвала – не знаю, да мне и по барабану.

В общем, выполняю долг чести. Сажаю Росса в такси – не к Терри, у этого человека ноль такта, если дело касается чужих сексуальных связей, – и мы катим в тот самый отель, где селился Рентс, бронирую номер онлайн и звоню Джилл, чтобы встречала нас там.

Мы чутка пережидаем, пока она не появляется в узкой обтягивающей юбке, в черно-белой полосатой кофте, с короткой стрижкой и темно-пурпурной помадой. Знакомлю их, и в глазах у Росса стояк, но Джилл он не цепляет, а, наоборот, вызывает брезгливость.

– Разбежался, блядь, – говорит она, отводит меня в сторону и цедит в ухо: – Он же не бизнесмен!

Росс похож на угрюмого предпубертатного Аледа Джонса на встрече со своими новыми приемными родителями Фредом и Роуз Уэст ^[46].

– Да он вундеркиндище, юная птица высокого полета – такой персонаж типа младшего Уильяма Хейга ^[47] на собрании Консервативной партии.

– Я не педофилка, – обрубает она, и у Росса дрожат губы.

– Девицы детотравами не бывают, – говорю ей. – Вряд ли в Корнтон-Вейле ^[48] есть крыло для зверюгинь. Ты просто ломаешь парню *Лоуренса Уэлку*. Социальная услуга, в натуре.

– Отьебись...

– Да брось, детка... непрофессиональное поведение, – говорю ей, а несчастный малой фон-барон стреляет глазами то на меня, то на нее.

– Угу, с твоей стороны. Я-то думала, «Коллеги» – элитное эскорт-агентство, а не про дибильных малых шкетов, которым перепихнуться не с кем. – И она оборачивается на этих своих шпильках и сваливает.

– Логично, – говорю ей вдогонку, – мы можем что-нибудь придумать, – но она не слушает: уже слиняла нахуй.

В общем, я вынужден занырнуть обратно в клоаку и принять предложение Сайма. Это единственный способ заткнуть писклявые малые мудя. Ирония в том, что он присылает в отель Жасмин – ту самую чикулю, что трахнула Россова старика. Я так думаю, в этом есть некая поэтическая симметрия!

Жасмин окидывает Росса взглядом. Тот похож на узника, которого ведут в общую спальню в Освенциме.

– Оставляю вас, ребят, чутка наедине, – скажусь я.

Росс собирается что-то сказать, но Жасмин берет его за руку.

– Все хорошо, милый. Расскажи о себе.

А эта девица шарит в своем деле. Отваливаю и спускаюсь в бар на первом этаже.

В общем, через тридцать пять минут, когда я как раз осилил половину третьей «Стеллы» и «Гардиан», Жасмин спускается одна.

– Оформили, – говорит она. – Одевается.

– Класс, – говорю ей, подсовывая еще двадцатку поверх оговоренного тарифа.

Она смотрит на меня с легким разочарованием и уходит. Дай я столик, она посмотрела бы точно так же. Мне не хватило смелости сказать ей, что это был сын того чувака, с которым она записала секс-видео и которого ее босс теперь шантажирует.

Фон-барон спускается через пару минут, «под кайфом и в смятении». Его лицо как будто всю ночь вымачивали в кадке с «клирасилом». Прыщи на щачле, походу, высосали, как и спущенку с мудей.

– Отстрелялся?

Он тупо кивает, запихивая руки в карманы своей толстовки.

Вытаскиваю его на улицу, веду по мосту Георга IV, и прогуливаемся по Медоуз. Стоит чудный весенний денек.

– Ну так как все прошло, дружище?

– Нормально... хоть и не так, как я думал. Сперва я нервничал, но потом она начала меня целовать, и потом... – глаза у него вспыхивают, а голос понижается, и он переводит взгляд на играющих футболистов, – она пососала мне член. Сказала, чё он в натуре большой!

«Ну еще бы».

– А када у меня типа... уже встал и почти вошел, в натуре, она сказала, чё аж не поверила, чё это у меня первый раз, чё у меня природный талант.

«Ну еще бы».

Солнышко разогревает все вокруг, прожигая тощий слой облаков. Сейчас уже больше на лето похоже. Вытягиваю свои «рэй-баны» и напяливаю на нос. Росс трещит без умолку в щенячем восторге.

– Чё ей не верится, как ей было хорошо, чё я заставил ее кончить, – верещит он и поворачивает ко мне свой наивный взгляд, ища подтверждения, пока мимо проходит женщина с коляской. – Чё я в натуре умею заниматься любовью с девицами и могу любой доставить море удовольствия!

«В богу душу мать, скока там Сайм ей ни платит, этого будет мало!»

– А она дала тебе полизать?

У Росса, походу, слегка сводит челюсти, будто от мышечной памяти.

– Угу, – краснеет он, – она показала мне ту фигнюшку, чё типа наверху манды. На интернет-сайтах я за это никогда не читал.

– Ты просто не на те ходишь, – говорю ему. – В жопу всю эту мужичью срань. Попробуй лучше сайты для лесбух. Вот тебе совет: есть три секрета хорошего любовника – лижи манду, лижи манду и лижи манду. Совет второй: окружи себя бабами, бабами и еще раз, нахуй, бабами. Работай с ними. Стань парикмахером, лотошником, уборщиком – выполняй всякую такую работу. Трах – болезнь ассоциативная. Совет третий: не говори – просто слушай их. Если говоришь, то вежливо спрашивай за *них*, что *они* думают о том о сем. – Он собирается возразить, но я прижимаю палец к его губам. – Просто слушай. Совет четвертый: не приближайся к другим чувакам – они твои, блядь, тупые беспонтовые соперники. *Не* братаны. *Не* дружбаны. В лучшем случае препятствия. Они ничему тебя не научат и будут только мешать своей тупой блядской ссаниной.

Смотрю, как он пытается это осмыслить.

«Ё-мое, да эту Жасмин я точно переманю в эдинбургские „Коллеги“».

Останавливаемся у магазина, и ему на радость покупаю годные кроссы.

– Прикрытие для мамки твоей, если спросит, где мы были. Ну и награда первоклассному кобелю, – шутливо подталкиваю его локтем.

– Спасибо, дядь Саймон, – пищит обалделый колинтонский жиголо.

Когда возвращаемся на ранчо, Карлотта уже на ногах, и мы рассказываем ей, как ходили за кроссами. Но, доведенная до отчаяния, она все равно не унимается насчет Юэна. Будем надеяться, эта проблема скоро разрулится. Проверяю свой телефон. Ну конечно, пришел мейл от Сайма с электронными билетами для меня и Юэна. Эконом-класс. Захожу на сайт авиакомпании и обмениваю свой на бизнес, пользуясь счетом «Коллег». Самой собой, Карлотта квохчет и стоит над душой, пытаюсь рассмотреть, чем я занимаюсь.

– У меня есть наводка, и с утра пораньше я ее проработаю, – говорю ей.

– Чё за наводка?

– Просто я веду переговоры с некоторыми людьми. Не хочу тебя, Карра, обнадеживать, но я отдаюсь этому делу без остатка.

– Нельзя ж меня держать в неведении!

Нежно глажу ее по щеке:

– Как я сказал, все или ничего, – и чешу вверх по лестнице, решив лечь пораньше.

Нормально выпавшись, встаю свежим утречком и гоню на такси в аэропорт. Да, встречаюсь там с Юэном в числе прочих, чтобы сесть на прямой рейс до Берлина. Отправляю эсэмэску Рентону:

«Когда ты говорил в Берлин собираешься?»

Почти моментальный ответ:

«Уже тут. Вечером большой сейшен в Темпельхофер-Фельд».

Ирония судьбы: когда я разыскивал Рентона, не мог нигде эту сучару найти. А сейчас звезды так сошлись, что не могу от пиздюка сдохнуть.

Вовремя вычисляю в зоне вылета Майки Форрестера в полугодной коричневой вельветовой куртке «Хуго Босс», с «маком» в кожаной сумке через плечо. С ним Спад, похожий на актера массовки из «Живых мертвецов», которого бортанули за чересчур доходяжный вид. Мёрфи красуется в фуфлыжном старом зеленом кителе и футболке «Рамоунз» с надписью «Вали из дома», сквозь которую просачивается пятно крови и чего-то еще, хоть он и хорошо забинтован. Потом замечаю Юэна, припездка этого, что стоит в сторонке от нас и с тревогой смотрит на свои часы. Пока ждем досмотра, Майки, прохавав его намек, стонет что-то за время.

– Расслабьтесь, парни, – говорю им, хотя сам что угодно, только не расслабленный; вообще-то, я без балды очкую из-за того, чё мы собираемся повернуть.

Но страх – это эмоция, которую лучше не показывать. Как только в нем признаешься, он распространяется, точно вирус. Он разрушил нашу политику: регулировщики вливали его в нас по капле десятки лет и сделали нас сговорчивыми, натравили друг на друга, а сами теперь насилуют весь мир. Дай им палец – по локоть отгрызут. Окидываю взглядом свою пеструю компашку:

– Походу, вся банда в сборе!

Майки роняет паспорт, а я поднимаю. Отдавая ему, замечаю его полное имя: Майкл Джейкоб Форрестер.

– Майкл Джей-коп Форрестер! И ты за это молчал!

– Не Джейкоп, а Джейкоб! – задиристо протестует он.

– Как скажешь, – ухмыляюсь, швыряю свою сумку на ленту и чешу на досмотр.

Рентон – За вертаками

Никада не работайте с мудацкими джамбо с западной части Эдинбурга. Настоянные на закваске бездарщины в духе Гамли, чересчур унылые и потому безобидные раёны, снобистские, но при этом говняные бунгало и эта темная опухоль на теле города, многоквартирки Горги-Далри, – все это ставит неизгладимое клеймо моральной ущербности. Карл исчез после своего шабаша на днюху, и его поиски обернулись кошмаром. В конце концов я выцепил его вчера в клубе «Би-эм-си», где он услужливо назвал меня «мудацким хибзом, а так нормальным» перед нанюхавшимися снежка и налакавшимися дерьмового пиваса посетителями этого злачного гадюшника, где пиздят кровную родню. Дело осложняется тем, чё снаружи на Горги-роуд у меня в лимузине Конрад с Эмили. Када мне удастся запихнуть в машину Карла, у которого, помимо двух тяжелых блядских бортовых сумок с пластинками, нифига нету, кроме шмоток на себе, от него воняет, как от помеси забитого толчка с местным пивзаводом, и голландский маэстро орет:

– От тебя плохо пахнет! Я должен сесть спереди!

Кароч, жирдяй пересаживается к водиле, оставляя меня, сука, между смердючкой Юартом и Эмили, и та постоянно лапает меня за ляжку. Карл ничё не слышит, кроме затхлого запаха химикатов, которыми забиты его измочаленные ноздри и носовые пазухи, но сквозь пьяный сонный туман замечает ее движения и гадко, развратно мне лыбится. Потом затягивает «С днем рожденья меня», что плавно переходит в «Сердца, сердца, о славные сердца», после чего вырубается.

– Ебаная ты сторона Б, – смеюсь. Водила лимузина – тоже хибз и догоняет шутку ^[49].

Када прибываем в Берлин, Карл, который во время полета был в невменозе, вдруг опять оживает. Выбираю ему пару футболок с магаза «Хуго Босс» в аэропорту.

– Клево, – говорит он за одну и: – Моя маманя никада б не одела миня в эту хуйню, Рентон, – насчет другой.

Он веселеет, када встречаем в гостиничном баре Клауса, промоутера. Клаус – ветеран танцевальной музыки и носится с Карлом как с писаной торбой, с ходу затаривая нас обоих снежком.

– ЭН-СИН вернулся! Я был на той вечеринке под Мюнхеном много лет назад. Она была чумовая. Твой друг... он залез на крышу!

– Угу, – говорит Карл.

– Как там этот чувак?

– Помер. Спрыгнул с моста в Эдинбурге, вскорости после.

– Ох... Мне жаль слышать... Наркотики?

– Все на свете – наркотики, братан, – говорит Карл, показывая, чёбы принесли еще одно светлое.

Первый бокал он заглотнул и не заметил, и можно *видеть воочию*, как пиво по новой наполняет отворотную бочку у него внутри. Этот сейшен, возможно, будет хуевым.

Конрад начинает ныть, что номер у него, видите ли, маловат. Пиздюк отыгрывается за то, что Клаус возится с моим старым корефаном, как со звездой. Потом и Эмили вся ершится: мой мальчиковый клуб гораааздо важней, чем она. Мы только сюда добрались, а я уже заебался. Этот сейшен *будет* хуевым.

«Темпельхофер-Фельд» находится на территории старого берлинского аэропорта, который закрылся несколько лет назад. Его планировали превратить в лагерь для беженцев. А теперь энергичные колоритные рейверы стали культурными эмигрантами, свалившими со старого, раздолбанного, цивильного капиталистического общества, которое не способно платить им минимальную зарплату и существует только за счет того, что перекачивает в свои чемоданы деньги их родителей в виде долгов.

Этот спартанский, внушительный, мрачный и прекрасный терминал нацистской эпохи, говорят, входит в список самых больших зданий в мире. Его гигантские ангары невообразимо изгибаются под навесным потолком без колонн. В свой бесполетный период он в основном сдается в аренду, и один из самых крупных арендаторов – *Полицай*. Два копа с автоматами смотрят на нас с каменными лицами, пока мы чешем внутрь здания с карманами, набитыми кокаином. Отыскиваем офисы в застекленном диспетчерском центре с видом на большую арену и ее сцены. Помимо копов, здесь расположены дорожно-транспортная инспекция и центральное бюро находок. Еще есть детсад, школа танцев и одно из старейших в городе варьете. Мы наблюдаем за приезжими рейверами, что толкуются и восхищенно глазеют на эту странную утопию, которую местные воспринимают буднично.

– Нехилая хатка, – признаю перед Клаусом, который практически меня игнорит.

Сейчас, када фест идет полным ходом, Клаус забил на общительность и превратился в свирепого фашистского пиздюка, гаркающего на загнанных шестерок. Сваливаю все проверить, лавируя между оттяжниками, пока арена заполняется. Тощий молодой чел, за которого я никогда не слышал, играет интересный сет. Меня цепляет. Чешу в диджейскую, собираясь перетереть с ним, када закончит, как вдруг вижу, чё там нету вертушек. «Юарт. Тут нет проигрывателей. Блядь». Врубаюсь, чё забыл договориться за вертаки.

На нервяках спешу обратно в диспетчерский центр. Я сто раз повторял Карлу, чё надо идти, блядь, в ногу со временем. В ответ он тока пожимает плечами, мычит чё-то типа «мы что-нибудь придумаем» и при этом обычно вырубают еще одну дорожку кокса. Эмили с Конрадом забыли б даже свои карты памяти и наушники, если б я на постоянной их не пас, но они из другой эпохи. Хотя вся вина лежит на мне: надо было упомянуть об этом в райдере.

Я не вел дел с Клаусом раньше и говорю ему о проблемах с вертушками. Он смеется мне в лицо:

– Да у нас здесь уже больше десятка лет не было проигрывателей!

– А еще где-нибудь их нет – на другой сцене?

Он смотрит на меня, как на вчерашку, и медленно качает головой.

– Блядь. Что ж нам делать? – в раздражении высказываю свое беспокойство вслух.

Большая ошибка. В этой игре никогда нельзя показывать свои сомнения или страхи. Засунь их себе подальше.

Промоутер пожимает плечами:

– Если вы не можете играть, значит мы не можем платить. Слот заполнит кто-то другой.

Околачиваясь у длинной стойки с пластиковым покрытием, Карл замечает нашу перепалку и подходит. Этот говнюк от снежка уже весь аж дымится. Одно это делает следующий мой вопрос Клаусу излишним.

– Марк, ты директор, угу?

Я точно в курсах, к чему дело идет, но мой крест по жизни – разыгрывать эту нудную канитель.

– Угу.

– Ну так директи нах. Найди пару вертаков. В Берлине эта миссия вряд ли невыполнима. До сейшена еще куча времени. А я пока прошвырнуся по фестивальной площадке, подбухну и попробую кому-нить за щеку напихать. Меня завсегда немецкие чикули прикалывали.

Я запихиваю в себя злость – на него, конечно, но и на себя. Бессильным протестом нифига не вымутишь, и мы это уже проходили. Как ни обидно признавать, пиздюк прав. Это *моя* работа – решать проблемы, и как раз щас у нас одна нехилая. Но этому блядскому ебаньку я не верю.

– Диджеи не пользуются винилом, с тех пор как Джон Робертсон перестал быть «хибзом» ^[50]. Если б ты крутил после девять-один-один, ты бы врубался, блядь-нахуй. Потому-то у тебя лапы как у ебаной макаки, – таскаешь за собой эти коробки. Ебаная флешка – вот и все, чё тебе

надо. Сгружаешь свой сет на «Пионер», жмешь воспроизведение и вскидываешь кулаки вверх, как припездол. *Вот* что значит щас диджейить. Не экстази, а *тех*

стази!

Конрад и Эмили, походу, уже между собой дружелюбнее: они поработали вместе в студии, а это хорошая новость. Хотя меня и беспокоит их скрытность по поводу нового трека. Надеюсь, жирное мудло не договорилось с кем-то на стороне. Он подходит, привлеченный нашими разборками, и качает головой, издевательски прыская:

– Как непрофессионально.

Карл реагирует с высокомерным презрением:

– Может, остальные там и прогибаются под всей этой хуйней, бро, – говорит он мне, даже не глядя на мою голландскую звезду, – но для миня это никакое нахуй не диджейство, – распевает он в свою защиту, замалчивая тот факт, что сам растерялся. Карл чувствует себя не в своей тарелке, и с каждым днем все сильнее, так что я аккурат в курсах за то, как щас херово несчастному говнюку.

Кароч, сваливаю оттудова на улицу и пытаюсь поймать ебанный сигнал на мобиле, чёбы поискать магазины музыкального оборудования, хотя это почти нереально, када вокруг топчутся толпы, и все в своих телефонах. Наконец-то выскакивают палочки, и я прокручиваю страницы, ищу какой-нить торговый район, но, походу, на мили вокруг нифига нету. Небо темнеет, и начинает накрапывать. Чутка уныло побродив, чешу через большой блошинный рынок.

Глазам не верю.

Обычно я слепой, как шотландский рефери на длинных дистанциях, но безнадега наделила меня рентгеновским зрением. Буквально в пятнадцати минутах ходьбы от площадки, на этом самом рынке, стоит киоск электротоваров. Мне все равно приходится подобраться ближе, чёбы убедиться: среди паленых холодильников, морозилок, усилков и стереосистем в глаза мне в натуре, блядь, бросаются два олдскульных вертака «Техникс»! Сердце колотится, причем жутко: У НИХ ДАЖЕ ИГЛЫ И КАССЕТЫ ЕСТЬ! «Слава тебе, Господи! Слава тебе, Бог эдинбургской танцевальной музыки...»

Подхожу к молодому парнишке ближневосточной наружности в футболке клуба «Эвертон».

– Вертаки рабочие?

– Да, конечно, – говорит он. – Как новенькие.

– Сколько?

– Восемьсот евро, – со смертельно серьезной заточкой.

– Это ж старье, – фыркаю. – Двести.

– Это винтаж, – невозмутимо говорит он, выгибая брови, раздвигая губы и обнажая ослепительно-белые кусачки. – Семьсот пятьдесят.

– Ни хрена. Походу, они даже не рабочие. Триста.

На лице парнишки даже рефлекторно не шевелится ни единая мышца.

– Они работают как новенькие. Могу сбросить только до семисот. Вы так беспокоитесь, как будто они вам срочно нужны. Вы должны считать, что я делаю вам одолжение, мистер.

– Блядь... – роюсь в карманах и отсчитываю маки.

Слава богу, директору завсида нужен баблос. Вечно какой-нибудь пиздюк – толкач, швейцар, таксоёб, халаящик, охрана, полисыя – хочет откупных или им надо платить откат. Малой пиздюк щас уже лыбится, напевая мне серенады:

– Как новенькие, мой друг, как новенькие...

– Ты бессовестный и наглый маленький мудак, – протягиваю парню бабки и выдаю свою тисненую визитку. – Никогда не думал о карьере в музыкальном бизнесе?

Больной – Бизнес-класс

Лететь бизнес-классом – неописуемое наслаждение. Дело не столько в преимуществах самого обслуживания, сколько в сознании того, что на следующие три часа твое превосходство над плебеями подтверждено официально. Сидя на своем месте, я корчу обязательную нетерпеливо-презрительную гримасу, пока они с позором проходят мимо на самые дешевые места. Кроме того, я получаю роскошную территорию и время для обдумывания дел.

Через проход напротив – голубой говнюк: светлые волосы, облегающие клетчатые штаны, синяя футболка с округлым вырезом, да еще безобразно крикливый. Я типа жалею, что Бен не такой. Какой смысл иметь сына-педрилу, если он не безобразно женственный? Кто захочет просто вести нудную жизнь натурала? Угнетение вызывает борьбу, которая порождает культуру, и хуево будет, если безбашенная манерность исчезнет с лица земли только потому, что какие-то зажатые пиздюки наконец-то выяснили: Земля круглая. Этому парню тридцать с чем-то, и он что-то вроде звезды. Даже стюарды – эта безобразная пародия на мужиков – все выступают в амплуа Эрни Уайза ^[51] на фоне его понтовитого кривлянья. Ради хохмы решаю с ним посостязаться: кто из нас самый жеманный, самовлюбленный и выебистый на борту.

– Ну когда я уже вы-ыпью в этой убийственной поездке, – трясую рукой, чтобы показать нервозность, а также продемонстрировать упругость кисти.

Эта хитрость влечет непредвиденные последствия: бесноватый жопошник западает на меня не по-детски, приняв мою олимпиаду среди нарциссов за форму пидорского соблазнения.

– В этом говорке заме-етен кельт! – в восхищении вопит хабалка.

– О да, вы правы, – парирую, – все из-за того, что я впервые за долгое время побывал по эту сторону Адрианова вала. А я-то уж думал, мой внутренний Мел Гибсон впал в спячку.

– Вовсе нет, уверяю вас, он жив-здоров, вот только без заманчивой шотландки!

Внезапно над нами вырастает стюардесса с бокалами шампанского.

– Сестра милосердия, – мигом осушаю один и тянусь рукой за другим. – Можно?

Она снисходительно улыбается.

– Вы должны меня простить, – прижимаю пустой бокал из-под шампуса к груди, – я *так* боюсь летать!

– Да бросьте, – говорит хабалка и берет свой бокал. – Я очень волнуюсь – у меня в грузовом отсеке мои собачки, два лабрадуделя, и они не привыкли путешествовать.

Когда заглатываю добавку шампуса и самолет разбегается, а потом взлетает, рассказываю взбудораженному педриле страшилку про двух питбулей в грузовом отсеке самолета, один из которых оторвал другому нижнюю челюсть.

– Набросились друг на друга, после того как багаж съехал и их придавил, – перевешиваюсь и понижаю голос: – На этих рейсах о животных никто не заботится. У вас же есть страховка?

– Да, есть, но...

– Но пацанчиков все равно не вернешь. Понимаю.

Он ахает от страха, когда самолет выравнивается и бибикает сигнал ремней безопасности, а я встаю, чтобы изучить низшие слои общества, оставляя его повариться в том кошмаре, в который теперь превратился для него полет.

Эконом-класс самолета – фактически спальня в небе. Спад втиснулся в место у окна. Ё-мое, этот южнолитский обсос буквально напоминает оживший труп. Майки напряженно сидит рядом с ним, а Юэн кемарит через проход, весь в своих мрачных и депрессивных мыслях. В каком поразительном мире мы живем: десять минут пошуровал хуем у шалавы в сраке – и всю жизнь себе поломал.

– Как тут мужики? *Настоящие* мужики, – закатываю глаза, не выходя из режима манерного курсирования на высоте тридцати тысяч футов, – пехотинцы стойко держатся в эконом-классе?

– Я с тобой не разговарюю! – кричит Спад.

«Хлопец Морфи нэ бажаэ шоб из ным балакалы, та ото ж».

– Я шкуру твою спас, чмо ты дибильное! Повторяю еще раз: ты сам облажался на простом задании для этого психопата Сайма. И ты тоже, – рявкаю на Форрестера.

– Я иво...

– Знаю, его партнер.

– Вот именно, – с вызовом говорит Форрестер.

– А чё это ты в бизнес-классе рассижуешься? – стонет Спад. – Это ж я тут больной!

Майки и даже Юэн через проход, вырвавшийся из объятий Трансвиля, смотрят на меня с осуждением.

– Ась? А что, если я доплатил? В нормальных обстоятельствах я бы *с превеликим удовольствием* раскошелился на билеты в бизнес-класс для вас, ребята, да вот цены кусались. Я не мог провести оплату через счет компании: вы же не служащие «Коллег». – Делаю паузу. – Налоговая встала бы на дыбы, а мне сейчас, спасибо, не нужна проверка этих ебанных хуесосов. Кроме того, – смотрю на Майки, – я думал, что ты, как ценный партнер Вика Сайма, присоединишься вместе со мной к кейт-уинслетам, Мигель.

Форрестеру остается только молча это проглотить.

Возвращаюсь в бизнес-класс, но хабалка, ранее известная своей эксцентричностью, по-прежнему парится и ошеломленно молчит. Поскольку этот надломленный педик теперь уже мало меня интересует, решаю поболтать со стюардессой – той, что разносила напитки. Кажется, я подметил ебливый блеск в ее блядовитых глазах. Немного флиртую с Дженни и в конце концов спрашиваю, по ее мнению, нет ли спроса на мужские эскорт-агентства типа «Коллег» у таких путешественниц, как она. Она говорит, что, безусловно, есть такая вероятность, и мы обмениваемся контактами. Приятно провожу время, хотя Дженни вынуждена изредка сачковать, обслуживая понурых бизнес-зануд, с которыми мне приходится делить эту часть салона. Затем объявляют, что через пятнадцать минут мы приземляемся. Быстро чешу обратно к самым дешевым местам, прикинув, что пора сообщить Спаду хорошую новость.

Мёрфи в отключке. Его голова со слезящимися глазами, сопливым носом и слюнявым хайлом покоится на плече запарившегося Форрестера. Осторожно бужу, и Спад подрывается.

– Дэниэл, мин херц, боюсь сказать, но мы не были с тобой до конца честны.

Спад моргает спросонья и таращится на меня в непонятке:

– Чё... на чё ты намекаешь?

Смотрю на Юэна, и они с Форрестером оба напрягаются в угрюмом беспокойстве, а я сажусь в проходе на кортаны. Потом поворачиваюсь обратно к Спаду:

– Называй это поэтической вольностью, призванной укрепить дух пациента и добиться его сотрудничества для облегчения нашей задачи.

– Чё... – он трогает рану, – чё вы сделали?

– Мы не вырезали у тебя почку. Мы же не мясники.

Спад вытягивает шею в сторону Юэна, тот подтверждает:

– У тебя по-прежнему две почки.

– Но... но чё я тада тут делаю? Зачем мы в Берлин летим? Откудова рана взялася?!

Пара пассажиров оглядываются на его пронзительное твяканье. Зыркаю на Майки, потом на Юэна и, подавшись вперед, шепчу:

– Пойми, мы с тибя ничё не вырезали, а, наоборот, кой-чиво *засунули*.

– Чё?

– Герыч: несколько кило неразбодяженного фармацевтического героина. – Поворачиваюсь на 180 градусов. Жирная свиноматка, развесившая уши, *вроде как* возвращается к своему вязанью. – Видно, в Берлине щас голяк. Чё-то связанное с большой облавой.

– Вы засунули *в меня герыча*

? – в недоумении выдыхает Спад, а потом смотрит на Юэна.

Тот наклоняется ко мне, но Майки жестко тянет его обратно на место.

Мой зять не может на него смотреть.

– Слышите, када приземлимся, я сразу ж на хату валю...

– Как скажешь, кор, но я бы тебе не советовал, – подчеркиваю, сканируя местность и снова подтягиваясь поближе. – Жидкости твоего организма скоро растворят латексную упаковку, и старый добрый *принц Гарри* попадет к тебе в кровь. Нехилый способ отбросить коньки! Када-то мы думали, чё так оно в итоге и будет! Ну и... Тотоха до сих пор в руках у Сайма, помнишь?

Спад откидывается на спинку, вытаращив глаза и раззявив рот, и пытается осмыслить весь ужас и беспомощность своего положения. Мне его жалко. Он дурак, что взялся за эту работу, дибил, что взял с собой собаку, и шизоид, что оставил ее с товаром голодной и без присмотра. Но, как всегда бывает с теми, кто страдает такой болезнью, как бедность, наказание чересчур суровое.

– Как ты мог? – вопит он на Юэна. – Ты ж лепила, нах! – Он рвется через проход, кидаясь на моего зятя и загребая воздух.

Майки хватает его и тянет обратно на место:

– Спокуха, Спад, швы, бля, разойдутся!

Вяжущая страхолюдина снова переводит взгляд на свой сраный свитер, чтобы удостовериться, что последнее замечание относилось не к ее трудам. Законченная одежда достанется несчастному племяннику или племяннице, обеспечив им ритуальные избиения на площадке за тормознутость.

– Я не виноват! – оправдывается Юэн.

Умоляю Спада одуматься:

– Ты считаешь, мы хотели этого дурдома? Сайм буквально приставил нам дуло к виску, Дэнни. Ты из первых рук знаешь, как он орудует. Он собирался убить нас всех, всех блядских членов наших семей и каждого пиздюка, с которым мы когда-либо сидели рядом! Спустиись на землю!

Майки отворачивается.

– Бизнес-партнер, – с мольбой бормочет он, отмазываясь.

– Но это ж... это ж все непнраьно. – И, ё-мое, мой старой дружбаи, несчастный Дэнни Мёрфи с Лита, начинает, нахуй, рюмить прямо здесь в самолете. – Просто это все-все непнраьно!

Обнимаю эти косточки, что зовутся плечами:

– Все так, все так, бро, но мы можем это утрясти...

– Угу, все так, но кто нас втянул в дурдом, проебошив простую доставку? – неожиданно гавкает Майки, поворачиваясь к павшему духом попутчику. – Мы с Больным пытаемся этот дурдом исправить!

– Говори за себя, – я ему, – меня шантажирует, запугивает, вовлекает в этот ебанный кошмар твой бизнес-партнер.

Майки малехо насупливается.

– А ты пытаешься это компенсировать... шантажируя *меня*, – цедит Юэн.

Стюардесса, не красотка Дженни, с которой я болтал, а невзрачная, обслуживающая плеебеев бой-баба с варикозными венами, за десятки лет затраханная до старческой немощи парочкой пилотов-натуралов, без малейшего намека на искорку в этом коктейле, нависает надо мной и таранит своим раззуженным рыльником мое табло:

– Пожалуйста, займите свое место! Мы начинаем снижаться!

Уступаю, думая, что мое «снижение» стартовало уже давно, когда мне хватило дурости приехать в ебанный Эдинбург на Рождество. Эта чокнутая сучка Марианна! Решаю отплатить ей, нахуй, сторицей!

Так приятно спуститься на землю, особенно видя, как кудахчущая хабалка поучает служащих аэропорта насчет своих собачек, пока мы выходим и чешем на стоянку такси. В тачке пытаюсь разрядить обстановку рассказом о педриле и его лабрадуделях, но это выходит боком и лишь напоминает Спаду о Тотохе.

– Если он тронет цуцика, я завалю иво, мне пофиг! – блеет Спад.

И я верю, что Спад действительно *попытается*.

Поездка по зоне облезлых товарных складов и аварийных трущоб – я подозреваю, это бывший Восточный Берлин, – наводит на мысль, что клиника окажется чрезвычайно опасной для здоровья. Но даже эти обшарпанные подступы не могли дать мне и, конечно, Юэну, недоверчиво разинувшему рот, представления о том цветущем нищевродстве, что нас встречает.

Мы высаживаемся на парковке четырехэтажной заброшки – окна первого этажа разбиты и заколочены досками. Размахивая кожаной барсеткой, Майки кивает на раздолбанный алюминиевый домофон. Я нажимаю практически на все кнопки, и только после этого домофон еле слышно жужжит, позволяя открыть плечом тяжелую дверь и войти внутрь. Там почти непроглядная темень. Жахаюсь обо что-то голеньями, и когда глаза привыкают, замечаю кресло-туалет на колесах с деревянным ящиком над очком. Гляжу на Майки, и тот робким взглядом подтверждает, что это и есть «каталка», которую, по его заверениям, должны были предоставить в «больнице». По его просьбе Спад на нее садится, и Майки медленно толкает ее по пустому призрачному коридору. Пока мы по нему движемся, под ногами хрустит битое стекло. Жалко, фонарика нет: забаррикадированные окна пропускают лишь скудный свет в промежутках между краями стены и деревянными панелями. Здание казенное – видать, бывшая школа или психушка. Юэн вполголоса несет какой-то бред сивой кобылы. По ощущениям это похоже на Маттли, помощника Дика Дастардли, который пытается читать вслух «Мисс Джин Броди в расцвете лет» Мюриэл Спарк.

Заходим в грузовой лифт, смердящий застоявшейся мочой, как после дешевой едкой алкашки. Даже вонючка Спад чувствует, что это не кошерно.

– Это не больничка... – жалобно нюнит он, пока лифт со скрипом поднимается, а затем резко, так что челюсти дребезжат, останавливается на третьем этаже.

Шагаем по еще одному длинному, темному, неосвещенному коридору. Окна на этом уровне остались в основном неразбитыми, но они такие грязные, что лучи света пробиваются только сквозь случайные пробоины в стеклах. Майки роется у себя в сумке и, достав большой Т-образный ключ, открывает раздолбанную дверь из армированной стали, которая напоминает мне старый героиновый притон Сталкера в съемной квартире на верхнем этаже по Альберт-

стрит. Мы заходим в грязную и запущенную комнату с потрескавшимся кафелем на полу, похожую на бывшую промышленную кухню, если не считать двух больничных коек с металлическим каркасом. На одной лежит мужик ближневосточной наружности в замызганной майке, который тут же вскакивает, как тока мы входим. Он выглядит немного недовольным и в то же время виноватым: подозреваю, что мы прервали сеанс мастурбации. Потом он расплывается в широкой улыбке.

– Я не один... – фыркает он от смеха и машет нам своими ручищами. – Я Юсеф! Из Турции.

Я и Майки знакомимся с османом, который, судя по темным кругам под глазами, тоже в некотором роде пациент, а Юэн крутит шей и в ужасе вращает лампочками.

– Это ни в какие ворота. Тут антисанитария... это... это больше похоже на средневековую камеру пыток, чем на операционную, – выдыхает он. – Я не могу работать в таких условиях!

– Придется, док, иначе пациент канет в Лету, – говорю я, козыряя этому пацанчику Юсефу.

– Просто достань с миня эту хуйню, – долдонит пучеглазый Спад, слезает с кресла-туалета и, улегшись на вторую койку, раздевается до трусов. – Щас же!

– Видишь, – беру на слабо Юэна, – Дэнни Мёрфи. Яйца величиной, нахуй, с Лит. А теперь ты покажи товар, блядь, лицом!

– Я... я не могу... – умоляет Юэн, глядя то на меня, то на Майки.

– Ты... ты называешь себя медиком, типа того? Так чё ты за лепила? – гавкает Спад, морщась от боли.

– Я хирург-подиатр.

– Чё-чё? – Спад садится на койке.

– Врач по стопам, если что, – смиренно говорит Юэн.

– Ч-чё?! – Спад смотрит на меня. – У вас лепила по копытам мине операцию делать будет? С брюха у миня мешок герыча доставать?

– Угу, Спад, но ты не переживай, – грызу заусенцы. – Юэн его засунул, значит сможет и взад достать, – пытаюсь его успокоить. «Мне срочно надо пыхнуть». – Ладно, Юэн, вколи пареньку Дэнни анестезию.

– Я не анестезиолог, – возмущенно перебивает Юэн. – Это специальная, высококвалифицированная профессия! Мне сказали, что анестезиолог здесь будет!

– Анестезиолог – это я. – Юсеф улыбается и встает, чешет к раковине, моет руки, а затем брызгает водой себе на лицо и надевает халат и маску, целый ассортимент которых свисает

с вешалки. – Начнем?

Юэн поворачивается ко мне:

– Мы не можем... я не могу...

Мой зятек уже начинает подзаебывать.

– Варианты. Предложь хоть один. А не талдычь «мы не можем», как манда ебаная. – Поворачиваюсь к остальным: – Ничё меня в жизни так не бесит, как пиздюки, у которых в стрессовой ситуации чердак начинает, блядь, течь. Да, мы в полном говнище. Но я предлагаю попробовать вместе с него, нахуй, выбратсья.

Юэн это заглатывает. Глянув на Спада, идет к хирургическим халатам. Когда он, Майки и я наряжаемся и надеваем маски, Юсеф вводит Спаду анестезию.

– Все будет хорошо, мой друг. – И его большие темные глаза смеются поверх маски.

Только этот пиздюк и вселяет в меня здесь уверенность.

– Вот это, блядь, мужик, – ору я, глядя на Юэна и Майки. – Будьте ж вы мужиками!

Майки начинает подкуривать сигу.

– С ума сошел? – выдыхает Юэн.

Майки секунду смотрит на него с закипающей злостью, но потом обламывается, а Спад в панике поворачивается ко мне и, схватив за халат, притягивает поближе:

– Обещай мне одну вещь... если не выживу, присмари за Тотохой...

«Ага, щас».

– Для начала, из-за твоей блядской шавки мы очутились в этом дурдоме. Она виновата больше тибя! Больше любого пиздюка!

– Обещай, – в страхе упрашивает Спад, потом шлепается на подушку, закатывает глаза под потолок и зажмуривается. Когда он вырубается, говорю успокаивающим голосом:

– Угу, – и добавляю отрывисто: – *Щас*.

Он погружается в глубокий сон, и на его лице все еще отпечатаны страдания.

Теперь, когда он в отключке, Майки достает сиги.

– Но, – начинает Юэн.

– Дай смальнуть, Майки.

– Тока одна осталась. – Он светит пачку с одинокой раковой палочкой.

– Блядь, – всасываю это, разглядывая остальных. – Самая большая проблема в том, что мы так и не сказали ему, чего от нас хочет Сайм...

– Это полная шиза! – вдруг Юэн орет в потолок.

У этого мудака крышняк едет. Но сейчас *не* время.

– Это твоя мандообильная «мало-свободная» протестантская залупа устроила весь этот дурдом, кальвинистский ты пиздюк, – трясу зятя за плечи. – Ну так не подставляй нас хоть щас!

Юэн вырывается и отталкивает меня:

– Я, блядь, не почечный хирург! Можешь ты себе вдолбить это в голову?

Пиздюку нужно, нахуй, успокоиться.

– Принципы у хирургии общие, – максимально понижаю голос, вытягивая из сумки Майки ноут. – У нас есть хорошее видео на ютьюбе на эту тему. – Наблюдаю, как лицо Юэна еще больше кривится в недоумении. – Для подстраховки, типа того.

– Видео на ютьюбе?! Ты издеваешься?!

– Не волнуйся, мой друг, – улыбается Юсеф. – На самом деле я тоже не анестезиолог.

Несмотря на всю безнадегу, у меня непроизвольно вырывается смешок.

– Что?.. – выдыхает Юэн.

– Ну, я давал наркоз животным, на скотобойне в Университете Башкент в Анкаре. Учреждение высочайших стандартов. Принцип тот же, просто доза другая. Хватает, чтобы немного их усыпить, но не хватает, чтобы навсегда! Я уже много раз проводил эти операции и пока что ни разу никого не потерял!

Я без понятия, прикалывается этот пиздюк или нет, но, походу, он в курсах за то, что, нахуй, делает. Ну, на вид Спад просто кемарит и на жмура не похожий. Майки загрузил ноут, видео уже на экране, и мы быстро просматриваем его на ускоренной перемотке.

– Надеюсь, это о чем-то говорит ебаному студенту-медику? – рявкаю на Юэна.

– Но мне нужно досмотреть до конца, мне нужно время...

– Нету у нас, блядь, времени. Видео будет крутиться, а ты – оперировать. – И я ставлю ноут на белый, как молочная бутылка, и плоский, как блин, грудак Спада, с радостью закрывая несуразно-алые соски, напоминающие накожные болячки. – Будешь обучаться по ходу дела.

Юэн обреченно качает головой, а мы с Майки раскладываем оборудование и инструменты согласно его спецификациям: скальпели, зажимы и тампоны.

Киваю очкующему подиатру, и он начинает отдирать вонючие бинты, обнажая воспаленную сочащуюся рану. Я уже тоже по серьезке бздю, и внутри поднимается напряжение, острое, как те скальпеля. Мне почти хочется крикнуть «стоп», но на данном этапе возврата больше нет. Отвезти его на больничку не варик. Саймов герыч нам не отдадут и отправят нас на нары. Ну и потом есть еще другой вопрос, реальная причина, почему мы здесь...

Когда Юэн снимает швы, я вдруг врубаюсь, что ебанный ноут сдыхает. Мигает индикатор зарядки.

– Блядь... Майки, дай мне ебанный сетевой шнур, – рявкаю. – У нас *Яков Стюарт* ^[52] почти кончился.

Майки кивает, лезет в кожаную сумку. Потом поднимает глаза на меня.

«Тока, блядь, не это».

– Что?... – говорю хрипло. – Не говори мне, блядь!

– Ты скал взять ноут! Ты ничё за ебаную зарядку или провод не скал.

– В бога ж душу мать!

– Я не могу! – умоляет Юэн тем девчачьим голосом, который меня так бесит.

– Классная команда из нас получится! – с восторгом подбадривает Юсеф.

– Дайте мне позвонить Рентону, – ору я. – Он здесь! Фест в двадцати минутах отсюда. У Рентона всегда с собой «мак».

Рентон – Зарядка

Я пиздец стрессанул, пока тащил сюда вертаки, и сейчас контролирую очень немецкого, по счастью, технаря, который грамотно подсоединяет их к микшеру и усилку, а теперь еще и Карл в самоволку скипнул. Оборачиваюсь, а прямо перед моим, блядь, табло – Клаус.

– Где твой диджей?

– Сейчас придет, – говорю ему, проверяя свой телефон.

Какой же тока пиздюк. Пытаюсь набрать ему, потом отправляю эсэмэску:

«Пиздуй сюда сейчас же пожалуйста братан».

Клаус откидывает длинную челку с глаз, демонстрируя мне, что закатывает их в раздражении, и уходит. Напротив – Конрад, на роже широкая лыба, а рядом – Йенсен, прилетевший рейсом позже.

– Наверно, у него чердак потек. Принял кокаина, алкоголя и сбежал. Вспомнил про жену, которую сейчас трахает другой мужчина, – злорадно говорит Конрад, а Йенсен ехидно хихикает. – Ему конец. Допрыгался.

Не хватало мне только этой срани от жирного пиздюка, и тут вдруг – АААААА...

...Не хватало мне тока, чёбы Больной позвонил! Надо было проигнорить, но я почему-то принимаю блядский звонок. Причина в том, что пиздюк не успокоится, пока я не отвечу или его не заблокирую.

– Марк, долгая история, но я в Берлине. Со Спадом и Майки Форрестером.

– Спад? Форрестер? В Берлине? Какого хуя? – Резко выдыхаю. – Ладно, мой ответ – угу. Можно вас включить в список гостей. Оставлю проходки для вас троих на самовывозе, – говорю четко и отрывисто. Мне это сейчас не в тему.

– Я не за этим, но если все пройдет нормально, то будет в кайф. Прямо сейчас мне надо, чёбы ты привез провод со своего ноута – кабель, с твоего «мака», да?

– Чё?

– У тебя ж «мак»?

– Угу, «мак», но...

– Мне надо, чёбы ты привез его по адресу, который я скину тебе эсэмэской. Мне надо, чёбы ты привез его *прямо щас*, Марк, – подчеркивает он и добавляет: – От этого в буквальном смысле зависит жизнь Спада.

– Чё? Спад? А чё за хуйня со...

– Братан, слушай. Мне нужно, чтобы ты это сделал, и мне нужно, чтобы ты сделал это *сейчас*. Я не херней страдаю...

Судя по его тону, я в курсах, чё это так. В какую хуйню они вляпались? Падает эсэмэска с адресом. Исходя из моего элементарного знания Берлина, это довольно близко.

– Ладно, уже иду.

Хватаю «мак» и говорю Клаусу, что мне нужен водила: я знаю, где Карл. Он неохотно кивает на большого мускулистого чувака типа вышибалы, который называет себя Дитером, и мы идем на парковку, где садимся в минивэн и направляемся по указанному адресу. Пересекаем реку и едем по лабиринту глухих улочек, примыкающих к огромной зоне железнодорожных и запасных путей, в сторону Зоопарка.

Минут через двадцать Дитер тормозит у старого, темного четырехэтажного промышленного здания в безлюдном квартале заброшенных и самовольно занятых строений. Вылезаем с машины, и почти синхронно с нами из-за дома робко выглядывает неяркое солнце. Тишина жутковатая. Обстановка непрямая, но становится еще стремнее, када я звоню по раздолбанному домофону, а потом, оставив водилу, захожу внутрь и чешу по неосвещенному, провонявшему плесенью, усеянному битым стеклом коридору. В конце вижу какое-то привидение, и по спине пробегает мороз, но это просто Больной в стерильном больничном халате и маске. Мне теперь еще любопытней, чё за хуйня тут творится.

– Быстро, – говорит он, показывая на скрипучий старый грузовой лифт.

– Чё за нах?

Он объясняет, но гонит такую пургу, чё у миня в бошке не укладывается. Стараюсь от ниво не отставать, а он несется по коридору и распахивает стальную дверь. Захожу за ним внутрь. Чувак с шотландским акцентом, я за ниво не в курсах, всучивает мне халат и маску:

– Надевай.

Я слушаюсь, заглядываю через иво плечо и глазам своим не могу поверить. На койке лежит мужик без сознания, в халате, с ноутом на грудке. «В животе у него дырка, и ее придерживают хирургические зажимы». Он подсоединен к капельнице, и все это похоже на самопальную операционную.

«Ё-мое, это ж Спад Мёрфи...»

Майки Форрестер тож вырядился, как еще один безобразно жирный пацик и шотландский чувак, которого я никада раньше не видел.

– Рентс, – кивает Майки.

– Провод давай... ноут щас сдохнет нахуй, – гавкает Больной.

Передаю ему кабель, Больной иво вставляет и прокручивает видео с интернета. Не могу поверить. Спада Мёрфи *оперируют Больной и Майки Форрестер!*

– КАКОГО ХУЯ! – ору. – Чё это? Чё за хуйню вы тут затеяли?

– Должен сам, у этого пиздюка руки, нахуй, трясутся, – буркает Больной, кивая на чувака с шотландским акцентом. – *Микки Рурк* ^[53], в жопе шнурк. Оставайсь или вали, Марк, но тока

заткни ебало: мне сосредоточиться надо. Так?

– Так, – доносится с какого-то темного дна моей души.

– Я подиатр, – протяжно и жалобно блеет парень, придерживая зажим, и Больной прав: руки у пиздюка трясутся.

– Возьми у ниво зажим, а я разрез сделаю, – говорит Больной Майки, который *курит сигу*.

Майки смотрит на него и протягивает ему пыхово. Жирдяй следит за маской на лице Спада. Я кабута очутился в кошмаре, и добрых пять сердечных сокращений мне кажется, чё я еще на блядском сейшене, угашенный чем-то галлюциногенным, или кемарю у себя в номере и вижу сон. Больной кивает Майки, забирает сигарету у него со рта и затягивается:

– Отожгем на ебаной дискотеке!

– Осторожно, – говорит ему тот чувак-подиатр, – пепел в рану сыпется!

– БЛЯДЬ! – рявкает Больной. – Майки, убери нах это говно, промокни суку тампоном! – Он роняет файку и топчет ее каблуком. – Легонько... – говорит он, наблюдая за тем, как Форрестер шурует у Спада внутри, – это ж всего-навсего пепел. «Мальборо», легкие, – добавляет он. – Так, у тебя стоит там зажим, Юэн? Тебе видно, где он? Там же, где на видеосе?

– Я... думаю, да, – заикается этот чел Юэн.

– Ты должен, нахуй, *знать*! Ты ж на врача учился! Ебаную хирургию изучал! – Глаза Больного над маской загораются. – Он на том же месте, как на видео?

– Да!

– Понял. Буду резать... щас... да?

– Хазэ, я...

– Я грю: *да*! Или мы проторчим тут весь день, или я, нахуй, режу! Это то место? Похоже, как на видео! Это *то, блядь, место*, Юэн?

– Ладно! Да! – визжит Юэн.

– Погнали!

Я отворачиваюсь, очко сжимается, потом поворачиваюсь обратно, а Больной чикает и сам удерживает это говно зажимом. Судя по тому, что кровь не хлещет фонтаном, остается предположить, что все, нахуй, получилось.

– *Да! Пиздец красава!* – орет Больной. – А теперь достаем это говно. Майки, подгони эту блядскую коробку...

Форрестер подкатывает к операционной койке тележку. На ней стоит что-то типа миниатюрного холодильника. Длинными хирургическими щипцами Больной достает какую-то склизкую фигню у Спада из живота... ё-мое, похоже на сцену с блядского фантастического фильма за вторжение пришельцев: окровавленная фигня, када он опускает ее в высокотехнологичную коробку, извивается. Из нутра у миня поднимается блевота, но я загоняю ее в раздраженные кишки обратно. Ноги слабеют и трясутся, и я хватаюсь за спинку стула для опоры.

Майки герметично закрывает коробку, замечая, чё я смарю на нее:

– По последнему слову техники, Марк. Система забора органов «Лайфпорт». Думал, чё это просто ледник, типа чёбы бухло остужать, а хренушки, тут все наворочено. Не захочешь в курсах быть, скока связей поднять пришлось, чёбы эту красотень заполучить!

– Чё это такое... вся эта ебаная антиутопическая научная фантастика? Чё вы у ниво вырезали? ЧЁ ЗА ХУЙНЯ ТВОРИТСЯ?!

Больной вскидывает кулаки, пока этот чел Юэн занимается Спадом.

– Я СПАС, НАХУЙ, ПОЛОЖЕНИЕ, ВСЕ КАК ВСЕГДА! – орет он, а потом тычет в Юэна: – Нитки! Зашивай пиздюка! Быстро!

– Уже! – цедит Юэн. Потом поворачивается ко мне, и его глаза над маской наполнены эмоциональной травмой. – Я попал в этот дурдом, когда просто вышел выпить на Рождество. Он подсыпал мне экстази...

– Экстази?! Какого ху...

– Ну конечно! Почему бы не обвинить Саймона? – обрывает Больной, но его прет, будто он забил решающий гол в финале Кубка. – Расхожая тема в наших краях! Я единственный пиздюк, которому хватило, нахуй, мужества разрулить этот ебанный дурдом! И разве я иво не разрулил? Хирург Сай! – И он затягивает песню Мадонны, тыча в себя пальцем: – Как хиру-ург... резал в первый свой ра-аз ^[54]...

У меня бошка кругом. Звонят и приходят эсэмэски от Клауса, Конрада... а теперь и от Карла, но мне поебать. Мы сидим и наблюдаем, как этот пацик Юэн зашивает большой разрез на животе Спада, который лежит в отключке, блее белого, уже похожий на труп.

– Что в коробке? Чё вы с него вырезали?

– Почка, – говорит Больной. – На ней там была *Эмилия Кларк* ^[55].

– Ну так вы ж, пиздюки, в этом специалисты, в экстренных операциях. Я в том смысле, что на больничку, блядь, обращаться не пробовали? Нахуй, – вскидываю руки, – не хочу быть в курсах!

– Это для благого дела, землячок, – говорит Больной.

– Благого для Спада, да?

Походу, Больной мгновенно сникает и смотрит на меня конфузливо:

– Хочешь – верь, хочешь – нет. И это только показывает, в какой ебанный дурдом мы вляпались. Но у нас, – он стучит по приспособе в виде белой коробки, – наконец-то есть билет на выход.

Форрестер и похожий на турка чувак шарят в холодильнике из нержавейки. Я думал, какие-то медпринадлежности ищут, но они возвращаются с бутылками немецкого пива. Майки открывает их и раздает. Когда беру свою, руки трясутся.

– Снежок есть? – спрашивает миня Больной.

– Ну, угу...

– Так насыпай, нахуй.

Щас я уже не вижу никакого повода, чёбы не обдолбаться и не остаться обдолбанным навсегда.

– Кто будет?

Форрестер кивает. Турецкий парень Юсеф тоже – нас наконец-то знакомят. Пацик Юэн отворачивается, и я насыпаю четыре дороги на столе с нержавейки.

– Будь у меня образование, я мог бы стать хирургом, типа того, – задвигает Больной. – Но, говорят, все хирурги хладнокровные и корыстные. Видать, многовато во мне итальянской крови, слишком уж горяч.

Они рассказывают мне, чё произошло, и я не могу в это поверить. Какого хуя Больной и этот чел Юэн, по словам Саймона, врач и муж его сестры Карлотты, связались с каким-то бандюком по имени Сайм?

– И какого хуя вы собираетесь делать с почкой Спада? – задаю вслух последний вопрос.

– Он должный ее Сайму, – говорит Майки.

– Он жертвует почку... за бабки? Этому парню Сайму?

– Типа. Он запарол одну Саймову. Вообще-то, не Саймову, но Сайм за нее оплатил, – объясняет Майки.

– В бога душу мать, вы, чуваки, в натуре ебанулись на всю бошку!

Больной мрачно смотрит на меня:

– Как на грех, мы пока еще не скали Спаду...

И тут я слышу хриплый голос с дребезжащей койки у нас за спиной:

– Чё там мне не скали?

Послеоперационный блюз

Минивэн петляет, застревает и продирается по запруженным улицам Берлина в час пик. Марк Рентон сидит спереди рядом с водителем Дитером и тихо говорит по телефону. Спад Мёрфи, которого пришлось нести до машины, сидит сзади и почти не отдуляется. Поддерживаемый по бокам своей медицинской бригадой в лице Юсефа и Юэна, он отчаянно пытается осмыслить новый поворот в лютой хронике последних нескольких дней. Делает из всей этой жести вывод о собственной жизни вообще. Пытается вспомнить поворотный пункт – момент, когда все пошло хреново. Смотрит на Рентона, с сидящим рыжевато-бурым пушком на голове, и думает о тех днягах, что друг отдал ему много лет назад. После этого Спад снова встал на путь наркоши, с которого потом уже редко сходил.

– Скажите мне еще раз... – просит он Саймона Уильямсона, Майкла Форрестера, Юэна Маккоркиндейла и турка, которого знает только под именем Юсеф.

– Да, теперь у тебя всего одна почка, – угрюмо подтверждает Больной. – Только так мы и могли решить вопрос с Саймом.

– Но как же?..

Спад трогает забинтованную рану. Больно. Хоть ему и вкололи обезболивающее, все тело мучительно горит.

Майки, сидящий в среднем ряду с Больным, объясняет:

– Сайму она надо была тока свежая, и лучше всиво было вытянуть тибя суда. Фишка с герычем была удобным предлогом. Двух зайцов одним выстрелом.

– Знач, вы вообще не засовывали... в миня... герыча.

– Та не. – Майки держит перед собой запятнанный кровью пластиковый пакет с белым порошком. – Двух зайцов одним выстрелом, угу, – настойчиво повторяет он. – Тут как раз голяк был, и Сайм был в курсах за парня, кароч...

У Спада отнимается дар речи. Он медленно качает головой и откидывается на сиденье. Юэну он кажется кучкой тряпья. Врач по стопам испытывает потребность оправдаться перед

пациентом:

– Я впутался в это только потому, что никогда по-настоящему не был с другой женщиной...

– Ты, – Спад тычет в него, – ты женатый на иво сестре... – Он впивается глазами в Саймона Уильямсона.

– Да, на Карлотте, – печально кивает Юэн.

Взгляд Спада становится ностальгическим.

– Она красивая была... молодой девицей...

– И сейчас такая же, – говорит Юэн, подражая злобному тону Спада.

– Любишь ее?

– Да, – говорит Юэн, и в глазах его стоят слезы.

– А как же я? – Спад начинает хныкать. – Я никогда больше не буду с девицей! У миня уже много лет дырки не было! Для миня все кончено и даж никада не начиналось!

Больной поворачивается к Спаду:

– Если ты тока за это переживаешь, то я все утрясу, ебать-колотить. – А потом зыркает на Юэна: – Я уже привык утрясать проблемы недоумков, чё не можут себе бабу найти!

– Ну да, – язвительно огрызается Юэн. – Блядский сутенер. Какая благородная профессия!

Саймон Уильямсон запальчиво парирует:

– Угу, ну, ты-то и твой дурковатый малой парнишка не особо жаловались, када шалавам хуи впендюривали!

От этого невольного признания Уильямсон чувствует в душе облом, который отражается на лице его зятя. У Юэна такой вид, будто он врезался в кирпичную стену. Он открывает рот и оторопело молчит. Потом втягивает воздух, и на шее вздуваются вены.

– Росс... ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ С РОССОМ? – взывает он, kloкочa горлом.

– Выручил иво! Это ты сам должен был сделать!

– Ах ты ж погань блядская! Ты и своего сына с проституткой свел, когда он еще не достиг возраста согласия?

– Он никада меня за это не просил: ему не надо было, – заявляет Саймон Уильямсон, вдруг с сарказмом представив, как его сын сосет другому мужику член. – Уж он-то был правильно

воспитан!

– Явно не тобой! А ты знаешь, что твои действия с моим сыном противозаконны? Это жестокое обращение с детьми, блядь! Ебаная педофилия!

– Пошел ты нахуй! Мелкий придурок упрашивал миня свести иво с бабой. А щас доволен, как муха в говне! Где ты был, когда ему нужен был совет, как целку сломать? В Таиланде шалав пердолил! Ты ж иво с самого Рождества не видел, ебанный лицемерный пиздюк!

Юэн роняет голову на руки:

– Все так... мы потерянные... все человечество потерянное... у нас нет дисциплины, и мы просто ждем, когда крикливые, лживые тираны нас покарают и воздадут за это... нам крышка...

– Табачку ни у ково нету? – спрашивает Майки.

Юсеф достает пачку, выдает по одной Майки, который подкуривает, и Больному.

– Здесь нельзя курить, – говорит водитель Дитер.

– Чё? – сердито рявкает Майки.

– Если хотите курить, идите пешком.

Майки и Больной обламываются, первый смотрит на джи-пи-эс на своем телефоне. По указанию Майки они тормозят на съезде, у каких-то магазинов, перед оживленным перекрестком. Затем Майки, передав «Лайфпорт» Больному, который ставит его себе на колени, выходит и тут же закуривает, а уж потом набирает номер на телефоне. Рентон хочет что-то сказать, но Больной на него шикает, пытаясь подслушать разговор Майки с Саймом.

– Все путем, Вик. Угу, Вик. Гигиена была на высоте, Вик.

Потом они слышат грохот подъезжающего мотоцикла, который вскоре тормозит рядом.

– Он тут, Вик. Мне надо идти, но миссия ж выполнена.

Больной чувствует облегчение и в то же время мучится от напряжения, пока «Лайфпорт» стоит у него на коленях. Спад кричит на него:

– Отдай мне коропку! Она моя! Это ж моя почка!

Не слушая, Больной передает коробку через окно Майки и байкеру.

– Она Саймова, Спад, – говорит он, оглядываясь. – Она нужна иму, или нам всем пиздец!

– Пока я не вернул взад Тотоху! – в ужасе визжит Спад, а Майки Форрестер и байкер кладут коробку в багажник мотоцикла.

Мотоциклист снова садится и срывается с места, через пару секунд растворяясь в потоке берлинского транспорта и пятнистом вечернем свете.

Майки влезает обратно, и Рентон кивает нервничающему стероидному вышибале, который заводит машину и направляется к фестивальной площадке. Распластавшись сзади на сиденье, Спад продолжает гнать пургу, будто еще не отошел от наркоза. Или, возможно, это лихорадка, волнуется Рентон.

– Она моя... отдайте ее мне... Мой цуцик... Мне надо моего цуцика... Майки... чё Сайм скал за Тотоху?

– Скал, у ниво все пучком, Спад, за им хорошо ухаживают...

Спад пытается это переварить и решает поверить. *Вынужден* поверить.

– Я подарил тебе кой-чего покруче почки, Дэнни, – рассудительно говорит Больной. – Я подарил тебе твою жизнь.

Рентон поглядывает на Больного и качает головой, пока машина лавирует по улицам Берлина.

– Не знаю, что у вас тут такое, но знаю, что ни один из этих ребят – не диджей ЭН-СИН Юарт, – говорит Дитер Рентону, глядя на него многозначительно.

Рука Рентона тянется к бумажнику и вынимает из пачки еще несколько купюр.

– Угу, я получил эсэмэску, что он нашел дорогу обратно. Вот вам за беспокойство, – и протягивает Дитеру банкноты.

Минуту Дитер смотрит на него с сомнением, после чего кладет деньги в карман.

– А как же... как же *моя* почка? – лопочет Спад.

– Поехала к малой девице в Баварию. – Майки вытягивает шею. – Почка, типа того. Спасет ейную жизнь, братан. Шкетка дофига на диализе просидела. Тибе ж должно быть за это мазово, да ж!

Но Спад теперь даже говорить не может. Он сидит с закрытыми глазами, запрокинув голову на подголовник, и жесткими, резкими рывками втягивает воздух сквозь зубы.

Его высаживают у отеля Рентона, вместе с Юэном и Юсефом. Когда Рентон, Больной и Майки собираются уехать, Спад паникует:

– А сами куда?

– У меня сейшен, братан, – говорит Рентон и переводит взгляд на Больного.

– Не парься, Дэнни-бой, – воркует Больной. – Юэн и вот Юсеф, – он кивает на полупрофессионального турецкого анестезиолога, – за тобой присмотрят. Ты в натуре в самых лучших руках, какие тока можно. Юэн разгреб все дерьмо и даст тебе чё-то от боли. Скоро будешь дрыхнуть, как шкет. Какой смысл и нам еще тут тусоваться? – Больной переводит взгляд на Майки Форрестера, и тот кивает.

– Но вы ж вернетесь...

– Ну конечно, братан, – говорит Рентон. – Но постарайся как следует отоспаться. Ты пережил большую травму.

– Да, – подхватывает Больной, – отдых – лучшее лекарство.

Когда вся троица добирается до фестивальной площадки, Рентон такой же разбитый, как Больной и Майки Форрестер, но нисколько не упоротый. Он смотрит, как они дают друг другу пять, а Больной орет:

– *Микки-Рурки* свое дело, нахуй, сделали, братан. Теперь лучше спихнуть все на низшую медбригаду. Наши профессиональные навыки больше не нужны, и вечером мы отмечаем!

Пока Рентон пытается сделать рожу кирпичом, Больной и Майки пробираются к бару для гостей позади главной сцены. Больной вытягивает руку:

– Скока девиц этот паренек перещупал – и они *мне* талдычат за твердую руку и ловкие движения, чё требуются хирургу! Ебанные дилетанты!

– Хотя, если по чесноку, я очканул, типа того, – кивает Майки, цапая две бутылки пива.

– Но мы же справились с нервяками, как ебанные игроки плавучего казино, а у понтового дипломированного пиздюка чердак, нахуй, потек!

Больной победно сияет, и они чокаются бутылками. Стоящие рядом три девушки поглядывают на него, уловив кайфовую энергию, которую он излучает.

Еще пару секунд назад Рентону было плевать на все, но сейчас он уже обратно переключился в режим директора. Он с облегчением замечает Карла, сидящего на диване под гигантским плакатом «Депеш Мод». Но что-то с Карлом не так. Диджей подавлен, а Клаус, стоящий у барной стойки рядом с Больным и Майки, явно сердится.

Рентон плюхается возле своего диджея. Собирается заговорить, но Карл начинает первым:

– Я не смогу, братан.

– Чё?.. – говорит Рентон, сам удивляясь тому, насколько ему не плевать. – Чё – сейшен? Почему? Это ж твой большой шанс вернуться обратно в обойму!

Краем глаза он видит Конрада и Йенсена, которые крутятся вокруг холодильника и стола, поедая указанную в райдере пиццу и медленно приближаясь.

– Я сдал, Марк, – грустно говорит Карл. – Я в натуре ценю, скока ты для меня сделал, – он тычет себя в грудь, – но ЭН-СИН кончился, братан.

Подслушав их разговор, Конрад подскакивает и показывает на пришибленного диджея.

– Я же тебе говорил, что он пьяница, наркоман и комок нервов, от которого толку ноль, – смеется он Рентону.

Карл отворачивается и хлупает носом, словно вот-вот разревется. Это ранит Рентона, и он с укоризной зыркает на свою дойную корову.

Конрад снова смеется, а затем складывает кусок пиццы вдвое, чтоб удобнее было запихнуть в рот. На его одежду капает красный жир. Выбегает пиарщик и промокивает пятно влажной тряпкой.

– Ну, значит, все, – с неумолимой обреченностью говорит Рентон, обращаясь к Карлу, но окидывая взглядом всех собравшихся. – Я потратил на этот мудацкий сейшен кучу бабок, и теперь нам не заплатят, да еще, видать, и в суд подадут.

Клаус выжидает, подтверждая его слова своим суровым лицом и натянутой позой.

Больной едва не пожимает радостно плечами, а Карл вдруг заходится громким хохотом. Тычет в Рентона:

– Купился, задрот хибзовский? – Потом вскакивает и обращается к Конраду: – Ну а ты, беспонтовая жирная бочка с салом, приходи посмареть, как настоящий диджей тут всех порвет, нахуй! – Он поворачивается к Клаусу: – Надеюсь, у тебя есть страховка от смерти, вызванной изумлением, братан, потому как половина этих пиздюков вон там, – он показывает на толпу, – от него, нахуй, передохнет!

– *Ja*, это хорошо.

Конрад застывает с открытым ртом, роняя на пол бумажную тарелку и пиццу, а затем поворачивается к Рентону:

– Он не может так со мной говорить!

– Он пиздюк, – с облегчением выдыхает Рентон. – Полнейший пиздюк.

Карл на понтах заходит в аппаратную, кивая уходящему диджею. Он думает о Хелене, о том, как был с ней счастлив. Но сейчас он уже не плачет над тем, что все просрал. Он вспоминает маму и папу, все, что они ему дали и принесли в жертву. Теперь уже нет грусти – только жгучее пламя, полыхающее внутри, желание внушать им гордость. Он вспоминает Дрю Базби, Джона Робертсона, Стефана Адама и Руди Скацела и орет в микрофон:

– БЕРЛИН! ВЫ К ЭТОМУ ГОТОВЫЕ, НАХУЙ??!!

Толпа встречает его диким какофоничным ревом, и он ставит «Дай мне любовь», свой прорывной хит, обозначая намерения, а затем плавно переходит к гипнотическому сету. Заведенная публика пляшет под его дудку и в конце просит еще. Уходя под хоровое скандирование «ЭН-СИН...», он не обращает внимания на вылупившегося Конрада и идет к Рентону, поднимая пять пальцев на одной руке и один на другой. В кои-то веки Рентон несказанно рад этому раздражающему жесту.

– Секс-бомба со Стенхауса, – шепчет он Карлу на ухо.

– Отвечаю, – парирует тот.

Неуверенный и деморализованный Конрад выходит вслед за Карлом на сцену, и танцпол мгновенно редет. Конрад частично возвращает народ, врубая два своих больших хита раньше, чем было запланировано, но выглядит недовольным, и публика чувствует его отчаяние. Ситуацию спасает Рентон, подбадривая свою звезду из-за кулис большим пальцем вверх, когда нервничающий диджей на него поглядывает.

Вдруг за плечом у Рентона появляется Больной. Сжимая в руке пиво, он машет пакетиком кокса и кивает на туалет.

– Этот пиздюк очкует, – говорит Больной. – Хотел бы я посмотреть, как он вырезает почку.

– Видать, он бы ее захавал, – смеется Рентон и идет за ним. – Ему полезно хоть раз сыграть вторую скрипку. Это ж олдовая толпа матерых фанатов хауса. Народ, который ценит классную музыку. И они помнят.

Они добираются до туалета. Больной насыпает дорожки, глядя на Рентона и чувствуя странную любовь и ненависть, которые не в силах объяснить. И то и другое кажется компромиссом, но в то же время окрыляющим и необходимым. Когда Рентон занюхивает дорожку, Больной говорит:

– Знаешь, я тут подумал, как ты можешь вернуть Бегби его бабки.

– Бесплезняк. Пиздюк веревки с миня, нахуй, вьет. Он не возьмет их. Он знает, чё я иво вечный должник и чё это миня убивает, нахуй.

Больной берет свернутую купюру, выгибая брови:

– Ты же знаешь, что у него в Эдинбурге выставка, да?

– Угу, мы на ней играем.

Рентон слегка приоткрывает дверь туалета – глянуть на Конрада, – а потом замечает Карла, который уже развлекается с Клаусом и несколькими женщинами, включая Шанель Хеммингуорт, пишущую о танцевальной музыке.

Когда он закрывает дверь, Большой втягивает дорожку и выпрямляется как пружина:

– А за пару дней до этого он выставляет на аукцион «Литские головы».

Рентон пожимает плечами, приступая к следующей пуделиной лапе:

– Ну и?

– Ну и купи эти головы. Набавь цену, а потом выиграй аукцион, переплати за них.

Лицо Рентона расплывается в улыбке:

– Если я набавлю цену за головы и куплю их дороже, чем они стоят...

– Ты *вынудишь* его взять лавэ. Так ты погасишь свои обязательства – вернешь пиздюку то, чём ему должен.

– А мне по приколу, – улыбается Рентон, проверяя свой телефон. – Помяни чертяку, – говорит он, показывая эсэмэску, которая только что пришла от «Франко».

«Есть билеты в представительскую ложу на финал Кубка в Хэмпдене для тебя, меня, Большого и Спада».

Выкатив глаза, Большой говорит:

– И вот этот пиздюк *Бегби* добровольно совершает великодушный поступок, в *самый первый раз* за всю свою жизнь. Что за день, бля!

– Ну, такой он теперь и есть, мистер Паинька, – говорит Рентон.

Бегби – Чак Поц

Вспомнил за то, как с этим парнем познакомился, в тюрьме еще. Миня неслабо поразило, чё крупная голливудская звезда ко мне на стрелку придет, прямо на крытку ебаную. Прикол в том, чё он хотел, чёбы я помог ему к роли отморозка подготовиться. Иму надо было акцент подделать, у них там европейский артхаусный режиссер хотел кинчик по книжке какого-то детективщика забачать. Оно и понятно: пиздюк, чё ее написал, гору бабок поднял, но миня

никуда эти книжонки не прикалывали. Их же для терпил пишут: завсегда полисыю охуенными, блядь, героями выставляют.

А полисыя – никакие не охуенные герои.

Када я увидел этого симпатичного, хоть и малорослого молодого мужика в кожане, с зализанным назад темным хайром, я перво-наперво пиздюку карты выложил. Скал, чё не хочу борзым показаться, я ж допускаю, чё в Америке это не так, но тока в Соединенке Чак Поц – имя чудацкое. Скал иму, чё с такой погремухой он тут конченным пиздюком выглядеть будет. Само собой, он за эту хуйню в курсах был: скал мне, чё настоящее иво имя – Чарльз Поцора, ну и он теперь уже врубился, чё в Соединенке это чё-то совсем другое значит, но оно уже к нему привязалось. Агент пиздюка скал, чё имя у него «чересчур латиносское» и иму не будут ведущих ролей белых англосаксов давать. Ну как типа Николас Коппола Николасом Кейджем стал, так и Чарльз Поцора стал Чаком Поцем.

Кароч, работали мы с ним в тюрьге: он слушал, а я и еще некоторые парни иму втирали. Мы сделали записи с тренером по диалектам, ебаньком с полным хавальником мудей, чё за акценты Шотландии пиздоболит. От чувака нихуя понту не было. Я Чаку всяко-разно за тюрьгу обрисовал, как под такими типа Тайрона ходил. Дохуя всего полезного иму напел, но акцент у ниво в том кине все равно ржачный был, кабута взяли тово завхоза с «Симпсонов» и лет на пять мудачка на герыч у нас на Кёркгите присадили. Но парень подход имел, смарел на тибя, кабута в натуре слушал, кабута ты особенный. Он всех этих громких заяв напел, чё мы, мол, братья навек. Свидимся в Голливуде!

За язык никто ж не тянул.

Ни разу за шесть лет от этого пиздюка ничё не слышал, даж после того, как откинулся. Даж после того, как грил своему агенту посылать иму приглашения на выставки, на мою свадьбу и на крестины малютки Грейс. Так я узнал, чё актеры – пиздоболы, а самые лучшие брехуны в собственный фуфляк верят, када иво гонют. Потом, пару месяцев назад, он такой на одну с моих выставок подваливает. Чисто забредает со свиточкой своей. Грит, чё хочет бошку Шармейн Гэррити, своей бывшей женки, с конкретными увечьями.

Скал иму, чё предпочитаю свои заказы в секрете держать. Может, встретимся кофейку попить? Кароч, Чак набрал, и я поехал в Сан-Педро, а щас мы вдвоем по вершинам холмов гуляем. Хоть они и возвышаются над портом, тут можно с глазу на глаз перетереть, особенно на этой безлюдной океанской стороне, с обрывом над серыми камнями внизу и плескающимся об них приливом. Говорю ему, чё обожаю шум прибоя и клекот чаек.

– Когда я был ребенком, мы ездили в Колдингем. Это в Шотландии. Утесы с камнями внизу, как здесь, – грузу иму. – Мама всегда говорила мне, чтобы держался подальше от края, – улыбаюсь. – Понятно, я никогда не слушался.

Чак карабкается вперед, с этой широкой лыбой на щачле.

– Даже не сомневаюсь, чувак! Сам был такой! Мне всегда нужно было дотанцевать до самого краешка этого проклятого обрыва, – и он легким шагом к кромке подходит. Зажмуривается. Руки вытягивает. Ветер волосы ему вверх взметает. Потом он опять открывает эти свои хлопки и вниз на камни сморит. – Мне тоже нужно было пройти через всю херню! Так уж мы устроены, бро, дотанцовываем до края, а потом мыыыыыыыыыыыаааааааааа...

Со всей дури в спину пихнув, сталкиваю Чака в эту пустоту, и голос иво сжимается до крика, замедляется, рассеивается. Потом тишина. Отворачуюсь от края и чую солнце на лице, подымаю руку, чёбы моргающие глаза прикрыть. Делаю глубокий вдох и поворачуюсь обратно – глянуть на разможенный труп, чё внизу на скалах валяется. Вокруг ниво прилив пенится, и это напоминает мне, какой он был в конце «Его называют убийцей».

– Я тебе спиздел, братан. Маманю я слушал. И тебе тож свою слушать надо было.

Часть третья. Май 2016. Спорт и искусство

Рентон – Вечерина. 114 лет спустя

Хоть мы и выдвинулись с Эдинбурга раненько, «тянучка» еле ползет по М8. Это без балды самая скорбная автомагистраль между европейскими городами. Билеты на финал Кубка были подарены Франко коллекционером иво творчества. Сам-то он втирает, чё особо не парится – халява просто. Больше всех тащится, походу, Больной: он взял напрокат пошлый лимузин, чё должен отвезти нас на безотрадное кладбище надежд в южной части Глэзго. Мне это так себе, хоть и переживаю за подлеченного, но еще нетрудоспособного Спада.

– Нельзя ж такое проюрдонить, – постоянно твердит он.

Франко – единственный, кто не в курсах, как Спад оказался в этом положении, и его разбирает любопытство.

– Ну так чё это, блядь, за история?

– А, э, малехо инфекция в почке, Франко, – говорит Спад. – Вырезать пришлось. Но народ же и с одной живет, да ж?

– Дохуя наркоты за все годы принял, братан.

Кстати за птичек, мы с Больным выступаем по шампусу и марафету: Спад и Бегби обое пас – один по причине здоровья, другой избрал такой образ жизни. Водила вполне пиздатый, и мы его хорошо подмазали, чёбы не выеживался. Чё-то хотел сказать Франко и вдруг вспоминаю:

– Стремно за Чака Поца, да ж? Помнишь, как он у тебя на выставке был?

– Угу, шок, без балды, – соглашается Франко.

– Мне тот фильмец зашел, «Они выполняли свой долг», – хрипит Спад.

– Хуйня, – не соглашается Больной, засасывая дорогу. – «Матч за приз: Лос-Анджелес» – вот этот был классный.

Спад мозгует над этим:

– Это када он андроидом-боксером прикинулся, хотя, вообще-то, был мутантом с сверхспособностями...

– Угу.

– У чела было все, живи да радуйся, – пожимаю плечами, – угу, чудацкая штука жизнь.

– Мне всегда казалось, чё у него проблемы, – грит Франко. – В смысле, актеры, звезды, от это всё. Говорят, если прославишься, то как бы в этом возрасте и консервируешься. А он же ребенком-звездой был. Кароч, он в натуре чутка шкетом так и остался.

Подмывает сказать: «Как в тюрьге на долгом сроке», – но Франко сморит на меня с такой лыбочкой, кабута в курсах, за чё я думаю.

– Нахуя этому дегенерату была такая фамилия – Поц? – рявкает Больной. – Ему чё, никто не сказал, чё он выставляет себя королем ебланов?

– В Штатах это не значит ничё, – Франко качает бóшкой, – и это было типа сокращения иво настоящей фамилии. Потом, када он раскрутился, все иму на это пальцем тыкали. Но к тому моменту он уже как поц состоялся, так скать.

– Это бывает, – я такой и задвигаю телегу за то, как один мой дружбан по индустрии танцевальной музыки познакомился с Паффом Дэдди. – Он говорит ему: «Вы понимаете, что в Англии ваше имя означает педофил-гомосексуал?»

– Без балды, – грит Больной. – Кто вообще этих пиздюков консультирует?

Када заходим на стадик, вдруг превращаюсь в страдающий комок нервов. Врубаюсь, чё «хибзы» – это как героин. Раз я вмазался после нескольких лет в завязке и испытал кошмарную, тошнотную ломку от каждого прихода, который словил за всю жизнь. И сейчас я чувствую, как вертаются и гложут все разочарования на стоячей трибуне, не тока от прошлых игр, но и от тех, куда я не ходил последние два десятка лет. А еще это ж блядские гунны, команда моего старикана.

Но мне не верится, чё можно ходить на большой футбик с Бегби и настока не париться за потенциальный беспредел. Вместо того чёбы щупать глазами толпу, какой была раньше его тактика, он не сводит их с поля. Када звучит свисток, напрягается Больной, он ездит по ушам, и это действует мне, сука, на нервы. Он отказывается сесть и стоит в проходе, несмотря на ворчание у нас за спинами и косые взгляды официантов.

– Они никогда не позволят нам уйти отсюда с Кубком. Вы ж это знаете, да? Такого просто не произойдет. Судья получил строгие масонские указания это обеспечить – ЭЙ ТЫ, МУДАК!! СТОУКСИ!!!

Мы все прыгаем, как полные ебанатики! По красной дымовой шашке за воротами «рейнджеров» я догоняю, чё Стоукс забил. Их половина стадиона не шелохнется. А наша половина – скачущее море зелени, не считая несчастного Спада, который не может двигаться, а просто сидит и крестится.

– Вставай, припездол! – орет парень сзади, взъерошивая ему волосы.

Мы красавчики. «Хибзы» играют на загляденье. Смотрю на Франко, Больного и Спада. Мы каждый раз бьем вместе с игроками по мячу. Все очень классно. Все слишком уж пизdato, и это должно случиться. Дело оборачивается в край хуево. Миллер сравнивает счет, и я сижу в немом отчаянии, пока судья не дает свисток на перерыв. Жалею за жизнь, в которой стока всего не сбылось, вспоминаю за Викки и как я проебал все по-крупному, пока с Больным чешем в тубзик. Тот забит, но мы умудряемся занять кабинку, чёбы нюхнуть снежка.

– Если «хибзы» сегодня выиграют, Марк, – говорит Больной, нарубая две толстые дороги, – я больше ни с одной бабой пиздюком не буду. Даже с Марианной. Это ж из-за нее весь напряг произошел – с Юэном, а через него – с Саймом. Прикол в том, чё я пытаюсь ее вызвонить. Обычно она ждет не дождется от миня звонка: она ж спускает труселя на лодыжки быстрее, чем Стоуксы мяч в сетку забивает. Она явно уже сыта по горло моими игрищами. И самое странное, – его темные глаза печально блестят, – я за ней скучаю.

Не хочу долго говорить за Марианну. Больной с ней много лет обращался хуево, но када он говорит за нее, у ниво в голосе всегда звучит странное собственническое уважение.

– Понимаю, – заявляю я. – Если «хибзы» выиграют Кубок, я попробую помириться с той женщиной, чё я встречался в Лос-Анджелесе. У меня к ней были реальные чувства, но я все проебал, как обычно, – жалею. – И я буду заботиться за Алекса.

Ударяем по рукам. Это выглядит предельно убого, хотя так и есть: два накокаиненных мудозвона загадывают в туалете будущие поступки в жизни по исходу футбольного матча. Но мир щас настока припезденный, чё это кажется разумной программой действий, не хуже любой другой. Потом мы вертаемся вниз и еще тащимся под коксом, када удар Холлидея с ниоткуда выводит их вперед. В надцатый раз чувак сзади уговаривает Больного сесть. Бегби начинает дышать контролируемым методом. На этот раз Больной уступает и садится, обхватив бошку руками. Спад вздыхает от глубокой боли, такой же травматичной, как и любая физическая, чё ему причиняли недавно. И тока Бегби кабута безучастен и излучает теперь странную расслабленную уверенность.

– Он у «хибзов» в кармане, – grit он мне, подмигивая.

Эсэмэска от моего старикана, который сморит по телику: «КАК МОЛОДЫХ! МЫНАРОД;-)».

«Старой пиздюк с Глазго».

– Зря мы поверили, – вздыхает Больной. – Говорил же вам, у «хибзов» крест такой – никогда не выигрывать этой поеботы. И еще они должны получить свою обязательную пенальку. Три – один в пользу «рейнджеров»: как два пальца обоссать, бя.

– Ебало завали, – говорит Бегби. – Кубок наш.

Должен признаться, чё я на стороне Больного. Так уж мир устроен. Мы в натуре обречены на то, чёбы никогда иво не поднять. Я выпадаю на смуры, ведь в 6 утра лететь на Ибицу с аэропорта Ньюкасла, на встречу с Карлом, который дает большой сейшен в «Амнезии». Хотя щас немного перекемарю, а то ж поздно ляжу. Он опять начнет подьебывать миня этой хуйней за 1902, 5:1 ^[56]. Ну и вот она уже на телефоне: «ХА-ХА НЕДОУМКИ! СТАРАЯ ПЕСНЯ! СССР ^[57] 5:1, 1902».

Я вдруг впадаю в депрессуху. Но «хибзы» не сдаются. Макгинн пару раз пытается отобрать мяч, играя как мужик, который хочет за шкуру притащить команду к победе, чё уплывает у них с рук. Болельщики кругом еще гоношатся, но уже немного прибитые. Потом появляется новый шанс у Стоукса, но гол отбивают...

– Опять *почти* мужики, нахуй. Скока можно? – Несмотря на новые протесты, снова вскочив на ноги, Больной гаркает на скамейку «хибзов», пока Хендерсон готовится к угловому. – Я счастлив, чё перетрахал толпы баб и принял тонны наркоты, ведь если б я надеялся, нахуй, на сраную футбольную команду, то никакого б оттяга по жизни не... СТОУКСИ!!! ТЫ ПИЗЗЗЗДЮУУУККККХ!!!!!!

Опять! Энтони Стоукс бьет бошкой после навеса Хендо! Игра продолжается!

– Так, – сообщаю, – я закидываюсь ешкой.

Бегби сморит на миня, как на шибанутого.

– Я делаю это, потому как сам, нахуй, очкую, – объясняю. – Я стока раз в жизни выходил с этого стадика убитый горем: если даже мы продует, пиздец мне, если сделаю это снова. Кто со мной?

– Угу, – говорит Больной и поворачивается к чувакам за нами: – И не просите миня опять, нахуй, сесть, потому как этого не произойдет! – И он агрессивно стучит себя в грудь.

– Калачи – ништяк, – вторит Спад. – Жаль, встать не могу...

– Пошел в пизду с этой хуйней, – говорит Франко. – А ты, – поворачивается к Спаду, – ты ошизел небось?

– Я на таких нервяхах, чё не справляюсь, Франко. Пофиг, если скопычуся... просто присмари за Тотохой за миня.

Три с четырех – неплохо. Они затариваются. Я на ногах, стою рядом с Больным.

Вряд ли я када-то был такой напряженный на футбике. Жду, чё сбудется пророчество Больного – обязательная спорная пеналька «рейнджерсов». Хотя судья вел себя пока супер, он, наверно, готовится к последней зрелищной минуте. Эти пиздюки все, блядь, одинаковые...

«Ооо... красава...»

Вдруг чувствую приятное смягчение в кишках и волну эйфории, смарю на Больного, и его профиль искажается: поднимается щемящий душу рев, время замирает, и В БОГА ВСЕМОГУЩЕГО ДУШУ МАТЬ – МЯЧ В ВОРОТАХ РЕЙНДЖЕРСОВ!! Хендо пробивает еще один угловой, перебрасывает мяч, какой-то пиздюк забивает его бошкой, и все игроки наваливаются на Дэвида Грея, а толпе полностью срывает, нахуй, башню!

У Больного опухают глаза:

– ДЕЙ-ВИ-БЛЯДЬ-ГРЕЕЕЕЙ!

ВЖУУУУХХХ!!!

Мине на спину прыгает незнакомый парень, а другой пацик целует миня в лобешник. По его лицу текут слезы.

Цапаю Больного, но он с задиристой обидчивостью отмахивается.

– Через скока? – вопит он. – ЧЕРЕЗ СКОКА ЭТИ НЕДОУМКИ ОТОЖМУТ У НАС ЕБАНЫЙ КУБОК?!

– Кубок наш, – повторяет Бегби. – Попуститесь вы, ебанаты.

– Я чисто на нервяках, и, кажися, швы разошлись... – причитает Спад и грызет ногти.

Звучит свисток, и, как ни удивительно, игра окончена. Обымаю Спада, он весь в слезах, потом Бегби, который скачет в эйфории, выпучив глаза, бьет себя в грудак, после чего делает несколько глубоких вдохов. Мы идем к Больному, тот опять отмахивается от моих объятий, скачет на месте, поворачивается к нам с напрягшимися на шее сухожилиями и такой:

– ЕБАТЬ ВСЕХ ПИЗДЮКОВ! Я ВЫИГРАЛ ЭТОТ ЕБАНЫЙ КУБОК! Я!! «ХИБЗЫ» – ЭТО Я!! – Он переводит взгляд на прибитых болельщиков противника, всего в нескольких рядах от нас на другой половине северной трибуны. – Я НАСЛАЛ БЛЯДСКУЮ ПОРЧУ НА ЭТИХ СРАНЫХ ГУННОВ! – И он бросается по проходу к барьеру, вливаясь в толпень, которая поначалу просачивается, а потом выплескивается на поле сквозь хлипкий заслон охраны.

– Припездол, – говорит Бегби.

– Если я щас помру, Марк, мне вообще по барабану: я ж это увидел, хоть и думал, чё не доживу до этого дня, – всхлипывает Спад.

На его костлявые плечи накинут «хибзовский» шарф: кто-то уронил в разгар веселья.

– Та не помрешь ты, братан. Хотя знаешь, даж если помрешь, то тут ты прав – нихуя это значить не будет!

Я совсем не собирался такое брякать, и несчастный Спад сморит на миня в ужасе:

– Но я ж хочу еще честование застать, Марк... на Уок...

На хибзовской половине поля куча народу. Небольшая горстка переходит на другую половину, чёбы постебать болельщиков «рейнджеров», и некоторые с них принимают вызов. После пары мелких потасовок группки потенциальных бузунов разнимает полисыя. На хибзовской половине болельщики радостно отмечают окончание 114-годнего голяка. Копы пытаются расчистить поле перед вручением Кубка. Никто на поле никуда особо не спешит: народ сносит ворота и дербанит куски дерна на сувениры. Это тянется долго, но это потрясающе: попури с восторженных хибзовских песен, братание с совершенно незнакомым народом и столкновения с абсолютными новичками и старыми друзьями. Трудно отличить одних от других: какого пиздюка ни возьми, все в странном трансе. Большой возвращается с кусманом дерна в руке.

– Будь у меня тада эта хуйня, я б запендюрил ее тебе внутрь, братан, – говорит он Спаду, тыча ему в брюхо.

Это длится целую вечность, но под конец команда выходит и Дэвид Грей подымает Кубок! Мы все затягую песню, и это «Солнце над Литом» ^[58]. Я врубаюсь, чё за годы нашего отчуждения это первый раз, када Франко, Больной, Спад и я реально спели эту песню вместе. Для каждого с нас по отдельности она много лет была фирменным знаком на свадьбах и похоронах. И от мы тут все ее горланим, и я чувствую себя охуенно!

Када вытекаем со стадика и тащимся под глазгоским солнышком, становится ясно, чё Спаду полный пиздец. Сажаем иво в лимузин до Лита, с хибзовским шарфом на шее. На прощанье Больной подкалывает:

– Если отдашь вторую почку, может, и в премьер-лигу войдем!

Вижу, чё Бегби это сечет, но нифига не говорит. Заваливаем в забитый толпой паб в Гованхилле и умудряемся поймать официанта. Все в улете, будто во сне. Кабута у них щас был самый классный трах в жизни и они до сих пор балдеют. Потом выходим в город и забредаем в пару пабов в центре Глазго. Веселье продолжается всю обратную дорогу до Эдинбурга на поезде. В центре Эдинбурга шиза, но када добираемся до Лит-уок, там просто полный атас, нахуй!

Тачка заберет миня в 3:30 с дома моего старикана и отвезет в Ньюкасл на «изи-джет», чё вылетает в 6:05 на Ибицу. Я не парюсь, чё сваливаю с вечерины: я ж сто процентов уверен, чё,

када вернусь, она еще не закончится. Получил кучу эсэмэсок от Карла. Они иллюстрируют его переход от отрицания к враждебности, принятию и, наконец, прощению, подчеркивающим эпохальность события:

«ЧЁЗАНАХ?»

«ФАРТОВЫЕ ГОВНЮКИ!»

«ДАВНО ПОРА БЛЯДЬ, ЛИТСКИЕ ПИЗДЮКИ!»

«ВЕЗУЧИЕ ПИЗДЮКИ, ПОЛ НАШЕГО БЛЯДЬ ПЕСЕННИКА ИЗУРОДОВАЛИ!»

«ХУЙ С НИМ, МОЛОДЧАГИ ВЫ».

Заглядываю к бате позлорадствовать, но старой гуннский говнюк с Глазго в кровати и прикидывается, кабута спит, а я не хочу иво будить, если он вдруг не прикалывается. Пишу на клочке бумаги «ССХ» ^[59] и прикнупливаю к кухонной доске, чёбы он увидел. Не могу тут усидеть: вертаюсь обратно в Лит и снова зависаю с парнями, начиная с «Вайна».

Мы с Больным долбим снежок с толпами остальных. Угарная ночь проносится кувырком, целое море лиц проплывает мимо, будто на карусели: некоторые давно забыл, другие смутно припоминаю, многим искренне радуюсь в бесконечном потоке панибратства. Решаю подойти к Бегби, пока он в настроении, и сделать последнюю попытку, прежде чем пустить в ход план Больного.

– Те бабки, Фрэнк, можно я их просто тебе отдам? Мне это надо.

– Мы это уже обсудили, – grit он, и взгляд у ниво такой, сука, ледяной, чё с миня аж хмель спадает. Я думал, он уже разучился так смареть. Ну и я, конечно, забыл, как это леденит душу. – Ответ всегда будет один и тот же. Не хочу больше за это слышать. Никада. Так?

– Логично, – говорю, а сам думаю: «В общем, я дал пиздюку шанс». Теперь придется каждый ебучий день любоваться на ниво, Больного и Спада, ну и на сибя самого, ведь «Литские головы» будут моими. – Следующее, чё ты от миня услышишь, – встаю и затягиваю песню: – У НАС ЕСТЬ МАКГИНН, СУПЕР-ДЖОН МАКГИНН, НЕ ДУМАЮ Я, БЛЯДЬ, ЧЁ ТЫ ДОГНАЛ...

Франко снисходительно улыбается, но не подпевает. Он редко исполнял футбольные песни. Но Больной лихо поет дуэтом, и мы от всей души обнимаемся, а припевку в миллионный раз подхватывают по всему бару.

– Я прощаю все те разы, када ты миня наябывал, – заявляет Больной, пиздец упоротый. – Я не променял бы эти минуты ни на что в жизни. Нам повезло, – он поворачивается к Франко, – повезло, чё мы с Литы, самого пиздатого места на свете!

В ответ на эту речугу, от которой он много лет назад протащился бы (но которая никада бы не прозвучала тада с уст Больного), Франко лишь еле пожимает плечами. Ебанацкая штука

жизнь. В чем-то мы остаемся такими же, а в чем-то меняемся. Ё-мое: последние пару недель – как на американских горках. Увидеть в самопальной операционной Спада с вываленными потрохами и как Больной с Майки Форрестером вырезали ему почку – это, конечно, шиза, но наблюдать, как «хибзы» выигрывают Кубок Шотландии в Хэмпдене, – вот где полная неожиданность и вынос мозга. Чешем на Джанкшн-стрит и вниз по Уок, вертаясь обратно в город. Обошли, наверно, все бары в Лите. Бегби, не отметелив ни единой души и даже не заложив за воротник, держится почти до двух ночи, после чего запрыгивает в таксо и валит на хату к сестре.

Мы продолжаем, потом я вызываю тачку, чёбы забрала миня снизу Уок, где такая толпень, какой я никогда в жизни не видел, и атмосфера невероятная. Это не просто выигрыш Кубка, а смахивает на магический катарсис для всего сообщества, которое несло в себе невидимую травму. Не могу поверить, какой громадный психологический груз снят с моих плеч: я ж не думал, чё мне настока было не похуй на «хибзов» и на футбик все эти годы. Я так понимаю, тут все дело в том, кто ты и откуда, и раз ты эмоционально вложился, это может не проявляться, но никогда не проходит и отпечатывается на всей оставшейся жизни. Чувствую себя опиздененно, и я духовно связан с каждым хибби, включая водилу с автопроката, которого никогда за свою житуху до сегодня не встречал. Но мне в натуре надо покемарить – наркота выветривается, и протрация стучится в дверь этого невообразимого кайфа, а водила долдонит за матч, и его так распирает, чё он хлопает по крыше таксо и сигналил в безлюдную темноту, пока мы мчимся по пустынной А1.

Сажуся на самолет в невменозе и, хотя кругом идет гульба туристических толп, погружаюсь в глубокий ступор. Через три часа скатываюсь на землю, со слипшимися глазами, сопливым и заложенным клювом, и в аэропорту волшебного острова миня встречает Карл, спрыгнувший с гэтвикского рейса час назад.

– Где тачка? – квели спрашиваю.

– Нахуй тачку: я уже взял для нас в баре бухло.

– Я ночь не спал, братан, мне надо, блядь, покемарить. Во время полета я вообще в кому впал и...

– Нахуй кемарить. Вы ж Кубок выиграли, припездол. Сто четырнадцать лет! – Карл мечется между крайним отчаянием и призрачным ликованием, которого и сам не может до конца понять. Но пытается. – Я ненавижу вас, говнюков, и это самый странный день с моей жизни, но даже хочу иво отметить. А чё я подколот тибя за пять – один, так ты заслужил.

Вспоминаю, как подкалывал за 7:0 ^[60] своего брата Билли и Кизбо, своего несчастного старого корешка с Форта. Врубаюсь, чё для них это, наверно, никогда не значит так же много, как для тибя. Миня просто харит, как подумаю, чё они считали миня просто каким-то тупым тормознутым межеумком, каким я Карла считал. Но зато я на старикане потом оторвусь!

Чешем в бар. Всего два бокала пива и пара дорожек снежка, и я уже не чувствую себя выжатым лимоном.

– Спасибо тебе, братан, – говорю ему. – Именно это мне и было надо, теперь я уже не вырублюсь на твоём сейшене – а ты отожгешь так же, как отжег в Берлине.

– Все благодаря тебе, Марк, – говорит он, окосев, и стискивает мне плечо, – ты верил в меня, када я сам перестал в себя верить.

– Но Конраду, небось, понадобится психотерапевт!

– Гоношистому мудозвону полезно по шам отхватить. Ну и еще на дорожку, – говорит он, заказывая две полупинты чистой водовки.

– Я не могу это выпить... – упираюсь, хотя понимаю, чё именно это щас и сделаю.

– Пошел нахуй, слабой хобо. Сто четырнадцать лет!

Шатаюсь, выходим к мотору, солнце слепит. Парень не особо рад, что мы заставили его ждать, и говорит, что у него еще одна работа горит, явно раскручивая на чаевые, которые я ему потом забашляю. Карл играючи хлещет водяру. Это самоубийственное пьянство, и это нихуя не помогает общению.

– Братан, сейшен же скоро. Может, тебе придержать коней.

– Я *восемь ебучих лет* не был на Ибице. Хотя раньше бывал тут каждое лето. А еще я заливаю горе. Хобо выиграли кубок. Это изменило мою блядскую жизнь, так же как и твою. – Он в отчаянии качает головой. – Када я молодой был, хоть миня и окружали джамбо, все мои дружбаны были хибзами: Бирреллы, Джус Терри... щас мой директор. Чё за хуйня вообще творится?

– Я тебя еще раскручу, братан. Уйди с темной стороны, Люк.

– Пошел нахуй, ни единого шанса...

Солнце слепит глаза, и я тут торчу с этим джамбо-упырем-альбиносом: каждый луч света проходит насквозь, кабута он прозрачный. Я буквально вижу все артерии и вены у него на лице и на шее. Ехать сорок пять минут, и все это время я пиздец взвинченный. Када добираемся до отеля, хочется вырубиться.

– Мне надо поспать.

Карл достает пакет кокса:

– Тибе просто надо еще малехо взбодриться, и все.

Кароч, поднимаемся в бар на крыше отеля. Предсказуемо чудесный день. Безоблачный и жаркий, но свежий. Как тока марафет пробивается сквозь затычку из слизи и заводит мою «веспу», звонит телефон, и в определителе номера выскакивает «Эмили». Отвечая на звонок, нутром чую зловещий щелчок затвора.

– Любимая!

– Сейчас я сделаю тебе, блядь, любимую, – слышу в ответ скрипучий мужской голос с акцентом кокни. «Микки. Ее батя». – Мою девочку зобыли в оэропорту. Это нозывается, блядь, работа директора? Лично я не нозывою это роботой директора!

«Бляха-муха».

– Микки... ты на Ибице?

– Я зопрыгнул на рейс с Конар, штобы сделать ей сюрприз. Пездото получилось, ток, штоль?

– Да, братан, я все улажу. Можешь ее позвать?

Какое-то бурканье, потом голос меняется:

– Ну что?

– М-м... привет, зая!

– Не зайкай мне, Марк, блядь! Меня никто не забрал!

Твою ж мать...

– Прости! Эта автофирма, я больше этих мудозвонов не нанимаю. Сейчас же на них наеду. Ебаное безобразия. Тибе не поможет, знаю, но давай сначала тибя поселим, а потом пообедаем, – воркую, умудряясь ее успокоить и закончить разговор.

Твою ж мать, забыл отправить мейл Мухтельд в офис. Опять. Как в Берлине с вертаками Карла. Кокс уже пробивает у меня в мозгах больше дыр, чем в швейцарском сыре. Но «хибзы» же выиграли Кубок, ебанный в рот, и пошло все нахуй!

Карл смотрит на меня, насмешливо оценивая:

– Ты ей подсунул? Молодке Эмили? Ночной Ездок, – смеется он.

– Нет, конечно, она ж клиентка. Было б непрофессионально, – отвечаю с пафосом. – Ну и для меня она чересчур молодая.

Чуйствую гул кокса и вспоминаю за Эдинбург. Мы оба страшно прощитались. Особенно я. Но хуй с ним: классно ж было. И это был просто секс. И у нас были гондоны. Уж при *этом-*

то перепихоне никто не пострадал.

– Я ж не такой, как ты, Юарт.

– Чё бы это значило?

– Нельзя ж пердолить каждую девицу, похожую на Хелену, и думать, чё это вернет романтику, – говорю, насыпая чуток снежка себе в пина-коладу.

– Какого хуя...

– Признай, чё мы проябуем свои отношения. Так делают все. Потом мы, хотелось бы надеяться, узнаём, что наше эгоцентричное, нарциссичное поведение заябует другого человека. И потому говорим себе «стоп». – Я мешаю напиток пластиковой соломинкой и отпиваю.

Он смотрит на меня – ебаная бутылка молока с глазами:

– Так, значит, это ты сейчас говоришь себе «стоп», пацик?

– Ну, я пытаюсь... пытаюсь оказывать... – начинаю ржать, и он тож, – профессиональные директорские услуги своей перспективной клиентской базе, – мы хихикаем, а потом так громко ржем, чё почти задыхаемся, – но ты все херишь и потекаешь моему дурному поведению, мудацкий джамбо...

– Тоже мне, блядь, директорство...

– Я дал тебе, нахуй, заработать триста тыщ в этом году! После того как ты просрал свою музыку к фильмам и не диджеил восемь лет, а просто сидел на блядском диване и шмаль курил! Триста тыщ – за то, что ты *ставил блядские пластинки* в ночных клубах.

– Маловато будет, – говорит Карл, причем на полном серьезе.

– Чё? А чё тебе *не* маловато?

– Скажу, када мне принесешь, – улыбается он, но не шутит. – Хочешь ДМТ?

– Чё?

– Никада ДМТ не пробывал?

Мине запаadlo, ведь это единственный наркотик, которого я не пробывал. Никада не привлекал. Галлюциногены – они для молодых пиздюков.

– Не-а... Приход классный?

– ДМТ – не для общения, Марк, – заявляет он, – а для развития.

– Староват я для экспериментов с наркотой, Карл. Да и ты тож, братан.

Через тридцать восемь минут мы уже у него в номере, и проколота литровая пластиковая бутылка наполняется дымом от наркотика, который Карл жжет на алюминиевой фольге на ее горлянке: дым вытесняет воду, чё просачивается с пузыря в миску. Када все готово, Карл снимает горящую фольгу, и я обхватываю горлышко губами. Едкая срань царапает легкие похлеще крэка.

– Как говорит Теренс Маккенна, надо сделать третью затяжку, – убеждает Карл, но я и так в ахуе.

В бошке могучий приход и чувство, чё я физически покидаю комнату, хотя еще тут. Но я продолжаю и напрочь не чувствую опасности или потери контроля, как обычно бывает, када пробуешь новый наркотик, особенно тот, чё завладевает тобой до такой степени. Упорно загоняю дым обратно в легкие.

Плавнo откидываюсь в кресле, положив бошку и закрыв глаза. Появляются разноцветные геометрические фигуры, которые пляшут передо мной.

УХ ТЫ,
БЛЯДЬ.

привет, Марк,
рады видеть.

Э, УГУ,
ТОЖ НИШТАК
ВАС ВИДЕТЬ,
ПАРНИ.

скуик
проак
юза!

В НАТУРЕ
НЕ ДОГОНЯЮ
ТИБЯ, КОР.

чодрэй
уоррэй
экуидаб

ЭТО ДОРЕЧЕВОЕ
МЫШЛЕНИЕ?
Я ГОВОРИЛ
ТАК ДО ТОГО,
КАК РОДИЛСЯ?

вопросы остались
там, откуда ты
пришел.

здесь
только
бытие
и ведение.

Открываю глаза, и Карл смотрит на меня в глубоком восхищении. Все на свете, начиная с него и заканчивая будничными предметами в номере, стало интенсивней.

– У тебя четырехмерное зрение, – говорит он мне. – Не волнуйся, минут через пятнадцать-двадцать все придет в норму.

– А нельзя оставить так? У меня никогда не было такой, блядь, глубины восприятия, – улыбаюсь ему, а потом начинаю нести пургу: – Я радовался, чё я просто есть, блин. Это странное удовлетворение, чудацкое чувство, чё мне это хорошо знакомо, чё я видел это раньше, не давало выпасть на измену с той стремной фигни, чё я увидел.

– Это шиза. Видел мелких карликов лего? Типа кислотных садовых техногномов?

– Угу, человечики: походу, они то присутствовали физически, четкие и реальные, почти цифровые, то в форме призраков. Они были искренне рады миня видеть, но при этом никакой суеты и суматохи.

– Рад был их увидеть?

– Угу, эти малые пиздюки – новенькие. И в курсах, чё самое странное? Никакого отходняка. Чувствую себя душой и телом так, будто ничё и не принимал. Мог бы прямо щас пойти на пробежку или в качалку. Сколько я под этим пробыл? Минут двадцать как минимум, может, сорок?

– Меньше двух, – улыбается Карл.

В общем, сидим и перетираем несколько часов подряд. Самый главный вывод – посещение *этого места* дает ответы на все великие вопросы, которые мы себе задаем: о человеческом обществе, индивидуальном и коллективном. Оно сообщает нам, что *и то и другое* полновластно и что наши попытки примирить их совершенно бесплодны. Что все мы соединены с великой силой, но при этом сохраняем свою уникальную единичность. Можно быть или тем, или другим скока захочешь. Они настока взаимосвязаны, что даже проблемы, которая всегда не давала покоя философии, политике и религии, больше не существует. Но в то же время я не перестаю осознавать, что я Марк Рентон, дышащий человеческий организм, сидящий на диване в гостиничном люксе в городе Ибика, и в номере мой друг Карл, и мне просто надо открыть глаза, чёбы к нему вернуться.

Я хочу, чёбы каждый пиздюк на свете это догнал. Потом Карл протягивает мне сверток с кокаином.

– Не хочу блядского снежка, Карл. Тока не после этого.

– Та не снежок это, а калипсол. Мне позже играть, и я не хочу выступать по нему, кароч, возьми ты.

– Ебанный в рот, у тебя чё, силы воли нету?

– Не-а, – говорит он.

Сую сверток в карман.

Больной – Вернуть все на круги своя

[61]

Не хочу, чтоб этот сногшибательный трип заканчивался. Он изменил жизнь, какой мы ее знали.

– Пора сдать в утиль все, в чем ты была уверена во всем этом огромном мире, сеструха, – говорю Карлотте, пока к нам медленно подъезжает автобус с командой «Хиберниан», осторожно пробираясь сквозь истеричную, пляшущую и пришибленную, но *благодарную* толпу, которая выкрикивает «Супер-Джон Макгинн» и «Стоукси жжет». – Ты должна быть с ним, – умоляю, поглядывая на Юэна, стоящего неподалеку от нас на углу переуллка, рядом со сломавшим целку Россом и его дурбецельным малым дружбаном, которым он явно теперь помыкает.

Услугу, которую я оказал этому плаксивому пиздючонку, невозможно переоценить. Еще в раннем возрасте я просек фишку, что самое главное во всем этом сейшене – впечатлять баб. Отморозок, приколист, интеллектуал, эстет, делец – все они пыжаты из всех сил, но в конечном итоге мечтают стать кобелями. Потому гораздо проще быть этим челом с самого начала и отсечь всю остальную нудотную ссанину. Я передал это знание безголовому козлику, причем *задаром*. И вот теперь Росс с его дурковатым товарищем стоят в новых хибзовских шарфах глорихантеров, с россыпями прыщей на подбородках, и высматривают в толпе девиц.

Но у несчастной Крякнутой Карлотты, *ля мия сореллина*, в глазах стоят слезы.

– Он поступил со мной нехорошо, – всхлипывает она, ну прям «нэшвилльские мы», но сейчас она хотя бы признает свою обиду, а не вещает из-под дурманящей брони антидепрессантов.

– Я подсыпал ему экстази, сеструха, – и заправляю ей за ухо черные как смоль волосы, вкладывая в свой взгляд душевность. – Юэн только о тебе и говорил, а потом его цинично соблазнила эта маньячка, которая просто пыталась отомстить мне. – И кладу ладони ей на плечи.

– Веселей, цыпа! – орет доставучий поддатый жирный пиздюк в хибзовской форме, которая облегает его, словно ажурное белье в секс-клубе для толстяков. – Мы ж его выиграли!

Отвечаю пончику усталой улыбкой. Терпеть не могу ожиревших хибзовских болельщиков: если нет выдержки или самоуважения, вали нахуй на «Тайнкасл».

– Помнишь Марианну? – уговариваю ее. – Когда-то со своим стариком приходила к нам под дверь с пузом и сыпала обвинениями. Само собой, она от ниво избавилась.

Карлотта смотрит презрительно, но не отталкивает меня:

– Кажется, помню. Одна из тех, с кем ты хуево обошелся.

Я не ослабляю хватку, просто начинаю спокойно разминать ее напряженные плечи.

– Алёоо... Я не ангел, даже близко, но тут палка о двух концах. Короче, по-любому пусть отыгрывается на мне, – умоляю, – а не на прочном столпе эдинбургского врачебного сообщества. – Роняю руки, заканчивая массаж, и приподнимаю ее поникшую голову. – Хотя сколько ж в ней злобы! Она ведь знает, что единственная моя забота – это семья.

Карра глубоко вздыхает, поглядывая туда, где стоит Юэн, а потом обращает безумный взгляд на меня.

– Но он же *на видео ебал ее в жопу*, Саймон! – орет она, и несколько хибзовских голов оборачиваются.

Кто-то кричит что-то о Стоуксе и Тавернье, и я сдерживаю смешок. Выдавливаю благодарную улыбку перед соседней группкой, но они вскоре отвлекаются, когда речовки становятся громче, а автобус подбирается ближе. Толпа подтягивается, и начинается давка, потому отвожу Карлотту подальше в переулок – прямо туда, где стоит Юэн.

– Это просто половое взаимодействие плюс наркотики. Никакой любви не видно. Все, что я заметил, – собираюсь сказать «нерешительную любительскую технику», но сдерживаюсь, – как кто-то выдает дробку за трах. Пойди к нему, Карра, – упрашиваю, кивая на Юэна. – Он страдает так же, как ты. Его жизнь тоже поломана. Исцелись. Исцелитесь вместе!

Карлотта поджимает губы, в глазах – куболитры слез. Потом она поворачивается и чешет к нему, и, пока Дэвид Грей под экстатические приветствия поднимает кубок, а затем передает его Хендо, она берет своего затравленного муженька за руку. Тот разглядывает ее, тоже щеголяя внушительными фонтанами, а я знаком подзываю фон-барона и его дибильного шестеру к себе. Росс в ужасе смотрит на рыдающих родаков.

– Странная штука жизнь, корешок, – говорю, трепля его за волосы.

Рановато этому пиздючонку шалав пялить! Он же еле дорос до того, чтобы по деревьям перестать лазить! Может, Рентон и прав и я совершил ошибку, когда ввел его в мир манды, перенеся на явного желторотика собственные подростковые пороки. Я-то слеплен был иначе: в его возрасте мошонка у меня была распутная и мохнатая, как две хорьковые головы.

Это воскресное чествование – лучше не придумашь! Толпа – милейшая мешанина из семейств и множества недобитков, которые гудели всю ночь и для которых, наверное, единственным передыхом от алкашки за последние тридцать шесть часов были эти прекрасные девяносто четыре минуты футбола!

Кругом тьма-тьмущая старых лиц. Ко мне подходит Велотренажерша (каждый пиздюк ее накачивал, но она не ехала). На ее лице так и застыла нерешительная развинченность времен

Литской академии. С 22-го *табла* ^[62] свисает сигарета, а через плечо перекинута сумка с обтрепанным ремешком, и это, в сочетании с ее блуждающим взглядом, наводит на мысль, что к концу дня они могут друг от друга отвыкнуть. Хотя и трудно вообразить, что этот день *когда-нибудь* кончится.

– Прикольно видеть тебя обратно в Лите, Саймин, – говорит она.

Хоть убей не помню, как Велотренажершу зовут, но припоминаю, что был единственным на этом товарняке с гнусными проходимцами, кто относился к ней с у-ва-же-ни-ем.

– Привет, красотка, – говорю вместо кликухи и чмокаю ее в щеку.

– Шиза тут, да ж? – задвигает она высоким визгливым голосом.

Клянусь, аромат протухшей молофьи изо всех хворых хуев, что она пересосала, врывается в меня космической силой, обустриваясь в каком-то ветхом комодке моей души. Но хоть у меня абсолютно ноль желания ей вдуть, я очень рад ее видеть – выигрыш этого Кубка обостряет любые переживания – и пишу эсэмэску Рентону:

«Как Ибица? Велотренажерша на блядках на Уок! Привет из прошлого! Хотя и не из твоего, брателло!!»

Смотрю на ее компашку: числится ли кто из них в пиздокартотеке? Но она излучает до боли знакомую нездоровую нужду, как жертвы чернобыльской аварии радиацию, так что приходится съябывать. Когда ее отвлекает банальное вторжение еще одного тусовщика, я пользуюсь возможностью, чтобы пропустить маркер и обратиться к девице со смазливym овальным личиком, которая, походу, держится особняком. Хотя она явно с пузом, но в дымину бухая, и на ней несуразно облегающее сексуальное мини-платье. Чтобы показаться в таком виде, надо быть чокнутой рейвершей.

– Платье у тебя идеальное. Почти нифига не скрывает и все же привлекает массу внимания. Козырная комбинация.

– Сегодня особенный день, – говорит она, ловит мой взгляд и широко улыбается во весь рот.

У меня аж в мудях щемит.

– Ты ездила?

– Не-а, так билет и не купила.

– Пичалька. Великий выходной.

– Я думаю. – Она опять улыбается, обезоруживая охрану моего либидо ослепительными белыми зубами и цепкими темными глазами. – По телику смотрела.

– Знаешь, именно это я б щас с удовольствием и сделал – просто почил с парой банок пива и пересмотрел по ящику. Толпы уже в печенках сидят, – заявляю, окидывая взглядом бедлам и избегая голодных глаз Велотренажерши.

Она косится на свой арбуз:

– Угу. Я б тоже.

– Я бы тебя к себе пригласил, но я в Лондоне живу. Приехал на игру и с родней повидаться.

– Пошли ко мне, если хошь, я как раз на Хэлмайерс-стрит. – Она тычет в сторону Уок. – У миня пивас есть, ну и вся игра на ютьюбе выложена. Могу на телик вывести.

Киваю на ее арбуз:

– А кавалер твой кипишевать не будет?

– Кто сказал, что у миня есть кавалер?

– Ну сам же он бы туда не залез, – лыблюсь.

– Мог бы с таким же успехом, – говорит она, пожимая плечами. – Случайно на Магалуфе залетела.

В общем, линияем с тусовки Велотренажерши и проскальзываем сквозь толчею обратно к ней на хату. Поначалу она не дает, хотя, если бы Джимми Дайсон скопировал ее сосущую силу в своем следующем изобретении, пиздюк сколотил бы, нахуй, второе состояние. Смотрим первый гол Стоукси, потом перематываем до последних десяти минут эйфории. Глажу ее по животу, но останавливаюсь, вспомнив свои слова, когда мой старик точно так же восхищался арбузом Аманды, моей бывшей, пока она носила Бена. Я сказал пиздюку, чёбы хоть имел совесть дожждаться, пока лялька родится, а потом уж начинал ее, нахуй, чпокать.

Тем не менее мы сосем в честь праздника, она наконец размякает, и мы рулим в спальню. Она раскорячивается спереди на кровати, и я дрючу ее с тыла. Не пялил таких неслабо беременных чикуль после своей бывшей половины и должен признаться, что кайфую от новизны. В самих формах есть что-то гротескно красивое. Потом мы вырубамся, и я рад перекемарить, но резко очухиваюсь, как бывает, когда из тебя залпом выходит целая выпитая батарея бухла и ты вдруг ни в одном глазу. Она лежит на боку, а я продираю глаза и оставляю записку, слегка парясь, что так и не узнал ее имя. В смысле, она говорила, но я же был весь на эмоциях.

Ты чудо

Х.

Железно стóит еще раз запердолить, после того как отстреляется. Ну и потенциальная сотрудница эдинбургских «Коллег», если ляльку на свою мать скинет.

Как на грех, она вдруг просыпается. Садится в постели.

– Приветики... уходишь?

– Было классно, реально круто, что познакомились, – говорю, опускаясь на кровать, беру ее за руку и нежно глажу, глядя в глаза.

– Я тебя еще увижу?

– Нет. Больше ты меня никогда не увидишь, – говорю ей грустно и честно. – Но это к лучшему.

Она плачет, потом извиняется:

– Прости... просто ты был таким милым... моя жизнь котится в полную жопу. Пришлось с работы уйти. Хазэ, чё делать. – Она смотрит на свой арбуз.

Приподнимаю ее подбородок и ласково целую в губы. Моя рука лежит на ее раздутом животе. Смотрю в ее влажные глаза и сам пускаю слезу, перебирая в памяти детские обиды.

– Проблемы первого мира. Ты красивая женщина, ты прорвешься сквозь эту черную полосу и сойдешь с той пугающей дороги, на которую встала. Тебя кто-то полюбит, ведь ты такой человек, что излучаешь любовь. Обо мне ты скоро забудешь, или я останусь лишь приятным, но смутным воспоминанием.

Она дрожит у меня в объятьях, и по ее лицу текут слезы.

– Угу... ну, может быть, – бормочет она.

– Слезы – это прекрасные, сверкающие бриллианты женской души, – говорю ей. – Мужчины должны больше плакать, я никогда в жизни не плачу, – вру. – Но хорошо поплакать вместе. – И слезы выступают у меня как по заказу: зернистые и густые, вперемешку с кокаиновыми соплями. Встаю и вытираю их. – Такого со мной никогда не бывает... Мне пора, – говорю ей.

– Но... это... я подумала, мы совершили какую-то...

– Тсс... все хорошо, – воркую, набрасывая куртку, и вышагиваю из комнаты, а она заходится в громких рыданиях.

Линяю с флэта упругим шагом и соскакиваю вниз по лестнице, довольный собственной работой. Запоминающийся вход – кто бы спорил, но лучше обеспечить *эмоциональный выход*, который перешибает другого надвое убийственным чувством утраты. Вот *тогда-то* они и хотят еще.

Остается идти пешком сквозь бедлам к Медоубэнку, потом нахожу такси и возвращаюсь к Карлотте и Юэну. Снова заваливаюсь на боковую около шести утра в понедельник, но, не в силах заснуть, дважды пересматриваю всю игру. Один раз по Би-би-си, второй – по «Скай», последний куда лучше. На канале британского империалистического государства дофига влажноглазых юнионистов, блеющих без малейшего закоса под беспристрастность, потому как избранный ими клуб был сурово отмудохон. Звоню двум телкам в Эдинбурге, одна из них Джилл, и трем в Лондоне, чтобы сказать, что без ума от них и нам нужно поговорить о своих чувствах друг к другу. Шерстю непрерывный поток фоток на тиндере, снова и снова пересматривая дубль Стоукси и победный гол капитана сэра Дэвида Грея. Самый цимес во всем этом – то, что гунны разобиделись и не вышли за своими лузерскими медалями и не давали никаких интервью. Это означает, что репортаж конкретно хибзовский: наша чистейшая радость не омрачается нежелательным, хотя, наверное, и уморительным вторжением кисляев. Ведущие и комментаторы этого просто не догоняют: всякий раз, когда слышу, как они злобным, ехидным, кумушкиным тоном применяют слово «окосевшие» к выбегающим на поле болельщикам, я просто чувствую, как все это событие в разы вырастает в значении. Это победа для целого класса, всего Лита, Банановых квартир, итало-шотландцев. Я говорю это, потому что считаю «Хибзов» по сути итальянской, а не ирландской командой. Может, *Hibernia* и означает Ирландия, но означает ведь *на латыни*. В общем, реальная история клуба предшествует не только Шотландии, *но и* Ирландии.

Звонит Рентон, и я отвечаю.

– Если только у тебя нет годной наркоты, тут же заканчивай разговор, – заявляю ему.

Я договорился перепихнуться с Джилл. Молофья уже стекает в мудя из какой-то фабрики в райском флигельке где-то в глубинах моих жизненных сил. Еще мне надо звякнуть насчет снежка. Я б щас занюхал дорогу аж на весь приводной ремень мотороллера «веспа».

– Не хочу заканчивать разговор, – отвечает Рентон. – Приготовься, скоро удивишься.

– «Хибзы» выиграли Кубок спустя сто четырнадцать лет. Какая хуйня после этого может меня удивить?

Ответ приходит через пару дней, когда Рентон возвращается в город. Он позвал меня, Бегби и Спада в свой просторный, хорошо продуманный люкс с мягким освещением и роскошной меблировкой (и этот пиздюк еще утверждает, что он не богатый). Разложил все причиндалы на низеньком арабском кофейном столике, и я не могу поверить, чё за хуйню он тут мутит. Этот пиздюк хочет, чтобы мы пыхнули трубку с ебаным крэком?

– А чё значит ДМТ? – спрашивает Спад, который до сих пор выглядит хуево.

– Дэнни Мёрфи Тупой, – говорю ему. – Надо было заелдарить тебя в ту дыреху на брюхе, пока ты был в отключке. Хоть так бы тебя, нахуй, отдрючил. – И я имитирую, как трахаю его в рану, но, видать, чересчур уж активно.

– Отвали, больно ж. – Спад отталкивает меня, а я ловлю пристальный взгляд Бегби.

Тот переводит его на Спада, потом снова на меня. Не такой психованный, как прежде, но достаточно осуждающий, чтобы я уgomонился. Снежок иногда компрометирует.

– Фрэнк, ты будешь? – спрашивает Рентон.

– Я ж скал вам: завязал со всей этой хуйней, – говорит Бегби. – Я тока по снежку и по синьке выступал, а щас и со всем этим покончил.

– Честно, Фрэнк, это не наркотик. Не для общения. Это эксперимент, – подчеркивает Рентон.

– Ты же художник, Фрэнк, – вставляю, пытаюсь мягко подколоть пиздюка, – считай это новым горизонтом для исследования. Я слышал, это офигенный визуальный опыт.

– Литские бошки, – улыбается Рентон.

Все взгляды устремлены на Бегби. Он вымучивает змеиную ухмылку:

– Добре. Но только ради искусства.

– Орел. – Рентон начинает готовить ДМТ, наученный, как выясняется, этим блядским доходяжным джамбо-нариком Юартом. – Это снесет вам башню, но в то же время вы полностью расслабитесь. Моя теория в том, чё он переносит нас обратно в то время, када мы еще не родились, ну или када мы уже умрем, и тем самым демонстрирует, что наша конечная человеческая жизнь – лишь зазор посередке, и, по-моему...

– Завали ебало, Рентон, – говорю ему. – Я перепробовал всю наркоту, кроме этой. Слушать тебя – это как если пересмотреть подарочную упаковку «Всех тяжких», дойти до последнего сезона, а потом какой-нибудь пиздюк расколется, чё будет в заключительной серии.

– Угу, Марк, давай за это побазарим, када пыхнем, котан, – соглашается Спад.

Я присасываюсь к этой блядской бутылке первым. С легкими *курильщика* это не так уж трудно.

РАЗ...

ДВА...

ТРИ...

ЕБАТЬ ЭТУ ХУЙНЮ! АВАНТИ!! ^[63]

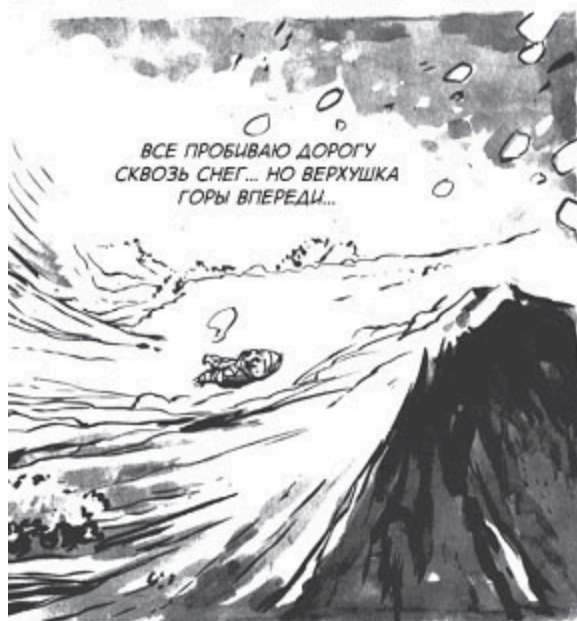
Откидываюсь назад и растворяюсь где-то не здесь...

МЧУСЬ ВВЕРХ ПО СКЛОНУ ГОРЫ,
КАК СНЕГОУБОРЩИК. ЧУВСТВУЮ
ХОЛОД, ЗАПАХ ОЗОНА В ЛИЦО.

входи, входи

ВСЕ ПРОБИВАЮ ДОРОГУ
СКВОЗЬ СНЕГ... НО ВЕРХУШКА
ГОРЫ ВПЕРЕДИ...

И Я ПАДАЮ.

С ОБРЫВА
В ЧУДЕСНОЕ
ЗАБВЕНИЕ,
БЕССТРАШНО...

И Я ОТКРЫВАЮ ГЛАЗА...

Чувствую, как наркотик меня отпускает и все заканчивается. Когда выхожу из трипа, все так же сижу на диване. Вижу всех – Рентона, Спада и Бегби – четырехмерным зрением, за которое прогружал Марк: оно обострено, глубина восприятия усилилась в разы. Если точнее, все трое похожи на полупрозрачные компьютерные окошки, накладывающиеся одно на другое. Рентон смотрит на меня, как ученый на шимпанзе, которому только что дал новое лекарство.

Перевожу взгляд на Спада, который моргает, пытаюсь сфокусироваться.

– Фигассе, блин... – выдыхает Спад, – от это чума была!

– Это было пиздец экстраординарно, – соглашаюсь. – Большую часть времени в своей жизни ты обязан быть клевым, даже вальсяным. Назовем это достоинством. Но в другие моменты тебе нужно просто отдаться на волю ситуации. Таких очень мало. Но это, без сомнения, один из них, так же как рождение твоего первого – *малой Хазз* – ребенка или выигрыш «Хибзами» Кубка.

«Что за хуйня со мной сейчас произошла?»

– Золотые, блядь, слова, – говорит Рентон, и мы обмениваемся впечатлениями, сосредоточиваясь на сходствах: геометрические фигуры и цвета, человечки, позитив и отсутствие угрозы, чувство, что тебе рады и тобой руководит высший разум. Затем переходим к различиям: как я неся лицом вниз по заснеженному склону горы и потом взмыл вверх, а Спад подробно описывает очень теплое помещение, похожее на утробу, и он сознавал, что спускается по ступенькам – это чувство схождения было у него основным...

...Не могу отделаться от самодовольной мысли, что мандамудям Мёрфи, как обычно, достался блядский карцер, а Супер Сай штурмовал горные склоны и серфил по голубым небесам. Бегби молчит, таращась в пустоту. Мое особое зрение утрирует крысиную пронырливость Рентона, который говорит:

– Секите, у нас с Карлом во время трипа стены попадали, как картонки, и вверху открылось ясное голубое небо. Я воспарил в это пламя, чё выдуло меня в стратосферу. – Он надувает щеки и выпускает воздух.

Мы смотрим на Бегби – тот открыл глаза и трет их. У него явно слоистое зрение, как и у меня до сих пор, хоть уже и не такое выраженное и входит в норму.

– Что ты вынес, Франко? – спрашиваю его.

– Нихуя, – говорит он. – Просто какие-то яркие цвета и огоньки мигали. Всего пару минут длилось. Хуйня полная.

Мы с Рентоном переглядываемся. Зуб даю, он думает то же, что и я: «И этот пиздюк – художник? Ебать мои мудя».

– А ты хоть третью затяжку сделал? – спрашивает Рентон.

– Угу, ясен пень. Ты ж сам мне давал, нахуй.

– Спад?

– Херово мне, блин, как вспомню за все, чё я робасил, – говорит тот в волнении, – а щас я ж совсем дыхлец, Марк, но я ж никада...

– Все норм, блин, не парься. – Рентон пытается унять его словесный понос.

Поворачиваюсь к Бегби:

– А я увидел гораздо больше, чем просто мигающие огоньки, Франко. Было пиздец экстраординарно. У меня возникло чувство, что я слился со всеми представителями рода людского и двигался заодно с ними, но при этом почему-то отдельно.

– А гномиков из лего ты видел? – расспрашивает Рентон.

– Да, но мои были больше такие сферические. Не совсем как чувачки с кислотными улыбашками, но определенно из той же обоймы. Так просто не объяснишь. Это было так красочно, а теперь как бы трудно выразить словами, что я увидел.

– Я взлетел, – говорит Рентон. – Вступил в эти языки пламени и выпалил прям в небеса. Чувствовал ветер в лицо, запах озона в воздухе. У кого-нибудь было впечатление, что присутствуешь на пиру типа Тайной вечера? Это довольно обычное явление.

– Нет, – говорю ему и гляжу на Спада.

– Не, блин, просто спустился по этим ступенькам в подвал, тока не стремный, а типа весь уютный и теплый, кабута в утробу вернулся.

– Франко, никаких образов Тайной вечера? – напирает Рентон.

– Не, – недовольно говорит Франко, – я ж скал уже, просто какие-то огоньки мигали.

Потом Спад такой:

– Чё-то херово мне...

– С бошкой? – спрашивает Рентон.

– Не... угу... но всиво тошнит и калган кружится.

И он задирает футболку. Рана подтекает – пошли какие-то выделения. Спад стонет и закатывает глаза под потолок, плюхается спиной на диван и отключается.

«Блядь...»

Спад – Госпадализация

Мине чисто херово, блин, в натуре херово, на больничке тут, и Франко пришел проведать миня, и это офигенный сюрприз: он же ж не такой, хотя не в обиду котану будь сказано. Просто считается, чё иму типа на пипл пофиг. В смысле, у ниво есть чикуля новая с Калифорнии и бебики, новые, а не старые, и он, походу, за них заботится. Кароч, я так понимаю, это чё-то должно значить. Угу, надо быть справедливым и скать, чё котан другим стал: не впивается больше клыками в свою жертву в джунглях, а сидит в удобной корзинке перед камином и мурррчит себе тихонько. Он говорит мине, чё я сутки в отрубе был.

– Угу, – я такой. Мине почистили и перевязали рану, и я под капельницей с антибиотиком: встряхую рукой и на подвешенный пакет смарю. – Не помню ничё, – говорю иму. – Думал, чё это от тово ДМТ.

– Слышь, братан, – Франко такой, – я в курсах, чё там чё-то мутное было с этой почкой. Хотя не буду давить на тибя. Но если чё-то было, можешь за это со мной перетереть. Дело не в том, чё я собираюсь на тропу войны выйти и на какого-то пиздюка наехать. Это все в прошлом давно, это уже не моя жиза.

– Угу... я за это в курсах, Франко, ты изменился и все такое. Но чума ж была прошлой ночью, угу?

– Угу, – говорит Франко, а потом признается: – Я тада все это дело с ДМТ на тормозах спустил. Чума была ебаная, но я не хотел, чёбы Рентон в курсах был. Они с Больным вдвоем – миня завсида, блядь, заябывало, када они за наркоту пиздели: наркота, блядь, наркота, блядь, – на постоянке. В смысле, принимай эту ебанину или не, но тока не пизди за нее круглыми сутками!

– А чё ты увидел, Франко?

– Харэ, братан, – говорит Франко типа малого предупреждения.

Но щас с Франко у миня многое с рук сойдет, и у миня ж справка по нетрудоспособности, кароч, я чисто напираю чутка:

– Ты в каком смысле?

– В смысле, не хочу говорить за это, – он такой. – Это личное. Это в моей бошке. Если нельзя хранить в секрете то, чё у тебя в бошке, то нам пиздец всем, да ж.

Собираюсь сказать, но *мы* ж то *тебе* скали, и тока такой:

– Базара нету, котан. Када в Штаты Америки обратно?

– Скоро, братан. У нас на неделе большой аукцион, а за ним выставка на следующей неделе. Мелани прикатила, и мы вдвоем кайфуем, без бебиков под ногами, хотя и обожаем ангелочков малых. У моей сестры Элспет живем. Все четенько складуется.

– Элспет как?

– Отлично... – он такой, – ну, не так и классно, но, по мне, это ж все бабские дела, да ж?

– Угу, хорошо, када кто-то с людей есть. У миня ж Тотоха тока, но он у сестры щас. У Энди, паренька моего, все путем, но он там в Манчестере. Юрист, типа тово. – Голос у миня аж дрогнул от гордости. До сих пор не могу в это поверить. В Элисон по части мозгов пошел. – Приезжает маманю навестить... Помнишь Эли, да ж?

– Угу. Она нормально?

– Мазово. Училка щас, да ж? Нашла другого кавалера после миня, еще бебика родила, паренек тож. – Комок в горле чуйствую. У миня ж были шансы на лучшую жизнь. Профукал любовь. Так обидно, блин. Бьет по тем местам, по которым другое не может. – Угу, щас тока я и Тотоха. Я переживаю: сестра ж не будет за ним следить, если со мной случится чё. Врач скал, у миня сердчишко остановилось, и я на четыре минуты помер.

– Это с почкой связано?

– Как бы не, хотя угу. Все это мне организм ослабило, и на сердчишко нагрузка пошла.

– Эта фигня с почкой, – он снова на миня сморит, – не хочешь рассказать мне, чё стряслося? Клянуся, между нами останется.

У меня малая мысля, и смарю на ниво:

– Лады, но сперва ты должен мне за свой трип под ДМТ рассказать.

Франко воздух втягует:

– Лады, но так же само, тока для твоих ушей, да?

– Не вопрос, котан.

Глаза у Франко как бы расширяются. Помню, где видал их такими раньше. Када мы были бебиками и на Ферри-роуд дохлый цуцик лежал – золотистый лабрадор. Нещасную животинку машина сбила или грузовик по дороге к докам. В те времена народ не всида прально за цуциками следил. Заводил цуцика, а потом просто выпускал иво днем гулять. Инада эти бедные щенята в Пилриг-парке кучковались и даж дичали, пока с горсовета их не ловили и не усыпляли. Нам всем жалко было дохлого цуцика, типа того, как он там валялся, со вспоротым брюхом, головой проломленной, кровь запекшаяся дорогу исполосовала. Но помню глаза Франко: они были как бы наивные и широко раскрытые.

Как щас. Он прокашляется:

– Сижу за столом, а там мы всей бандой, все клевый хавчик с больших тарелок жрут. Я во главе стола. Обстановка пиздец шикарная, как в каком-то старосветском помещичьем замке.

– Как Иисус на Тайной вечере? За чё Рентс втирал?

– Угу, я так думаю. Но вся эта фигня с Тайной вечерей возникла ж еще до Библии и христианства. Это с ДМТ началось: народ жрал иво, даж када Христа еще в помине не было.

Котанов с Девы Марии – Звезды Морей и с южнолитской приходской церкви это бы не прикололо.

– Ничёссе... кароч, христиане просто типа цивилы пронирыливые, чё типа сморят, как другой народ наркотой долбится, и иво рассказы записуют...

– Я так понимаю, да, братан, – грит Франко. – По-любасу миня поразило, чё весь другой народ за столом покойники были. – И он на миня таращится. Взгляд стремный.

– Типа зомбаков?

– Не, типа народ, которого больше нету с нами. Доннелли тама был. Большой Сталкер тож. И Зверюга Чиззи...

Я типа в курсах за то, чё он говорит. *Он их всех замочил.* Я был в курсах за Доннелли и Сталкера и с Чиззи был перед тем, как ему горлянку перерезали, но парня, чё это сделал, так и не словили... но, кроме них, верняк же, никово больше не было...

– Сока их было? – спрашую.

– Сока-то было, – продолжает он. – Кароч, мне не особо по кайфу было тама с этими чмырями, хотя всем остальным ништяково. В курсах, чё я вынес с этого?

Смарю на ниво и надежду за людей чуйствую.

– У того народа все норм и нам надо жить мирно?

– Не. Для миня это значило, чё любому пиздюку по барабану будет, даж если ты иво, нахуй, взъебал. Загробная жизнь дофига огромная, и нехрен грузиться, чё ты тут в этой творишь.

И я за это касаемо своей жизни думаю. Угу, накосячил я, но, можт, это нифига и не важно. Я так щитаю, Франко это на руку, и, может, он и правый.

– Можт, так и надо думать, блин, – говорю коту.

Аукцион

Когда толпы туристов наводняют город, Эдинбург отмачивает свою привычную весеннюю хохму и дарит пару чудесных деньков. Потом происходит обычная смена курса: появление традиционных дымчатых туч и внезапные проливные дожди как из ведра. Жители и приезжие бродят с постными рожами, будто их облапошили, многие слегка потерянные и, возможно, нуждаются в друге. Особенно Майки Форрестер, который обрадовался звонку Саймона Уильямсона и встречается с ним в безликом баре рядом с эдинбургским вокзалом Уэйверли. Майки расстроен: он думает, что не попадет под дождь, пока идет по Кокберн-стрит и Флешмаркет-клоуз, но тут внезапно как ливанет, и к тому моменту, когда он прошмыгивает в бар, Майки успевает промокнуть до нитки.

Уильямсон уже у стойки и с лукавым презрением смотрит на других посетителей пивняка. Майки кивает ему и подходит. Больной вызывает у него странные чувства. Форрестер завидует его воздействию на женщин: эта с виду непринужденная способность заваливать их в постель так и не покинула Больного за долгие годы. Майки тяготит вера в то, что если он присмотрится к людям поближе, то сумеет выявить и присвоить себе их способности. Как жизненная стратегия это принесло ему скромный успех, но, глубоко ее впитав, он не может до конца от нее отделаться.

Больной уже взял диетическую колу себе и, не спрашивая Майки, заказывает ему водку с тоником.

– Как оно, Мигель?

– Ничё. Спад как?

– Был малехо квелый, – отвечает Больной, немного не договаривая, берет протянутый барменом напиток в обмен на купюры, – но на больничке говорят, что все будет хорошо. Смотри...

Он ведет Майки вдоль стойки и становится к нему вплотную. Майки слышит свежий запах чеснока у него изо рта. Больной всегда хорошо питался. Видать, «Валвона и Кролла», гадает он, или, возможно, домашняя еда его матери и сестры.

– У меня к тебе малое предложение. Может принести навар.

– У миня все в порядке, – настороженно говорит Майки.

– Можешь не заливать, Майки, – реагирует Больной, быстро добавляя: – Не мне кого-то осуждать. Чё греха таить, мы все очканули перед Саймом, не без основания, конечно, но к нашему вечному стыду.

Майки собирается возразить, но не произносит ни слова.

Больной продолжает:

– Главное, чё он от нас отвял. Я знаю, как сохранить твои малые делишки от ниво в тайне и сделать так, чёбы он остался тебе благодарен.

– Мы ж партнеры! – рявкает Майки, сжимая кулаки и заметно переигрывая.

– Спокойно, кор, – шепчет Больной, заставляя его понизить голос.

Может, зря они встретились в этом месте, думает Больной. Как ни крути, маловато заведений, подходящих для стрелок гопников-стукачей, помимо привокзальных пивняков, и жирный полуханур в спортивном костюме и с бритой головой, кажется, заинтересовался разговором. Майки признает свою дурость отрывистым кивком и подается к Больному поближе.

Саймон Дэвид Уильямсон знает, что никогда нельзя выбивать у человека костыль, пока не предложишь ему замену получше.

– Смотри сам, но мое предложение может быть очень выгодным. Ясное дело, все это по секрету. Ты слушаешь или мне уйти?

Быстро окинув взглядом бар, Майки Форрестер отпивает своей водки с тоником и кивает.

– Можно спросить: кого боится Сайм?

Больной поднимает брови. Он знает, как зацепить Майки: поставить его в центре захватывающей драмы. Обратившись к нему за этим стратегическим советом, Больной намекнул на высокое положение Майки в уголовном мире города. Судя по тому, как расширяются зрачки Майки Форрестера и как вращается его шея, Больной нажал на нужную кнопку.

Майки не повышает голоса:

– Никово. Жирного Тайрона ж больше нету. Нелли против ниво не попрет. Дойлы тож. Они ж как раз поделили империйку Тайрона меж собою. Молодая бригада пока не готовая, с тех пор как Антона Миллера грохнули.

Больной сохранил лишь элементарные сведения о криминальной среде Эдинбурга, а из лондонской уже выпутался. По большому счету бандитов он недолюбливает. Его интересуют лишь женщины, и ему трудно даже бегло и недолго общаться с большинством других мужчин. Ну а те, кого больше интересуют перестановки в иерархии власти, а не сладкая романтическая

мелодия, нагоняют на него скуку смертную, хоть он дипломатично и не выказывает своего презрения.

– Я-то думал об одном литском психопате, которого мы оба хорошо знаем.

– Бегби? – Форрестер смеется, после чего снова понижает голос: – Он же в Америке, хуйджником заделался, от этой жизни отошел. К тому ж, – он озирается и замечает, что щекастый скинхед уже допил и свалил, – они с Саймом, видать, кентуются, по-пацански, как и завсида.

– Сайм с Уэст-сайда, а Бегби всегда был литским и городским, тусовался с Тайроном, Нелли, Донни Лейнгом, всей этой кодлой. Разные группировки. Сайм выступал по шмарам – Тайрон никогда в натуре не был по этим делам. Он всегда был по кредитам, рэкету, вымогательству, – объясняет Саймон, а сам думает: «Это явная херня. Шизики всегда друг друга знают и обычно объединяются против терпил, за чей счет живут».

Но эта телега вполне убеждает Майки, и он заговорщицки кивает.

– Бегби вернулся в Эдинбург на аукцион этот и выставку своих работ, – сообщает Большой, а потом закидывает удочку: – Вы же с Рентоном никогда в натуре закадычными корешами не были, так же?

В прошлом Майки Форрестер не ладил с Марком Рентоном. Причина была довольно банальная. Майки долго любил женщину, которая раскручивала его на бесплатную наркоту и с которой у Рентона впоследствии вышла бессмысленная случка. Майки это было как серпом по яйцам, и он годы спустя продолжал точить зуб. С возрастом к нему пришло понимание, и теперь он не держал на Рентона никакого зла за тот случай. Наоборот, его слегка мучила совесть, что он придавал столько значения своей теперь уже мелочной обиде.

– В Берлине он нам помог.

– Но от этого вы же не стали не разлей вода.

Майки потерянно смотрит на Большого. Нельзя взять назад слова, которые твердил годами. От этого выглядишь еще слабее, чем когда впервые их брякнул.

– Он ебанный стукач и тырит у своих же.

Большой зовет официанта и на этот раз заказывает себе водку с тоником, как и Майки.

– А если я тебе скажу, что знаю, как нагнуть Рентона и завоевать расположение Бегби? – мурлычет он. – До такой степени, что ты добьешься большего уважения у Сайма и снова будешь в шоколаде. Займешь свое место и станешь настоящим полноправным партнером. Что скажешь?

Майки жадно слушает. Конечно, он никогда не станет полноправным партнером Сайма, но Больной знает, что амбиции Майки всегда будут упрямо допускать такую возможность.

– И чё ты предлагаешь?

Больной старается не выказывать отвращения к кислому запаху у Майки изо рта. словно тот прополоскал горло менструальной кровью. Он задаётся праздным вопросом, любит ли Майки лизать пелотки, занимается ли он куни во время «этих дел» и чистит ли потом зубы.

– Возможно, Рентон обнаружит, что произведение Бегби стоит больше, чем он рассчитывал, особенно если какая-нибудь пизда надбавит против него цену. А Рентон в натуре хочет его купить и, значит, никому ни за что не уступит.

– Ну и...

– Ну и ты придешь и надбавишь, нахуй, цену. Распотрошишь мудака. Бегби наварит со всего этого деньжищ, а Рентон дофига переплатит и останется на полных голяках. И все благодаря некоему Майклу Джейкобу Форрестеру. – Он тычет в Майки. – Как только Сайм увидит, что *ты, блядь, мужик* и заодно со славным своей зловредностью Франко Бегби, он начнет обходиться с тобой чутка с большим у-ва-же-ни-ем. Просек фишку?

Майки медленно кивает:

– Но у миня ж нету бабок, чёбы за искусство выкладывать.

– Ты проиграешь аукцион Рентону.

– Угу, а если он задний ход даст и я выиграю?

– Я покрою, – говорит Больной, вспоминая о деньгах, которые отдал ему Рентон. – Но если ты остановишься на сумме, о которой мы условимся, этого не случится.

Майки поднимает бокал, отпивает. В этом есть резон. Или, возможно, нет. Но бесспорно одно (и Больной правильно рассуждает, что Майки совершенно не в силах перед этим устоять): Майкл Джейкоб Форрестер займет центральное место в предстоящей заварухе, о которой уголовный мир города будет говорить еще много лет.

Аукцион проходит внутри четырехколонного псевдоафинского храма, сложенного из серого камня и со стрельчатыми окнами, что нередко пользуются любовью в Новом городе Эдинбурга. Здание, считающееся одним из самых красивых аукционных залов Британии, прячется в лабиринте переулков между Восточным Новым городом и верхним концом Лит-уок.

Внутри – что-то среднее между старой церковью и театром. Сцена, в задней части которой находятся выставленные на торги предметы, а спереди – трибуна аукциониста, выступает центральным элементом перевернутой дуги, проходящей вдоль всего зала. Сцена высится над деревянным полом, который частично покрыт гигантским рубиновым узорчатым ковром,

а на аккуратно выстроенных в ряд золотисто-красных стульях расселись человек пятьдесят. Над кулисами – балконы, поддерживаемые черными чугунными колоннами, и под ними сидят служащие, которые ведут протокол.

Помещение – средоточие галдежа и возни. Присутствуют несколько серьезных коллекционеров, о чем свидетельствуют приглушенные комментарии и почтительные взгляды. Воздух спертый и слегка испорченный, как будто стареющие произведения и прошлые коллекционеры оставили свой стойкий запах. Рядом с теми, кто одет с показной роскошью и ею пышет, сидят несколько бритоголовых фраеров, занимающих различное положение в местной бандитской иерархии. Джим Фрэнсис, художник, ранее известный как Фрэнк Бегби, стоит в дальнем углу со своим агентом Мартином Кросби, поглядывая на них с ласковым презрением.

– Пацаны! Пришли малехо позырить, скока бабла старой Франко на этом художестве подымает!

Мартин кивает, хотя насилу может разобрать лишь самую суть того, что говорит Джим. После возвращения в родное болото акцент его клиента заметно усилился. Мартин прилетел вчера из Лос-Анджелеса и вплоть до сегодняшнего дня божился, что никогда не страдал от джетлага.

Фрэнк Бегби не верит своим глазам, когда замечает Рентона, сидящего спереди. Франко спускается со сцены и тихонько садится рядом с ним:

– Чё ты тут забыл? Я думал, искусство тибя не колышет.

Рентон поворачивается к нему:

– А я подумал сделать нахальную заявочку на «Литских бошек».

Фрэнк Бегби ничего не говорит. Он встает и возвращается к Мартину, который разговаривает с Кеннетом Пэкстоном, директором лондонской галереи, куда Мартин уже пристроил Джима Фрэнсиса. Франко встречается в беседу, нисколько не заботясь об этикете:

– Кто тут самый крутой?

Мартин Кросби взглядом извиняется перед директором галереи, словно говоря: «Художники...» – но говорить предоставляет Пэкстону.

– Вон тот парень, Пол Страуд, – спокойно сообщает владелец галереи, показывая на лысого пышнобородого толстяка, потеющего в льняном костюме и обмахивающегося шляпой. – В смысле, он не коллекционер, а представитель и покупатель Себастьяна Вилльерса, а уж тот – медийная персона.

– Себ – крупный коллекционер работ Джима, – говорит Мартин Пэкстону, *а заодно* и художнику, словно напоминая. – Если он захочет «Литские головы», он их получит.

Фрэнк Бегби удивляется еще больше, когда замечает неподалеку Майки Форрестера. Франко переводит взгляд с Рентона на Майки: обоим, прямо скажем, не по себе, и Майки явно знает,

что здесь Рентон, но не наоборот. «Чё за хуйня творится?»

Аукционист, худой мужчина в очках и с клиновидной бородкой, указывает на четыре головы, установленные на демонстрационной подставке:

– Первый лот нашего сегодняшнего аукциона – «Литские головы» признанного эдинбургского художника Джима Фрэнсиса.

В переднем ряду Марк Рентон сдерживает громкий хохот, исходящий откуда-то из самого нутра. Он поглядывает на группку фраеров, некоторых смутно узнает и обнаруживает, что в своем веселье не одинок. Рентон смотрит на голову Больного. Сходство слегка поймано, но взгляд слишком уж безмятежный. Он выгибает спину, чтобы посмотреть, не явился ли его старый дружок, несмотря на заверения в обратном: вряд ли Больной не поддастся тщеславию, ведь его скульптуру выставляют напоказ.

– Одна из них – автопортрет, – продолжает аукционист, – остальные три – изображения его друзей детства. Все отлиты из бронзы. Вместе они представляют собой один лот, и мне предписано начать торги с двадцати тысяч фунтов стерлингов.

Поднимается табличка. Это Пол Страуд, агент коллекционера Себастьяна Вилльерса.

– Двадцать тысяч. Я слышу двадцать пять?

Марк Рентон медленно и неуверенно поднимает свою табличку, словно этим движением способен притянуть к себе снайперскую пулю. Аукционист указывает на него:

– Двадцать пять. Я слышу тридцать?

Рентон снова поднимает табличку, давая повод для странных взглядов и пары смешков.

Аукционист спускает очки на нос и смотрит на Рентона:

– Сэр, нельзя надбавлять цену против самого себя.

– Простите... я в этом деле новичок. Малехо переволновался.

Это вызывает громкий хохот у завсегдатаев, который затихает, когда свою табличку поднимает Пол Страуд.

– Я слышу тридцать тысяч.

– Тридцать пять. – Рентон поднимает руку.

– СТО ТЫСЯЧ! – доносится крик из глубины зала. Это Майки Форрестер.

– А вот это уже серьезно, – объявляет аукционист, при этом Фрэнк Бегби остается невозмутим, а Мартин Кросби сползает на край стула.

«Ты, нахуй, гонишь, – думает Рентон. Затем втягивает воздух в легкие. – Пошел он нахуй. В этот раз он меня не нагнет».

– СТО ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ!

– Что за херня тут творится? – спрашивает Фрэнк Бегби у Мартина Кросби.

– Какая разница!

Страуд тоже присоединяется, взмахивая табличкой:

– Сто шестьдесят тысяч!

Рентон снова:

– Сто шестьдесят пять тысяч!

Форрестер орет:

– Сто семьдесят тысяч!

Затем он замирает от ужаса, пока Рентон мешкает, моргая, словно маленький зверек в свете фар.

– Сто семьдесят пять тысяч, – хрипит он.

– Я слышу сто семьдесят пять тысяч, – говорит аукционист, глядя, как взопревший Страуд направляется к выходу, лихорадочно пытаясь поймать сигнал на телефоне. – Сто семьдесят пять тысяч... сто семьдесят пять тысяч... продано! Джентльмену впереди. – И он указывает на Марка Рентона.

В Рентоне борются эйфория и облом. Это примерно в пять раз больше, чем он хотел заплатить, но он выиграл! «Литские головы» принадлежат ему. Однако теперь он совершенно разорен. Не будь задача такой бескомпромиссной и знай он, от скольких страданий избавил давнишнего соперника своим заключительным предложением, возможно, Рентон бы промолчал. Однако Майки Форрестер теперь вздыхает с огромным облегчением. Подходит к Рентону:

– Молодец, Марк, победил сильнейший, блин!

– Майки, чё за хуйня, за ково ты торговался?

– Прости, кор, пора линять, – улыбается Майки, уступая дорогу Фрэнку Бегби, и быстро выходит, набирая Больного.

Рентон собирается пойти следом, но ему преграждают путь другие участники, осыпая поздравлениями. Он смотрит на головы, и на секунду ему кажется, что Большой ухмыляется. Рентона по-прежнему тянет к выходу, но его останавливает Франко, который пожимает ему руку:

– Поздравляю.

– Спасибо... А с какого хуя Форри торговался?

– Я такой же, как ты, с панталыку сбитый.

– А кто был другой покупатель?

– Его фамилия Страуд. Он работает на этого парня Вилльерса, крупного коллекционера. Наверно, вышел за условленный предел и попытался дозвониться этому парню, чтобы повысить ставку. Но победил ты.

– Угу, ну да, а от имени кого выступал Форрестер?

– Того, кто меня любит и желает мне кучу денег. В Эдинбурге таких с гулькин хрен! – смеется Франко, глядя на Рентона, а потом задумывается. – Или...

– ...какого-то пиздюка, чё ненавидит меня и хочет, чёбы я разорился. Этот список слегка подлиннее... – Рентон медленно, тяжело выдыхает, снова смотрит на четыре головы, останавливает взгляд на одной. – Большой – единственный пиздюк, который был в курсах за то, как мне хотелось купить эти головы. Я тока так мог с тобой ращитаться.

Фрэнк Бегби пожимает плечами.

– Ну, ты получил, чё хотел. «Литские бошки». Очень рад за тебя, – говорит он, плотно сжимая губы. – А теперь, если больше ничего...

– Может, хоть спасибо скажешь?

К удивлению Рентона, с лица Франко сползает живость, а в глубине глаз словно кристаллизуется мрачная мысль:

– Я передумал. Хочу свои ебанные бабки обратно. Ну, те пятнадцать кусков.

– Но... я ж... – Рентон заикается в недоумении. – Я ж на мели! Я в разы переплатил за эти бошки! Я ж так с тобой ращитался!

– Ты купил произведения искусства, – говорит Франко очень медленно и размеренно. – Хозяин – барин. А теперь я хочу свои деньги обратно. Деньги с той продажи наркотиков.

– Но у меня ж их нету, нахуй! Больше уже нету! После того как я спустил все на... – Он смотрит на головы и еле сдерживается, чтобы не сказать: «Эту кучу ебаной хуйни». – После того как

купил эти бошки!

– Мдя, блядская непруха у тебя, да ж?

Рентон не верит своим ушам:

– Но мы ж снова друганы, Франко, в Лос-Анджелесе... Финал Кубка... у нас был сближающий опыт... мы вчетвером... ДМТ... – лопочет он, глядя в глаза насекомого, в которых нет ничего, кроме хладнокровного коварства.

– До сих пор торчишь, блядь, да ж, братан? – Невозмутимый Франко Бегби почти ухмыляется в лицо ошарашенному Рентону. – В правилах продажи оговорено, чё головы будут предоставлены покупателю после выставки на следующей неделе. Кароч, дай знать Мартину, куда их тебе отправить, – он кивает на своего агента, – и он все устроит. Прям щас мы зарезервировали малой столик для обеда в «Кафе рояль». Я б тебя пригласил, но давай оставим все на деловой основе, пока не вернешь бабки, которые мне должный. Тада до встречи, – улыбается он, поворачиваясь к подошедшему агенту и давая ему пять.

Рентон как во сне выходит и движется по Уок. К нему подъезжает инвалидный электроскутер. В корзине спереди сидит песик. За рулем – Спад Мёрфи.

– Какого хуя...

– Зыко, да ж, котан? «Прайд колът делюкс». До восемь миль в час. Взял иво в собесе напрокат. Катил по городу в гостиницу, чёбы тебя увидеть. – Спад протягивает Рентону бомбер «Хуго Босс». – Забыл на больничке, када миня туда привозил.

– Спасибо... – Рентон берет куртку и смотрит на итальянское кафе через дорогу. – Малехо почифирим, кор?

Бегби – История искусства

Пиздюк стоит перед большим серым мраморным камином. Он подымает брови, потом чарку и на миня сморит. Мелани сидит возле миня в светло-коричневом платье с вырезом на спине, надушенная приятным парфюмом с ароматом лаванды.

– Весьма успешный аукцион, – grit нам Иэн Уилки, известный живописец с Глазго, ныне «сосланный» в Новый город, как этот пиздюк выражается.

Его жена Наташа, с такими формами, чё буквально вываливаются с короткого черного вечернего платья, малехо мине улыбается. Секс-бомба доликает в мою чарку «сан-пеллегрино». Они дружбаны Мел из арт-среды, и малехо напрягаться надо. Лучше б я в боксерском клубе с пацанами был... хотя, может, и не. Это все мифы, чё ты попадаешь в новый мир, када оставляешь старой. Обычно попадаешь в ебаное чистилище.

Скучаю за своей мастерской, за делом своим. Вся эта хуйня с выставками и аукционами и званые ужины мне мозг выносят. Я просто хочу работать над своими картинами и скульптурами и зависать с Мелани и бебиками. Гулять по пляжу, пикнички, вся фигня вот эта. Малая Ева – умора просто. Такое чудит, чё я угораю. Грейс тож, но она больше на мать похожая. Када все пиздатое, мою работу и моих девочек, – када это у миня отбирают, тада миня опять старая развлекуха манит. Чуйствую тягу въебать какому-нить пиздюку.

Этот пацик Уилки распизделся за то, как ему надо вбухивать, нажираться в говно, чёбы в творчестве себя выразить. Это закамouflированная подначка, чё я тут, мол, один трезвенник: ежу понятно. Наташа доливает мне в чарку минеральной воды с газом. Если б в этой чарке алкашка была, ее мужик был бы уже на Королевской больничке: загорелую хрумкалку ему б там, нахуй, вправляли.

– Мне больше нравится жизнь без алкоголя, – лыблюсь ему, – он меня уводит в такие места, куда я не хочу попадать.

Наташа опять скалится. Я в курсах, чё мог бы вдуть ей невкипиш. Такой уж это народ. Могила исправит. Меня она так и видит: дикий, неприрученный Фрэнк Бегби, мужик, блядь, чё надо, а не пидарковатый «плохиш» шотландского искусства – титул, которым награждают этого позера. Ну или награждали. Пока не появился я. Щас он вовсю пытается закадыками заделаться.

– Что-то у нас выпивка кончается, – Уилки такой, допивая остатки вайна.

– Я сгоняю за парой бутылок, – говорю им. – Достану годный продукт: щас я неплохо в винишке шарю, Мел всида миня посылает, – подмигую ей.

Кароч, срываюсь в винный. Понтовитый такой, блядь, магаз в подвале. Выбираю какое-то каберне «Напа-вэлл», чё вполне дорогим выглядит, ну и Мел с дружбанами пьют иво в Калифорнии. Пока еще снутри ращитуюсь, слышу какой-то шухер с улицы. Расплачуюсь и шустренько выбираюсь наружу по ступенькам, на темную дорогу, и вижу, как двое молодых пациков, двадцать с чем-то, варежки друг на друга открыли. Один парень орет:

– Я до тибя доберусь, сука, в любой момент! Думаешь, я тибя зассал?

Другой пацанчик, походу, спокойней, адекватней и чутка не такой бухой.

– Ну тада пошли он туда, – и в малой проулочек тыкает. Они сруливают, а я думаю: «Да, пиздец красава... две мясистые мухи прямо к пауку в гостиную, нахуй, залетели».

Иду за ими следом, ну и, само собой, они мутузятся, а потом тот пацик, чё не такой бухой, крикливого на лопатки ложит. Садится сверху и пиздит иво со всей дури, по таблу хуярит. Крикливый клешни задирает и верещит:

– ОТПУСТИ МИНЯ НАХУЙ, Я ТИБЯ УБЬЮ, ПИЗДЮК!

Приставляю сумку с вайном до стеночки и встаю прямо за ими.

– Хули иму тибя отпускать, если ты убить иво собрался, припездол.

Тот, чё потрезвее, оборачуется, сморит на миня и такой:

– А тибя ебет? Вали нахуй, или тож отхватишь!

Скалюся иму и вижу, как пиздюк меняется в лице, када прохожу мимо ниво и с носока иво лежащему дружбану прямо по щам. Парень взвизгует. Другой тут же спрыгует с ниво, вскакует на ноги и готовится со мной пиздиться.

– Хули ты, блядь, творишь? Это ж не твое...

Я иму ногой по мудям красаву, и пиздюк взывает. Сгинается пополам и пытается уползти с темного проулка обратно на освещенную улицу.

– Хренушки, никуда ты не пойдешь... – и цапаю иво за хайра и подтягую к уложенному на брущатку пиздюку. – Извинися перед своим друганом.

– Но ты ж... ты ж иво в лицо пнул!

Хуярю пиздюка бошкой об стенку, еще раз, и после второго удара бошка у ниво трескается.

– Извинися.

Он, походу, пиздец ужратый, и я выкручую иму хайра в сторону, чёбы кровянка мине на прикид не попала.

– Даррен... прости, братан, – стонет.

Этот парень Даррен пытается встать, об стенку подтягиваясь.

– Чё за расклад, нах?

– Ебни пиздюка по щачлу, – говорю иму, не отпуская хайра другого пацика.

– Не-а...

Снова хуярю другого парня бошкой об стенку. Пиздюк очкует. Умоляет парня, которого всего минуту назад пиздил:

– Ох... вдарь, Даррен... просто вдарь!

Этот парень Даррен стоит как неродной. На переулок оглядывается.

– Даж не думай съебать, – предупреждаю придурка. – Бей пиздюка!

– Вдарь! Просто вдарь, и уйдем уже отсудова! – второй умоляет.

Этот кент Даррен тузит своего дружбана. Ну, так себе накердыш. Выступаю вперед и этого парня Даррена по щачлу хукаю. Красава: на жопу валится.

– Вставай! Встань и врежь ему, даун ебучий!

Даррен встает на ноги. Он рюмит, и хрумкалка вся распухла. Другой парень как осиновый, блядь, лист дрожит, а я так же крепко иво за хайра держу.

Смарю на этого парня Даррена:

– Давай, пиздюк, мы чё тут, всю ночь торчать, нахуй, будем? – Этот парень Даррен сморит на своего дружбана весь такой смурной и виноватый. – Не тяни резину, у миня уже терпение, нахуй, лопается!

Ослабляю хватку, и этот кент Даррен приходит своего дружбана уже по-взрослому, нехило другого по щам гасит. Выскакиваю вперед и навешую пиздюлину этому говнюку Даррену, тот мешком рядом со своим дружбаном падает. С носока обоим пиздюкам.

– А ну обратно встали, пидарасы ебанные!

Тут же думаю, чё не надо было этого говорить: это ж можно истолковать как гомофобию. Но щас на всю эту лабуду нету времени. Стопицот голубых друзей в Калифорнии, но туточки к старым дурным привычкам возвращаешься, без балды.

Они валяются и стонут, пасти порванные, и замечаю, как второй искровененными, запекшимися буркалами на этого Даррена поглядывает.

– Пожали, – я такой. – Терпеть не могу, када дружбаны срутся. Пожали друг другу руки.

– Ладно... прошу... прости... – тот пиздюк, чё потрезвей, такой. Протягует руку и клешню Даррена цапает. – Прости, Даррен... – такой.

У этого парня Даррена оба глаза щас как две щелки на фиолетовых луковицах, и он не в курсах, я это или дружбан иво. Стонет:

– Все норм, Льюис, все норм, братан... просто пошли на хату...

– ДМТ, парни, попробуйте, ежли еще не. Это все фигня, все это преходящее, – говорю пиздюкам.

Када выхожу с переулка, они там вдвоем кряхтят, помогая друг дружке на ноги встать. Опять не разлей вода! Это мой добрый, нахуй, поступок на сёдня!

Перед тем как выбраться с переулка, подбираю сумку с пузырями вайна, дышу спокойно и ровно. Надысь дождик покапал, и кусты мокрые, кароч, вытираю руку об них от кровянки, стараясь убрать побольше. Как тока с переулка выруливаю, я уже не Фрэнк Бегби,

а знаменитый художник Джим Фрэнсис и возвращаюсь в роскошный дом своих друзей Иэна и Наташи в Новом городе, ну и к своей жене Мелани.

– Ну наконец-то, мы уж думали, где ты так задержался, – Мел грит, када вхожу в дверь.

– Понимаете, никак не мог определиться, уж извините, – ставлю бутылки на кухонный стол и на Иэна и Наташу смотрю. – Тут у них поразительная коллекция вин, если учесть, что это местный магазин.

– Да, у чела, который его открыл, Мердо, еще один филиал в Стокбридже. Они с женой Лиз каждый год ездят в отпуск дегустировать и продают товар только с виноградников, которые протестировали лично, – Иэн такой.

– Серьезно?

– Угу, и это имеет большое значение – внимание к деталям.

– Ну, поверю тебе на слово. Я занудный в последнее время стал, от всех своих пороков отрекся.

– Бедняжка Джим, – эта шалава Наташа такая, пьянющая уже.

Если б я не любил жену и дочек, то, наверно, захотел бы ей вдуть. Но тока я не одобряю такого поведения, если ты женатик. Для некоторых людей это нихуя не значит. Но для миня это значит дохуя. Обымаю Мелани, кабута посылаю эту Наташу нахуй.

Потом чешу поссать и хорошенько руки мою, а то вдруг кто заметит. Костяшки чутка ободраны, но все остальное в порядке. Захожу обратно и сворачуюсь калачиком на диване, довольный после своего малого дозняка. Но дело может поправить тока одно: прийти в ебаную мастерскую и вернуться к работе. Нельзя ж постоянно мудачью пиздюлей навешивать. Это не совсем комильфо, и можно себе самому на жопу приключений найти.

Мудозвоны на выставке

Эдинбургские знатоки искусства, заходящие в престижную Городскую галерею в Старом городе, непривычно нервничают и смущаются. За выпотрошенной викторианской наружностью с декоративным фасадом располагается современное функциональное трехэтажное пространство с высокими потолками, белыми стенами и сосновыми полами, центральным лифтом и стальными лестницами пожарного выхода, и оно более чем комфортно. Однако источником дискомфорта арт-тусовки служит не само помещение, а другие посетители. Ценители оказались в непривычном положении бок о бок с бритоголовыми, татуированными, прикинутыми в «Стоун Айленд» оравами, за которыми они, возможно, с отвращением подглядывают из своих универсалов, пока пацанчики на понтах чешут на стадионы «Истер-роуд» и «Тайнкасл» или в Медоубэнк и «Ашер-холл» на крупный боксерский матч.

Эти два Эдинбурга редко сталкиваются на одной территории, и между ними не происходит серьезного межкультурного опыления, но здесь они объединились и поднимаются по галерее

на второй этаж – увидеть выставку одного из самых скандальных уроженцев Лита, Джима Фрэнсиса, больше известного в этих краях как Фрэнк Бегби. Как ни странно, именно сливки общества, находясь на своем поле, первыми бросаются за бесплатными напитками, а бейсболки сторонятся – возможно, слегка не уверенные в правилах этикета. Затем ветеран «Столичной службы» ^[64] Десси Кингхорн не спеша подходит к стойке, смотрит на нервного официанта и спрашивает:

– Халява, братан?

Студент, стойко оплачивающий кредиты с трех работ, не собирается вдаваться в детали и кивком подтверждает. Кингхорн хватает полную бутылку вина и загребаёт в жменю пива, поворачивается к группке с нависшими, осмелевшими лицами и орет:

– Халявный, сука, бар, пиздюки!

Начинается столпотворение, и буржуйская братия ретируется к стеночке: ветераны «Столичной службы» не видели такого с девяностых.словно по команде, входит звезда новостей – художник Джим Фрэнсис с женой Мелани. Арт-тусовка накидывается на них, осыпая поздравлениями, а гопота смотрит на выставленные головы и картины Бегби в скептическом недоумении, пялясь на ценники и изучая расположение камер наблюдения и охраны.

Марк Рентон пришел раньше с Карлом Юартом и Конрадом Аппельдорном, который сейчас бежит за официантами и их серебряными подносами. Хотя Рентон кивает парочке знакомых лиц, он безопаснее себя чувствует в самопальной диджейской, установленной для послевыставочной вечеринки. Он спустил все деньги на «Литские головы», демонстрируемые в глубине галереи, и теперь Франко должен окончательно его растоптать за дополнительные пятнадцать штук, которых нет. Беспольные бронзовые головы таращатся на Рентона со своих пьедесталов. Каждая из них, даже его собственная, словно выкрикивает: «Лох».

– У меня в натуре такой ехидный вид, как у этой бошки?

– Копия, кореш, – говорит Карл Юарт, наблюдая за слоняющимися толпами. – На этих арт-тусах мандятина штабелями ходит, Рентс, – говорит он, срывая эту фразу с языка своего директора.

Оба проводят столько времени в клубах, так долго находятся в окружении молодых, сексуальных и красивых женщин, что их более грубые сверстники никогда не поверят хоть в какую-то социальную справедливость. Однако Рентон замечает в среде эдинбургской арт-буржуазии безмятежно-надменную уравновешенность и самоуверенность, какой ожидаешь в мегаполисах покрупнее – в Нью-Йорке, к примеру, или в Лондоне.

– Когда вечером вторника видишь столько пафосных, добротных чикуль, это означает, что независимость не за горами.

– Это тебе не «Улей» и не «Все по центу», базара нет, – соглашается Карл. – Миня удивляет, чё Большой тут еще связи не заводит... – начинает он и тут же умолкает, заметив Саймона Дэвида

Уильямсона, вульгарно стоящего по центру отряда красоток в понтовитых шмотках. – Беру свои слова обратно. Ты глянь...

У Рентона нет сил смотреть на Больного, который даже не пытался пообщаться с ним после того успешного, но катастрофического аукциона. «Столько бабок. Столько поездок. Номера в гостиницах. Клубы. Звон в ушах. Все за-ради ебаного Фрэнка Бегби! И все из-за ебаного пиздюка Уильямсона».

Карл высматривает Джуса Терри, который убалтывает девушку из обслуживающего персонала.

– У Терри нету социальных амбиций, тока сексуальные, – размышляет Карл. – Он заходит в зал и просто видит манду, точка. Цепляется к одной и, если посылает иво нахуй, переходит к следующей...

– ...А Больной, – вставляет Рентон, запальчиво развивая тему, – считает менжу, по сути, средством, ведущим к добыче покрупнее – контролю над мозгами и в конечном итоге кошелем. Манда – мозги – кошелек: такой всегда была его траектория. Для Терри затащить в койку – это конечная остановка, а для ушлого Сая – тока первый этап. Пиздюк он. – Рентон снова циклитса на старом дружке.

«Я отдал этому хуйлу девяносто одну тыщу фунтов, и он миня подставил, чёбы вымутить еще сто семьдесят пять за бронзовые бошки Бегби. А этот мудак Бегби хочет еще пятнадцать четыреста двадцать сверху!»

У Рентона кружится голова, его почти физически мутит. Тошнота усиливается, когда он подслушивает, как Больной в ответ на вопрос о своих музыкальных предпочтениях искренне заявляет:

– Классический «Мотаун», классический «Мотаун» и еще раз классический «Мотаун». Обратите внимание на слова «классический» и «Мотаун», – добавляет он, – а то вдруг двусмысленность возникнет.

– Этот парень – ебанный говнюк, – начинает Рентон, и тут Карл толкает его локтем под ребра. Его клиент указывает на привидение, которое стоит в дверях и с зашуганным восторгом заглядывает внутрь.

– Господи, – говорит Рентон, – этот мудак должен в койке валяться.

Спад Мёрфи, шатаясь, идет к ним, берет бокал с подноса официанта и смотрит на молодого человека, как будто ожидая, что в последний момент бокал выхватят.

– Марк... Карл... хуево мне, блин. Эта почка, она чисто как надо не пашет. Типа ссать трудно...

– Тибе нельзя пить, Спад, щас же у тибя тока одна всю нагрузку на себя берет. Пора сбавить обороты, братан. – Рентон смотрит на своего старого друга с беспокойством. – Та ты, походу, не отдупляешься. Принял чё?

– Колюся, братан, – тот куртяк, чё ты на больничке забыл, там в нем чутка семьянина ^[65] было, и я как бы иво потырил... Я тока нюхнул щас пару дорог... пиздец злой, блин...

– Блядь... это не снежок, Спад, это же К. – Рентон поворачивается к Карлу: – Та дурь, чё ты мне дал, помнишь?

– Пользуйся на здоровье, Спад, – говорит Карл.

– Ладушки... я тада лучше обратно на хату попер, скутер маньячный снаружи оставил... – Спад поворачивается к Рентону: – Позычь, братан...

Рентон уныло достает из бумажника двадцатку.

Спад с благодарностью ее выхватывает:

– Сесибон, братан. Верну их и дурь, када... в общем... потом... – Голова у него дергается. – Пока не ушел, надо ж с Франко попрощаться... хотя ноги офигеть ватные, блин, кабута чисто по патоке бреду, – говорит он, а затем отшатывается.

Рентон собирается пойти следом, но Карл говорит:

– Не, оставь иво. Пускай Франко с им разбирается. У тебя доставучий клиент. Расскажи мне еще раз за ту фишку с Барсой.

Рентон выдавливая улыбку и со злорадством наблюдает, как Спад Мёрфи, точно зомби, ползет раскорякой к Фрэнсису Бегби. Едва Спад находит свою цель, арт-свита, которая носится со звездой, разлетается в стороны, словно кегли в боулинге.

Франко здоровается с ним сквозь зубы:

– Привет, Спад. Рад тебя тут видеть. Но ты уверен, чё тебе выходить можно?

– Та я уже на хаус чешу... просто хотел увидеть... выставку эту. Это ж сюр, типа того, Франко, – говорит Спад, раззявив рот, как жертва инсульта, – типа как «Хибзы» Кубок выиграли или я без почки остался. Шиза...

– Жизнь сюрпризы подкидывает, кор, – соглашается Франко. – Плиты сдвигаются. Кто смел, то и съел, братан.

– Хотя рад за тебя, Франко, пойми миня прально...

– Сесибон, кор. Ценю.

– ...Ведь ты ж в натуре изменился, блин... и у тебя, типа того, все есть, и ты это чисто заслужил.

– Спасибо, Спад, приятно от тебя это слышать, братан.

Художник делает глубокий вдох, борясь с принципиальной обидой на то, что его считают Фрэнком Бегби, и стараясь сохранять любезность в голосе. Он же художник *Джим Фрэнсис*, из Калифорнии, он здесь с женой и своим *агентом, ебанный в рот*. Почему они не могут просто позволить ему быть таким? Им что, не похуй?

– Угу, ты изменился, факт, – настаивает Спад.

– Спасибо, – повторяет Франко.

Он окидывает взглядом слоняющиеся, галдящие толпы: все глаза устремлены на его картины и скульптуры. Все, кроме одной малахольной пары прямо перед ним. Он пытается найти потенциального собеседника для апгрейда и какого-нибудь ушмарка, которому можно сбегать Спада.

– Угу, у тебя уже штифты не такие, – помнишь, какие у тебя буркалы убийцы были? – Спад демонстрирует, пытаясь сощурить свои выпученные глаза. – Щас в этих моргалках просто чисто любовь.

– И снова спасибо, – говорит Франко сквозь стиснутые челюсти и машет Мелани.

– Я вижу по тому, как ты на свою жену сморишь... и она у тебя ухоженная, Франко, если ты не против, чё я типа так говорю. – Спад чувствует под ногами качку, словно деревянный пол идет волнами, но удерживается на ногах. – Она тож, походу, добрый чек, Франко... Великая вещь, када у тебя девица симпатная... еще и чек добрый. Это из-за нее ты так подобрел, Франко? В этом разгадка? Любовь?

– Я так думаю, да, Спад. – Фрэнк Бегби стискивает в кулаке бокал с газированной водой.

– У меня с Элисон была любовь. И это было классно... лучше всиво было. Но я не смог сберечь, типа того. Как тебе удастся, Франко... как ты это бережешь?

– Хазэ, братан. Фарт, я так думаю.

– Не, это не просто фарт, Франко, – говорит Спад, и в его голосе вдруг прорывается эмоция. – Тут еще маки надо. И успех. Типа как ты надыбал этот скрытый талант художника. В курсах? В этом-то моя беда, – причитает он, – ни за какие особые таланты и речи нету.

Фрэнк Бегби снова втягивает в себя воздух. Это удобный момент для остроты, которая нужна ему сейчас позарез:

– Ты же был годным домушником и нехилым несунном.

Спад закрывает глаза, открывает их после пары ударов сердца и наконец обращает внимание на необычность обстановки.

– Угу, и ты в курсах, куда эти таланты миня привели, – говорит он. – Зато у тебя все пучком, у Марка все пучком, хотя мы завсидя за это в курсах были, он же в универе учился, все дела, и Больной... пока будут телки, чёбы их эксплуатировать, он завсидя выкрутится. Но с тобой как так вышло, Фрэнк? Как Франко Бегби... как Франко Бегби... со всиво этого выпутался, кабута котейка до сливок добрался?

– Слышь, братан, я ж сказал тебе, – нетерпеливо говорит Франко, – просто так бывает. Встречаешь нужного человека в нужное время, получаешь чутка поддержки, находишь то, чем тебе по приколу заниматься...

Он успокаивается, когда к ним подходит Мартин. Его агент – человек очень уравновешенный, но взгляд у него стеклянный, зрачки расширились от возбуждения. Он указывает на большое полотно на стене. Полотно изображает мужчину, привязанного к рельсам.

– «Кровь на рельсах» ^[66] куплена Маркусом ван Хельденом за один миллион, Джим! Одна картина!

– Фунтов или ДСША?

– Ну, ДСША. Но это же более чем в *два раза* выше самой крупной суммы, за которую ты продавал одно произведение!

– Галерея получает половину, так что это пол-лимона. Ты получаешь сто штук – остается четыреста. Налоговая получает сто пятьдесят – остается четверть миллиона баксов, или около ста восьмидесяти тыщ фунтов.

Мартин хмурит брови. Он пытается понять образ мыслей своего клиента. Похоже, того гораздо больше волнует, сколько получают другие, чем его собственное внушительное вознаграждение.

– Ну, такова жизнь, Джим...

– Угу, такова.

– Это одно-единственное произведение, и это задает высокую планку для других твоих работ. Это делает тебя топовым художником в глазах коллекционеров.

– Так понимаю, да, – говорит Джим Фрэнсис без восторга, и они переходят к картине, а Спад плетется за ними.

Окровавленная фигура на холсте прикреплена к рельсам.

– Чисто на Марка похоже, – возбужденно напевает Спад.

– Есть чутка, – неохотно признает Франко, поглядывая на Рентона за вертаками. – Хоть я за ниво и не думал. Подсознательно, наверно.

– Эта галерея искусств, блин... она дофига пафосная и в мандраж миня вогнала, как тока вошел. Кароч, я на этом кетамине и тока так могу это выдержать, – сообщает Спад художнику и агенту, а затем вдруг чапает к стальной лестнице.

Франко смотрит на Мартина, как бы извиняясь:

– Старый приятель, в каком-то смысле черную полосу переживает.

Мозг Спада полностью погружается в вакуум, и, вместо того чтобы пойти по лестнице к выходу, он шкандыбает на верхний этаж. Зал такой же, как внизу, только пустой.

«Где все?..»

Он едва осознает, что снимает со стены пожарный шланг. Начинает его распутывать. Смотрит на него. Отбрасывает. Откручивает кран, затем отходит, не замечая, как шланг сумасшедшей змеей скачет по полу, под высоким напором выталкивая струю воды. Спад ковыляет обратно к пожарному выходу, затем чувствует, как падает, но не безопасно, как в трипе под ДМТ, – наркотическую анестезию пронзает дротик паники, а Спад рефлекторно тянет руку и хватается за трубу в стене, чтобы не рухнуть. Он ощущает, как снова мягко скользит, – это труба вырывается из стены. Затем лопается. Спад скатывается на пару ступенек, и поток холодной воды из разорванного трубопровода хлещет на лестничный пролет.

Цепляясь за перила, Спад умудряется встать на ноги. Он спускается по ступеням, почти ослепнув, идет на звуки музыки и чуть не сбивает с ног официанта с подносом. Люди охают и подаются в стороны, а Рентон бросается из-за вертаков наперерез.

– Еб твою мать, Спад. – Он хватает друга за щуплые плечи и сует бокал шампанского ему руку.

– Система, Марк... она нас всех поимела, Марк.

– Нет, братан. Мы непобедимые. Нахуй систему.

Спад смеется пронзительно, как гиена, а Рентон усаживает его на стул у вертаков. Карл N-SIGN Юарт играет мягкий, душевный хаус, пока разнообразные товарищи Франко – боксеры, бывшие футбольные гопники, зэки, строительные рабочие и таксисты – смешиваются с подлинными вольнодумцами из арт-тусовки, а позы устремляются в раздевалку, точно пассажиры «Титаника» к спасательным лодкам.

Рентон уговаривает скучающего Конрада чуть-чуть поиграть. Позже тот будет выступать хедлайнером на большом концерте в ШВКЦ [67].

– Еще ж рано. Удружи малехо.

– Они не платят.

– Малая услуга твоему директору?

Конрад смотрит на Рентона, как на безумца, но встает и все-таки играет, а Карл с радостью уступает ему место. Разжиревший молодой нидерландец под аплодисменты ставит первый трек, и директор хлопает его по спине:

– Валяй, голландский мастер!

Затем Конрад орет Рентону:

– Тут есть одна сексапильная девушка. – Он указывает на молодую девицу, попивающую воду на краю танцевальной зоны. У девицы сногшибательные скулы и завораживающие подведенные зеленые глаза.

– Играй. Организую тебе знакомство. Будешь презентовать новый трек?

– Пригласи ее на мой концерт в ШВКЦ. Если согласится, тебе не придется ехать, – говорит Конрад с ухмылкой, после чего снова капризно, недовольно набычивается: – Как и весь мир, ты услышишь новый трек, когда я буду готов!

– Ништяк.

Рентон сосредоточивается на позитиве: карточка «освобождение из тюрьмы» уже на почте. Когда Конрад возвращается к работе, Рентон и Карл подходят к Джусу Терри. Тот здоровается с ними и обнимается:

– Батончик «Милкибар» снова в городе! И Рент-бой тож!

– Люблю тебя, Терренс Лоусон, – говорит Карл.

– Ладный Лоусон! На финал ездил? – спрашивает Рентон.

– Был блядский билет, угу, но я ж этой курве по самые помидоры засадил.

– Молодчага, Тез.

– Угу, пока смарел игру по телику, наярывал во все дыры. Поимел ее на диване, а потом на кровати, привязал к раме ее ж шарфом хибзовским. Двух зайцов угондошил. Када эти пиздюки повели два-один, я набирал скорость, пока Стоукси щёт не сравнял. Еще даж не слез с нее, када Грей победный забил. Под финальный свисток как раз выкинул кулаки и свою ебаную молоку в нее спустил! Лучший, блядь, перепих за всю мою жизнь!

Рентон смеется, а затем кивает на объект желаний Конрада:

– Что за девица?

– Раньше бандитской соской была, но я ее оттудова вытащил и в обнаженку пристроил, – говорит Терри.

Он начинает рассказывать Рентону о довольно недавних разборках. Погиб главарь молодой бригады, а также Тайрон и Ларри – два старых сообщника Франко.

К Рентону, Карлу и Джусу Терри присоединяются Больной и братья Бирреллы – Билли «Бизнес» Биррелл, бывший боксер, и старый приятель Рентона Рэб, написавший сценарий для порнофильма, который они сняли. Спад по-прежнему сидит на стуле: голова вывернута, глаза закатились, из уголка рта стекает слюна. Франко рядом с Мелани, болтает с гостями.

– Жду не дождусь, када домой вернусь, – нараспев говорит старый приятель Рентона больше с калифорнийским, нежели каледонским акцентом.

Впрочем, рассуждает Марк, и его собственный выговор сгладился, пока он жил в Голландии. Больной тоже нахватался тоскливого столичного космополитизма, хотя Лит и просачивается обратно в его интонации. Один лишь Спад – Рентон смотрит, как этот калич вжимается в сиденье около вертаков, – остается самим собой.

Никто не замечает, как вздувается потолок. Больной увертывается от внушительного декольте, которым тычут ему в лицо, и через плечо собеседницы поглядывает на Марианну в голубом платье. Та пришла с мужчиной помоложе и женщиной. Терри отваливается от компании и идет напрямик к ней. «Засыпает ее вопросами, обычный лоусоновский прием...»

– Извините, – говорит Больной грудастой тетке и переходит по залу туда, где беседуют Терри и Марианна.

Рентон наблюдает, как Больной отрывает ее от раздосадованного Терри и ведет к пожарному выходу. Как только они исчезают, потолок обрушивается и каскадом низвергается вода.

– Спасайте работы! – визжит Мартин, стаскивая картину со стены.

Все застывают в изумлении, а затем бросаются прочь от воды и падающих обломков потолка или пытаются передвинуть произведения искусства. Фрэнк Бегби остается безучастным:

– Если б в квартире на Уэстер-Хейлз случился пожар, семью окружило бы пламя и был шанс ее спасти, то службу вызвали бы сначала сюда – искусство спасать. Не догоняю этого.

– Джамбовский раён, – говорит Рентон. – Я догоняю.

Франко смеется, и Рентон пользуется удобным случаем.

– Один вопрос, Фрэнк, – выпаливает он. – Эти бабки... пятнадцать штук – почему щас? Почему ты захотел их обратно щас?

Фрэнк Бегби отводит Рентона в сторону, чтобы не слышала Мелани, которая помогает Мартину и служителю снимать «Кровь на рельсах»:

– Ну, я чутка зрело обдумал, и, по-моему, ты прав. Это поможет нам всем двигаться дальше. Избавиться от всей этой хуйни с прошлого, да ж?

– Базара нет... но... я ж купил эти бошки. Переплатил с лихвой. Мы ж больше чем квиты.

– Не, братан, ты купил произведение искусства. В чеке так и указано. К нашему долгу это никуя отношения не имеет.

– Ты ж не собираешься миня этим наказывать... прошу, Фрэнк, я на мели, братан, у миня...

– Ничем я тебя не наказую. Больше этим не занимаюсь. Ты нас всех обокрал, – в конце концов, ты предложил ращитаться. Ты ращитался со Спадом. Ращитался с Больным, чёбы потом опять иво кинуть.

– Но я с ним опять ращитался! – Рентон морщится от собственного голоса – пронзительного ребяческого визга.

– По-любасу я решил, чё не хочу этих бабок касаться. Потом ты попытался миня манипулировать и купил бошки, которые тебя в натуре не интересовали.

– Я пытался заставить тебя взять, чё тебе причиталось.

– Мотивом было не это, – говорит Франко под вой сирен снаружи. – Ты хотел повысить самооценку. Заплатить по счетам. Обычная анонимно-алкогольная или анонимно-наркоманская хуйня.

– Разве нужна эта дихотомия... разделение... – заикается Рентон, – разница между тем и другим, разве их нужно рассматривать порознь?

– Я в курсах, блядь, чё такое дихотомия, – обрывает Франко. – Я ж говорил, чё в тюрьге от дислексии избавился и с тех пор читаю постоянно. Или ты думал, чё я пизжу тебе?

Рентон проглатывает собственное покровительственное молчание.

– Не, – выдавливают он.

– Тада докажи, чё это был твой мотив. Докажи, чё я входил в твои расчеты. – Франко склоняет голову набок. – Загладь вину. Верни мне мои бабки!

И Фрэнк Бегби уходит прочь, а Рентон стоит посреди учиненного Спадом бедлама, и перед мысленным взором его разворачиваются эпохи и континенты. Владелец галереи с бессильной гадливостью наблюдает, как Мартин носится вместе с персоналом, снимая последние произведения. Конрад расстроен тем, что в диджейское оборудование попала вода, и громко орет. Карл не догоняет почему: у Конрада же ничего нет, кроме наушников и флешки. Пожарные и водопроводчики прибывают в почти неприличной спешке, ремонтники между тем занимаются своими делами, а посетители охают, вздыхают и треплются. Снаружи истерично верещит

пожарная сигнализация, молитвенно взывая о помощи еще долго после того, как все вроде бы под контролем. Рентон застыл как вкопанный, и мозг ему прожигает одна-единственная мысль: «Бегби знает, что я на голяках. Он снова меня поймел. Я не могу этого позволить».

А потом Большой, выманивший у Рентона все подчистую, уходит с Марианной. Бегби устроили бы и двадцать штук за эти головы, но Большой через Форрестера подставил Рентона и ободрал его как липку. Этого нельзя так оставлять.

Большой – Приспособа для одиноких

На несуразную выставку Бегби нельзя было не прийти. Я так мечтал увидеть скисшее щачло Рентона, узнавшего, что я подбил Майки проебать его финансы, надбавив цену за беспонтовое искусство Бегби. Разумеется, бронзовая голова совершенно на меня не похожа. Да, рельефные скулы, массивный подбородок и благородный нос в наличии, но залихватский пиратский взгляд не пойман. Однако Франко обеспечил вишенку на торте в виде бонусного шара: темпераментный художник решил, что все-таки хочет получить обратно деньги за наркотики! Соль на рану Рент-боя и изящный штрих, которого я от Фрэнка Бегби никак не ожидал. Майки донес мне, что вероломное рыжее щачло Рентона было просто на загляденье! Жаль, что я это пропустил.

В галерее Рентон сохраняет дистанцию, прикидываясь беспечным, но подойти не решается. Смывается к вертакам вместе с Юартом и этим жирным голландским сопляком. Но все это – лишь желанная прелюдия к главной причине моего появления: приходу Марианны, которая всплывает на выставку стройным привидением в голубом платье. Маманьку сопровождают молодые парень и девушка: симпатичные, но пустые и бросовые пиздюки, каких можно встретить на Джордж-стрит за бархатной веревкой в любой дыре с завышенными ценами. Неизвестно, кто этот молодой паренек – любовник Марианны или хахаль девушки, но подкатывающий к ней Джус Терри без труда его отпихивает.

Поэтому нельзя терять ни секунды. Оставляю своих невзрачных спутников и неторопливо подгребаю к ним.

– Терри... если позволишь, на малую секундочку. Марианна, нам очень нужно поговорить.

– Неужели? – Она бросает на меня холодный презрительный взгляд, который мне всегда как серпом по яйцам. – Можешь валить нахуй.

– Угу, может и погодить, пиздюк, – пучится на миня Терри.

Но Марианна не сводит с меня глаз. Она так часто слышала мои лживо-соблазнительные слова. Сколько раз я могу это проделывать? Сколько раз могу ее разводять? Чувствую, как меня изнутри перемалывает надрыв, когда представляю, как нас обоих поражает смертельная болезнь и каждому остается всего несколько месяцев. В голове играет попурри из «Милой» Бобби Голдсборо и «Времен года под солнцем» Терри Джекса ^[68], а мой голос становится низким и очень зычным.

– Пожалуйста, – говорю с мольбой, точно умирающий, – это правда важно.

– Да уж надеюсь, – обрывает она, но я уже в ебаной игре!

– Что да, то да, – со злостью говорит Терри, а я беру сопротивляющуюся Марианну за руку, и мы сваливаем к пожарному выходу.

«Уильямсон обламывает Лоусона! Грозный стенхаусский нападающий прорвался к воротам и, казалось, непременно должен забить гол, но тут откуда ни возьмись появился итальянский центральный полузащитник, литский Пирло ^[69], и в удачный момент отобрал мяч».

На лестнице пожарного выхода она язвительно смотрит на меня:

– Ну? Какого хуя тебе нужно?

– Я постоянно о тебе думаю. Когда ты плеснула мне в лицо на Рождество...

– Так тебе и надо, блядь! Мало еще! Обращался со мной как с куском говна!

Втягиваю еще воздуха и демонстрирую, как меня трусит от кокаинового отходняка.

– Ты же знаешь, почему я так поступаю? Почему меня притягивает к тебе, а потом я тебя отталкиваю?

Она молчит, но глаза у нее лезут на лоб, как будто ее в пердак кто-то дрючит. Только не убогий пресвитерианский писюн Юэна, а настоящий гигант размером с жезл папы римского – итальянский жеребец!

– Потому что я от тебя без ума, – говорю рассудительно. – Всегда был и всегда буду.

– Ну, странновато ты это проявляешь!

«Расхлябанная защита приводит к голевому моменту!» Я подношу руку к ее лицу, отодвигаю наэлектризованные волосы, глажу щеку и увлажнившимися глазами глубоко заглядываю ей в глаза:

– Потому что мне пиздец как *страшно*, Марианна! Страшно обязательств, страшно любви. – Роняю руку ей на плечо и начинаю его разминать. – Знаешь эту песню 10сс, «Я не влюблен»? Где чел поет песню о том, что безнадежно влюблен, но настойчиво пытается это отрицать? Это моя песня для тебя. – И я смотрю, как ее лицо непроизвольно загорается. – Я этот чел! Мне страшно тех сильных чувств, чё к тебе испытываю.

– Ну тебя нахуй, Саймон...

– Слушай, ты не хочешь этого слышать, и я никуя тебя не виню. Я знаю, о чем ты думаешь: как у него вдруг хватило смелости повести себя по-мужски, признаться в своих чувствах? –

Я смотрю на нее. – Разгадка – в *тебе*. Это *ты* не сбивалась с курса. Это *ты* верила в меня. Это *ты* выказывала любовь ко мне годами, пока мне было так страшно ответить тебе взаимностью. Ну, больше не страшно. Теперь я покончил с бегствами и прятками. – Падаю на колени к ее ногам и выхватываю кольцо. – Марианна Карр... Знаю, ты сменила фамилию, – добавляю, забыв ее нынешнее прозвище, – но ты навсегда останешься для меня такой... ты выйдешь за меня?

Она смотрит на меня сверху вниз в полнейшей оторопи:

– Это по правде?

– Да, – говорю ей и раздражаюсь рыданиями. – Я люблю тебя. Прости за всю ту боль, что тебе причинил. Я хочу всю оставшуюся жизнь заглаживать перед тобой свою вину. Это такая правда, что большей правды не бывает, – говорю, представляя, как она пересказывает эти слова подружке в каком-нибудь винном баре на Джордж-стрит: «Грит, это такая правда, чё большей правды не бывает». – Пожалуйста, скажи «да».

Марианна вглядывается в меня. Наши души сливаются, как пастельные краски на горячих губах – ее горячих губах, – и я вспоминаю, как мы первый раз потрахались, когда ей было пятнадцать, а мне – семнадцать (в таком возрасте это уже считается не педофилией, а развращением малолетних), и как с тех пор десятки лет я соблазнял ее, а она – меня.

– Боже... какая ж я, блядь, лохушка, но я тебе верю... Да! Да! – вздыхает она, и тут вниз по лестнице обрушивается бурный поток воды, обливая мне ноги до ляжек, а ей по щиколотку.

– Какого хуя? – Я встаю, а тут Рентон. Взглянув на свои мокрые штаны, протягиваю руки. – Марк! Прикинь! Я только что...

Его голова влетает мне в рожу...

Рентон – Расчет

Мой лобешник с приятным, убедительным хрястом врежется пиздюку в переносицу. Тот хлопает рукой по перилам, чё гонгом звенят на весь лестничный пролет, но не удерживается и падает. Када этот мудозвон летит вниз, похожий на такую старую игрушку, «шагающая пружина», почти в замедленной съемке, – это просто картина маслом. Он пожмаканной грудой оседает на холодную металлическую дугу пожарной лестницы, и его обливает водой, чё хлещет вниз по ступеням. На пару секунд миня стрем берет: боюсь, чё при падении он разбился насмерть. Марианна внизу ухаживает за ним, приподымает иво бошку, и с погнутого мультяшного носа на иво голубую рубашку и бежевую куртку брызжет кровь.

– Еб твою мать, Марк! – визжит она на миня, а глаза сумасшедшие от ярости.

Шагаю вперед. Я на грани раскаяния, пока не слышу, как он возмущается:

– Подлое нападение... как недостойно...

– Вот как себя чувствуют на сто семьдесят пять тыщ, пиздюк!

Марианна, со стиснутыми зубами и покрасневшим кончиком носа, орет на миня:

– Как ты мог?! К тебе, Марк, у меня никаких чувств, нахуй, нет! Это был один-единственный раз! И еще после того, как ты меня заразил?!

– Я не... Я...

Больной шатаясь подымается на ноги. Нос у него кривой и деформированный. Мне снова не по себе, кабута я нашел, а потом уничтожил клад: легко разглядеть в иво новом изувеченном состоянии, чё этот прежде благородный хоботорий был главным источником иво харизмы. А щас с этого месива на иво прикид и на пупырчатый металлический пол капают густые капли юшки. Стекланный взгляд пышет сосредоточенной яростью, и Больной переводит иво с миня на Марианну:

– ЭТО ЧЁ ВОПЩЕ ЗА ХУЙНЯ?

Горстка поклонников искусства напряженно и конфузливо крадется мимо нас на цыпочках.

«Марианна хочет сказать, чё я заразил ее... Викки... ебанный в рот, видать, я заразил Больного *Национальной галереей!*» Пора мне самому тыриться.

– Оставляю вас, голубки, чёбы вы сами между собой все выяснили, – говорю им и чешу обратно в этот бедлам.

Дверь распаивается, почти врезаясь мне в рожу, и мимо, шлепая ногами по воде, проходит новый косяк завсегдатаев.

В выставочном зале все кажутся озабоченными, кроме Бегби, которому, походу, поебать на то, чё его произведения могут испортиться. Вода так же само льется каскадом по стенкам, а он стоит себе с этой *довольной* ухмылкой, чё появлялась у ниво после пиздорезки в пабе или на улице. Из занудного говнюка, у которого по любой мелочи падает планка, он превратился в мудилу, которому вопще все до лампочки. Ищу Конрада и нахожу лишь подтверждение того, чё этот разжиревший молодой голландский мастер и впрямь смылся на лимузине с моделью обнаженки и помчался по М8 на свой сейшен. Потом выбираюсь оттудова и чешу к другому выходу, чёбы не столкнуться с Больным и Марианной. Протискиваюсь сквозь уходящие толпы на улицу и в тихой ночи возвращаюсь пешим ходом в отель. Шагаю мимо Спада, чё припарковался на тротуаре, рухнув на руль и корзину своего инвалидного скутера. Спад забылся беспробудным сном. Если щас разбужу, то подвергну иво еще большему риску: он же попытается доехать на этой херне на хату. Лучше его не трогать, и я плетусь по крутым спускам и подъемам средневекового города до своего номера.

После глубокой, удовлетворительной дрыхни встаю на следующее утро и вижу Конрада с зеленоглазой милашкой за гостиничным завтраком. Любой, кто считает, чё богатство и слава

не возбуждают либидо, должен взглянуть на эту красотульку рядом с этим бесформенным месивом. Киваю им и улыбаюсь, но сажусь один, в паре столиков от них. Меня воротит с гостиничных шведских столов, и я заказываю овсянки с ягодами из меню. Связываюсь по телефону со своим банком в Голландии, проверяю состояние собственных финансов на все больше стервенеющем голландском и английском, и меня соединяют с разными специалистами. Наблюдаю, как Конрад *три раза* за время моего разговора оставляет девушку для дозаправки: болтунья, бекон, сосиски, кровянка, сконы с картошкой (сам виноват – это я иво на них присадил), бобы, помидоры, гренки, выпечка – булочки с шоколадом, круассаны – и, почти уже изврат, порция свежих фруктов и йогурта. Пока девица-модель грузит за дурную привычку, он все это пожирает, а я до сих пор на телефоне, пытаюсь выяснить, как мне могут выплатить мою наличку. Хотя больше уже не мою. Не хватает трех штук, и приходится договариваться за овердрафт, но мне предоставляют клиринг на бабки, чё я должен Франко.

Теперь надо чесать в Шотландский банк, куда отправили перевод, я быстро говорю Конраду, чё у меня срочное дело и чё мы встретимся с ним обратно тут через час, чёбы сесть на амстердамский рейс. До банка пилить аж в Новый город, и не встречаю ни единого таксо до самого Маунда, а там я уже практически на месте. Мне выдают маки – пятнадцать штук четыреста двести, за которые Франко передумал. Это сверху тех бабок, которые я выложил за ебанные бошки, чё скоро уедут в Амстердам. Из-за этой меньшей суммы я и остался гол как сокол. А Франко отказался выдавать для нее платежные реквизиты, потребовав уплаты наличкой. Кароч, я на полных голяках, и единственные мои активы – хаты в Амстике и Санта-Монике, одну с которых мне, видно, придется щас продать. Но Фрэнк Бегби, или Джим Фрэнсис, или как там пиздюк себя называет, бросил ебанный вызов, и я иво принимаю.

По моей просьбе встречаемся с ним в кафешке на Мосту Георга IV. Он уже там, када я прихожу, в очках и синем «харике», наполовину уже выпил свой черный кофе. Сажусь со своим чаем и подвигаю к нему через стол конверт:

– Там всё – пятнадцать штук четыреста двадцать фунтов.

На секунду мне кажется, чё он переведет это в шутку и скажет, чё просто прикалывался. Но не.

– Молоток, – grit он, сует лавэ в карман и встает. – Думаю, это ставит точку в наших делах, – пиздюк такой, как мудоеб с хуевой мыльной оперы, и просто выходит в дверь не оглядываясь.

То, чё находится у меня в грудной клетке, затвердевает камнем и опускается мне в нутро. Я не просто чувствую себя преданным. Я врубаюсь, как Франко чувствовал себя все эти годы, и он хотел, чёбы я тож это испытал: ощущение полной и абсолютной отверженности. Оплеванный. Выброшенный. Никчемный. Я в натуре считал нас чем-то большим. Но он тож тада так считал, на свой припезденный манер. Кароч, пиздюк меня поимел и вышел победителем, показав мне, каким недалеким мудоебом я сам када-то был и, может, до сих пор остаюсь. Я ничё даже больше не понимаю. Ни хуя не знаю.

Помимо того, чё я никада бы не смог победить. Я боялся, и в то же время меня мучила совесть: это заябывало меня годами. У Франко хоть нету совести, чёбы не спать ночами. Этому пиздюку

на других людей начхать. Он все такой же психопат, тока другого типа. Не прибегает к физическому насилию, но эмоционально холоден. Этот крест нести несчастной Мелани. Я хотя б с ним покончил. Теперь мне полный пиздец, но я избавился от мудака навсегда.

Откидываюсь на спинку стула, весь опустошенный, но наконец-то свободный, и проверяю мейлы у себя на трубе. Один от подруги Виктории – Уиллоу...

От кого: willowtradcliffe@gmail.com

Кому: Mark@citadelproductions.nl

Тема: Викки

Привет, Марк!

Это Уиллоу, подруга Викки. Если помнишь, мы встречались пару раз в Л.-А. Просто хотела сказать, что у Викки сейчас тяжелый момент. Не знаю, слышал ли ты, но ее сестра погибла на прошлой неделе в ДТП в Дубае. Викки вернулась сейчас в Англию, а похороны послезавтра в Солсбери. Я знаю, что вы, ребята, как бы разругались, – не знаю из-за чего, но она очень скучает по тебе, и я знаю, что она была бы благодарна, если б ты связался с ней в это трудное для нее время.

Хочу надеяться, ты не сочтешь меня слишком бесцеремонной или навязчивой за то, что тебе пишу.

Надеюсь, ты жив-здоров. Мэтт передает привет, он послушался твоего совета и записался на сценарные курсы.

Всех благ,

Уиллоу

«В бога ж душу мать...» Звоню Конраду и отмазываюсь срочным личным делом. Он дуется, и я просто пиздец как сожалею, но придется ему лететь обратно в Амстердам одному. Резервирую рейс на Бристоль и билет на поезд до Солсбери.

Пристрелка

Сделав дело, разбогатевший и удовлетворенный Джим Фрэнсис позволяет себе расслабиться, наслаждаясь своим дебютным полетом в первом классе. Это, конечно, развращает. Теперь уже трудно будет вернуться в эконом. Но от бесплатных напитков, предложенных улыбающейся бортпроводницей, он отказывается. Думает о том, как дармовое бухло могло бы превратить любую случайность в потенциальную кровавую баню. Обрюзгший бизнесмен с лицом как помидор, сидящий напротив, высокомерный и наглый, очень требователен к стюардессе. Эта рожа треснула бы всего от одного удара. А эти отбеленные вставные зубы так легко расшатать грамотным хуком в челюсть. Можно загнать заточку, похожую на дирижерскую палочку, в эту

шеищу в печеночных пятнах и упиваться шоком в округлившихся зенках, пока богатая кровь из сонной артерии бьет струей через весь салон. Истошные панические крики и вопли – целый оркестр, которым Джим Фрэнсис, точнее, Фрэнк Бегби мог бы дирижировать, наяривая руками.

Иногда он скучает по синьке.

Хотя лететь все равно долго. Как всегда, мурыжно и маятно. На сиденье первого класса еще более-менее терпимо, но суть-то не меняется. Джим чувствует, как это его умаляет.

Высушивает. В тюрьме и то условия здоровее были. Как люди могут так жить? «Рентон с этих ебанных самолетов не слезает».

Сидящая рядом Мелани непривычно нервничает. Это беспокоит Джима Фрэнсиса – он восхищается врожденным спокойствием и безмятежностью жены и черпает в них силу. Джим смотрит свое кино и чувствует, как она переводит взгляд с киндла на его профиль:

– О чем ты думаешь, Джим?

– О девочках. – Муж поворачивается к ней. – Не терпится их увидеть. Не люблю от них уезжать, даже на пару дней. Хочется упиваться каждой секундой, пока они растут.

– А я до усрачки боюсь привозить их обратно от мамы домой. Я же знаю, он по-прежнему нас преследует.

– Он должен уже уgomониться, – абсолютно ровно говорит Джим, а в мозгу мелькает картинка: Гарри с багровой рожей качается в петле из шланга, непристойно вывалив язык. – К тому же у нас есть запись. Он будет хорошо себя вести, поймет ошибочность своего поведения, подлечится. Кажется, он говорил, что ходит к АА.

– Что-то я не уверена.

– Эй! Ты же либералка, должна видеть в людях лучшее, – смеется он. – Неужели какой-то жалкий слабовольный придурок разрушит твоё мировоззрение?

Но Мелани к подколкам не расположена.

– Нет, Джим, он одержимый! Психически больной. – У нее расширяются глаза. – Можно переехать в Л.-А. Даже в Нью-Йорк. Майами. Там классное арт-сообщество...

– Не, не будем мы от ниво драпать, – холодно говорит Джим Фрэнсис, и его голос тревожит обоих: он звучит из прошлого и обоим им знаком. Быстро переключившись на безликий заокеанский, Джим настаивает: – Мы ничего плохого не сделали, я ничего плохого не сделал. Санта-Барбара – твой родной дом. Мой родной дом.

Поездка в Шотландию выдалась, конечно, насыщенной. «Рентон попытался борзануть, нахуй, и „Литские головы“ купил. Он-то получил их, факт, но какой ценой! Поосторожней со своими желаниями, Рент-бой!» Торжествующая расслабленность Джима перетекает в сонливость, пока

он отвлекается, просматривая фильм о Войне в Заливе с Чаком Поцем, «Они выполняли свой долг», – тот, что рекомендовал Спад.

Поц играет «морского котика», который сбегает из иракской тюрьмы и натывается на поселок в пустыне, где враг держит в заложниках бригаду гуманитарных работников. Чак проникает в лагерь и выясняет, что там хранится неуловимое оружие массового уничтожения. Он влюбляется в гуманитарную работницу, которую играет Шармейн Гэррити. Далее идет мощный экшн, когда актер повисает на крыле самолета: это доказывает, что Чак не боится высоты. Но в реальной жизни наверняка понадобились зеленые экраны, страховочные ремни и каскадеры. Джим начинает кемарить сразу после самых известных слов Чака, когда тот врасстяжку говорит иракскому генералу:

– Можете передать своему боссу, мистеру Саддаму Хусейну, что американец не любит, когда в его индейке хрустит песок, и что он вроде как задался целью вернуть этих добрых людей ко Дню благодарения домой!

В аэропорту они забирают универсал с длительной парковки, Джим садится за руль и проезжает двухчасовой отрезок до Санта-Барбары. Забрав дочерей и французского бульдога Созе у матери Мелани, они с радостью продолжают путь. На этом участке ведет Мелани, а Джим сидит на переднем пассажирском сиденье. Грейс очень рада, что они вернулись, младшенькая Ева тоже, но смотрит на Джима с укоризной:

– Мне не нравится, когда ты уезжаешь, папа. Это меня злит.

Джим Фрэнсис оглядывается на дочку:

– Эй, Ева-Соплева! Когда тебя что-то злит, знаешь, что надо делать?

Ева качает головой.

– Надо очень глубоко вдохнуть и сосчитать до десяти. Можешь так?

Девочка кивает, закрывает глаза и энергично втягивает воздух в легкие. Мелани и Джим обмениваются улыбками, а универсал съезжает с хайвея 101.

Ночью, когда они укладывают детей в кровать и незаметно подкрадывается усталость, Мелани, сидя с мужем на диване, сжимает его руку и признается:

– Я так тобой горжусь. Ты очень далеко продвинулся. Дело даже не в деньгах, хотя они открывают для нас все двери. Теперь мы и впрямь можем поехать куда угодно.

– Мне нравится здесь, – подчеркивает Джим. – Санта-Барбара – классный город. Дети его обожают. Они обожают встречаться с твоей родней. Грейс хорошо учится в школе, Ева тоже скоро пойдет. Не переживай насчет Гарри, он образумится. И у нас есть запись.

Гарри был спецом по наблюдению. Узнав, что семья Фрэнсис вернулась, он встревожился и обрадовался. Вернуться к дому он не решился, но ждал у школы старшей девочки, когда ее наконец заберет не бабушка, а Мелани. Гарри поехал обратно, покружил по району и обнаружил, что Джим тоже здесь. Гарри рискнул заглянуть в зеркало заднего вида, проезжая мимо, и увидел, что Джим, застывший как камень, присматривает за щенком, гадящим на лужайке перед домом. Свернув на съезд, извивавшийся над жилым кварталом, где располагался дом Фрэнсисов, Гарри затормозил. Перескочив через заграждение на лесистую обочину, отлого спускавшуюся ко двору за домом объекта, проживающего в этом тупике, он сбежал по склону, закинув за спину кожаную сумку с автоматической винтовкой. Сверху доносился грохот транспорта на фрифее. Зайдя за дубок и спрятавшись в густой листве, Гарри нашел идеальное место.

Достав и собрав винтовку, Гарри присоединил оптический прицел. Сердце бешено заколотилось, когда, к своему изумлению, он увидел, что объект его наблюдения сейчас во дворе за домом! Гарри прицелился в Джима Фрэнсиса – тот наклонился и взял на руки одну из девочек, младшую, командиршу. С удивлением и холодной брезгливостью Гарри обнаружил, что перевел прицел с Фрэнсиса вниз, на щекастую головку маленькой дочки. *Вот какой* выстрел сильнее всего ранил бы Фрэнсиса и ее, Мелани. От сильного желания просто нажать закружилась голова, и винтовка задрожала в руках, когда сосредоточенным усилием воли Гарри снял палец со спускового крючка.

«Нет-нет-нет...»

Только не дети. И не Фрэнсис – по крайней мере, до тех пор, пока Мелани не осознает, что он за человек. Пока он сам не признается ей, что замочил тех мужчин на пляже. Убить легко. Но это жалкий компромисс. Настоящая месть, абсолютная справедливость и полное искупление – вот краеугольные камни благодати, и Гарри должен к ним стремиться.

Ребенок вбежал в дом, и Гарри снова сосредоточился на Фрэнсисе. Его жертва смотрела вдаль. Гарри навел на нее оружие смерти, но даже на таком расстоянии в этом уебке все равно ощущалось такое, от чего Гарри бросало в дрожь. Призрачная петля сжала ему горло, а сердцебиение реально участилось.

«Может, просто выстрелить...»

Солнце висело почти над самой головой. Скоро линза прицела сверкнет сквозь кусты, и Фрэнсис засечет ее своим мощным косящим радаром. Гарри опустил оружие, сунул в сумку и перебросил ее через плечо. Взобравшись по склону, он перелез заграждение и спустился обратно на съезд. Сел в машину и выехал на фрифей.

Поведение антагониста убедило Гарри, что теперь остался только один выход. Если он нанесет удар, тот будет решающим и Джима Фрэнсиса не станет. Но одного этого мало. Она узнает – да, Мелани должна все-таки узнать, за кого она вышла и какой неприглядной жалкой ложью была ее жизнь.

Рентон – Секрет Виктории

Поезд вкатывается на вокзал Солсбери. Выхожу, прощаясь с двумя солдафонами, с которыми базарил всю короткую поездку с Бристоля. Мы травили байки, и я рассказал им за своего брата, чё подвзорвался в Северной Ирландии тридцать лет тому. Тут же жалею за эту откровенность: она их чутка пригружает. Чем старше становишься, тем трудней бороться со своей социальной неадекватностью, с растущей склонностью к нарциссическим всплескам эмоций. Они были классные парнишки, а то, чё они в солдатской форме, лишний раз доказывает, чё национальное государство – образование недоброе, если ты не богатей.

Я нервничаю, потому как не получил ответа, отэсэмэсив Виктории, чё уже еду в Солсбери и каким поездом. Я сказал, чё увижусь с ней позже в крематории. Думаю, чё Уиллоу, может, неправильно все поняла и Виктория меньше всего хотела бы видеть на похоронах сестры чела, заразившего ее *Брюсом Уиллисом* ^[70]. Но, к моему удивлению, она ждет миня на перроне. Щас она кажется меньше, старше и какой-то зашуганной. Обстоятельства лишили ее задора. Выгоревшая на калифорнийском солнце блондинка уже переходит в по-местному тусклую брюнетку. Походу, она удивляется и успоаивается, када я обнимаю и прижимаю ее к себе. Либо вот так, либо дотронуться до ее руки и сказать чё-то совсем отмороженное.

– Ох, Вик, мне так жаль, – выдыхаю ей в ухо, и ее напряженное тело расслабляется в моих объятьях, подтверждая, чё ход правильный.

А я-то репетировал заезженную хуйню типа «крепись» там! Это так неуместно, када слезы текут у нее по щекам, а всю необходимую информацию сообщают прерывистые рыдания. Это все равно как обымать отбойный молоток, которым рабочие дороги долбят. Но я могу тока ждать, пока всхлипы не поутихнут, а потом шепчу ей на ухо за то, чёбы взять чайкú.

Она подымает взгляд, глаза мокрые. Она благоразумно не накрутилась тушью. Уголки рта опущены в странной ребяческой пародии на горе горькое, чиво я никада раньше за ней не замечал. Беру ее под руку, и, када выходим с краснокирпичного викторианского вокзала, первым делом замечаю красивый собор со шпилем, чё возвышается над городком. Она ведет миня в туристскую кафешку на извилистой торговой улице. Это навороченная малая забегаловка с низким потолком, где за прилавком болтают и суетятся две теткы, одна постарше, сто проциков *директрисовского* типа, а другая – стажерка помоложе. Заказываю чая и сконов, и садимся подальше от окна по настоянию Викки. Ну понятно: ей же неохота показываться в своем родном городке в таком состоянии.

– Не нужно было приезжать сюда ради меня, Марк, – говорит она жалобно, срывающимся голосом.

– Может, мы просто каждый останемся при своем мнении по этому вопросу, – говорю ей.

Ё-мое, та я взял бы щас на себя всю боль на свете, тока б на минуту облегчить душащую ее тоску. Не могу поверить, чё так долго ждал, чтобы ее увидеть.

– Мне так жаль, – говорит она, сдерживая слезы, а ее рука тянется через стол и сжимает мою. – Это так глупо и ужасно, и да, пиздец как неловко. – Она заставляет себя сделать глубокий вдох. Голос у нее тихий, кабута доносится с какой-то глубины ее нутра, а не как обычно. – Я типа встречалась недолго с одним человеком, этим челом Домиником...

Она запинается, када нервно подходит молодая девица с чаем и сконами, чё я заказывал, и ставит их на стол. Улыбаюсь ей и ловлю осуждающий взгляд директрисы, которая сморит на миня, кабута я собираюсь выгнать девчонку на панель.

Как тока она уходит, Викки продолжает:

– Мы с Домиником не встречались официально, но ты знаешь, что... и он не предохранялся...

«Блядь... Просто не верится... Только не Викки, только не моя английская роза... моя английская роза с *Национальной галереей*

...»

– ...Ты был далеко, и мы с тобой не обсуждали, типа не решили, к чему все это движется. – Она глядит уныло. – Я чувствовала флюиды, но опасалась, что слишком самонадеянна...

«Нихуя себе, блин, какого хуя...» Кафешка такая *пугающе английская* – с этими шторами, нагромождением псевдодеревенских поделок, изысканными чашками и блюдами из костяного фарфора. Мы с Викки – кабута две палочки семтекса на декоративном противне.

– Нам, вообще-то, не обязательно щас про это, милая, – говорю ей, хотя знаю, чё она не смогла б остановиться, даж если б хотела.

Викки качает головой и натянуто улыбается, в натуре не слыша моего замечания.

– Так или иначе, он заразил меня кое-чем, привез подарочек из Таиланда... – Она поднимает взгляд.

Ей так трудно за это говорить. Кошмар видеть ее такой, но если б она тока знала, как мне еще и радостно это слышать: я ж щитал, чё это я наградил подарочком ее.

– Это, вообще-то, было перед тем, как мы с тобой, собственно... в общем, у нас что-то было. – Она кусает нижнюю губу. – Я не знала, Марк. Я же тебя заразила, да? Заразила. Мне так жаль.

Придвигаю свой стул к Виктории, притягиваю ее к себе и обымаю за плечи:

– В жизни всяко бывает, зая. Сгонял к врачу, недельку на антибиотиках посидел, и все прошло. Мелочи жизни.

– Я первый раз в жизни подцепила ЗППП. Честно, – говорит она, смотрит на меня огромными шарами и в буквальном смысле прижимает ладонь к сердцу.

– К сожалению, не могу сказать того же о себе, – признаюсь, – хотя это и было давно. Но, я ж говорю, дело житейское. И я не могу тебя обвинять, чё ты встречалась с кем-то еще. Када чувства становятся настолько глубокими, мне инстинктивно хочется бежать.

– Ты говорил, что довольно долго был с этой женщиной, Кэтрин. Возможно, ты не так сильно боишься ответственности, как тебе кажется, – великодушно говорит она.

– Это были эмоционально стерильные отношения, и, видать, тада это миня устраивало, – говорю ей, поглядывая на директрису, которая смотрит на меня, как на ротвейлера, чё нагадил на лужайку в ее деревенском саду. – Потом появился Алекс, и у него были определенные потребности, в общем, я чересчур задержался, пытаюсь наладить отношения.

– Ну нельзя же быть настолько милым... В смысле, ты награждаешь чела венерической болячкой, а он говорит, что это мелочи жизни... но я знаю, что это не так. Я знаю, что поэтому ты и не выходил на связь.

– Нет... я тоже кое с кем встречался, – признаю. – Из прошлой жизни. Ничего серьезного, и, как ты говоришь, условия мы ведь так и не определили, но я думал, что это я заразил *тибя*.

– Господи, ну мы и парочка, – выдыхает она с каким-то облегчением. Интересно, верит она мне или считает, чё я просто выдумываю, чёбы ей спокойней было? – Откуда ты... это что, Уиллоу... а она знает о ЗППП?

– Уиллоу, да, но за *деву Лорелею* ^[71] она не в курсах. Говорю ж, дело житейское. Просто дибильное малое ЧП. Твоя сеструха, милая... вот что действительно важно. Мне так жаль. – Сжимаю Викторию крепче. Потом миня всего резко встряхивает, када в мои мысли вторгаются Марианна и Эмили, и мои пальцы до боли переплетаются с ее пальцами.

– Ты и правда хороший парень, Марк, – говорит Викки, вырывая миня с моего пульсирующего ангста.

Это ебаные американские горки. Даж говорить не могу. Я думал, с возрастом все становится проще. Хуя с два.

Ее большие затравленные голубые глаза. Охота в них утонуть. Почти не реагирую на самый херовый комплимент, чё можно сделать такому, как я: «хороший парень». Для моих литских хлопалок это всегда звучало как эвфемизм к слову «слабачок», хоть она и не это имела в виду. Иногда надо пройти мимо самого себя. Мимо всех голосов, чё всида слышал у себя в бошке. Всей хуйни, которой позволял *тибя* характеризовать, – необразованности, уверенности, скрытности. Потому как все это – ебаное фуфло. Ты всего-навсего незавершенка, пока не наступит день, када ты выпадешь с этого мира в страну *джинс мертвых торчков*.

– Я люблю тебя.

Викки приподнимает голову и смотрит на меня, сквозь ее слезы прорываются радость и боль. В одной ноздре лопаются пузыри из соплей. Передаю ей салфетку.

– Ох, Марк, спасибо, что сказал первым! Мне так хотелось с тобой увидеться. Я люблю тебя до усеру и уж думала, что все профукала!

Я никуя не умею принимать похвалу, а это уже перебор. Отвечаю с юмором, чёбы уменьшить невыносимое напряжение и щемящий восторг внутри:

– Если ты по поводу своего носа, то да, как раз профукала. А если имеешь в виду нас с тобой, боюсь, так просто тебе не отделаться.

Викки прижимает свое красивое, покрасневшее, зареванное лицо к моему, и ее губы осыпают меня испепеляющими душу поцелуями. Чувствую вкус соленых выделений с ее клюва, стекающих нам на губы, и балдею. Мы сидим там целую вечность, не обращая внимания даже на явно приглядывающуюся к нам директрису, и говорим о сестре Викки. Ханна погибла в автоаварии в Дубае, куда приехала в отпуск (она работала в организации помощи странам Африки). У водителя машины на встрече остановилось сердце, он не справился с управлением и столкнулся с ней лоб в лоб. Она умерла мгновенно, а его по иронии судьбы откачали – выжил и отделался легкими травмами. Викки смотрит на свои часы, и чувствуется, чё она долго это откладывала.

– Нам пора выдвигаться в крематорий, – говорит она.

Плачу молодой девице, оставляя солидные чаевые. Она признательно улыбается, а директриса в тэтчеровском унынии провожает нас глазами. Выйдя на улицу, идем через Королевские сады, по поросшим травой берегам реки Эйвон.

– А тут клево. Жалко, нету время посмареть Старой Сарум и Стоунхендж.

– Милый, придется нам продолжить наш роман в Л.-А., а то у тебя акцент стал таким сильным, что я тебя почти не понимаю. – Она смеется, и моя душа загорается.

– Что, правда? Последнее время часто ездил повидаться со старыми приятелями.

– Мне страшно встречаться со своими – они же и с Ханной дружили.

Ё-мое, жалко, чё не могу забрать ее боль, но это ж у миня проснулся нарциссический элемент любви. Нельзя взять чужую боль на себя. Можно тока быть рядом.

Хоть и бестактно так говорить, но крематорий в Солсбери, с большими шахматными клетками на стенах главного здания и башни, самый клевый с тех, чё я видел. Пока друзья и родственники соболезнают друг другу, оставляю Викки наедине с ее унылыми встречающе-сопровождающими обязанностями. Заметив, чё я люблю архитектуру, работник поясняет,

что здание спроектировали скандинавы. Мне оно кажется не угрюмым, а духоподъемным и напоминает за трипы под ДМТ, типа стартовой площадки для запуска в мир иной. Несмотря на это, похороны говенные, как и всякая преждевременная смерть молодого человека. Ясное дело, я был не в курсах за Ханну, но проявления реального горя и страданий доказывают, чё она была потрясная и все ее любили. Все говорят о работе Ханны в Добровольной заморской службе, которая привела к этой истории с НПО в Эфиопии и Судане, а потом к работе в правозащитной благотворительной организации, расквартированной в Лондоне. Полный мудозвон, никогда в жизни ничего не сделавший для других, тем более для чужих людей, назвал бы ее доброхоткой.

– Хорошо было бы с ней познакомиться. Я типа жалею, что мы не знали друг друга, – говорю Викки.

Вместо этого знакомлюсь с оставшейся родней и друзьями Виктории. Потускневший огонь жизни в глазах ее мамы и папы стал пепельно-бледным, из них выдрали буквально всё, и они явно сломлены. Я потерял двух братьев и маману, но все равно мне кажется, это не дает представления о том, какой путь им придется пройти, чёбы вернуться хоть к какой-то нормальной жизни. Викки помогает, и они липнут к ней как банный лист. Они замечают связь между нами и, походу, не сказать чё ей не рады. Небось хотели бы, чёбы я был чутка помоложе. Кто спорит, я б тоже не отказался.

Похороны всегда напоминают мне о людях, которых я знаю. Чё я должен уделять им больше время. Буквально через пару минут это решение проходит проверку, када снова включаю свой телефон после службы в зале прощания. Перечитываю тот старый мейл от Виктории. Она не бросала миня, а предполагала, чё *я брошу ее*, потому что она миня заразила. Потом вижу три пропущенных звонка с эдинбургского городского номера. Первая мысль: *батя*. Он здоровый, но уже не молодой. Все так быстро меняется. Када снова появляется тот же номер, отвечаю, глядя, как Викки и ее родители пожимают руки уходящим.

– Марк, это Элисон. Элисон Лозинска.

– Я тебя знаю, Эли. Узнал по голосу. Ты как?

– Хорошо. Но тут с Дэнни...

– Спад? Как он?

– Его не стало, Марк. Умер сегодня утром.

«Сука.

Спада больше нет.

Нет моего вечно сопливого старого товарища по несчастью... Берлин... Какого хуя...»

Такое чувство, кабута рассыпаюсь внутри на кусочки. Не верю ни единому слову. Не принимаю этого, нахуй.

– Но... он же поправлялся...

– Сердце. Сказали, ослабло из-за интоксикации, после донации почки.

– Но... ох, блядь... как ваш сын, – в голове всплывает его имя, – как Энди?

– Ужасно, Марк... считает, что должен был больше помогать папе.

– Ну не мог же он Спада усыновить, Эли, он не виноват.

Эли так долго молчит, что я уже думаю, не положила ли она трубку. Когда собираюсь что-то сказать, снова слышится ее голос:

– Я рада только, что Дэнни сделал хоть чё-то хорошее в своей жизни – пожертвовал почкой, чёбы того бебика спасти.

Явно запустили такую телегу, и мне пиздец, если спалю хату.

– Угу, он большое дело сделал. Как он... что случилось?

– Пару дней тому у него был сильный сердечный приступ. Это почти его доканало, и врачи сказали ему, чё не за горами следующий. Послушай, Марк, Дэнни кой-чего для тебя оставил. Пакет.

– Я приеду обратно завтра, – говорю, замечая, что ко мне идет Викки. – Странно, конечно, но щас я на похоронах, в Англии. Надо идти. Звякну тебе потом, и утром увидимся.

Секунда – и у миня тож свои похороны. Я больше не турист, наблюдающий за чужим горем, а томлюся в собственном шаре оцепенения. Мы чешем обратно в город, на поминки в «Кингз-хед-инн», которые я по рассеянности постоянно называю «афтепати», сука-блядь. Слишком долго пробыл в клубландии. После небольшого обмена любезностями Викки говорит мне:

– Надо проветриться. Давай пройдемся по Фишер-стрит.

– Везде, куда захочешь, – говорю, беря ее за руку.

Когда выходим на улицу, рассказываю о Спаде. Тут же извиняюсь и говорю, что врубаюсь, щас не до ниво и не до миня, но я только что узнал и миня это просто убило. Она воспринимает нормально, затягивает меня в дверной проем магазина пряжи, обхватывает руками и стискивает. Я шепчу:

– Не буду говорить, что знаю, как ты себя чувствуешь, потому что не знаю. У меня с моим братом Билли были не такие отношения, как у тебя с Ханной. Но когда я его потерял, мы были

еще молодые. Мне хочется думать, что, если б он остался в живых, теперь бы мы стали ближе, – говорю ей.

Я не верю своим ушам. Не понимаю, почему сейчас скорблю по Билли, спустя все эти, блядь, годы, так же как по Спаду. Распускаю нюни, вспоминая их обоих, а также старых дружбанов типа Томми, Мэтти и Кизбо.

– Мы с Ханной постоянно дрались, – смеется она. – У нас был всего год разницы, и нам нравились одни и те же мальчишки. Можешь себе представить?

Пока мы шагаем дальше по улице, думаю о том, что нам с Билли, вообще-то, никогда не нравились одни и те же девчонки, хоть я и выебал его беременную невесту в туалете после его похорон. Протираю глаза, кабута пытаюсь стереть воспоминание. Угу, это я сто проциков назвал бы сомнительным поведением. Потом Викки внезапно вздрагивает, словно читает мои мысли, но отзывается она на чё-то другое. По торговой улице с узкими белыми зданиями шагают две хихикающие игривые девушки. Небось в бар идут или еще куда по тому же маршруту, которым Викки с Ханной регулярно следовали подростками или когда возвращались домой обмениваться новостями. Каждый журчащий фонтан девичьего смеха, наверно, сейчас для нее точно сокрушительный удар.

Ночую у родителей Виктории, сплю с ней на односпальной кровати. Вообще-то, это не ее старая, поясняет она: ту выбросили, когда делали ремонт в комнате, лет десять назад. Говорю ей, что батя до сих пор поддерживает мою комнату почти в том же виде, в каком я ее оставил, хотя после Форты я никогда не считал ее родной. Мы шепчемся, целуемся и нежно занимаемся сексом: оба через три месяца сдали анализы на хламидию, и у нас все чисто. Трудно расставаться с ней на следующий день, хочется быть вдвоем, пока оба не вернемся в Калифорнию, но ее родителям она щас нужна больше, чем мне. Не могу решиться даже на короткий перелет, потому выбираю долгую поездку на поезде аж до Эдинбурга, рассудив, чё так будет больше время подумать.

Када приезжаю в город рано утром, чешу к бате и открываю дверь запасным ключом. Иво нету дома – как раз та ночь, када он ходит со старыми дружбанами в «Клуб докеров». Его распорядок врезался мне в сознание после миллиона телефонных звонков. Хуй иво знает, как бы он отреагировал, если б увидел содержимое заклеенного скотчем свертка в оберточной бумаге, чё приносит Элисон.

Элисон сильно изменилась. Прибавила в весе, но таскает его с чуть ли не шикозными понтами. За внешним огорчением из-за Спада – подслой удовлетворенности. Душа у нее всегда была бодренькая, хоть и постоянно бегала от темной тучи, которая над ней висела. Туча, походу, рассеялась.

Рассматриваю коричневый свертки у себя на коленях:

– Открыть сейчас?

– Нет, – тут же говорит Эли. – Он сказал, это только для тебя одного.

Засовываю его под кровать, и чешем выпить в большой «Уэзерспунз» внизу Уок. У Эли все в порядке: поступила в универ как мать-одиночка, изучала английский, потом Морей-хаус и щас преподает в Фирхиллской средней школе. Но она не считает это успехом.

– Я по уши в долгах, и так будет всегда, хожу на неимоверно стрессовую работу, которая меня убивает. А все вокруг говорят, какая я состоявшаяся, – фыркает она.

– Состоявшихся людей – всего один процент. Мы, остальные, просто деремся за те крохи, чё эти говнюки бросают со стола. А их СМИ постоянно втирают нам, чё все хорошо или чё мы сами во всем виноваты. Второе, видать, правда: ты получаешь ту ссанину, с которой смиряешься.

– Еб же твою мать, Марк, этот базар миня пиздец пригружает, я каждый день слышу это в учительской!

Просекаю фишку. Какой смысл циклиться на общемировой хуйне, хоть ее с каждым днем и становится все больше?

– «Хибзы» выиграли Кубок! Как тут в такой ситуации не поверить в революционный, преобразующий потенциал сограждан!

– Мой брат был на поле. Он переживал: ему ведь уже пожизненно запретили вход на «Истер-роуд». Рада, что Энди никогда особо футболом не интересовался. Это сейчас, как и все остальное в культуре рабочего класса, – прямая дорожка в тюрягу, хотя ты ничё такого не сделал.

– Ну и кто щас ково грузит? – смеюсь.

Она подхватывает, и ее лицо сбрасывает несколько лет.

Классно снова повидаться с Эли, и мы нехило прибухиваем, уходим оба слегка поддатые. Обмениваемся мейлами, обнимаемся и целуемся.

– Встретимся на похоронах, – говорю ей.

Она кивает, и я чешу по Грейт-Джанкшн-стрит. Этот участок Литы всегда бедствовал, сколько себя помню: моя старушка и тетка Элис водили миня в кафе «Часовая башня» в литском супермаркете «Прови» сок пить; старой «Стейт-синема», давно закрытый, куда я ходил в субботу на утренние сеансы со Спадом и Франко; Литская больница, где мне накладывали первые швы над глазом, када какой-то пиздюк на площадке вмазал мне сиденьем качелей по щачлу. Сплошь призрачные здания. Перехожу через мост над рекой, обиталище призраков.

Бати до сих пор нет, вот же старой ебалыга, и я разворачиваю сверток.

Сверху – открытка. Там просто написано:

Марк

Прости, братан. Не думал тогда, что это будет так важно для твоей родни.

Люблю

Дэнни (он же «Спад») X

Открытка лежит на джинах. «Ливайсы». 501-е. Постиранные и сложенные. Первая мысль: какого хуя, а потом все понимаю. Реклама с Ником Кейменом. Билли их надевает, натягивает: клевый жеребец, который тащится от самого себя, собирается выебать Шерон или еще какую малую чикулю. А я, целка поневоле, валяюсь на кровати и читаю «НМЭ», думаю за девиц со школы и горю желанием загнать свою шишку на товарную станцию. Туда, где годами не ходят товарняки. Мечтаю, чёбы этот сраный позер свалил и я бы мог погонять лысого на фотки Сьюзи Сью и Дебби Харри, любезно предоставленные журналами «Ай-Пи-Си».

Потом маманя прибегает с лужаек для просушки, тушь на глазах потекла от слез, как у Элиса Купера, маманя вопит и произносит первые слова, чё я помню после смерти Билли, – мол, они забрали всё, «забрали даж сыночкины джинсы...».

Спад хранил их все это время. Не смог даже загнать кому-нибудь или отдать. Возвращать было чересчур стыдно: сраный сентиментальный цыган, тырящий у людей шмотки. Мысленно представляю, как он сидит и трясется на отходнях на дальней скамье в Деве Марии – Звезде морей, смотрит, как моя старушка ставит еще одну свечку за Билли, и, может, подслушивает, как она говорит: «Зачем забрали иво одежды, джинсы иво?..»

У Билли всегда был тридцать четвертый, у миня – тридцать второй. Думаю, чё эта херня мне сейчас подойдет по размеру.

– Душа Мёрфи – потемки, – задумчиво говорю я.

Я не могу рассказать за это Эли, по крайней мере не щас. Он же отец ее сына.

Дальше под джинсами – пакет. Вскрываю. Там толстая рукопись, напечатанная на машинке, с исправлениями от руки. Как ни удивительно, она в стиле моих старых наркоманских дневников, с которыми я всегда планировал когда-нибудь что-то сделать. Написано на шотландском сленге, что малехо непросто воспроизвести на бумаге. Но, продравшись через пару страниц, я врубаюсь, что это классно. Ё-мое, это же пиздатое. Откидываюсь на подушку, вспоминая Спада. Слышу, как входит мой старей, кладу пухлый документ под кровать, выхожу и здороваюсь.

Мы ставим чайник и говорим за Спада, но я не могу рассказать бате за джинсы Билли. Когда он ложится, у меня сна ни в одном глазу, нужно пообщаться еще, поделиться этими мрачными новостями. С Больным я говорить не могу. Позор, но не могу, и все. Почему-то единственный,

кто приходит щас на ум, – это Франко, хоть ему и поебать. Но в память о прошлом отправляю ему эсэмэску:

«Нехорошо так сообщать об этом, но Спад умер сегодня утром. Сердце не выдержало».

Мудак тут же отбивает мне обратно: «Засада».

Вот насколько ему не пофиг. Первостатейный пиздюк. Зверею и пишу Эли эсэмэску, чтобы пересказать.

Мгновенно приходит милосердный ответ: «Ну такой уж он. Ложись спать. Спокойной ночи. х».

Форт против Банановых квартир

Солнце упрямо блестит в безоблачном небе, словно угрожая потенциальным хулиганам, набежавшим с Северного моря или с Атлантики, упреждающим махачем. Лето вспучилось привычными обещаниями, но сейчас уже налицо признаки реальной тяги. Старый порт Лита с ленивым похабством раскорячился на жаре вокруг кладбища Девы Марии – Звезды морей, с многоквартирками и отжившим свой век торговым центром 70-х «Кёркгит», с одной стороны, и темными легкими ведущей к докам Констительюшн-стрит, с другой.

Несмотря на мрачайшие обстоятельства, Марк Рентон и его подружка Виктория Хопкёрк не в силах сдержать нервный приступ легкомыслия, вызванный знакомством Викки с Дейви Рентоном. Отец Марка ни разу не заходил в католическую церковь. Как глазгоский протестант, он поначалу не принимал ее по религиозным мотивам, но когда его упертое сектантство наконец пошло на убыль, он стал ревновать к ней жену. Для его Кэти церковь служила прибежищем, образцом жизни, которую он не мог с ней разделить, церковь была его конкуренткой. Дейви мучает совесть, ведь теперь это кажется такими пустяками. Чтобы успокоить нервы, Дейви слегка перебрал. Увидев на кладбище сына вместе с английской подружкой, живущей в Америке, он изображает из себя разудалого Бонда, целует Викки руку и заявляет:

– Мой сын никогда не выказывал хорошего вкуса в выборе женщин, – а затем добавляет язвительную концовку: – До сегодняшнего дня.

Это настолько нелепо, что оба громко хохочут, рассмешив и Дейви. Однако эта реакция навлекает осуждающий взгляд Шевон, одной из сестер Спада, и они обуздывают свое веселье. Угрюмо здороваются с другими скорбящими и заходят в церковь. В увешанном иконами китчевом дворце дореформенного христианства Викторину поражает контраст с кремацией ее сестры. В открытом гробу выставлено тело Дэниэла Мёрфи, подготовленное к полной заупокойной мессе.

Рентон поневоле сталкивается с Больным, который пришел вместе с Марианной. Отрывисто кивнув друг другу в знак приветствия, оба помалкивают. Обоим хочется заговорить, но не удастся обойти мощную диверсантку – гордыню. Они всячески стараются не встречаться

глазами. Рентон засекает, что Викки и Марианна переглядываются, и решает держать их одну от другой подальше.

Они гуськом проходят мимо гроба. Рентон с тревогой замечает, что у Дэниэла Мёрфи определенно цветущий вид, лучше, чем в последние лет тридцать, – гробовщики заслужили медаль за свое мастерство. На груди сложен хибзовский шарф, которым Спад разжился на «Хэмпдене». Рентон вспоминает трип под ДМТ и задается вопросом, где же Спад сейчас. Это наглядно доказывает, насколько опыт с ДМТ изменил жизнь: раньше Рентон просто подумал бы, что Спад полностью испарился, как Томми, Мэтти, Сталкер и Свонни до него. Теперь Рентон уже в самом деле не знает.

Священник встает и говорит шаблонную речугу, а родные Спада ежатся под одеялом скудного духовного утешения, которым она укрывает. Церемония протекает гладко, пока на полированную кафедру не поднимается сын Спада Энди, чтобы произнести надгробную речь.

Рентону Энди Мёрфи кажется очень похожим на молодого Спада, просто вылитый. Голос, однако, мигом разрушает это впечатление – более образованный, обычный эдинбургский, с ноткой североанглийского.

– Мой папа работал перевозчиком мебели. Ему нравился ручной труд, он обожал оптимизм, с которым люди въезжали в новое жилище. В молодости его сократили. Уволили целое поколение, когда отказались от физического труда. Папа не был честолюбивым, но он был по-своему хорошим человеком, верным и добрым другом.

На этих словах у Рентона невыносимо екает в груди. Взгляд у него стекленеет. Он хочет посмотреть на Больного, сидящего за спиной, но не может.

Эндрю Мёрфи продолжает:

– Мой папа хотел работать. Но у него не было навыков или квалификации. Для него было важно, чтобы я получил образование. И я получил. Теперь я юрист.

Марк Рентон переводит взгляд на Элисон. Сквозь слезы та сияет от гордости за достижения сына. Рентон думает: кто произнесет надгробную речь надо мной? Он вспоминает про Алекса, и горло перехватывает. Когда Рентон умрет, его сын останется один. Рентон чувствует, как Викки сжимает его руку.

Настроение у Эндрю Мёрфи меняется:

– И через несколько лет – может, пять, а может, десять – меня сократят, как навсегда сократили его. Профессия юриста исчезнет, как исчезла профессия чернорабочего. Ее выведут в тираж большие данные и искусственный интеллект. Что же я буду делать? Ну, тогда-то я и узнаю, насколько похож на отца. И что я скажу собственному ребенку, – он указывает на свою подружку с раздувшимся животом, – через двадцать лет, когда не будет мест для чернорабочих

и юристов? Есть ли у нас программа действий, помимо того, чтобы гробить нашу планету и отдавать все ее богатства сверхбогатым? Мой отец прожил жизнь зря, и да, во многом он виноват сам. Но еще больше виновата система, которую мы создали, – заявляет Эндрю Мёрфи. Рентон замечает, как священник напрягается до такой степени, что давлением в собственном очке мог бы расплющить Солнечную систему. – Какова мера жизни? То, как сильно любили мы и любили нас? Добрые поступки, что мы совершили? Великое искусство, что мы создали? Или же деньги, которые мы заработали, украли или накопили? Власть, которую мы проявляли над другими? Жизни, на которые мы отрицательно повлияли, которые мы укоротили или даже отняли? Нам нужно добиться большего, иначе мой отец скоро покажется нам глубоким стариком, потому что все мы снова начнем умирать, не дожив до пятидесяти.

Рентон думает о рукописи Спада. О том, что Спад прожил жизнь не совсем зря. Рентон отправил рукопись, с незначительными изменениями, одному издателю в Лондон. Ему кажется, будто он затылком чувствует хищный взгляд Больного. Однако его старый друг и антагонист устался в пол. Больной пытается подавить пронзительный, подрывной довод о том, что смысл жизни обретается лишь в отношениях с другими и что нас жестоко обманывают, внушая, будто все дело в нас самих. Усиливается боль за глазами яблоками, и во внутренностях сгущается тошнотворная кислота. Так не должно быть: Спад мертв, Бегби нет, они с Рентоном порознь. Больной старается убедить себя, что пытался спасти Спада, но его друга подставили двое остальных: его зять Юэн Маккоркиндейл и хозяин борделя Виктор Сайм.

– Эти бляди убили Спада, – шепчет он Марианне, подняв голову. – Эти двое, которых тут нету.

– Бегби?

– Нет, не Бегби. – Больной окидывает взглядом присутствующих. – Юэн. Он обосрался как врач, даж не смог помешать, чёбы Спада не инфицировали. И я позволил этому пиздюку воссоединиться с моей сестрой!

Звучит «Солнце над Литом», все встают и по очереди подходят к гробу, отдавая последний долг. Это странно и пугающе, но Спад даже не похож на покойника. Нет той безжизненности, бездушности, бесцветности, что обычно бывает у мертвецов. Как будто вот-вот вскочит и попросит ешку, думает Больной. Он крестится, в последний раз глядя в лицо другу, выходит из церкви и закуривает сигарету.

Больной подслушивает разговор Марка и Дейви Рентона с подружкой Рентона, которую с раздражением признает на редкость симпатичной. Он удивляется, что она англичанка, а не американка. Слыша, как его старый соперник бубнит что-то про свой рейс в Л.-А., Больной морщится и отводит Марианну подальше. Рентон отобьет бабки, с горечью рассуждает он, говно не тонет. Сайм, конечно, не явился, но Больной расстроен отсутствием Майки Форрестера.

Марианна спрашивает, пойдут ли они на поминки в гостиницу в Лит-линкс, куда направляются все присутствующие.

– Нет, избавлю себя от причитаний терпил-плебеев. Неистовая злость и скорбь вперемешку с жалостью к себе – вот идеал фальшивых мероприятий, а наебениваться с лузерами – ноль прикола. Ты движешься по жизни дальше или вообще стоишь на месте, – изгаляется он, пока они идут в «Кёркгит». – Даже в церкви было почти невозможно, невзирая на величественную священную обстановку. Впрочем, семья Мёрфи всегда увлекалась не теми чертами католичества. Для меня имеет смысл только исповедь, когда высыпаешь переполненное мусорное ведро с грехами, чтобы освободить место для новых, входящих.

– Его сын произнес очень классную речь, – отмечает Марианна.

– Угу, хоть и чересчур уж коммунистическую для старого священника – явно *не* богослова освобождения.

Она внимательно смотрит на него:

– Ты когда-нибудь задумываешься о смерти, Саймон?

– Конечно нет. Мне пофиг как и где, был бы рядом священник.

– Серьезно?

– Раскаяние на смертном одре, победный гол Дейви Грея в игре жизни под самый конец дополнительного времени – так я себе представляю. Протестантам просьба не беспокоить.

– Эй! – толкает его Марианна. – Меня крестили в Церкви Шотландии!

– Нет ничего сексуальнее, чем шотландская протестантская чикуля с такой жопой, как у тебя. Вот погоди, я поставлю тебя в позу шестнадцать девяносто!

– Ого, а это чё такое?

– Шестьдесят девять, но по сторонам стоят худющий мудак и жирный пиздюк и просто смотрят, как ты жарисься, ну, может, еще бычка доят.

Влюбленные петляют по Хендерсон-стрит и решают зайти в рыбный ресторан на набережной. В благоприятной обстановке с видом на реку Большой после минутного раздумья продолжает еще бурнее выражать эмоции:

– Бедняга Рентон без гроша за душой, – он наливает альбариньо, – теперь у него ни пенса, хоть он и подло на меня напал. Поди-ка, он и правда считает, что меня это колышет: приятно было выставить его фортовским гопарем, какой он и есть на самом деле, сбить с него этот убогий культурный апломб. К югу от Джанкшн-стрит Лит плодит одних отморозков, а к северу от этого великого культурного водораздела – сплошная утонченность слева по борту.

– Да вы ж оба с вонючих раёнов, – смеется Марианна.

– Угу, но Форт-хаусу до Кейблз-уинд-хауса как до неба. Один снесен, а другой стал охраняемым зданием и считается важной частью архитектурного наследия нашего города, – заносчиво парирует Больной. – Нечем крыть.

Затем Саймон Уильямсон встает и направляется в туалет. Смотрит на себя в зеркало. После второго раза нос стал ровнее. Экстренная операция в Королевской была мучительным кошмаром, после нее клюв все равно оставался на боку. Не считая эстетической неприемлемости, дышать через одну ноздрю оказалось трудновато. Ну и про снежок можно было забыть. Поэтому Уильямсону пришлось обратиться в частную клинику и переделать нос под общим наркозом в хэмпстедской «Роял фри». Но с ним хотя бы нянчилась Марианна. У Больного теперь перед ней преимущество.

– Я знаю, что вы спали с этим вероломным рыжим говнюком, миледи. Конечно, я сохраню эту информацию в тайне и позволю вам баловать меня, заглаживая вину. Ну а ебанный Рентон...

Марк Рентон находится в маленькой гостинице на другом конце Лита и беседует с родней Спада, своим отцом, Викки Хопкёрк и Гэвином и Эми, братом и сестрой Темперли. Мочевой пузырь беспокоит все настойчивее, и Рентон направляется в туалет. Путь ему преграждает мужчина, похожий на труп: он словно исхудал от какой-то страшной, изнурительной болезни. Скалит верхние зубы в ухмылке мертвеца:

– Слыхал, у тебя есть для миня бабки.

У Рентона перехватывает дыхание, когда он видит перед собой Рэба Маклафлина по кличке Второй Призер.

Бегби – Брекзит

Жаль, чё на похороны Спада не смог на прошлой неделе приехать. Засада. Но нельзя ж постоянно туда-сюда по одиннадцать часов мотаться. Хоть и обидно. Пиздюк безвредный. Угу, лететь далековато, и этот убойный десинхроноз, но Элспет щас несладко, а она ж сеструха моя. Не хотелось оставлять Мел, еще када эта блядская паскуда Хомячок Хомми вокруг ошивается. Но Мел отвезла детей к мамане, и это ж на пару дней всего.

Нехрен дурака валять: сажуся в трамик с аэропорта аж до самого Мюррейфилда. Дубак для июня – не сравнить с финалом Кубка и с выставкой. От же неделька была. «Хибзы» Кубок выигрывают, а я наживаюся, впаривая свою фигню! От это результат, нахуй! Надеюсь в этот раз еще на один!

Када добираюсь до хаты, Грег с пацанами как раз уходят. Они в шоке, чё я так от заявился.

– Дядя Фрэнк, – Томас, младший, такой.

Грег глаза подымает:

– Фрэнк... Когда ты... Что ты?..

– Заехал Элспет повидать. Как она?

– У нее вчера операция была, но перенесла хорошо. Проведывал ее вчера вечером... Мы как раз туда.

– Есть еще в моторе место?

– Вообще-то, мы пешком, – он такой и сморит, чё я не верю. До Королевской несколько миль, и даж до Западной дохуя пилить. – Она в Мюррейфилдской больнице. Мы все сделали через частное страхование, по полису на иждивенцев от компании у меня на работе.

– Молоток. Ну, веди, – говорю.

– Когда ты приехал? – Грег спрашивает.

– Тока-тока. С аэропорта прямо, – смарю на двух пацанов, Джорджа и Томаса. Ё-мое, ну они и растут. – Как Молодая мюррейфилдская бригада? – шутю.

Они миня стесняются. Хорошие парнишки.

Грег улыбается им, потом ко мне поворачуется. Тусклый луч солнца большая пихта загоражует.

– Ты уверен, что не хочешь зайти в дом и передохнуть, может, чаю выпить? Полет же, наверно, утомительный был!

– Не, мне лучше двигаться, пока не рухну.

– Ну, она будет очень рада тибя увидеть, – Грег говорит, када на большую дорогу выходим.

– Слышали, парни? Ваш дядя Фрэнк прилетел из самой Калифорнии, чтобы увидеться с вашей мамой!

– А тетя Мелани с вами не приехала? – Томас говорит.

– Не, ей надо за девочками присматривать, дружище. Все они привет вам, ребята, передают, кстати, – я такой и тащусь с того, как несчастные пиздючки краснеют.

Идти всего минут десять. Как по мне, на настоящую больничку не похоже, больше смахует на банк, где хлоркой воняет, – место, где с тибя просто маки выкачивают. Я так думаю, этим тут в основном и заняты. Элспет сидит в кровати и смотрит телик, но выглядит неважно. В недоумении на миня таращится:

– Фрэнк!

Обымаю ее, от нее больничкой воняет и старым потом.

– Ты как?

– Нормально, – говорит она, а потом становится вся такая растерянная, лоб морщит. – Ну, угу и не. Черт, как-то стремно себя чувствую, Фрэнк, – говорит она, здороваясь с Грегом и пацанами. – Зато тут мои большие, сильные мужики!

– По-любасу, – киваю, – гистерэктомия – серьезная штука для женщины, – заливаю такой.

Хотя нихуя не в курсах за это. Но када рос шкетом в Лите, слыхал, как бабцы замужние трындели: «После удаления матки она разжирнела ужась». Я не в курсах, это из-за депрессии, связанной с «переменой в жизни», как они выражаются, када с тибя матку нахуй вырывают, и это к перееданию приводит или просто метаболизм замедляется. Так или иначе, Элспет надо быть начеку, учитуя, как она жир нагуляла.

– Вот и я о том же, Фрэнк, – вклинивается Грег, – по-любому должна быть эмоциональная реакция.

Видно, чё Элспет это заябывает, но она прикусывает язык. И мне такая:

– Ну так что тебя сюда привело? Новая выставка? Дела какие-то?

– Не-а, просто прилетел тебя повидать. Переживал.

Элспет ни единому слову не верит. Но хотя б сцену не закатует.

– Придумай другое чё-нибудь, – смеется она, – а то ж белыми нитками шито.

Смарю на Грега. Пиздюк доверчивый, но даже он сомневается.

Поворачуюсь обратно к ей:

– Не, в натуре, приехал тибя повидать. Никакой задней мысли. Я переживал, а у меня были авиамили после всего, чё налетал, в общем, просто поехал в аэропорт и заскочил на посадку.

Элспет – в слезы и руки протягует. Шагаю ей в объятья.

– Ох, старшой мой братик, мой Фрэнки-бой, я так на тибя наезжала. Ты изменился, в натуре изменился, дорогой мой Фрэнки...

Щас она уже ссаки распускает, но я не мешаю. Припозднилась она на вечерину, но пришла ж все-таки.

Загружаю ей, Грегу и паренькам пару малых баек за коллекционеров моей фигни и за то, какой народ мне заказы дает, типа несчастного старого Чака. Заходит молодой пиздюк-врач с лыбой до ушей и на миня сморит.

– Это вы, – он такой. – Обожаю ваши работы.

– Сесибон.

У Элспет глаза с бошки выскакуют, видать, втюрилась в этого пиздюка-врача и вся аж покраснелась:

– Это доктор Мосс! Мой брат Фрэнк!

Парень начинает за выставки миня расспрашивать и над чем щас работаю. Это напоминает мне, чё я должен быть щас у сибя в мастерской и впихивать, а не тут ошиваться, но родная кровиночка – превыше всего. Впервые с того раза, как я ей принес жареной картошки с «Мэтьюенз», када с паба пришел, а она еще малой была, моя сестра за миня гордится. Это ж должно чё-то значить.

Пора валить, и я уже думаю, придется санитара вызывать, чёбы вырвал миня у Элспет с объятий. Наконец выходим под ветреное серое небо. Грег хотит, чёбы я остался у них на хате, но я грю им, чё у старого дружка ночую.

– Она такая вся на эмоциях была, – говорю Грегу, а у ниво самого взгляд остекленел малехо.

– Да, это гормональное. Послушай, Фрэнк, не знаю, как тебя отблагодарить за этот ужасный перелет, едва ли это...

– Никакого гемора. Посидеть в самолете с альбомом, над новыми идеями поработать – это ж кайф, по чесноку. И приятно было с вами, ребята, снова повидаться. Может, на канукилы в Калифорнию махнем, пацаны?

Парнишки в восторге от перспективы. Немудрено. Я ж в их возрасте даж до ебаного Бернтайленда добраться не мог!

Када слезаю с трамика обратно в городе, там дождливо, но не холодно. Встречаюсь с Терри, как и договаривались, в его таксо, припаркованном на той иво малой кобелиной улочке в Восточном Новом городе недалеко от Скотланд-стрит. Девица сидит сзади. Киваю ей, и она сваливает, а я сумку с инструментами беру.

– Спасибо, чё все утряс, Терри, ценю, – говорю, натягивая штаны непромокаемые.

– Завсида пожалуста. Помнишь, какой пароль послать?

– Угу, кабута я забыть мог, – киваю.

Потом чешу по улице, следуя на расстоянии за девицей, и наблюдаю, как она чешет по ступенькам в подвал здания через дорогу. В этой части городка дохуя камер навешано, по пути есть одна, но клиенты, чё в веселый дом ходят, обычно ж не хотят, чёбы их видели, – кароч, черная пидорка, непромокаемая ветровка и штанцы темно-синего цвета не особо в глаза

бросаются, када спускаюся по ступенькам. Быстро оглядуюсь на малую кучку народа, набившегося на остановку автобуса, прячась от дождя, чё наяривает сильнее. Дыши... спокойно и плавно.

Дверка не заперта, и я захожу. На хате хлоркой воняет и старой кончиной, и внутри дубак еще больше, чем на улице. Слышу звуки, сначала голос девицы, а потом, када она замолкает, ее сменяет ушлый пиздюк. Возбужденный, походу. Подбираюся ближе и сквозь щелку в двери вижу, как чикуля у этого парня Сайма на клык берет. Ставлю сумку на пол, открываю и перо достаю. Пиздец мазовое чувство.

Перо над бошкой подымаю, проскакую в дверь и перерываю минет. Девица отпрыгивает назад вовремя, как я и велел, и прально делает, а то б сама без сопатки, нахуй, осталася. Ить я ж, недолго думая, махаю пером меж ее таблом и иво пахом. Пиздюк Сайм выкрикует:

– КАКОГО ХУ...

Иму тож фартануло: стояк у ниво быстро нахуй упал и сам он слегонца вбок повернулся, а то бы большой кусок иво елды валялся на этом ебаном кафельном полу. Ну а пока я тока как бы полоснул пиздюку лезвием основание хера, и перо по ходу дела мудя шинкануло.

На охренительную долю секунды кровь в разрезе выступает, а потом как ливанет. Это типа такой хореографии в замедленной съемке: пиздюк опускается на колени, а чикуля одновременно с колен встает. Какая красава: он в жменю женилку сгребает, а кровь у ниво между пальцами брызгает. Он переводит бельма со своих нашинкованных мудей на миня, а потом на девицу и говорит такой:

– Какого хуууя...

Угу, фартануло пиздюку. Но надолго этого фарта, нахуй, на хватит.

– Ша, – я такой и к девице поворачуюсь: – Если моя прелестная ассистентка мне сейчас поможет...

Она встает на ноги, втаскивает сумку и ножа для метания достает. Передает иво мне.

– ЧЁ ЭТО?! КТО...

– СКАЛ ЖЕ, ЧЁБ ЕБАЛО ЗАВАЛИЛ, – я такой и ножа в пиздюка швыряю.

Тот мудаку прямо в сиську бухает, и он визжит опять:

– ЧЁООО... КАКОГО ХУЯ...

Молодец Терри, чё эти ножи для метания надыбал. Передаю одного девице:

– Кидай. Погнали.

Она смотрит на миня и ножа берет.

Пиздюк Сайм зенки вылупил – мазовая смесь страха и ярости. Заметно, нахуй, отвращение к собственному тупизму и гонору, раз он не понимал, чё этот день када-то наступит. Он убирает одну окровавленную руку, а другой хер с мудями придерживает. Медленно подымает залитую кровью свободную клешню и на девицу смотрит:

– Чё?! Лучше ты, нахуй, не...

Она ему прямо в щачло визжит:

– Думаешь, я тебя сейчас испугалась, блядь?

– Харэ, золотце... – умоляет он, а она ножа ему в рыло кидает. Тот задевает сбоку иво табло, оставляя рану на щеке. – ШАЛАВА ЕБАНАЯ!

– Умничка, цыпа, – я такой, – но, можт, остального тебе лучше и не зырить. Иди, а позже встретимся, как договаривались.

Она кивает и в дверь выскальзывает.

Зацениваю, в каком пиздюк состоянии. Свои ж мудя сжимает, пока кровь с них стекает между пальцами.

– Прикольное все-тки ремесло – сутенерство. Суть в том, чёбы продавать девиц тому, кто больше заплатит, и держать их под контролем как самый здоровый, крутейший волчара в стае, – ухмыляюся пиздюку. Лезу в сумку и чуйствую в руке вес нового ножа для метания. – Но однажды настает день, приходит волчара покрупнее и платит еще больше – ну, за остальное ты в курсах. Этот день настал, братан.

– Ты кто... Чё тебе надо... За чё вообще базар? – Он на миня смотрит. В глазах такое напряжение, кабута кто-то мудака изнутри заграбастал и с ниво жизнь выдавливает.

– Ты распустил байку, чё это ты Тайрона завалил. Не люблю народ, чё сибе чужие дела приписует, да ж.

Узкие малые лампочки пиздюка расширяются.

– Ты Бегби... Фрэнк Бегби... говорили ж, чё ты свалил! Прошу, братан, я даж не в курсах за тибя... Я ж ничё не сделал тебе! Чё я такого сделал?!

– Базар тут не тока за те дела, – признаюся пиздюку. – Пойми, ты зачмарил одного моего дружбана старого. Смари на это как на ответку. Это ж за чмарение считается, да ж?

– Дэнни Мёрфи... Слыхал, парень умер... Я был не в курсах, чё он твой дружбан! Ну, я урок усвоил – не напрягать Фрэнка Бегби! Тибе *это* нужно от миня услышать? – грит он, весь полный

надежды. Просто смарю на ниво сверху: он стоит на коленях на этом полу, с мудей кровь течет, а с груди нож торчит. – Чё тебе надо, братан? У миня бабки есть...

– Дело тут не в бабках, – обрываю пиздюка, бошкой качая. – У миня в печенках сидит, как народ думает, чё в бабках все дело. Парень не просто дружбаном был, а родной кровиночкой. Пускай иногда мне на нервы действовал, но он же кровиночкой был. Тебе он никогда не нравился. Видать, чересчур тебя самого напоминал, да ж, братан?

Сайм бельма на миня подымает и выпаливает:

– Ты за чё?..

– Мне говорили, чё в школе тебя Пидором обзывали. Пиздили. Но ты отбивался, братан.

Пидор, как я теперь называю Сайма, сморит на меня и кивает. Кабута я иво раскусил.

– Угу... обзывали.

– Тот малой паренек – он завсигда у тебя внутри и выбраться норовит.

Пидор сморит на свои мудя и хер, чё кровью сквозь пальцы истекают. Потом на меня:

– Прошу...

– Не хочу иво видеть. Того ебаного малого пидора. Хочу увидеть тебя. Пошли миня нахуй! Скажи мне, чё ты Виктор Сайм! СКАЖИ МИНЕ!

– Я САЙМ, – орет он, – ВИКТОР САЙМ, НАХУЙ... – и опять опускает глаза на мудя. – ВИК... ВИКТЭР... Виктор Сайм... – и булькать начинает.

– Я этого не вижу. Вижу тока Пидора.

– Прошу... я все заглажу перед тобой... за Мёрфи. За Дэнни. Перед иво родней. Я за них позабочусь, без балды!

Руку подымаю.

– Но, оставляя иво в стороне, я делаю это еще по одной причине, – лыблюсь. – А именно: мне просто нравится мучить людей. Не мочить – это мне не по приколу, чисто потому, чё все портит. Ежли они сдохнут, тада их же больше мучить нельзя, да ж?

– Ну, ты уже помучил миня, без балды, извиняюсь за Дэнни... Был не в курсах, чё он блатной... Можу все перед тобой загладить, – он сопли жует, на свои мудя глядя, – а шас мне ж надо на больнич...

– Мне не *нравится* мочить людей, но ежели оставлять их валяться, на кусочки почианных, то дурдом начинается, – обрываю иво, – кароч, как ни печально, я вынужден идти до самого конца. Но заметь, я делаю это чисто из любви, а не заради бабок. Кароч, называй миня художником или психопатом – для миня без разницы, – я такой и еще одного ножа в пиздюка швыряю.

Он втыкается в мякотку между плечом и грудаком, и Сайм падает на спину и протяжно стонет:

– Я был не в курса-а-ах...

Сразу ж бросаюсь на ниво, загоняю следующее лезвие иму в кишки и мясо разрываю.

– Незнание... закона... не освобождает... от ответственности. У тибя есть то, чё мне надо... Это принадлежит... моему дружбану!

У миня целая, нахуй, вечность уходит, чёбы их оттудова достать, и миня удивляет, чё пиздюк так долго выдержует. Ебанные кишки – дохуя разворачаются. Не ожидал, чё с пиздюка вывалится такая гора гигантских розовато-серых спагетонов и по полу заскользит. От это картина, пиздец. Потом трупак Сайма затаскую в шкафчик с матерьялами для уборки, за который мине девица и Терри рассказывали, запираю дверь и ложу в карман ключ, чё уже там торчал. Мне надо отмыть ветровку, штаны непромокаемые и шузы и хорошенечко отдраить помещение. Сочувствую пиздюкам, чё тут работают: скоро ж тут охуеть как вонять будет – щас же лето.

Када все готово, эсэмэсю Терри:

«Никак не могу от той игры отойти, атас как все по плану прошло».

Тут же ответ:

«ССХ. Тот победный Дейви Грея...»

Я:

«На повторе лучше даже. Разбили соперника наголову. ССХ!»

Минут через десять эсэмэску получаю:

«У нас есть Макгинн, Супер-Джон Макгинн».

Это для миня означает, чё Терри обратно на своей ебательной улочке рядом со Скотланд-стрит припарковался. Кароч, чешу через двери, воротник поднял, пидорку на брови опустил, пасть шарфом обвязал – еще один грешный клиент вдалеке от хаты порезвился. Все чисто: видать, автобус приехал. Сажуся в таксо, и в аэропорт мчимся. Када приезжаем, Терри вручает мине две памятные кружки с «Хибзами» и Кубком Шотландии:

– Гостинец малой.

– Паленые?

– Само собой.

– Не уверен, чё они мне надо. Миня не прикалует перспектива в чё-то противозаконное вляпаться, – грю.

Мазово с этого угораем. Када прощаюся с Терри, у миня чувство потери и сожаления, как завсйда в таких случаях: я ж врубаюсь, чё никада больше тех ножей для метания не увижу и того ебаного пера. Придется их уничтожить или подкинуть какому-то маньяку-детотраху, чё Тез уже для сибя заприметил. Но я все равно расстроен: это ж перо и эти ножи просто так пиздато в руке лежали. Непривычно, када оружие, с которым ты ни разу не упражнялся, так тебе подходит, не говоря уже за *двух*. Тонкая, нахуй, работа. В идеальном мире я смог бы оставить иво сибе, хотя это чисто замануха. Но харит по-любому – все ж от инструмента зависит.

Девнца ждет в аэропорту, и я с ней расплачуюсь, незаметно папку ей в сумку засовывая.

– Какие планы?

– Собираюсь домой.

– А где это?

– Бухарест.

– А я сам с бухаревом подвязал, – говорю девнице; она смотрит на меня, как на психа. – Я тож домой. – Ранний рейс по утряни. Ночью побалую себя тут отелем «Хилтоном»: не успел за такое время первым классом затариться, чёбы пиздюки не стебались.

– И где же *твой* дом?

– В Калифорнии.

Она уходит, а я покупаю газету, «Индепендента» этого, и пешком в «Хилтон» шурую. Плачу наличкой и регистрируюсь под именем Виктора Сайма, предъявляя его водительские права. Я нихуя на пиздюка не похож, но фота хуевая, а девница на нее почти и не смотрит.

В номере «Скай» есть, и гольф показывают. Я не прочь гольф по телику позырить: мазово ж, када какой-то пиздюк легкий патт проябывает. Набираю Мелани, говорю, чё у Элспет все нормально и мне не терпится на хату вернуться. Газеты все этим завтрашним голосованием за выход с ЕС забиты. Чё бы ни случилось, можно ручаться за одно: большинству пиздюков будет хуево. Я смарю на это так, чё жизнь – она ж короткая, вот хоть на бедного Спада глянуть, и потому вполне можно просто тем заниматься, чё тебе радость приносит!

Харит, чё похороны проюрдонил, но лучше последнюю дань вот так отдать.

Каждому ж свое.

Рентон – Поступать по совести

Иногда все сложнее, чем просто поступать по совести. Сначала поди разберись, что такое по совести, када каждый пиздюк тебе в нос тыкает тем, что не по совести. Я решил для себя, чё надо оставить себе хазу в Санта-Монике и подвязать с наркотой. Потому я не обнародовал новый трек Конрада и свалил это на Мухтельд, а сам взялся свести вместе три поколения Рентонов.

Забрать Алекса с Амстердама, от социальных служб и с интерната, и перевезти его на батину хату в Лит – это была та еще пытка. Но я прикинул, чё, если ты собственник, девять десятых всех законов на твоей стороне. Вместо одной с наших регулярных вылазок в Вонделпарк за мороженым и кофе я повел иво в паспортный стол (это была пиздец битва, дети-аутисты запрограммированы на четкий режим). Потом отвел Алекса обратно в «парк развлечений», как я называю интернат, и поехал на взморье проводить Кэтрин и рассказать ей за свои планы.

– Это хорошо, что ты проявил интерес, – сказала она с привычной бесцеремонностью.

На ниво ей явно было поебать, и она даже обрадовалась, чё он больше мешать не будет. Я сам не верил, что столько лет спал в одной кровати с этим чужим человеком. Но я думаю, такова природа любви: либо мы рабы настоящего и вынуждены мириться с травмой и страданием, када все накрывается медным тазом, либо мы обречены на одиночество. Может, я пятнадцать лет и не проявлял интереса к иво жизни, но этого интереса все-таки было пиздец наскока больше, чем у нее. Когда выяснилось, что у Алекса проблемы, она устало сказала:

– Это бесполезно. Никакой коммуникации.

Ее холодность и отрешенность всегда меня интриговали, када нас было тока двое. Потом появился еще один человек, который полностью от нас зависел, и это уже не так прикалывало. Она, по сути, съебала и сгрузила ребенка на миня, устроившись актрисой в гастролирующую театральную труппу. Для нас все было кончено. Я нашел Алексу место в интернате, чтобы можно было работать.

Когда я уходил от нее, видать уже в последний раз, она замешкалась в большом дверном проеме этого зандвортского особняка, где живет со своим бойфрендом-архитектором и их двумя безупречными белокуроыми нацистскими детьми. С ужимками и понижающимся тоном, которых я больше уже не догонял, она сказала:

– Всех благ.

Конрад постоянно звонит, но сообщений не оставляет. Нужно ему перезвонить, но у меня нет сил услышать, что он подписал контракт с каким-то крупным агентством. Хотя, если не брать трубку, это становится все вероятнее. Мухтельд выпустила его сингл «Будь моей маленькой ботанкой» – чумовой, танцевальный и попсовый, и он всех порвал.

Конечно, пришлось и батяню с собой взять. Как правило, упертого старого гунна никак нельзя затащить на самолет в Америку, но в комплекте шел Алекс, а это все меняет. На рейсе в Л.-А. я врубаюсь, чё мой фазер – матерый заклинатель аутистов. Он всегда мог успокоить или отвлечь моего малого брата Дейви, и с Алексом то же самое. Мой сын сидит молча – никаких громких срывов или возбуждения, как обычно. Слышу, как он себе под нос повторяет:

– Я просил один, а не два.

– Один что, дружок? – спрашивает батя.

– Он постоянно так говорит.

Но каждый раз, как Алекс это повторяет, отец задает ему вопрос.

В аэропорту нас встречает Викки. Она улыбается и здоровается с Алексом, который тупо на нее смотрит, бормоча себе под нос. Викки отвозит нас в Санта-Монику и оставляет обустроиваться, как она выражается. Батя и Алекс получают по спальне, а я – диван. Тесновато тут для троих, да и спину себе сорву. Мне в натуре нужно чё-то придумать.

Больной – «Дай же мне свой ответ»

[72]

Марианна переехала ко мне в Лондон, на мою новую хайгейтскую квартиру, купленную на деньги, любезно предоставленные Рентоном. Это в нескольких шагах от Хэмпстед-Хит, что убедительно идет вразрез с моей тенденцией к обнищанию. Начиная с Офффорд-роуд в Ислингтоне, еще в восьмидесятые, неолиберальная экономика постепенно вытесняла меня из города. «Пора, джентльмены, извините», – твердит она, одновременно отсасывая у теневых пятидомных олигархов из России или с Ближнего Востока, которые устаивают ее своим появлением всего две недели в году, чтобы, заперев ворота, нахуяриться именно на этой хате из множества других, рассыпанных по всему земному шару. Вчера вечером мы позволили себе проститутку и немного снежка, после чего обессилели. В общем, она валяется в постели, а я встаю рано утром и еду на метро до «Кингз-Кросс», чтобы провести собеседование с новыми девочками, нанимающимися в «Коллеги».

Становлюсь за конторку в небольшом офисе, который служит мозговым центром империи «Коллег»: куча телефонов разложены передо мной, точно игральные карты. Звонит домофон, нажимаю на кнопку, и через несколько минут слышу, как по лестнице поднимается женщина. Когда она заходит в офис, дыхание у нее спирает, а ожидания неумолимо рушатся. Если бы хозяин пригласил блядского мойщика окон, чёбы мы могли выглянуть наружу и впустить чутка света, может, это помещение и не казалось бы таким тоскливым. Мне реально нужно найти апартаменты поздоровее. Может, Кларкенуэлл или, пожалуй, даже Сохо. Женщина смотрит на меня, но ее тревога из-за всего этого нищевродства не в силах изгладить ебливый блеск в глазах и развратную линию губ. Она первая из восьми, с которыми я должен сегодня встретиться.

Прихожу домой никакой, но в запасе еще хватает бензина, чтобы отдрючить Марианну говяжьей дубиной, разжигая ее похоть раздутыми уверениями в любви попеременно с похабщиной. Хорошо их обувай и хорошо трахай – единственный годный совет, который мой отец когда-либо давал мне в сердечных делах. Единственный годный совет, что пиздюк мне вообще давал.

Лежим в постели: во рту пересохло, а голова приятно кружится. Потом в душ, одеваемся и чешем на ужин с Беном и его бойфрендом, которые съехали и живут неподалеку в Тафнелл-парке. Я сказал им, чтобы забыли про годные рестораны в этом районе.

– Я тут уже зарезервировал, – сообщаю Бену по телефону. – Надеюсь, Дэну нравятся морепродукты.

Я встречался с Дэном только раз, и мне он нравится. Кажется, он подходит Бену, который, как ни трудно это признавать, все же чутка, блядь, натурал. Печально, но Суррей и душевность никуда не деваются. У нас randevu в «Фишуоркс» на Мэрилебон-Хай-стрит. Где-нибудь еще в Лондоне есть более приемлемые морепродукты? Искренне сомневаюсь. Парни, хотя и пришли раньше нас, заботливо заняли два стула, оставив нам серую обитую скамью напротив.

Заказываю бутылку албариньо.

– В последнее время большинство белых вин кажутся мне кисловатыми, но это годится, – говорю я. – Ну и как суррейский народ реагирует на мое грядущее бракосочетание?

Бен, в черной куртке и зеленом свитере с круглым вырезом, говорит:

– Ну, мама слегка притихла. – Он расплывается в улыбке. – Порой мне кажется, она до сих пор к тебе неровно дышит.

«Ну разумеется. Шерудит каждую ночь у себя в манде, вспоминая лучший хуй, который у нее когда-либо был или будет». Я чуть не произношу это вслух, но спохватываюсь. В конце концов, это ж мать парня, и он в ней души не чает.

– Ничего удивительного. После осмотра товаров в универмаге Саймона Дэвида Уильямсона, – смотрю на Марианну и понижаю голос до игривого урчания, – трудно шопиться где-нибудь еще.

– Ясен пень, – ухмыляется Марианна, подмигивая парням. Потом смотрит на мой нос: – Надеюсь только, этот синяк заживет до свадебных фотографий!

Неужели нужно постоянно воскрешать этого призрака?

– Подлое нападение, – объясняю паренькам. – Старый дружок потерял из-за меня пару бобиков – расплата за немалый эмоциональный бедлам, что он учинил, – и не может перенести это как мужчина.

– Охохо, – смеется Дэн.

Да, мне нравится этот чувак.

– Так держать, Дэн, – смотрю на Бена. – Я рад, что ты не связался с занудным гомосексуалом, сынок.

– Папа...

– Нет, ну его нахуй, – говорю, когда приносят меню вместе с белым вином. – Это то же самое, что и занудный гетеросексуал. Если ты гей, просто будь *настоящим блядским педрилой*, вот мой совет.

Официант откупоривает бутылку и наливает мне вина на пробу. Делаю глоток и одобрительно киваю. Пока он наполняет бокалы, успеваю раздухариться:

– Будь шепелявой, языкастой, эпатажной, безобразной, скандальной хабалкой! Не будь пригородным Чарли со своим бойфрендом Томом, с которым вы вдвоем сплавляетесь на байдарках на выходных. Чпокай незнакомцев по туалетам! Переуайльди Оскара Уайльда! Пихай за щеку мальчикам по вызову в парке...

Пара за соседним столиком оборачивается.

– Саймон, – грозит Марианна, когда официант уходит.

Марианна и Бен ерзают, но Дэн тащится, потому говорю погромче:

– Соблазни мудака-натурала и сломай ему жизнь, а потом, когда он разведется, стань лучшей подругой его бывшей жены. Готовьте вместе с ней безумные коктейли и сплетничайте о том, как отстойно он трахается. Открой в себе страстную любовь к мюзиклам. Ходи в ледерхозенах на подпольные ночные технотусы в Берлине.

– Мы это учтем, – смеется Дэн, поворачиваясь к Бену. – Ну, значит, тогда на праздники в Германию!

Бен краснеет. Он на пару лет младше Дэна, и это заметно. Вот же нахаленок малой, – интересно, кто кого из них чпокает? Я так думаю, плюсы педерастии в том, что можно смешивать. Везет же говнюкам.

– Отлично! Не хочу, чтобы вы, ребята, разменивали свой гомосексуальный дар на приبلуды для знакомств, ипотечных брокеров, агентов по недвижимости, архитекторов, документы об усыновлении, встречи с суррогатными одинокими шалавами, которые будут обдирать вас как липку, и споры по поводу ебанных тканей!

– У нас нет никаких споров по поводу тканей. Либо по-моему, либо никак, – говорит Марианна, вставая, чтобы пойти в туалет.

– Она мне нравится, – говорит Бен. – Рад за тебя, пап.

Придвигаюсь поближе и понижаю голос:

– Она либо хищница, либо жертва. Как Черчилль о немцах говорил: лежат у твоих ног или хватают тебя за горло. Жить с ней классно: не дает расслабиться. Она ведет подкоп под меня, а я – под нее. Каждый день – ебанный поединок, – в эйфории бахаю по столу. – Никогда в жизни не чувствовал себя таким живым!

– Что-то не очень похоже на секрет счастливой...

Тут же обрываю его:

– Два слова: примиряющий секс.

Парни смотрят на меня и похихикивают. Не по-пидорски, а так типа: «Что за хуйню этот стремный старый пиздюк сейчас несет?» Говорить с молодежью о сексе – табу: она не хочет представлять себе, как порются возрастные ушлепки. Я был таким же в их возрасте. Таким и остался.

– Хорош болтать, – стучу по носу пальцем, и, ё-мое, болит же. «Рентон. Пиздюк этот».

От вина голос у Бена становится вполне жеманным, а его голубая манерность резче и заметнее.

– Вот и все, парнишки, можете обойтись без голливудского шифрования и ничего не скрывать. Я натурал, но при этом я голубой, как небо над Берлином.

– Это точно, – соглашается Марианна, вернувшись из туалета, и придвигается обратно ко мне.

– Это потому, что я отдрючил тебя во все дыры, – смеюсь, забалдев от вина, а она тычет меня в ребра. Смотрю на них: – А что, одним вам, голубцам, отрываться? Не в обиду, мои *беллиссими бамбини*! ^[73]

Когда они выходят из метро на «Тафнелл-парке», у нас с Марианной начинаются пьяные разборки.

– Не надо стараться их переплюнуть, они просто молодые парнишки, – говорит она.

Я знаю этот взгляд, и он призывает протянуть оливковую ветвь.

– Да, любимая, ты совершенно права, как обычно. Я налажал, пожалуйста, прости меня. Наверно, просто нервничаю. Мой сын съехался с новым партнером. Но он классный парнишка.

– Они отличная пара, – говорит она, смягчившись.

На следующий день уезжаем в Эдинбург на поезде. Дорога очень приятная – перелет и рядом не стоял. Обожаю, как все постепенно становится красивее, чем дальше на север едешь.

– Думаешь, это удачная мысль? – спрашивает Марианна.

– Не особо. Ричард Брэнсон – мудозвон, и не хочется ему деньги отдавать. Но лететь – это так...

– Нет, я имею в виду этот ужин!

– Да, – настаиваю я, вспоминая пиздюка Юэна. Бесхребетность этого сопляка привела к печальной кончине Дэнни-боя. – Я говорил по телефону с маммой. Она в полном восторге, я буквально *слышал*, как она крестится. «Мо-ой мальчик наконец-то остепенился и женится...»

– Но она не знает, что на *мине*, Саймон. У нас же есть прошлое. И твоя сестра...

– У Карлотты с Юэном все уже хорошо. Им просто придется тебя принять, иначе мы ни с кем из них знаться не желаем. И все дела, – говорю ей. – Они должны уяснить, что они не пупы земли, своим хером этот мудак Юэн оставил за собой шлейф разрушений, а потом, когда ему стало выгодно, вернулся играть в счастливое буржуазное семейство... – Смотрю ей в глаза. – Только через мой труп.

– Просто я жалею, чё тогда... ты понимаешь... – Взгляд у нее покаянный, оно и понятно. Профура редкостная, но я ни за что не хотел бы, чтобы она была другой. – Я тогда так на тебя рассердилась. – Она сжимает мне руку.

– На это мне пофиг... ну, не считая того, что это повлекло за собой запутанную цепь событий, но это же Юэн по своей дурости накосячил.

Марианна проводит рукой по волосам, и они тут же падают обратно.

– Но их же взбесит, что это для тебя не важно, типа того, мы с Юэном?

«Для меня важно только то, что ты трахалась с ебаным Рентоном».

– Я не склонен к ревности. Это всего лишь перепихон. – Понижаю голос, когда мимо со скрипом проезжает тележка. Подумываю окликнуть куколку и попросить «Стеллу», но передумываю. – Ты аппетитная стервозная прошмандовка, и такое распутное, безбашенное поведение лишь пробуждает во мне еще больше желания.

Она останавливает на мне этот взгляд «я готова», и мы отправляемся в туалет. Сажусь на крышку унитаза, она раскорячивается сверху, и начинаем трахаться. Вдруг дверь раздвигается, и коренастый пиздюк в сандерлендовской футболке стоит и смотрит на нас с отвисшей челюстью. Марианна оборачивается:

– Блядь... Саймон...

Хлопаю по ручке двери, та снова задвигается, и на сей раз я не забываю нажать кнопку блокировки. Вторжение кабана усилило мой стояк, и мы гоним всякую пургу, пока не доводим

друг друга до совместного истерического оргазма.

Ковыляем обратно на свои места и смотрим на остальных пассажиров вагона с вальяжным, снисходительным ехидством помешанных на сексе. Поезд въезжает на «Уэйверли» с небольшой задержкой, но я отправил мамме эсэмэску, и мы не должны слишком сильно опоздать. Запрыгиваем в такси до ресторана «Аутсайдер» на мосту Георга IV. Это мое любимое местечко, когда возвращаюсь в город. Классная еда местного производства и дружелюбное, но ненавязчивое обслуживание.

– Я нервничаю, зая, – говорит Марианна.

– Прорвись сквозь херню, о заветная сила. Я горжусь тобой, куколка, и никто не унижит и не оскорбит тебя – только через мой труп, – говорю ей. – Зажигай! Тони Стоукс!

Когда любимый братец входит под ручку со своей очаровательной невестой, первой поднимает глаза сестричка. Я решил, что это будет самым эффектным выходом, на который мы способны. Карлотта таращится в недоумении и, поперхнувшись, немеет. Луиза замечает нас и, кажется, поражена, но почти приятно, а ее муж Джерри поворачивается к ней, пытаясь понять, что происходит. Затем Юэн, явно почуяв, что пахнет жареным, поднимает взгляд от меню и видит, как мы стоим над ним, собираясь сесть.

– Пора выложить карты на стол, – объявляю ошеломленной компании, опускаясь на свое место, а Марианна скованно садится вслед за мной. – Нам всем надо оставить малехо прошлого позади, возможно, ваши сердца заахают-заахают... но мы же все взрослые люди, и нам плевать, что там...

– НЕ МОЖУ ПОВЕРИТЬ! ТЫ ПРИВОЛОК ЕЕ СУДА! – вопит Карлотта, и посетители поворачивают к нам головы. – ТЫ... ТЫ ЖЕНИШЬСЯ... – Она поворачивается к Марианне: – А ТЫ... ВЫХОДИШЬ ЗА НИВО?!

– Карлотта, прошу тебя, – призывает мама, а шокированные посетители цокают языками, и метрдотель нервно топчется.

– Очень по-бананоквартирному звучит, сеструха, – улыбаюсь, чтобы разрядить обстановку.

Разумеется, ее уши остаются к этому глухи.

– ИДЕМ! – Карлотта хватая Юэна за руку, поднимает его на ноги и тащит мимо возмущенных посетителей к дверям. Он на секунду оглядывается и в замешательстве дергается, как дурбецельный баран на скотобойне, блея жене утешительные тупизмы.

– Вот так всегда, – пожимаю плечами, – весь мир вертится вокруг нее! – Поворачиваюсь к матери: – Мама, это Марианна, любовь всей моей жизни.

Марианна поглядывает на дверь, из которой вылетают Карлотта и Юэн, а потом улыбается мамме:

– Приятно познакомиться, миссис Уильямсон.

– Кажется, я вас помню...

– Да, мы с Саймоном встречались много лет назад.

– Угу, помню, – лыбится Луиза, и Марианна напрягается.

– Дорога была каменистой, но путь истинной любви никогда не бывает гладким, – заявляю, подзывая официанта. – Извини, брат, за кипиш, эмоциональный момент... – Обращаюсь к столу: – Кто по шампусу? Пузырца для рывца?

– Что с твоим носом? – спрашивает мама.

– Подлое нападение, – говорю ей, – но уже все хорошо!

– Да уж, кино и немцы. – Луиза скалится, как слабоумный Чеширский кот, которому зажали в тисках мохнатые яйца.

Официант появляется снова с этой присадистой стеклянной хуйней в ведерке со льдом. С хлопком открывает бутылку и, к моей безудержной радости, разливает.

– Веселей! – поднимаю свой бокал. – В этот конкретный момент времени во всем огромном бескрайнем мире нигде не происходит абсолютно ничего плохого!

Рентон – Не бегай за Бегби-боем

На дороге слишком яркое дневное солнце обжигает сетчатку. Достая из кармана рубашки очки, напяливаю их и жму на газ, а на магнитоле Вик Годард поет о Джонни Сандерсе. Плавно гоню по Тихоокеанскому хайвею, сияющее голубое небо контрастирует с поросшими кустарником бурными холмами. Еду в Санта-Барбару, отдавая себе отчет, что рискую всем – счастьем с Викки, своим отцом, попыткой создать вот здесь домашний очаг для Алекса.

Я и так уже был на мели, но Второй Призер обобрал меня подчистую. У меня сейчас дуля с маком, а мой главный источник дохода, Конрад, считай что свалил в крупную компанию. Безмазовые «Литские головы»: ебанный Больной и, самое главное, этот пиздюк Бегби. Я не собираюсь бегать за Бегби-боем. Могу только попросить. Если откажет, тогда предложу пиздюку махач. В груди лавиной нарастает ярость. Сдавливает горло. Напрягает мышцы. Спину ломит в том старом месте. Проверим: артовый пидор Джим Фрэнсис – все, что осталось от Фрэнка Бегби? В эту минуту чувствую себя точно так же, как, наверно, чувствовал себя он, когда я его предал: будто у меня отняли все. Ну, Уильямсон свое, нахуй, получил, а теперь и Бегби получит. И вот он, с женой и двумя дочками, – мужик что надо, каким он раньше никогда не был: заботится о своей семье. К чему и я стремлюсь. Но сколько у пиздюка эмпатии? Нисколечко. Спад лежит, блядь, в земле, а этот не удосужился даж засветиться. Ни венка не прислал, ни открытки – нихуя.

Благополучно добираюсь до Вентуры, где дорога прилегает к линии прибоа, который плещется о берег. На мне очки, окно опущено, и я вбиваю в джи-пи-эс адрес Бегби. Эта прокатная тачка отлично бежит, четко реагируя на мои прикасания к рулю, и я плавно лавирую между машинами.

Мне нужны деньги. Мне они нужны, чёбы я мог обустроить здесь свою жизнь, и они нужны мне прямо сейчас. Не через полгода, когда поступят отчисления с Конрада, – там это будет моя последняя получка. Он явно набирается чё-то сообщить: чё сваливает к директору покрупнее, как Иван свалил.

В общем, вот как это должно произойти. Франко поймел меня на том, что я больше всего ценю, – искусство, и теперь я должен пойти с пиздюком на риск: встретиться с ним на его территории – насилие. Если положу его на лопатки, отпизжу художника, то выиграю дуэль. Если ж он с миня котлету сделает, я тож выиграю: покажу, кто он такой и кем этот пиздюк навсегда останется. А я? Кто я сам такой? Спад, царство ему небесное, более творческая личность, чем я. Он написал намного подробнее, умнее и осмысленнее о нашей жизни на герыче, чем я у себя в дневниках. Рад, что отправил рукопись в издательство.

Прослушиваю сообщения по динамике в машине. Первый Конрад: «Что происходит? Ты должен мне позвонить! Я в Лос-Анджелесе! Нам нужно обсудить некоторые вопросы! Ты где?!»

Мухтельд: «Марк. Так не делают. Тебя не было, когда выпускали трек. Конрад бесится. Тебе нужно разобраться с этим и со всем остальным в „Цитадели“. Позвони мне».

Ну их всех нахуй. У меня дела поважней. Я борюсь за свое будущее, а также за будущее своего сына и своего отца.

На повороте к Санта-Барбаре проезжаю мимо недавно сбитого животного на обочине шоссе. Похоже на домашнее: кошка или собачонка. Думаю за Бегби: кто-то с нас отхватит нахуй по полной.

Бегби – Заложник

Стемнело как раз. С океана прохладный ветерок дует, и этот аромат эвкалипта с деревьев в саду. Мел в хате, девочек спать укладывает, а я как раз вышел мусор выбросить в бак, чё на дорожке в глубине двора стоит. Надо отдать пиздюку должное – довольно тихо себя, нахуй, вел. Я ничё не слышал, пока ствол не почувствовал. Никто мне раньше к затылку иво не приставлял, но я сразу ж в курсах, чё это такое.

– Сюда возвращайся, – грит, толкая миня сильней.

Кароч, пересекаем двор и с черного хода в кухню заходим. Видать, тут я должен был повернуться вокруг оси и пиздюка тыквой протаранить. Но тада он бы мог курок спустить. Думаю тока за Мелани и девочек, в кроватках своих. Кароч, када врубаюсь, чё идем мы в мастерскую мою, которая с домом соединяется, я не сопротивляюсь – это ж самая дальняя

точка от спальни детлашни. В таком раскладе иногда остается шанс – единственный шанс. Я маху дал, чё сразу ж не ударил, но я не успел заценить, наскока пиздюк убитый был.

– Ты... – поворачивает миня, – руки за спину.

Пизда коповская. Гарри ебанный Хомяк Хомми.

Слушаюся, и нету сомнений, чё он курок спустит. Судя по голосу, ебанулся он на отличненько. До такого места у себя в бошке дошел, откуда выдвинулся на тропу действий и с нее не свернет. Четко, точно, уверенно. Чё в такие моменты делать? Подчиняться и надеяться, вдруг чё подвернется, и если да, то цепляться, блядь, за возможность.

Заставляет миня сесть на один с тех металлических стульев, чё я для гостей оставляю. Диван ими заменил, чёбы народу не было чересчур комфортно на моем рабочем месте и чёбы не отвлекали миня. Заходит мне за спину.

– Просунь руки сквозь спинку стула.

Слушаюся и чувствую, как запястья жестко металл обхватует. Давненько этого ощущения не испытывал. Больше ни от чиво так нутро не опускается. Слышать, как кожаны в деревьях снаружи пищат. Потом он достает веревки кусок, и я думаю: «Этот пиздюк собирается миня в отместку повесить», но он обматует ею миня и привязует к стулу. К двери чешет. Я крикнуть готов: «Выводи, сука, детлашню и бежи нахуй, щас же», но он ко мне оборачуется, глаза в тени скрыты. Под этим черным провалом вижу губы, плотно сжатые.

– Не шевелись, блядь, и не кричи, а то услышишь выстрелы. Ручаюсь.

И уходит. Кожаны смолкли уже. Удивительно, как они успокоились так быстро. Это самый трудный момент. Каждая ебаная фибра внутри меня заорать хочет и предупредить, но этот пиздюк по виду в натуре готов начать стрельбу. Представляю двух малых девчурок, как они мертвые, бездыханные в собственной крови лежат, пулями разmozженные. Мел так же само. Ножи мои у верстака, на магнитном держателе висят. Начинаю стул аккуратно двигать в ту сторону. Вдруг напряженный шепот слышу и думаю: не доводи пиздюка до той точки, када у ниво не останется выбора, кроме как в миня пальнуть. Бережи себя для ответки. Потом, слава яйцам, вертается вместе с Мелани. Руки ее в наручниках за спиной, но, кажися, она невредимая. По щекам слезы льются, када она сморит на миня, умоляя сквозь шок, но я ничё сделать не могу – тока дохуя на своей дышалке концентрироваться, пока он толкает ее на такой же стул рядом с моим. Я могу тока посмареть на нее – от стыда, чё не способен ее и детлашню защитить.

Этот пиздюк Хомяк Хомми стоит в дверях и из пушки в нас целится. Взгляд сфокусированный, но с такой пленкой, чё всем мужикам, готовым причинить боль, надо меж собой и своей жертвой вешать. Мел тихо иво умоляет, твердым и профессиональным голосом:

– Пожалуйста, не трогай детей...

– Это зависит от тебя! – рявкает, ко мне шагая.

Тяжко наблюдать. Я не горю желанием поймать пулю, но за них приму.

– Не впутывай ее и детей, – говорю ему, пытаюсь со стула встать. – Это между нами.

Прикол, но слышу, как Мел вскрикует, еще до того, как боль чувствую.

– Нет, умоляю! – орет она, када он рукояткой пистолета мне челюсть охажует, миня вниз толкая.

– Не разбуди детей, – пиздюк такой, и это как угроза звучит. – А теперь ты, – на меня смотрит, – расскажи этой тупой ебаной сучке все о мужчине, за которого она вышла!

Молчу. Вверх на вентилятор на потолке смарю. Потом вниз на бетонный пол. Чую за спиной ножи, вместе с молотками, зубилами и всеми остальными инструментами для ваяния.

– Расскажи ей!

– Гарри, прошу тебя, – Мел умоляет, а я разгляжую другие инструменты в поле зрения: канистры с бензином и ацетиленовую горелку в сторонке. – Так не должно быть, – она такая и задыхается вся. – Ты говоришь, что любишь меня. Но разве это любовь к человеку? – И она рюмит, пытаюсь в руки себя взять. Страх почти сломил ее.

– Я думал, ты сильная, – насмехается над ней, перед нами расхажуя, – ты же строила из себя такую важную стерву, задирала нос. Но я ошибался. Ты слабая и недалекая. Легкая добыча для таких мерзких гадов, как этот подонок, – в миня тыкает. – Этот урод ворвался ко мне в дом! Пытался меня убить! Пытался, сука-блядь, повесить меня на удавке! На моем собственном садовом шланге! Ты ей об этом рассказал? – Наклоняется и в лицо мне орет: – РАССКАЗАЛ?!

Чувствую иво харкотину у себя на щеке.

– Что? Да ты фантазируешь, братан, – бошкой качаю. – Самоудушение, ага? Дрочил, да?

– РАССКАЖИ ЕЙ! – и опять миня по щачлу пушкой хуярит. Чувствую, как скула проламывается.

«Дыши...»

Боль никада миня особо не напрягала. Это ж сигнал просто. Боль можно с тела вывести. Глаза, зубы и мудя – трудней всиво, но можно.

Мел опять кричит:

– Нет, Гарри, прошу тебя!

Звездочки разноцветные перед глазами пляшут. Пытаюсь их сморгнуть и сфокусировать взгляд на пиздюке:

– ДМТ когда-нибудь пробовал?

– Заткнись, нахуй!

– Дружбан мне давал, – объясняю. – Сказал, идеальный трип. Сказал, чё как художник я должен это испытать.

На Мелани взгляд переводит, потом на миня обратно:

– Я тебя, блядь, предупреждаю...

– Ну, миня наркота никада особо не прикалывала. Синька – угу, ништяк, – улыбаюсь ему. – Снежка малехо. Но эту фигню нельзя, в натуре, наркотиком как таковым назвать...

– Гарри! Прошу тебя! – Мел орет. – Это же бред! У нас две маленькие девочки в кроватках! Нам нужно во всем разобраться!

Эта пизда коповская в лицо ей смеется:

– Да *ты-то* в чем можешь разобраться? Ты даже не можешь понять, за кого, блядь, вышла! Когда-то я был в тебя *влюблен*. Хотел быть с тобой, – опять усмехается дибильно. – А теперь? Теперь мне тебя жалко. Потому что ты никчемная, убогая пизда!

Охуеть ненавижу, как американские пиздюки девиц пёздами называют. Дохуя оскорбительная срань. Чувствую свою кровь в глубине горлянки, када пытаюсь ровно через сопатку дышать. К приятному тихоокеанскому воздуху металлический привкус примешуется. Ни с чем не спутаешь.

– Это чутка досадно, братан.

– Что?

– Нельзя быть влюбленным в того, кто тебя не любит. Не любовь это, а просто ебаная маньячная вавка в бошке. Ты нездоровый, дружище, – говорю. – Сходи подлечись. Не надо это так оставлять.

– Джим, нет, прошу тебя... – Мел уговарюет, чёбы я помолчал, а она сама говорила.

– Ты?! Ты называешь *меня*, блядь, больным на голову? *Ты?!*

– Слушай, – говорю ему, хотя мне и не нравится, как Мел на миня сморит, кабута наполовину этому психу поверила, – делай что хочешь со мной, но не впутывай их – Мелани и детишек. Они тут ни при чем. Ты всида этого хотел – с дороги меня убрать. Хуярь.

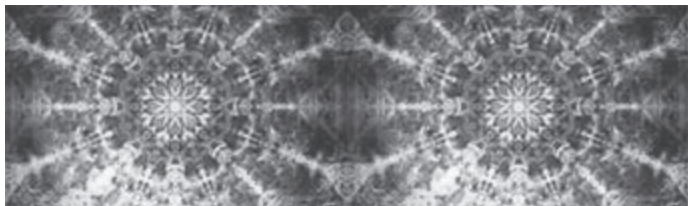
– Джим, нет! – Мелани вопит, внимание Хомми обратно к себе привлекая.

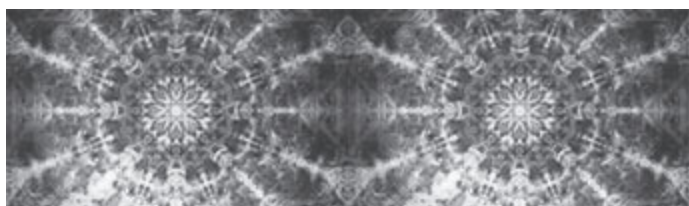
– Слишком поздно для этого, – пиздюк говорит ей, а потом обратно мне: – Сам скажи ей. Расскажи ей, что ты сделал! Кувер! Сантьяго! Расскажи ей! Расскажи, кто ты такой!

Та я скорей в ебаной могиле окажуся, чем Мел на сибя самого настучу, как этих двоих быдляцких насильников грохнул.

– Чё ей рассказать, чмырь ебанный?

Он вперед выскакует и на этот раз рукояткой пистолета мне по клюву гасит. Жгучая боль прострелюет аж до самых мозгов. Пиздатое чувство. У большинства с кишок тошнота подымается, но ты просто посмейся над этой хуйней, и она пройдет. С болью подружиться надо. Обратно вижу мысленно их всех. Кабута в том трипе под ДМТ: Сталкер, Доннелли, Чиззи, Кувер, Сантьяго, Поц – никто, походу, особо не расстроенный. Просто кайфуют от угощения...

Тока обстановка типа как... безалаберная. Кабута шикарный торжественный зал банкетный, но при этом похоже на автостанцию или ж/д вокзал – такое место, откуда тебя повезут куда-то

дальше. Неотвязная мысль, чё нам надо просто сидеть и продолжать трапезу. Закончить ее, чёбы мы могли двигаться дальше, попасть куда-то еще. Интересно куда. Думаю за то, чё было б неплохо обратно этот ДМТ попробовать, – может, тада у нас получится на новый уровень, нахуй, перейти.

– Гарри, прекрати, прошу тебя, отпусти нас! Ты же офицер полиции, Гарри! – сквозь мои мысли крики Мелани прорываются.

– А какой был в этом толк? Какое уважение я за это снискал у тебя – у таких пёзд, как ты?

– Я уважаю полицию, уважаю закон, – спокойно и здраво говорит Мел, обратно где-то силы находя. – Но это не закон, Гарри!

Пиздюк, походу, пару секунд за это думает.

– Ты путаешься с этим блядским рецидивистом-убийцей, который даже не отсюда родом, – тыкает в меня, даж на меня не глядя, а это до белого каления меня доводит, – и говоришь о сраном законе. Что за бред? Ну ты и штука все-таки.

Зырю на ниво. Кровь медленно по задней стенке горлянки стекает. Никада в жизни ничё так не харило. Делаю глубокий вдох.

– Сыми браслеты с меня, – говорю почти шепотом. – Тада и помахаемся, нахуй, пиздюк бздлявый.

Коп-извращенец сморит на меня, как на психа. Не может ни единого, нахуй, слова понять.

– Что ты несешь, придурок? – и потом пушку Мелани к голове приставляет.

– Неет... – Мелани замуривается.

– Прошу тебя... – слышу голос, чё у меня снутри доносится. Он не мой. И он мой. – Не трогай ее. Если ты любил ее так, как за это говорил, ты не можешь ее тронуть. *Прошу*

...

– Расскажи ей. – Хомми орет на меня, и штифты у ево малахольные. – Расскажи ей, что ты сделал, или я спущу, нахуй, курок!

В бошке у меня проясняться начинает, а взгляд фокусируется.

Хомми поворачивается вокруг оси и медленно пушкой в меня тыкает. «Ну, хоть от Мелани отвернул».

– А сейчас я вышибу тебе, нахуй, мозги. Ты самовлюбленный урод и недостойн увидеть, как повзрослеют твои дети... или даже как повзрослеет твоя блядская жена, несчастный старый

убок. – И ненадолго к Мелани оборачуется, а потом резко обратно ко мне: – Ты никогда не узнаешь, что произойдет потом – с ней и с твоими детьми. Расскажи мне, каково это? – прямо мне в лицо ухмыляется.

Ничё не могу сделать – тока все выложить и умолять, но потом...

Потом вижу иво...

Он прямо за легашом стоит.

Старый мой дружан. В руках у него бейсбольная бита, чё Карл Гибсон мне подарил. Бывший парень с «Доджерсов», чё заказал мне изуродованную бошку своего прежнего тренера. Еще рассказывал историю за то, как пробежал хоум-ран, и «Доджерсы» первую игру Мировой серии выиграли. И вот он тут, наполовину в тени, с битой поднятой...

«РЕНТОН...»

...Замахуется и Хомми сбоку по щачлу въябует. Пизда полисэйская падает, и пушка выстрелюет – звенит залп. Рентон тут же сверху на Хомми кидается и пиздит сволочь. Самый атас в том, чё это даж не замес, а ебаная бойня. Рентон бошкой снова и снова Хомми в нос жахает. Потом лохтями. Обратно хватает биту и дышалку Хомми пережимает. «Рентон».

– ПРАВИЛЬНО, РЕНТС! МОЧИ ПИЗДЮКА! МЛБ! ^[74]

– Я КОО-КОО-КООП... – тупой пиздюк булькает.

– А я, нахуй, соцработник, – Рентон, кажися, грит и не унимается, пока у пиздюка не закатуются бельма.

Хоть Рентон и не махался никада, в его бегающих, ушлых, впалых глазах эта раённая жесткость заметна. Это безжалостное ехидство, чё никада не замешкается и не откажется от выгоды, которую ему случайно подкинет жизнь. Пиздюк Хомяк Хомми в полном отрубe, нахуй! Пытаюся на ебаном стуле на ноги встать...

– Стой, Марк, – Мел молит, – ему конец!

Рентон хватку ослабляет и подымает взгляд на нас, в расширенных глазах паника. Щас он и сам шугается, куда это его завело. Пиздюк коповский пиздец угондошенный, без балды. Рентон пульс у пиздюка на шее щупает.

– Еще живой, – задыхаясь от эйфории, бубнит с радостью и облегчением.

– Слава богу, ты пришел, Марк, слава богу, ты пришел... – Мел тараторит и, бледная, с недоверием вниз на Хомми сморит, а у ниво ряха в крови и размноженная вся.

Глаза у Рентса кругом бегают, пока на мне не останавливаются:

– Где ключи от браслетов?

– У пиздюка в карманáх, – говорю ему.

Рентон к Хомми вертается и эти ключи на цепке выужует. Пробует пару, пока не получается. Мел освобождает первой.

– Дай бог тебе здоровья, Марк, – она такая и обвивает иво, потом ко мне оборачуется и тож обымает, пока Рентон сымает с миня браслеты и начинает веревку распутывать.

Чересчур быстро встаю и, кажется, рухну щас и сблюю, но позыв сдерживаю.

– Рентс... какого хуя ты тут делаешь?

– Ну, походу, тибя, нахуй, выручаю, кор, да ж? – Рентон говорит, а сам трясется и зубами от шока молотит. – Чё тут вообще творится?

Мел до сих пор обымает миня, но я вдруг вижу кровь. Выпутуюся с ее объятий. Его ебаная пуля руку ей задела.

– Ты нормально?

– Просто царапина, – говорит и замотует старой тряпкой. Переводит на дверь взгляд и такая: – Девочки, – и убегает.

Подымаю волыну, чё этот пиздюк Хомми уронил, када Рентс говнюка по щачлу хуярил. Стараюсь рукоятки не касаться. Ствол до сих пор горячий на ощупь.

Рентон видит, как я на копа смарю. Тот до сих пор наполовину в отключке, стонет на земле, оба глаза закатует и сфокусироваться пытается, с пасти юшка течет.

Рентон в курсах, за чё я думаю.

– Он ворвался в дом, – говорю ему. – Мел давно преследовал. Заиклился на ей, со школы еще. Чудило. Он коп, бывший, и еще алкаш.

– Полисыя разберется с пиздюком, Франко.

– Всиво один, блядь, выстрел, да ж? Самооборона. Решит всю ебаную проблему!

– Это ж его волына, Фрэнк. Ему пиздец. Не стреляй в мудака, а то все запрешь.

Думаю за это. Глубокий вдох делаю. Видать, он прав. Ложу пушку на скамейку.

– УБЬЮ ПИЗДЮКА, НАХУЙ! – и вперед ступаю, готовый эту бошку в бетонный пол втапывать, пока черепушка не захрустит и серая хуйня с нее не польется, пока запах мозгов пиздюковских

не вдохну...

– ДЖИМ, СТОЙ! – Мел обратно вернулась и за руку миня хватает. – Девочки нормально, – кричит мине. – Они все проспали! Просто вызови полицию!

– Так и сделай, Франко. – Рентон лыбится, кабута от ешки прется.

– Угу, лады... – и еще пару глотков воздуха делаю.

– Милый, он бывший коп и преследователь. – В глазах Мел травма обратно. – Это дело полиции! Ты должен это понимать!

Смарю на Хомяка Хомми, все пытаюсь дышалку выровнять. Кровь к бошке приливает, кабута на море прилив, – такой же звук слышал, када тех двоих борзых пиздюков на пляже ебошил, тех, за кого легаш пиздел... отступает медленно. Смарю на пиздюка на земле. Так легко было б...

«Не-а... просто дыши...»

– Мел права, Франко, – Рентс говорит, глаза вылупил и взбудораженный весь, измочаленную и распухшую клешню в кулак сжимает. – Подумай, какая жизнь светит бывшему полицейскому в тюрьме: каждый день будут дуплить в очко без смазки. Он отправится в такое место, чё гораздо хуже, чем смерть, Франко!

Мел сморит на Рентона с неясным упреком, а я еще раз глубоко вдыхаю.

– Ты всида в курсах был, как миня уломать, – говорю ему и к стонущему телу Хомми подхожу, размахуюсь ногой и с носока пиздюку за раз три передних зуба вышибаю.

– ДЖИМ, НЕТ! – орет Мел.

– Прости, куколка, – отхожу, кивая ей, а потом и Рентону. – Ну а теперь ебаная полисыя, да ж, – и руки на ее дрожащие плечи ложу. – Знаю, это примитивно, но если он тебя тронул, то должен от меня огрести. Это как пить дать.

– Теперь уже хватит, – приказывает она.

– Конечно.

Рентон тут же с 911 соединяется:

– Здравствуйте, хочу сообщить о незаконном вторжении, похищении, вооруженном нападении и, возможно, попытке убийства.

Потом Мел адвокату звонит – парню, у которого есть копия записи и который в курсе дела. Умный шаг, учитуя, чё Хомми – волк позорный. Сидим такие, Хомми в свои ж браслеты закованный, на полу валяется, с рыла кровь на бетон течет. Одна сторона щачла измочаленная

и красно-черная, оба глаза в щелки на распухших красных луковицах превратились. Угу, неебаться Рентон пиздюка отметелил. Нехуево лохтями этими приложил. Такой стиль бздлявому пиздюку где-нить в городке во времена нашей молодости подошел бы, а не дибилу, которому приходится тут все разруливать. Хотя он молоток – лучше поздно, чем никогда. Завидую каждой ебаной пиздюлине, чё он навешал. Будь моя воля, я бы к пиздюку с инструментами подъехал и на бесперебойную вахту заступил, пока бы от ниво мокрое место не осталось.

Адвокат добирается суда за минуту до полисии и первым делом контролирует, как они пиздюка с хаты выводят. Мудацкий Хомяк Хомми идет тихо, кабута в шоке, и под нос себе бормочет. С полисией в основном разговаривает Мел, а я просто сижу и отвечаю, када миня чё-то спрашивают. Рассказую им, чё он на ей зациклился и походу щитал миня каким-то серийным убийцей.

– Это ж нужно такое выдумать, – говорю им, представляя, как бы Иэн, плохиш шотландского разлива из Нового города, в подобной ситуации себя повел.

Изредка воздух втягую, но пиздец вежливый с этими мудаками. Если у тибя дурные инстинкты, то тренируешься действовать парадоксально, делать противоположное тому, чё сделать хочется. Мел и Рентс пиздец правдоподобно смотрятся. Он завсида ушлым пиздюком был. Директорский тон включил, эту *уверенную в себе хуйню*. Адвокат сидит такой и сморит пристально, кивает изредка, но нифига в натуре не говорит, хотя и ясно: тока потому, чё он тут, полисыя действует по понятиям и грань не переступает. Так легаши и должны sibя вести, но *я-то* никада раньше их такими не видел.

Када полисыя уходит, адвокат перетирает с нами, после чего свалюет тож, а потом Мел идет проверить детлашню, которая всю разборку проспала, но зато ее сирены коповских тачек разбудили. Кабута надо было подымать весь этот ебанный кипиш, када за пиздюка уже позаботились, да ж!

Мы с Рентоном в гостиной остаемся. Веду иво на кухню и завариваю чаю.

– Не держу бухла в хате, – говорю иму, када он рожицу корчит. – Ну, так с какого перепугу?

– А нехуй с МЛБ связываться, – грит он как бы в шутку, и в лунном свете с окна скулы у ниво четко выделяются. Завсида дрыщом был.

Малехо над этим посмеиваюся и разливаю по хибзовским кружкам в честь Кубка Шотландии, чё Терри мине подогнал.

– Я в том смысле, как тибя суда занесло?

– Ты не поверишь, – лыбится, – но я приехал, чёбы поднять хай из-за бабок. Собирался даже предложить за них помахатья! Но, походу, это уже без мазы.

– Ты б щас, нахуй, миня уделал, братан, – смеюсь, отпивая еще чайку. – Я уже больше не по этим делам. Насилие никуда миня не приводило – тока на нары. – Глазами иво смериваю. – Но када ты успел наблатыкаться так?

– Тож благодаря тебе, – Рентон грит, и иво хитрый взгляд затухает. – Готовился, чё ты прийдешь за мной. Потом это случилось, но помешала тачка. Оно и к лучшему, а то ж у миня кровь в жилах, нахуй, застыла!

– Ну, слава яйцам, в этот раз не застыла. Айда со мной, – говорю иму, беру чайник и молоко с кружками и на разнос их тыкаю.

Вертаемся в мастерскую, к моему столу в закутке, где я иво и ставлю. Из ящика стола конверт достаю. Это Рентона бабки, пятнадцать штукарей, еще британскими тугриками.

– Отдать тебе собирался, – говорю иму, хоть это и не совсем так. Факт в том, чё они должны были у миня вечно в столе лежать, чёбы напоминать, чё можно и по-другому даж с ушлым пиздюком по квитаться. – Просто придержать их на время хотел, малой урок тебе преподать за то, как кидать своих дружбанов. Каково оно, да ж?

– Спасибо, – конверт берет и по ляжке им шлепает. – Чутка выручил. Дофига это значит. И угу, урок усвоил, – он такой.

Я типа как врубаюсь, чё чутка суров с пиздюком был, обчистил иво с «Литскими головами», щас-то он миня он как выручил. И я так думаю, он в натуре просто хотел вину загладить, хоть миня и не вставило то, как он за это дело взялся.

– Добре, потому как я покупателя нашел, чё «Литскими головами» интересуется. Если када продать их захочешь типа.

– Серьезно?

– Один с моих постоянных коллекционеров. Парень по фамилии Вилльерс. Богатющий. Если продать надумаешь, верну тебе то, чё ты забашлял, плюс двадцать пять процентов сверху.

– Продаю, – он такой, чутка, нахуй, скоровато, и добавляет потом: – Не в обиду твоим произведениям, Фрэнк, но мне в натуре нужны бабки. Тока я не догоняю, в смысле...

– Почему он стока башляет за кучу говна, чё я надысь навалял и даже своими фирменными увечьями не украсил?

Рентон на меня смотрит малехо, кружку подымает и отпивает:

– Ну, угу.

Смеюсь малехо над этим с пиздюком:

– Ты просто не догоняешь, как искусство работает, братан. У ниво ноль ценности, если не считать того, что люди готовы за него заплатить. Ты заплатил за него и придал ему эту ценность. А еще ты перебил цену пиздюку, который не любит, чёбы иво перебивали. Ни в жизнь.

– Так почему ж перебили?

Наливаю еще чайку с чайника.

– Он поручил своему агенту, чёбы до определенной суммы дошел, как и все остальные пиздюки считая, чё предложенная цена в разы и в разы ниже будет. Потом появляешься ты и всех мудаков с панталыку сбиваешь. Агент, этот парень Страуд, чё против тебя надбавлял, он икру метал, пытаясь тому психу по мобиле дозвониться, пока молоток не опустится.

– И он бы заплатил...

– Любую цену. Иво заябывает, чё он не в курсах даж, кто ты такой. Никакого присутствия в социалках или чё-нибудь, – на верстак откидуюсь. – Видать, он подумал, чё ты работаешь на какого-то конкурента, который пытался пиздюка развести! Но за чё я не в курсах: какого хуя Майки Форрестер цену надбавлял?

Рентон на свою кружку чаю дует.

– Это козни нашего старого корешка Больного. По-моему, он решил, что мне нужен еще один мощный удар по финансам. Он оказал услугу тебе и подставил миня. А мы с Майки с давних пор не ладили. Я ж подсунул той чикуле с Лохэнда, на которую он западал, – воспоминаниям лыбится.

Вполне правдоподобно звучит. Все беды в жизни – от бессмысленной ревности и дибильных порывов. Надо эту хуету контролировать, или она тебя уничтожит. Кароч, самое лучшее, чё можно сделать, – и все политики и бизнес-пиздюки это догоняют – взъебывать народ, который никакого отношения к тебе в натуре не имеет.

Рентон оглядывает мастерскую:

– Я попал не в тот расклад. Все эти годы мудохался с музыкой, хотя не имею к ней никакого таланта.

– Талант в разы, в разы переоценен, братан. Главное – все делать вовремя. А это в основном фарт, ну и малехо интуиции и соображалки, – в ниво тыкаю. – И слава яйцам, у тебя это есть, кор. Я по гроб жизни тебе обязан. Этот пиздюк оставил бы мою детлашню сиротами.

– Мине хватит того, что мы квиты. Наконец-то, – лыбится.

Руку протягую:

– Отвечаю.

Нагло вато лыбится, и это напоминает мне, каким он в детстве был.

– И ты всегда хорошо рисовал, еще со школы, пока тебя с класса не вытурили!

– Единственный класс, с которого я не хотел, чтоб меня выгоняли. – Голос понижаю: слышно, как Мел с детлашной разговаривает. – В классе рисования самые клевые соски были.

– Они до сих пор составляют двадцать пять процентов моих дровичных объектов, – ухмыляется.

– Маловато чё-то.

– Я уже много лет работаю в клубах. Процент неуклонно снижается.

Просто смеемся, вдвоем, как смеялись, када на хату со школы шли. Через Дьюк-стрит, по Джанкшн-стрит, в сторону Форта, усыывались, просто болтали за какую-то хуйню дибильную.

– В курсах, в чем самый прикол? Мы теперь оба такие богатые, чё бабки больше никогда между нами не встанут.

Видать, это нервное, но Рентон начинает ржать, как ебанный шизоид. Я подхватую. Потом он вдруг весь серьезный становится:

– Я хочу, чёбы ты када-то приехал в Л.-А. кое с кем познакомиться.

Хуй знает с кем, но это минимум, чё я могу сделать:

– Ништяк.

Больной – Повинтили

Ужин прошел в натянутой обстановке, но я свое дело сделал. Юэн, будем надеяться, опять изолирован от Карлотты. Это был только первый этап – на следующем говнюк исчезнет из моей семьи навсегда. Этот город не резиновый: места нам двоим не хватит! Затем мы с Марианной возвращаемся в отель отмечать, и я сразу же захожу в интернет.

Я подумал, что, может, маленько неразумно приглашать в номер Джилл, чтобы помочь нам с Марианной отметить наш любовный союз. Такая отчасти непоучительная была рождественская историйка. Лучше оставить эти аксессуары чисто деловыми. Как ни печально, Жасмин, походу, исчезла. Я готов чуть ли не Сайму позвонить и попросить об одолжении, но держусь от шакала подальше. Вместо этого добираюсь до псевдоагентства «Коллеги» и пожираю глазами его приблуду. Отдаю предпочтение африканской принцессе, черной как уголь, или даже черноволосой, смуглокожей ромской деве, чтобы оттенить нордическую нацистку Марианну. Она заглядывает мне через плечо и куксится:

– Почему нельзя взять чела? Хочу, чтобы ты отымел меня вместе с другим челом! Хочу, чтобы на арену ворвался необрезанный хуй с большой толстой залупой.

В отвращении морщу лоб и опускаю телефон.

– Но, дорогая, я ненавижу мужчин. Стоит мне глянуть на голое тело другого мужика, как сразу блевать тянет. Я насилу могу с ними разговаривать, – подчеркиваю, а между тем меня психологически режет серпом по яйцам тошнотворная картинка: Рентон ебет ее – мою без пяти минут жену.

– Может, тебе на тренинг по десенсибилизации сходить? Не гони, давай чела возьмем!

Вытряхиваю Вероломного Рыжего Говнюка из головы.

– Ничего не получится, милая. Я тебе это твержу годами. Однажды я сходил на оргию, и там мне в рожу уткнулись потная мошонка и волосатая ложбинка между полужопиями. Слишком уж травматично, а я далеко не брезгливого десятка, – поясняю, содрокаясь при воспоминании об ужасном случае в Кларкенуэлле. – Пиздец как тебе завидую – всегда мечтал быть бисексуалом.

– Я не бисексуалка, – возражает она.

– Ну ладно, если хочешь, «женщина, которая умеет тереть клитор другой женщине, пока та не извергнется»?

– Не люблю ярлыки, – говорит она, а потом командует: – Полижи мне сикель.

– Попробуй меня остановить, зайка, только попробуй меня остановить, – ухмыляюсь, – но *лишь* после того, как ты выберешь девицу, – и киваю на телефон.

Цокая языком и закатывая глаза, Марианна забирает у меня айфон и пролистывает профили. Останавливается на Лили – очередной блондинке, похожей на ее более молодую версию. Всюду ебанные нарциссы. Контраст невелик, и я настаиваю на зрительном разнообразии, но она уже слегка ерепенится, и я решаю, что лучше не напирать. Звоню в агентство, и Лили должна явиться в отель в течение часа.

Приступаю к работе и довожу Марианну до множественного оргазма, задействуя пальцы, язык, член и, самое главное, речевую игру, от которой покраснел бы даже сексуальный маньяк из камеры смертников. Ебать ее все эти годы – все равно что читать «Собрание сочинений» Уильяма Шекспира в кожаном переплете, что я заказал много лет назад: всякий раз, как берешь его, находишь что-нибудь новое. Соперница она боевая, но к тому моменту, когда приходит шлюха, я уже затрахал Марианну до оупелого истощения. Сам я старался кончину не спускать: это ведь всего лишь легкая закуска перед главным блюдом дня.

Лили поднимается, и я немного снижаю, потому как снимки ей явно льстят. Типа даже *бессовестно* льстят – как на фейсбуке Велотренажерши, где она перестала постить

фотки примерно с 1987 года, но что толку придирается: время – деньги. Мы обмениваемся лишь элементарными любезностями, после чего переходим к делу. На Лили гигантский strapon, который она засовывает в жопу Марианне, стоящей раком на краю кровати. Я становлюсь в ту же позу перед Марианной, чтобы принять в очко смазанный самотык своей невесты. Тот входит с медленным облегчением, как будто срьшь наоборот, а Марианна визжит, пока основание приспособы трется о ее сикель, словно полоумный итальянский официант на спидах перец мелет. Душа моя тащится так, что слезы из глаз, Марианна задыхается и орет:

– Вот так, мой мальчик, прими иво в сибя... это пидараска, за которую я, нахуй, выхожу...

Двигаю бедрами, стараясь, чтобы самотык вошел поглубже, а сам наблюдаю за всем этим в зеркале, упиваясь полоумным оскалом Марианны и жвачечной отстраненностью Лили (по моему указанию, все это – часть постановки). Тем временем я размашисто наярываю на своем смазанном елдаке, и давление постоянно нарастает, как у «Хибзов» перед воротами «Рейнджерсов» на заключительном этапе хэмпденского финала. Думаю: «Так вот какой будет семейная жизнь», и тут вдруг дверь отворяется и ебаная уборщица...

«Ё-мое, это ж никакие не ебанные уборщицы...»

Туса буквально разваливается на части, когда врываются два мужика, щеголяя ксивами, в сраной полицейской форме и с тупой, идиотской вседозволенностью на рожах. Онемевшие и ошарашенные, они на пару секунд застывают, переваривая всю сцену, но не уходят. Затем один говорит:

– У вас две минуты, чтобы одеться, мы будем ждать вас снаружи!

Они сваливают, один что-то говорит, но я не улавливаю смысл, а другой отвечает низким, гортанным смехом, потом они захлопывают за собой дверь.

– Какого хуя, – пищит Лили.

Марианна смотрит на меня и надменно говорит:

– А я б не прочь этих парней заказать...

Рентон – Роня английские розы

[75]

Я такой обалдевший, потрясенный, уставший, расслабившийся и *невъебенно богатый*, чё нельзя сейчас ехать обратно в Санта-Монику. Костяшки полопались, а руки на руле распухли, упрямо напоминая, что это свершилось. Тот ебанный чудило собирался застрелить Франко и Мелани! И я спас пиздюка! Я!

Я перестроился не в тот ряд, нахуй, и мне со всей дури сигналият, водила грузовика, проезжая мимо, тычет фак. Я только что голыми руками исколошматил копа, а сейчас бздю собственной

тени. Не могу сосредоточиться: интересно, на сколько вообще потянут «Литские головы» и надо ли жестко играть с этим пиздюком-коллекционером, раз Конрад собирается куда-то переметнуться, а на Эмили и Карле я нихуя не поднимаю.

Не, не получается. Торможу у какого-то сервисного центра и пью в «Арбис» говенный черный кофе. Он лишь обжигает раздраженный желудок, который напоминает кубло извивающихся опарышей. Съедаю полбургрито, а остальное выбрасываю. Бегби объяснил, что у меня просто стрессовая реакция дилетанта после совершенного насилия. Меня беспокоит мысль, что за каждым углом поджидают мрачные последствия и страшное возмездие. Копы полностью поверили в нашу историю, а адвокат заверил, что я вне подозрений, но меня колбасит паранойя. Подумываю включить телефон, но знаю, сейчас это худшее, что можно сделать, хотя желание почти непреодолимое. По-любому новости всегда бывают только плохими. Конрад грозит переметнуться, как раз когда я узнаю от «Уинн», что у него большой сейшен в «Экс-Эс», на волне его последнего большого хита. Теперь какой-то другой пиздюк снимет сливки. Ну и хуй с ним.

Сажусь обратно в машину и, как ученик, чувствую каждый поворот: никогда не съезжал с 101-го на 405-й с таким облегчением. Городские пробки сбавляют темп событий, успокаивают, дают мне время подумать. Решаю, что все хорошо. Я совершил благородный поступок и получил за это обратку. Фантазирую о правдоподобных и неправдоподобных наградах. О таинственном целителе или революционном чудо-лекарстве для Алекса, которое как по волшебству наладит его связь с миром. Но никакие деньги тут не помогут. Однако они обеспечат мне необходимую квартиру с тремя спальнями. Затем по 10-му до Санта-Моники, потом съезжаю с него и паркуюсь на своей подземной стоянке. Вылезаю из машины и подношу руку к лицу. Рука дрожит, но я уже дома, целый и невредимый.

Вдруг краем глаза замечаю фигуру, выходящую из машины. Она движется между двумя припаркованными автомобилями и направляется ко мне, все еще оставаясь в темноте и в тени. При этом на вид она крупная и могучая, и пульс у меня подскакивает, а воспаленные кулаки сжимаются. Я снова готов к бою, но, ё-мое, это же Конрад, освещенный теперь желтой лампой сверху на крыше.

— Ты живой! — в восторге напевает жирный говнюк, его большие глаза наполняются слезами, и он стискивает меня в неуклюжих объятьях. Нервно хлопаю его по спине, полностью сбитый с панталыку. Совсем этого не ожидал. — Ты бы позвонил, прислал эсэмэску, мейл... — говорит он задыхаясь. — Это на тебя не похоже — не отвечать на звонки! Уже много дней! Я волновался, мы все волновались!

— Спасибо, дружище... Прости, куча всего навалилось, поздравляю с треком, — лопочу что-то, когда он меня отпускает.

— Я знаю, у тебя проблемы с деньгами, — шепчет Конрад. — Все, что тебе нужно, — только скажи мне, и я тебе дам. Мои деньги — это твои деньги. Ты же это знаешь, да?

Вообще-то, нет, я всю дорогу, блядь, думал, что он прижимистый эгоистичный пиздюк. И я ожидал ебучего выстрела в спину. Ожидал, что Конрад наверняка подпишет контракт с конкурентами, перейдет на сторону Ивана. Разумеется, мне и в голову не приходило, чё у нас такие вот отношения.

– Это невероятно щедро с твоей стороны, дружище, просто я был не в теме, занимался всякой личной и финансовой фигней, – объясняю и прибавляю: – К великому своему удовлетворению, должен признаться.

– Это хорошо. Рад слышать. Но нам нужно поговорить, есть перемены, – добавляет он зловещим тоном.

– Ага, ладно, только сперва мне надо наверх, заглянуть к отцу и сыну. Встретимся через двадцать минут в «Спикизи» на Пико.

– А где это? – спрашивает он.

– Вот было бы классно, если б существовало такое приспособление под названием интернет, куда можно было ввести слова «Спикизи» и «Бульвар Пико», чтобы словно по волшебству высветился маршрут?

Конрад смотрит на меня и презрительно усмехается:

– Кажется, я знаю это приспособление. Оно находится в такой штуке под названием телефон, по которому еще можно говорить, когда он звонит. Но я не уверен, что мой директор догадывается, блядь, о его существовании!

– Слив засчитан, кор, скоро увидимся.

В общем, поднимаюсь в квартиру, чутка беспокоясь, как меня встретит отец, – я же свалил и оставил их с Алексом, а теперь сразу выдвигаюсь обратно. Я все свалил на несчастного старого хрыча. После одних и других похорон мы с Викки много зависали вдвоем, и я не раз и не два ночевал у нее в Венисе. Отец, походу, не возражал, соглашаясь, что диван вреден для моей спины, хотя я так думаю, чё все-таки чутка прогнал беса. Но когда вхожу, батя сидит на диване и играет с Алексом в видеоигры. Тычет пальцем в приставку и грудку игр.

– Как раз затарились, – говорит он, и оба не отводят глаз от экрана.

Вполне очевидно, что их устраивает, если я тут же снова уйду. Чешу в «Спикизи», а Конрад припарковался снаружи на улице, навалившись на приборную доску, как надувшаяся подушка безопасности. Стучу по окну, и он резко просыпается. Заходим в бар, и он заказывает *диетическую* пепси. Ё-мое, революция началась. Заказываю бутылочку калифорнийского пино. В винном баре «Спикизи» сегодня вечером почти пусто. За одним столиком сидят две девушки, за другим – компания управленцев, которые громким триндежом

оповещают весь свет, что работают на телевидении. Конрад отказывается от бокала моей бормотухи, но затем полирует свою газировку пивом, и мы размещаемся за угловым столиком.

– Я думал, ты приехал, чтобы меня бортануть, – признаюсь я.

– Нет, – он шокирован, – ты что, дурак? Ты же для меня как член семьи, – говорит он, пока я быстро приговариваю бокал, а затем снова его наполняю. – Иногда бывает такое чувство, что ты единственный человек, который когда-либо проявлял ко мне интерес.

Ебанный в рот, теперь уже и я еле сдерживаю *английские розы*! Вот так волнительный денек выдался. Я спасаю Бегби и Мел, избиваю до полусмерти какого-то бзикнутого полицейского-психопата, получаю обратно огромные бабки, которые потерял, а теперь этот голландский пиздюк разрывает мне, нахуй, сердце! В общем, как-то справляюсь с этим, включая в себе директора, раз уж внезапно возникшая между нами близость дает к этому повод.

– Кстати, о семейственности, – сурово смотрю на него. – Я отношусь к вам, ребята, точно так же... и потому меня убивает, братан, когда я вижу, как ты себя распускаешь.

– Что?..

– Сало, бро, – его нужно сбросить, – толкаю его в плечо. – Этот вес тебя убивает, а так не должно быть. Ты ж молодой чел, Конрад, это неправильно.

В иво глазах – краткая вспышка враждебности. Затем они смягчаются, увлажняются, и он начинает рассказывать за своего старика. Чувак играет классику в Голландском национальном оркестре и никогда не понимал любовь сына к электронной танцевальной музыке. Это отсутствие признания и доверия от отца пиздец как пригружает Конрада.

Делаю глубокий вдох и отрываюсь по полной:

– Может, это и не то, чё ты хошь услышать, братан, но *пошел он нахуй*. Иво уважают какие-то тугожопые старые пиздюки, чё ходят слушать, как иво пиздамудильный оркестр играет музыку дохлых дятлов. А тебя уважают юные, облаченные в лайкру богини, которые хотят высосать у тебя мозги через хуй, а потом поебаться с тем, что останется от твоей головы. Старый пиздюк *завидуует*, братан, вот и все! Если наша единственная цель в жизни – заменить наших отцов, – и я виновато вспоминаю славного глазгоского старикана тут неподалеку, – то ты сделал свое дело, причем не по годам рано, – поднимаю тост. – Молоток!

Он снова вздрагивает от злости, но затем она переходит в медлительную задумчивость, прозрение и наконец полное надежд:

– Ты правда так думаешь?

– Я знаю, – говорю ему, когда подходят две девушки, которые на нас поглядывали.

– Это же вы? – говорит одна из них Конраду. – Вы Техноботан?

– Да, – как робот отвечает Конрад, а я смотрю на него типа: «Я же говорил». Девушка наглядно подтвердила мой тезис.

– О боже!

Они хотят сделать с ним селфи, и Конрад вполне рад им угодить. Затем им хватает такта заметить, что мы чем-то увлечены, и они чешут обратно к стойке. Я удивлен, что Конрад не попросил телефончик, – очень на него не похоже.

– Ну а щас вернемся к нашим свинопотамам, – тычу в него пальцем. – Я знаю одну тренершу в Майами-Бич. Тебе же там нравится. Пиздец жесткая, но она прокачает тебе мозги и тело. – Передаю ему визитку этой Люси, которую рекомендовал мне Джон, обрюзглый (ну, пока она не взяла его в свои руки) промоутер из «Ультры».

Конрад сгребает в лапу визитку и засовывает себе в карман.

– А теперь, раз уж мы разоткровенничались, – говорит он, – есть пара вещей, которые мне нужно тебе сказать. Первое – что ты прав насчет Эмили. У нее потрясающий талант. Ее новые вещи – очень и очень хорошие. Я сейчас делаю ремиксы на некоторые ее треки. Мы поработали в Амстердаме, но нам нужна новая студия здесь на вегасский сезон.

– Супер! Это классная новость! Я целиком за насчет студии. У меня есть несколько вариантов...

– Второе – что у нас отношения. У меня с Эмили.

– Ну, это меня не касается, кор.

Мое лицо, наверно, выдает, что я считаю их, пожалуй, двумя самыми кардинально несовместимыми людьми на планете. Хотя, может, и нет, потому что Конрад говорит:

– Она сказала, что вы, ребята, трахались. Короче, вот это между ею и мной – для тебя это не проблема?

– Нет... а с какой стати? Это же всего раз было... – Смотрю на него. – Она тебе сказала, что у нас был секс? Какого хуя... что она сказала?

– Что в постели ты был хорош – она употребила слово «изобретательный», – но еще, что у тебя нет выносливости молодого парня. Что ты больше не можешь трахаться всю ночь, а именно это ей и нужно. – И в уголках иво грызла мелькает слабая улыбка.

Над этим я могу только рассмеяться.

– Давай просто на этом остановимся, и разреши мне вас обоих поздравить. У меня тоже есть чутка новостей. Это твой последний сезон в «Саррендере».

– Они не могут меня уволить, – петушится он, а потом бацает кулаком по столу, так что мой бокал шатается. – Ты не можешь им позволить!

Поднимаю руку, чтобы его унять, и вставляю:

– В следующем сезоне ты играешь в «Экс-Эс».

– Блядь! – Он вскакивает и орет в сторону стойки: – Дайте мне бутылку вашего самого лучшего шампанского, – а потом говорит мне: – У меня самый лучший директор на свете!

Не могу удержаться:

– Цитируя Брайана Клафа, я, конечно, в первой единице.

– Кто такой Брайан Клаф? ^[76]

– Ты еще не родился, кор, – пригруженно говорю я.

Викки впервые приезжает ко мне в Вегас вместе с Уиллоу и Мэттом. Мы ходим на Кельвина Харриса ^[77] в «Хаккасане», Бритни Спирс в «Эксисе», ну и, конечно, Конрада, Эмили и Карла в «Саррендере».

Пока Конрад за пультами, а Карл объясняет остальным за ДМТ, хватаю за грудки Эмили:

– Спасибо, что рассказала ему про нас, – киваю на аппаратную и на грузную спину Конрада.

– А, просто с языка слетело. Мне так жаль!

– Да уж думаю.

– Не дуйся. – Эмили поднимает брови. – Это же я, ну и Иван, помогла убедить его, что ты важный чел.

«Ебать...»

– Иван? При чем тут Иван?

– Да, мы с Конрадом тусили с ним в Амстердаме. Я пыталась перетянуть его обратно к нам. И все вон как вышло, да? – ухмыляется она. – Он хочет вернуться в «Цитадель продакшнз». Скоро жди звонка.

Ё-мое. Так это не Иван пытался перехватить их для больших шишек! Это они сами замлаживали бельгийского предателя Ивана, чтобы он вернулся в лагерь «Цитадели».

– Эмили, я бесконечно благодарен, но почему ты это делаешь?

– Мне немного стыдно, я ведь такой переполох тебе устроила.

– Послушай, это просто был дибильный малой перепих, это не долж...

– Да не это, долбоеб, – смеется она и подается ко мне ближе. – Но это ты точно должен хранить в секрете...

– Лады...

– ...с самотыком – это был не Карл, – признается она, и на нас нападает приступ ржача.

Допрос

Допросная пустая и голая. На пластмассовом столе стоит записывающее оборудование. Вокруг – жесткие пластиковые стулья. Саймон Дэвид Уильямсон уже пришел в себя, ну и одна его часть, как всегда, предвкушает грядущие межличностные трения. Он скрипит зубами с миной, которую считает леденящей. По прибытии в полицейский участок и перед помещением в изолятор он тут же настоял, чтобы ему разрешили позвонить своему адвокату. Тот распорядился молчать до его прибытия. Впрочем, у Уильямсона другие мысли.

Он смотрит свысока на двух полицейских, которые привели его в комнату. Они уселись, один положил на стол пластиковую папку. Уильямсон решает оставаться на ногах.

– Садитесь, – приглашает один из копов, включая магнитофон.

У этого полицейского коротко подстриженные светлые волосы с довольно сильным вдовым мысом. Он попытался спрятать изрытый угрями подбородок, отрастив бороду, но та оказалась слишком редкой и еще больше подчеркивает рубцы. «Женился на первой же чикуле, что раздвинула перед ним ноги» – таков безжалостный вердикт Уильямсона. В этих смешливых глазах и до нелепости жестоко сжатых губах он отмечает классические ужимки плохого копа.

– Если вам все равно, я предпочитаю стоять, – заявляет Уильямсон. – Сидеть вредно для здоровья. Лет через пятьдесят мы будем смеяться над старыми фильмами, где люди сидят за столами, почти так же, как смеемся сейчас, когда они курят.

– Сядьте, – повторяет Плохой Коп, тыча пальцем в стул.

Уильямсон опускается на корточки.

– Если вас беспокоит датчик линии глаз или микрофона, этого должно хватить. Так существо, именуемое *гомо сапиенс*, опускается от природы: шкетами мы делаем это инстинктивно, затем нас учат...

– Сесть! – обрывает Плохой Коп.

Саймон Уильямсон смотрит на полицейского, потом на стул, словно тот электрический и предназначен для его казни.

– Занесите в протокол, что я был вынужден сесть из какой-то отжившей приверженности социальным условностям и вопреки собственному выбору, – напыщенно говорит он, после чего опускается на сиденье.

«Мои руки не дрожат. Мои нервы спокойны. Хотя я и несу пургу на отходняках от снежка и бухла, я все равно способен оставаться, нахуй, мужиком и фурычить. Просто я более высокая ступень эволюции. Будь у меня образование, я стал бы хирургом. И не с вонючими шлепанцами мудохался б, но трансплантировал сердца, а то и ебанные мозги».

Когда Плохой Коп переходит на агрессивный тон, Уильямсон изучает реакцию его коллеги: ироничная, слегка пренебрежительная улыбка словно говорит: «Мой напарник – мудозвон, но что я могу поделать? Мы понимаем друг друга». Это вариация обычной практики «хороший коп / плохой коп». Хороший Коп – упитанный темноволосый мужчина, который выглядит постоянно изумленным. Резкий верхний свет неприглядно подчеркивает его неровные, словно пластилиновые черты. Он скалится Уильямсону, а Плохой Коп между тем продолжает:

– Значит, двадцать третьего июня вы были в Лондоне?

– Полагаю, что да. Легко проверить. Должны быть телефонные звонки и, вероятно, снятие наличных в банкомате «Нэтуэста» на вокзале Кингз-Кросс, который я регулярно посещаю. Ну и, конечно, сэндвич-бар на Пентонвилл-роуд. Скажите своим коллегам из Столичной полиции, чтобы спросили Милоша. За меня там *в больших курсах*, как вы здесь любите выражаться, – улыбается он, входя во вкус. – Я всегда езжу на метро, операции на моей ойстер-карте должны подтвердить маршрут, и, конечно, со мной была моя невеста... Так что же случилось с Виктором Саймом?

– Он ваш друг, так ведь? – Плохой Коп дергает себя за скудную бородавку.

– Я бы так не сказал.

– Вас много в его списке вызовов.

– Мы обсуждали возможность совместного ведения бизнеса, – заявляет Уильямсон, теперь уже властным голосом норовистого бизнесмена, у которого отнимают время некомпетентные госслужащие. – Я руковожу солидным агентством знакомств и говорил с ним о возможности выхода на Эдинбург.

Плохой Коп, замечая, что Уильямсон откровенно изучает его манипуляции с лицом, опускает руки.

– Значит, вы не вели совместного бизнеса?

Саймон Уильямсон фантазирует, что у копа экзема на половых органах и что он тщетно пытается выдать ее за ЗППП в раздевалке полицейской футбольной команды. Ему весело представлять, как в лобковых волосах сотрудника правоохранительных органов застревают чешуйки кожи, которые прилипают вместе с потом к лицу его жены, пока та уныло исполняет обязанности минетчицы:

– Нет.

– Почему?

– Честно говоря, предприятие Сайма поразило меня своей низкопробностью и зачуханностью, девушки явно были обычными проститутками – не то чтобы я выносил моральные суждения, – поспешно добавляет он, – просто это не та бизнес-модель, которую я искал. Я больше концентрируюсь на МБА, престижный рынок.

Плохой Коп спрашивает:

– Вам же известно, что проституция запрещена законом?

Уильямсон с притворным изумлением смотрит на Хорошего Копу, затем поворачивается к ведущему допрос и говорит с ним терпеливо, как с ребенком:

– Конечно. Я уже сказал, мы эскортное агентство. Наши девушки, или партнерши, как мы их называем, сопровождают управленческий персонал на встречах и ужинах, устраивают мероприятия и вечеринки. Я действую в рамках закона.

– С каких пор? У вас две явки в суд за получение доходов с аморальной деятельности.

– Одна, когда я был еще очень молодым человеком и принимал героин. Мы с подружкой впали в крайнее отчаяние, движимые велениями этого ужасного наркотика. А вторая связана с предприятием, к которому я не имел абсолютно никакого отношения...

– Отель «Скайларк» в Финсбери-парке...

– Отель «Скайларк» в Финсбери-парке. Я случайно оказался в здании, когда у них проводила расследование столичная полиция нравов. Там была какая-то ерунда, притянутая за уши, сфабрикованные обвинения, которые были с меня сняты. Полностью оправдан. Это было больше десяти лет назад.

– Значит, вы мистер Белоснежка, – глумится Плохой Коп.

Саймон Уильямсон позволяет себе очень громко выдохнуть:

– Послушайте, я не собираюсь держать вас за дурака и утверждать, что такого рода вещи не происходят, но, как я уже сказал, наше агентство оказывает эскорт-услуги. Проституция

не имеет к нам отношения, и если какие-то из наших партнеров в ней замешаны и мы об этом узнаём, то сразу же расторгаем с ними договор.

– Мы?

– Моя невеста теперь – директор компании.

Полностью смещая акценты, подключается Хороший Коп:

– Вы знакомы с Дэниэлом Мёрфи?

Желая скрыть, что его застали врасплох, Саймон Уильямсон напоминает себе об огромном вреде, который нанес ему Спад: хочет сосредоточиться на том, как Спад потырил его любимый исландский свитер с лужаек для просушки на Банановых квартирах. Но перед глазами стоит лишь улыбка «нашиво Вулли»^[78] на лице молодого Спада, и что-то в сердце Саймона растапливается.

– Да, царство ему небесное. Старый друг.

В игру возвращается Плохой Коп:

– Вы знаете, как он умер?

Качая головой, Уильямсон берет себя в руки. «Проявление искренней скорби будет явным палевом, не паникуй. Я пытался его спасти».

– Какая-то болезнь. Дэнни, храни его Господь, ну, вел очень маргинальный образ жизни, к сожалению.

– Кто-то вырезал у него почку. Он умер от вызванных этим осложнений, – рявкает Плохой Коп.

Из комнаты словно улетучивается половина всего кислорода.

– Вообще-то, я думаю, что мне нужно дождаться прибытия моего адвоката, прежде чем отвечать на любые другие вопросы, – заявляет Уильямсон. – Я пытался сотрудничать как сознательный гражданин, однако...

– Это ваше право, – обрывает Плохой Коп, – но, возможно, вам покажется выгодным сотрудничать с нами неофициально, если не хотите, чтобы вас обвинили в убийстве Виктора Сайма.

Он вынимает из пластиковой папки фотографию и швыряет ее под нос Саймону Уильямсону. Тот изучает ее с нездоровым упоением. Сайм лежит в луже крови, видимо вытекшей из множественных ран, в основном из дыры в животе.

Затем Плохой Коп показывает ему снимок более крупным планом: из впадин, на месте которых прежде находились глаза Сайма, торчат бордовые штуковины в форме бобов. Возникает впечатление комичной фотожабы, и Уильямсон смеется:

– Это по-настоящему?

– Еще как по-настоящему. Это его почки, – говорит Плохой Коп.

Уильямсон опускает фотографию. Чувствует, как дрожит рука. Знает, что Плохой Коп это заметил.

– Так дело, сука-блядь, не пойдет, я свои права знаю...

– Да уж как скажете, – язвит Плохой Коп. – Ладно, идите за нами.

Полицейские встают и ведут Уильямсона в примыкающий к допросной предбанник. Через одностороннее зеркальное стекло Уильямсон видит пустую допросную, которую они только что освободили. С другой стороны – такая же комната. Но там за столом сидит его зять Юэн Маккоркиндейл. Опозоренный подиатр – в каком-то ступоре, будто после лоботомии.

– В общем и целом он рассказал нам о вашем участии в удалении почки у Дэниэла Мёрфи, – с грустным сочувствием сообщает Хороший Коп. Он смотрит так, словно вот-вот искренне расплачется над судьбой Уильямсона.

Но тот остается спокойным.

– А, угу, – пренебрежительно говорит он, – то есть?

Хороший Коп с показной неохотой кивает Плохому, который его сменяет:

– То есть вы удалили ее под его наблюдением, вместе с другим мужчиной, в антисанитарных условиях, где-то в Берлине.

В ответ Уильямсон раздражается такой презрительной и высокомерной тирадой, что полицейские непрофессионально мечутся между явным гневом и замешательством:

– Под *его наблюдением*? – Уильямсон большим пальцем тычет в мужчину за стеклом. – Он что, пиздец упоротый? У меня нет квалификации для удаления почки! Даже не знаю, где ее, нахуй, искать! Я что, похож на хирурга? – Саймон Уильямсон откидывает голову назад, открыто наслаждаясь своим выступлением. Затем переводит взгляд с одного копа на другого, чувствуя их беспокойство, и тихо говорит: – Врач – он, – и снова тычет в стекло, – вот этот блядский смешарик. Так что решайте для себя сами.

Хороший Коп снова перелезает на водительское сиденье:

– Он сказал, что Виктор Сайм шантажировал его разоблачительным секс-видео, чтобы он провел операцию...

– Этому я охотно верю...

– Но он не смог удалить почку. Он сказал, что ее вырезали *вы*, с помощью видео на ютьюбе и мужчины по имени Майкл Форрестер...

– Ну, теперь мы погружаемся в царство фантазии, – фыркает Уильямсон.

– Разве, Саймон? В самом деле? – возражает Хороший Коп.

– Майки Форрестер? Видео по удалению почки на ютьюбе? Что за хуйню вы тут, парни, курите? – Саймон Уильямсон громко хохочет, качая головой. – Это пиздец как развеселит присяжных, если дело дойдет до суда!

Копы переглядываются. Уильямсон различает теперь подспудную безнадегу, когда взрослые мужики играют в глупую детскую игру, в которую больше не могут поверить. Но затем его огорошивает новая внезапная смена тактики, и физиономия Хорошего Копы становится мудаковатой:

– Вы можете объяснить поступление девяноста одной тысячи фунтов стерлингов наличными на ваш банковский счет шестого января?

Уильямсон знает, что его лицо мало что выдаст, но чувствует, как внутри что-то умирает. «Рентон. Меня уделает ебучий Рентон».

– Откуда вам известно об этих деньгах?

– Мы связались с вашим банком. Вы в числе подозреваемых, и потому банк обязан был сообщить нам о любых недавних существенных поступлениях.

– Я просто охуеваю, – беснуется Уильямсон. – С каких это пор ебанные банки, которые обувают и эксплуатируют всех граждан этой страны, стали... – хорохорится он. – Это был платеж за торговую операцию.

Хороший коп произносит следующие слова, словно актер мыльной оперы:

– Операцию по торговле органами?

– Нет! Это было... Слушайте, поговорите с Майки Форрестером. Он бизнес-партнер Сайма. У них была серьезная выясняловка.

Оба полицейских молча на него смотрят.

Уильямсон гадает, куда же, нахуй, запропастился его адвокат, но в этом предбаннике не заметно никакого записывающего устройства, так что беседа, вероятно, не для протокола. Он снова бросает сквозь стекло взгляд на неподвижного, жалкого Юэна. Медленно считает в голове до десяти, после чего говорит:

– Ладно, пора выложить карты на стол. Я был в Берлине по просьбе Спада, ухаживал за ним. Я узнал, что Юэна шантажировал Сайм, – объясняет он, прикидывая, не повесить ли всех собак на Форрестера, но передумывает. Майки и сам без особого труда справится, к тому же из первых уст это будет звучать гораздо убедительнее. – Я приехал туда удостовериться, что с моим старым дружбаном все нормально. Протянуть ему руку помощи. Я, конечно, подозревал, что история мутная, но это было не моего ума дело. Спросите Майки!

Плохой Коп переводит взгляд на Хорошего:

– Мистер Форрестер ушел на дно: на наши звонки он не отвечает. Его телефон выключен, и мы пытаемся его отследить. Я бы предположил, что телефона у него при себе нет.

Саймон Дэвид Уильямсон решает, что хватит уже импровизировать:

– Я больше ничего не скажу, пока сюда не прибудет мой адвокат. – Он качает головой. – Должен признаться, что очень расстроен тем отношением, которое вы, офицеры, сегодня продемонстрировали. Нет никого, кто поддерживал бы полицию, закон и порядок так же, как я. Я пытаюсь сотрудничать и помогать вам, а со мной обращаются как с обычным уголовником и позволяют себе всевозможные ехидные намеки. Так где же мой адвокат?

– Он в пути, – говорит Хороший Коп. – Расскажите нам о Сайме.

– Без комментариев.

– Ты уверен, что хочешь отбывать срок? Из-за этих чмошников? Сайма? Форрестера? Нелегко будет в твоём-то возрасте, – говорит Плохой Коп, а затем подается вперед и понижает голос до шепота: – Скоро кто-то другой будет дрючить эту твою аппетитную сучку-невесту, братан.

– Видать, кто-то уже дрючит, – отвечает Уильямсон.

Хороший Коп как бы осуждает Плохого за грубость, хмуро надувая губы.

– Побереги себя, Саймон, – мягко уговаривает он. – Просто вспомни кого-нибудь, кроме Форрестера, кто мог бы сделать это с Саймом.

Больной не в силах представить себе, что Майки совершил над Виктором Саймом подобное насилие. Но ему больше никто не приходит на ум, помимо неопределенных и мутных восточных европейцев, которые, наверное, были поделщиками Сайма по сауне и торговле органами.

– Нет. Не знаю. Но Сайм явно путался с какими-то сомнительными личностями, – заявляет Больной, и тут Плохой Коп открывает дверь предбанника.

Уильямсон мигом замечает, что по коридору, пытаясь сориентироваться, идет кто-то похожий на адвоката. Мужчина минует предбанник, затем делает петлю и заглядывает внутрь.

– Я Колин Маккерчар, из «Дональдсон, Фаркуар и Маккерчар», – говорит он Хорошему Копу. Затем кивает своему клиенту: – Саймон Дэвид Уильямсон?

– Да, – говорит Уильямсон и смотрит на полицейских: – В общем, если в будущем возникнут какие-то вопросы, без адвоката я не отвечаю. И я буду, сука-блядь, пользоваться своими правами человека и стоять на ногах. Но в данный момент я, пожалуй, хочу уйти.

– Никаких обвинений? – Маккерчар вперяет в копов испытующий профессиональный взгляд. – Тогда на этом и остановимся.

– Конечно, – говорит Хороший Коп. – Большое спасибо за ваше содействие, мистер Уильямсон.

– Не стоит моей благодарности, – фыркает Уильямсон, поворачивается на каблуках и выходит, а следом его адвокат.

Эпилог. Лето 2016. Мы с тобой познакомились летом

Странная у нас четверка – я, Викки, Алекс и старикан. Рыбалка на пирсе в Санта-Монике: ноль чиво поймали своей одинокой дешманской удкой по сравнению с ревностными рыболовами, у которых спецснаряжение и наживка. Но нам просто надо побыть всем вместе. Добрых полтора года придется мудохаться с документами на отца и сына. Социальные службы в Голландии мудацкие, и юристы нагреют руки, но деваться нам некуда.

Алекс явно напоминает старику Малого Дейви. Он ему потакает, больше, чем я, и, конечно, больше, чем я када-нибудь потакал своему малому брату. Я терпеть не мог все эти иво слюни, сопли, говно, ссаки, звуки и общее придурочное поведение: щитал Дейви чем-то вроде живой фабрики по производству какашек, призванной усугублять мое постоянное чувство стыда на улицах Лита. Никада не догонял, как старик мог иво выносить. Ну, это одно с преимуществ наращивания толстой шкуры. Я научился все это принимать и даже любить в собственном ребенке, хоть он и не такой серун и не такого полного спектра, как был мой брат. Он никада не будет играть за «Хибзов», солировать в актуальном группешнике или, что самое грустное, не познает радости секса. Но он никада и чернушником не станет и не будет переводить свою взрослую жизнь на то, чёбы нянчить диджеев. Самое главное, солнце будет светить ему в лицо, пока я дышу.

Подлавливаю Викки, када она поправляет волосы: из-за тихоокеанского бриза на лицо ей постоянно падают пряди. Ей нравится мой старикан, и, походу, она любит Алекса. Даже када он смотрит на нее и в миллионный раз говорит:

– Я просил одну, а не две.

Хотя не все так уж гладко. Она ясно дала понять, чё детей не хочет, и мне это совершенно понятно и пиздец как миня устраивает, но она никогда не подписывалась жить с чужим подростком-инвалидом. Мы говорим за то, какая сложная у нас жизнь и чё щас не время обсуждать вопрос о том, чёбы съехаться. Но за то, чёбы за это не говорить, мы говорим много. И будем впредь.

Жизнь не такая и хреновая. Конрад получил контракт в Вегасе, нетерпеливо дожидается своего предстоящего повышения до «Экс-Эс», и у него регулярно выступают Эмили с Карлом. Нет, Конрада и Эмили хватило ненадолго, но они остались близки, и их сотрудничество повысило ее статус и престиж. Может, таков и был ее план с самого начала. Конрад перебрался на постоянку в Майами, после того как я свел его там с личной тренершей. Я думал, он, нахуй, сбежит, у нее ж довольно грозная репутация, но они спелись, и программы он придерживается. Результаты впечатляющие. С 354 фунтов он спустился до 226 и продолжает сбрасывать. Теперь мне не нужно помогать ему искать баб. После Конрада Эмили переехала в Нью-Йорк. Она гораздо больше проводит времени в студии, и плоды работы весьма обнадеживают. Контракт в Вегасе означает, что будет меньше поездок, но они с Конрадом уже не такие доставучие. Просто взрослеют, я так думаю, только намного быстрее, чем вырослел я. Ну и ко мне официально вернулся Иван, бельгиец, ранее известный как Предатель, который отжигает по-прежнему.

Карл переехал в Л.-А.: пиздюк живет в Западном Голливуде, но вряд ли он поставил крест на Хелене, и я чувю, что этим он, возможно, лишь обрекает себя на новые страдания. Однако этому умственно отсталому мудацкому джамбо и слова нельзя поперек сказать.

А вот сквозь мглистые волны жары, под бледно-голубым небом, шагает другая странная четверка, хотя весь остальной мир и почитал бы ее нормальной в квадрате. По песку к нам направляются художник, ранее известный как психопат, его жена и две малые девочки, у одной с которых – младшенькой – однозначно напор Дочери Бегби. После ее уговоров, в надцатый, наверно, раз он подбрасывает ее в воздух, к ее полному восторгу. Старшая Грейс, очень смысленный ребенок, болтает с мамкой, та обнимается с Викки, а батя пожимает руку Франко. Созе, их собака, подскакует к Тотохе, и, обнюхав друг друга, они решают, что поладят.

Разумеется, мне пришлось забрать Спадова дибильного песика. Алекс его обожает, сидит с ним на коленях и ритмично гладит по голове и спине. Обоим это не надоедает. Иногда я подсматриваю, кто ж перестанет первым, но они перерываются тока на еду. Даже я привязался к Тотохе, а я ж, вообще-то, по животным не выступаю, особенно по малым собачкам.

Воспользовавшись тем, чё Ева погналась за нашей песьей парочкой, Франко подходит и в шутку сжимает мне бицепс:

– А вот и мой герой, нах. – Задумчиво смотрит на двух девочек, играющих теперь с моськами. – Чуть не лишился всего этого.

– Круть, кор, – шепчу я.

Благодаря ему я получил в банке кучу бабок. Он продал для меня головы почти на сорок процентов дороже, чем я за них заплатил. Франко, Мелани и я договорились замаять этот кошмарный инцидент с копом-беспредельщиком. Преследователя, скорее всего, упекут минимум лет на десять за похищение, разбойное нападение и проникновение со взломом. Скоро выступлю перед судом в качестве свидетеля. Викки и бате я обрисовал все в общих чертах. Еще успею рассказать им позже во всех подробностях.

Я много тренируюсь, выхожу на пробежки с Викки. Хорошо питаюсь и воздерживаюсь от выпивки и наркотиков. Изредка посещаю собрания АН – вместо спасательного круга, типа перед тем как отправляюсь в поездку с диджеями, и установил приблуду, чё сообщает мне, где проходят встречи в каждом городе, куда приезжаю. Впервые в жизни стал следить за весом: у меня же всегда было тридцать два дюйма в талии. А теперь мне как раз впору тридцать четвертые Билли. В память за ниво и за Спада буду носить их, пока с миня не свалятся.

Но, может, все мы получим по мороженке. Как тогда мы с Франко познакомились возле фургона, за Фортом, и он нес пластиковый контейнер. На этот раз он не будет гоняться за психами, а я не буду гоняться за наркотой. Звонит телефон, и я ступаю по пляжу, чтобы ответить. Это Гэвин Грегсон, издатель из Лондона. Тот, кому я послал рукопись Спада, всего с парой исправлений. Ну, в принципе всего два слова, оба на титульном листе. Он снова повторит, как они рады будут опубликовать мою книгу следующей весной. Вспоминаю слова Больного о том, что можно быть либо мудаком, либо лохом, а лохом в натуре быть нельзя. В голове одновременно проносятся тысяча мыслей. Допустим, искупление – это поступить по совести. Но для кого? Вижу, как Викки улыбается мне, а Алекс малехо пританцовывает на месте. Что мне делать? А вы бы что сделали? Слушаю, как телефон звонит еще пару раз, и нажимаю зеленую кнопку:

– Гэвин, как оно?

Благодарности

Огромный привет всем в моем издательстве *Jonathan Cape*. Еще раз спасибо, народ.

Особая благодарность великолепному Дэну Макдейду за его чудесные ДМТ-иллюстрации.
